КНИГА, СТАВШАЯ ОСНОВОЙ ФИЛЬМА
ВЕРНЕРА ХЕРЦОГА С НИКОЛЬ КИДМАН В ГЛАВНОЙ РОЛИ!

ДЖОРДЖИНА ХАУЭЛЛ

КОРОЛЕВА ПУСТЫНИ

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ОБ УДИВИТЕЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЕ!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Удивительная история об удивительной женщине…

Гертруда Белл. Путешественница, археолог, фотограф, сотрудник британских спецслужб, писательница, исследовательница-арабистка. Ее имя было широко известно на Востоке. Ее называли «полковником Лоуренсом в юбке», некоронованной королевой Востока и истинной дочерью пустыни.

Это история невероятных приключений, смелых идей – и большой страстной любви…

Книга основана на дневниках, книгах, письмах и личных документах Гертруды Белл, многие из которых никогда не публиковались.

- Джорджина Хауэлл
  - Предисловие
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Благодарности
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41

Джорджина Хауэлл
Королева пустыни

Кристоферу Бэйли, с ним вместе
и с его помощью.

Предисловие

Было это летом девяносто седьмого года. Мы, внештатные авторы «Санди таймс», собрались на ужин в одном лондонском ресторане по приглашению редактора Робина Моргана – послушать его мысли насчет материалов грядущей зимы. Филипп Норман, чьи отмеченные премией интервью передавали волшебство и безумие рок-н-ролла, эксперт по делам Ватикана Джон Корнуэлл из колледжа Иисуса в Кембридже, Брайан Эпплъярд, умеющий прозрачно и увлекательно излагать передовые научные вопросы, и другие собрались вокруг запеченной в тесте утки, и нам всем было предложено написать ударный материал в серию под названием «Мой герой». Домой я вернулась в радостном возбуждении. Я точно знала, кто станет моей героиней, и считала, что давно уже пора напомнить о ее славной жизни. Очерк, опубликованный в октябре, принес мне столько писем, сколько их не было за тридцать шесть лет работы в журналистике.

Знаменитая когда-то более Лоуренса Аравийского, Гертруда Белл соревновалась с мужчинами в мужском мире и на мужских условиях, избегая любой публичности. Ей было бы наплевать, что в начале популярного фильма девяносто седьмого года «Английский пациент» ее имя поминают всуе британские солдаты над картой, разложенной на складном столе в камуфляжной палатке.

– Но как мы пройдем через эти горы?

– На карте Белла есть дорога. – И потом: – Будем надеяться, что он не ошибся.

Он!

Начиная писать о Гертруде Белл, я относилась к ней как к одной из героинь «Диких берегов», мотающихся по миру под влиянием романтических идей. Мне нравилось, как она стильно одевалась и стильно жила – пристегнутый к икре пистолет под шелковой нижней юбкой, платья из кружев и плиссированного муслина, стол в пустыне накрыт крахмальной скатертью и серебром, патроны завернуты в белые чулки и засунуты в носки парусиновых сапог. Она не была феминисткой, ей не нужно было особое отношение. Подобно миссис Тэтчер, которой можно восхищаться или возмущаться, она принимала мир именно таким, каким его видела. Только было это в восьмидесятых годах девятнадцатого века, когда женщинам не полагалось ни образования, ни возможности проявить себя за пределами дома.

Беллы были очень богаты, но не деньги сделали Гертруду

первой в Оксфорде, не они помогли ей выжить в стычках с кровожадными племенами пустынь и стать разведчицей и майором британской армии, и не они сделали ее поэтом, ученым, историком, альпинистом, картографом, археологом, агрономом, лингвистом и выдающимся слугой государства. В каждой из этих областей деятельности она достигла вершин, в некоторых даже являлась первопроходцем. Она была многогранна и в этом аспекте сравнима с Елизаветой Первой и Екатериной Второй. Т. Э. Лоуренс писал, что Гертруда «родилась слишком одаренной». Но родилась она в семье суровой и строгой и очень гордилась практическими достижениями своих родных: их экономической образованностью, умением управлять огромными сталелитейными предприятиями, их публичной и частной благотворительностью. Сама Гертруда, когда требовалось, могла заниматься изнурительной и незаметной рутиной – именно так она вытащила из хаоса отдел раненых и пропавших без вести Красного Креста и наладила в нем работу. Она могла тянуть административную текучку и заниматься картографией, выполнять сотни прецизионных измерений на археологических раскопках и писать пачки меморандумов в Басре и Багдаде.

Беллы, поднявшись за три поколения от ремесленников до верхушки среднего класса, стали родниться с аристократией, но оставались вне больших социальных сетей английской жизни, этих эксклюзивных клубов, которые жалуют своих членов наследственными привилегиями и властью и определяют их предрассудки, связи и дружбу. Гертруда наслаждалась редкой свободой от этих капканов, что запирают нас в борозды социальной жизни. Она встречалась на равных с сильными мира сего, но помнила, что значит принадлежать к классу работников, и знала, как семьи рабочих стоят на грани между выживанием и пропастью улицы и работного дома. Ясное и прямое ее зрение прорезало политическую корректность, чувство собственной важности, статус и славу насквозь. Она гроша ломаного не давала за самоуверенного епископа, надутого государственного чиновника или самодовольного профессора. В пятнадцать лет она решила, что недоказуемого не существует, и без обиняков сообщила об этом своему преподавателю Закона Божия. Гертруда ни с кем не кривила душой: ни со снисходительным преподавателем, ни с играющим ножом дервишем, ни с коррумпированным турецким чиновником или избалованным английским аристократом. У нее были друзья из всех слоев – от иракского садовника до вице-короля Индии, от корреспондента «Таймс» до исчерченного шрамами воина племени, от муджтахида до слуги из Алеппо. Раз человеку поверив, она

становилась его самым любящим, внимательным и преданным другом.

Конечно, Гертруда наживала и врагов. Она ни в грош не ставила скромно одаренных жен британских офицеров. «Черт бы побрал всех праздных баб!» – сказала она однажды. Она готова была атаковать всякого, кто ей угрожал, противостояла негодяям и убийцам и говорила им правду в лицо за обеденным столом. Я подумала в какой-то момент своего исследования, что ее мог потом убить кто-то из них, и есть исследователи ее биографии и творчества, которые верят, что так оно и было, – среди них по крайней мере один недавний член Британского совета. Будто осознавая эту постоянную угрозу, Гертруда всегда спала с пистолетом под подушкой, даже в фамильном доме в Йоркшире – там она предпочитала ночевать в летнем домике в саду, а не в комфорте своей спальни среди любящих родственников. Пыталась ли она так вывести их из-под удара? Хотя, несомненно, существовали люди, желавшие ее смерти, свидетельств убийства я не нашла (если они и есть, обнаружить их трудно). Но я верю, что она, исполнясь любопытства, храбро шла в экспедициях навстречу неизвестности, так же вышла навстречу ей и в тот последний раз.

Она мечтала выйти замуж и завести свою семью, но то и дело вмешивалась трагедия, кладущая конец таким надеждам. Однако многие ее любили, и не в последнюю очередь та большая семья, которой она в конце концов посвятила свою жизнь и работу: народ Аравии.

Народ ее не забыл. Недавно ее имя и ее работа для Ирака были введены в школьную программу. Старт Арабскому восстанию дал Лоуренс, но путь к созданию нации указала этому народу Гертруда. Она улещала и вмешивалась, вела и организовывала и наконец добыла часто обещаемый и едва не отнятый приз – независимость. И этой цели она никогда не изменила до самого конца, в то время как Лоуренс мучился, колебался и наконец бросил арабский вопрос, попытавшись уйти от себя и стать совсем другим человеком – скромным рядовым авиации по фамилии Шоу.

Гертруда Белл держалась своих амбициозных планов для арабов с поразительной последовательностью. Она показала своим умным, но несколько нескладным коллегам по каирскому бюро разведки, как им победить на своем участке Великой войны, и привела развивающуюся британскую администрацию Месопотамии к блестящему будущему, рука об руку с арабами к взаимной выгоде. И она не складывала оружия, когда ее колониалист-начальник пытался ее осадить, когда Черчилль

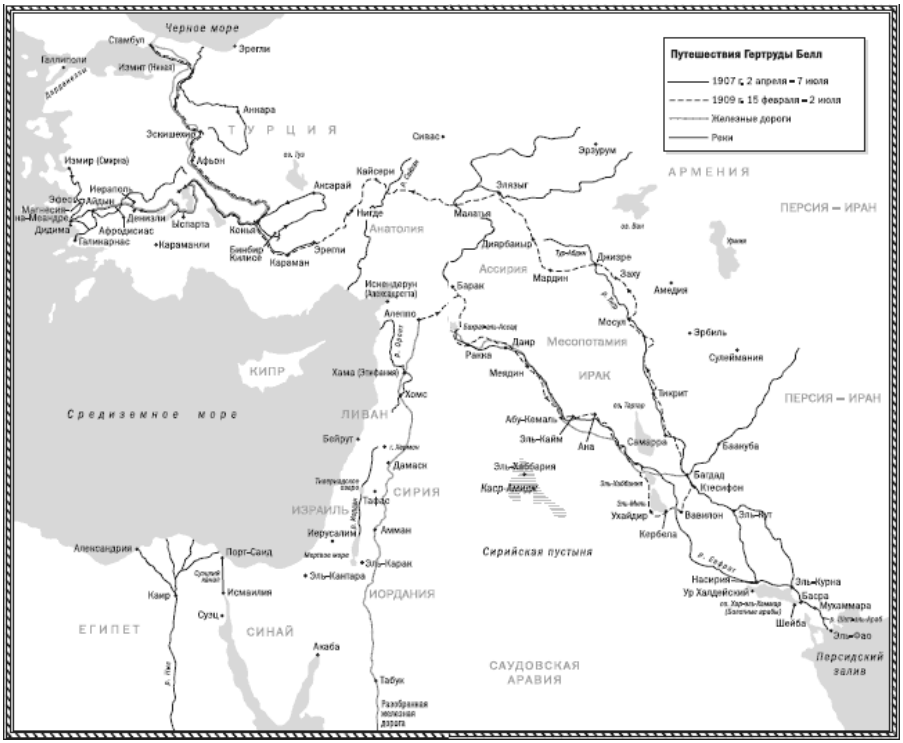
хотел вовсе вывести британские войска из Ирака, когда политические махинации в Европе поставили все ее достижения на грань катастрофы и когда она, разыгрывая свою последнюю карту, удержала короля Фейсала от того, чтобы загубить к чертям всю проделанную работу во имя арабского превосходства.

Гертруда основала публичную библиотеку и Иракский музей в Багдаде, главное крыло которого было в 1930 году названо в ее честь. Музей все еще хранит оставшиеся сокровища страны, рождение которой восходит к первым цивилизациям. И хотя будущее Ирака отчаянно непредсказуемо, один факт неоспорим: умирая в тысяча девятьсот двадцать шестом году, Гертруда Белл оставила в Ираке стремящееся к общественному благу умелое правительство, работающее без институциональной коррупции и ставящее своей целью равенство и мир. Во времена, когда слова «империя» и «колониализм» стали ругательствами, Британии мало чего приходится стыдиться в обустройстве Ирака, где обещание арабской независимости наконец-то было выполнено. Я согласна с ее давней подругой из Оксфорда, Джанет Хогарт, которая о ней написала: «Гертруда была, мне кажется, величайшей из женщин нашего времени и, может быть, входит в число величайших всех времен».

Пока жил Фейсал, Ирак был страной, где люди могли жить без страха и страданий. Его сын принц Гази – ребенок, которому Гертруда покупала игрушки в магазине «Харродз», – унаследовал корону в тысяча девятьсот тридцать третьем и продолжал править крепкой рукой. Может быть, слишком крепкой: подавляя восстание ассирийцев за независимость, он допустил бойню тридцать третьего года. После смерти Гертруды династия, которую она основала, держалась еще тридцать два года, а Европа рухнула в войну всего через тринадцать лет, потянув за собой весь остальной мир. Чего бы только сейчас не отдали Америка и Британия за перспективу мирного и управляемого Ирака хотя бы на четыре года!

Многочисленные письма, дневники и донесения, не меньше, чем ее восемь книг и основной труд «Обзор гражданской администрации в Месопотамии», сделали Гертруду Белл самой документированной женщиной всех времен. Как писать эту книгу, подсказывал мне ее голос, слышимый с написанных ею страниц, – доверительный, мечтательный, исполненный юмора и прозрачно простой. Хотя Гертруде не хватало повествовательного напряжения, чтобы уложить в контекст рассказа о ней все, что она имела сказать, ее голос нужно услышать и оценить – поэтому я и решила использовать куда больше ее слов, чем появилось бы в обычной биографии. Эти фрагменты передают непосредственное

ощущение ее блестящего ума, живо показывая ее остроумие и характер.


Путешествия Гертруды Белл
1907 – 2 апреля – 7 июля
1909 – 15 февраля – 2 июля
Железные дороги
Реки
Черное море
Стамбул
Эрегли
Галлиполи
Измит (Никея)
Аннара
Эскишехир
Сивас
Эрзурум
АРМЕНИЯ
ТУРЦИЯ
Измир (Смирна)
Афьон
Кайсери
Ангора
Элязыг
Ираклия
Эфес
Аданы
Денизли
Мисхин-ме-Мео-дре
Диндима
Афродисиас
Галикарнас
Карманлы
Испарта
Конья
Ниде
Малатья
Анатолия
ПЕРСИЯ — ИРАН
Бинбир Килисе
Караман
Эрегли
Диярбакыр
Тур-Абдин
Ассирия
Мардин
Джизре
Заху
Амедия
Баран
Исиндерун (Александретта)
Алеппо
Мосул
Эрбиль
Сулеймания
Дайр
Месопотамия
Ракка
Меядин
ИРАК
Тикрит
КИПР
Хама (Эпифания)
Хомс
ЛИВАН
Средиземное море
Абу-Камаль
Эль-Кайм
Ана
Самарра
Багдад
Ктесифон
Вавилон
Эль-Хиллах
Кербела
Эль-Кут
Бейрут
Дамаск
Эль-Хаббания
Каср-Ахмар
СИРИЯ
ИЗРАИЛЬ
Иерусалим
Амман
Яффа
Сирийская пустыня
Александрия
Порт-Саид
Эль-Кантара
Эль-Карак
Насирия
Эль-Курна
Ур Халдейский
Басра
Мухаммара
Шейба
Эль-Фао
Персидский залив
ИОРДАНИЯ
Каир
Исмаилия
Суэц
ЕГИПЕТ
СИНАЙ
Акаба
САУДОВСКАЯ АРАВИЯ
Табук
Разобранная железная дорога

В феврале 1905 года, в непогоду, Гертруда Белл встала лагерем в Тнеибе, на востоке Мертвого моря возле Мадебы, и там встретилась с бедуинами племени бени-сахр. Она написала у себя в дневнике: «Мы очень подружились – люди бени-сахра и я. “Мащаллах! Бинт-Араб”, – сказали они. “Так повелел Бог: дочь пустыни”».

Мы тем более одно, потому что нас – много,

Потому что в глубинах, нас разделяющих,
хватает
места для любви.
Наше разнообразие дышит лучезарной
красотой
общей жизни,
Как горные пики в утреннем солнце.

Рабиндранат Тагор

Глава 1
Гертруда и Флоренс

22 марта 1921 года. Последний день Каирской конференции и последняя возможность для британцев определить послевоенное будущее Ближнего Востока. Как все туристы, делегаты совершили традиционное путешествие к Пирамидам и сфотографировались на верблюдах на фоне Сфинкса. На этой фотографии стоят два самых знаменитых англичанина XX века: государственный секретарь по делам колоний Уинстон Черчилль – который только что, к общему веселью, свалился с верблюда, – и Т. Э. Лоуренс в полосатом костюме и фетровой шляпе высокопоставленного гражданского служащего. Между ними, держась свободно, сидит верхом Гертруда Белл, единственный делегат, обладающий знаниями, без которых конференция была бы невозможна. Ее лицо, насколько можно видеть из-под украшенной розами соломенной шляпки, светится радостью. Мечта о независимости арабской нации вот-вот осуществится, ее выбор короля утвержден, и Ирак, каким она себе его мыслила, скоро станет страной. Сегодня перед уходом из отеля «Семирамида» Черчилль послал в Лондон важнейшую телеграмму: «Сын шерифа Фейсал – наша надежда на самое лучшее и самое дешевое решение».

Что за эволюция превратила наследницу кембрийских овцеводов в самую влиятельную фигуру на Ближнем Востоке? Гертруда была англичанкой из англичанок – то есть принадлежала к породе, выращенной на грозовых перевалах Йоркшира. Эти северные фермеры проявили свой особый характер еще в одиннадцатом веке, когда отказались, единственные, покориться Вильгельму Завоевателю. Крепкие физически и умственно, они немногословны, их речь груба и пряма.

Прапрадедом Гертруды Белл был карлайльский кузнец, а ее прадед создал первые в Джарроу химзавод и чугунолитейное производство. Ее знаменитый и влиятельный дед сэр Айзек Лотиан Белл, родившийся в тысяча восемьсот шестнадцатом году, был химиком-металлургом и, вероятно, наиболее передовым промышленником страны. Выдавая широкий ассортимент сортов стали, он производил примерно треть потребляемого в Британии металла и во многом обеспечивал строительство мостов и железных дорог в быстро развивающейся империи. Он стал членом Королевского общества – самого выдающегося научного

института Британии. Получив сперва инженерное образование, он после учился в Эдинбургском университете, в парижской Сорбонне, потом в Дании и на юге Франции. Автор «Химических феноменов при выплавке железа», он считался «верховным жрецом британской металлургии» и был первым, кто оценил значение фосфорных удобрений как побочного продукта при выплавке стали. Известный как «сэр Айзек» или, более фамильярно, «Лотиан», он в 1854-м был избран лорд-мэром Ньюкасла-на-Тайне, потом стал членом либеральной фракции парламента от Хартпула и верховным шерифом графства Дерхем. Он был современником и другом Чарльза Дарвина, Томаса Гексли, Уильяма Морриса и Джона Раскина – людей, с именами которых связаны выдающиеся успехи в теории эволюции, естественных науках, искусстве, архитектуре и социальном прогрессе. Лотиан был президентом или вице-президентом восьми национальных инженерных и химических институтов, из которых несколько основал сам. Еще он был директором Северо-Восточной железной дороги.

Братья Белл (кроме Лотиана, это еще Джон и Том) владели угольными копями, каменоломнями и железными рудниками, фабриками и литейными заводами, чьи печи, горящие круглые сутки, постоянно озаряли ночное небо. Компания старшего брата и ее филиалы давали работу сорока семи тысячам человек и хвалились, что могут сделать все на свете «от иголки до корабля». Помимо первого сталелитейного завода в Ньюкасле и второго в Порт-Кларенсе в Миддлсборо, старший брат основал первый в стране завод по производству алюминия – раньше этот металл был дороже золота. На открытие завода его провезли в карете по улицам Ньюкасла в алюминиевой шляпе, которую он бросил в толпу. Лотиан стал первым в Британии металлургом, установившим у себя машину для изготовления стальных тросов.

Лотиан написал несколько научных книг, но наиболее замечательной из них был полный логический анализ конкурентных перспектив Британии на мировом рынке производства стали. Он делал серьезные инвестиции в исследование процесса изготовления стали и решительно собирался двигать Британию в сторону развития новых технологических отраслей промышленности. В надежде, что вся индустрия Британии последует его примеру, он добивался правительственной поддержки научных исследований и технического развития. Но в этом он потерпел неудачу, хотя всю жизнь пытался добиться своей цели. Как Лотиан и предсказывал, другие страны, в особенности Германия с ее оружейными заводами Круппа и металлургическими заводами Тиссена,

усилили свои позиции в технологии и производительности труда, перегнав Британию и нарастив богатство и мощь, проявившиеся во время Первой мировой войны.

Незаурядный великан-человек, патриарх, у которого было почти шестьдесят внуков (это число оспаривается), Лотиан и его жена Маргарет Паттинсон создали для Беллов матрицу жизни скорее удобной, чем богатой. Если учесть огромный масштаб его предприятий и положение Билла Гейтса своего времени, его образ жизни нельзя назвать расточительным. Это, возможно, связано с влиянием Маргарет: она происходила из семьи лавочников и ученых. Первый его дом, Вашингтон-Нью-Холл в четырех милях от Ньюкасла-на-Тайне, в двух шагах от дома предков Джорджа Вашингтона – был не совсем особняком, а дом, построенный в зените могущества Лотиана, Раунтон-Грейндж, не отличался особенной величавостью. Лотиан подумывал о готике, но остановился на более скромном стиле «Искусства и ремесла» Уильяма Морриса, с его упором на традиционное мастерство ремесленника как панацею от катастрофы, принесенной промышленной революцией. Этот стиль и дальше оставался характерным для частных домов и общественных зданий Белла. В отличие от многих наследников больших состояний, старший сын Лотиана Хью, отец Гертруды, тоже жил достаточно скромно для капитана индустрии. Его первый собственный дом Ред-Барнс в рыбацкой деревушке Редкар на побережье Йоркшира – недалеко от Кларенса, если ехать поездом, – это вполне отражал. После смерти Лотиана его дом в Лондоне был продан, деньги предположительно разделены между Хью и его братьями и сестрами – Чарльзом, Адой, Мэйзи и Флоренс.

Лотианом скорее восхищались, чем любили, и со своими родственниками он казался внешне суровым диктатором. Гертруда, ее сестры и братья называли его «Патером». Иллюстрированный семейный алфавит, который они нарисовали на Рождество в Раунтоне в 1877 году, когда Гертруде было девять, отражает чувства детей к их суровому деду.

> A for us All come to spend Christmas week,
> B for our Breathless endeavours to speak
> C is the Crushing Contemptuous Pater[1].

Эльза, младшая сводная сестра Гертруды, дописала карандашом: «Сэра Айзека Белла» – чтобы не подумали, будто описание относится к Хью, который был добрее и мягче.

Есть семейная история, показывающая, с каким благоговением относились Беллы к Патеру. Лотиан никому не

позволял брать своих лошадей. Когда одна из его внучек за ужином потеряла сознание от травмы, полученной при верховой езде (сломанная ключица), очень важно было это скрыть, потому что она ездила на охоту на одной из лошадей деда. Бабушка Маргарет бывала не менее едкой, чем сам Лотиан. Приглашенный к чаю гость однажды сказал хозяйке: «Лепешки у вас чудесные». – «Вижу, – ответила старая леди. – Вы как пришли, так руку из тарелки не вынимаете».

На некоторые неизвестные ранее истории о Лотиане недавно пролили свет бумаги, найденные в одном из домов Беллов, Маунт-Грейс – разрушенном средневековом аббатстве, где окончили свои дни отец и мачеха Гертруды. Фонд «Английское наследие» реставрировал дом и открыл его для публики, и тогда были найдены бумаги, спрятанные под половицами. Среди них упоминание о трагическом событии в Вашингтон-Нью-Холле, когда «в 1872 году в трубе задохнулся семилетний трубочист». Если мальчик встретил свой конец в дымовой трубе Лотиана в семьдесят втором, то металлург грубо нарушил закон: парламент запретил использовать детей в качестве трубочистов за добрых двадцать шесть лет до того. Сэр Айзек мог ничего не знать о присутствии трубочиста, пока не оказалось слишком поздно, однако то ли потому, что был весьма расстроен, или же хотел избежать травмирующих воспоминаний, он при первой возможности переехал в недавно построенный Раунтон-Грейндж, оставив Вашингтон-Нью-Холл пустым и не проданным. Через девятнадцать лет он отдал его под дом для бездомных и бродяг – при условии, что его переименуют в «Холл леди Маргарет». Сейчас он разделен на хорошие квартиры. Быть может, с этой историей связан тот факт, что через много лет Хью Белл успешно лоббировал парламентский билль о защите детей от опасных работ. (В шестидесятых годах XIX века граф Шафтсбери докладывал, что дети четырех-пяти лет все еще работают на некоторых фабриках с шести утра до десяти вечера.)

В найденных под половицами бумагах содержалась и такая фраза: «Однажды зимним вечером [сэр Айзек] вышел из дому и обнаружил, что его кучер замерз на козлах кареты». Что именно произошло – неизвестно. У незадачливого кучера мог быть сердечный приступ, а потом он умер от переохлаждения, но все же создается впечатление, что забота о людях не была главным качеством Лотиана.

Автором этих бумаг, где содержится множество фактов о работе и жизни Лотиана, может быть мисс К. Е. М. Купер-Эббс, родственница Беллов, которая последней жила в Маунт-Грейс. Возможно, она решила записывать жизнь Лотиана, потому что

случайно или намеренно многие семейные бумаги и архивы были сожжены родственниками после его смерти, и это ее разозлило. До сих пор не существует биографии человека, который в свое время был знаменит не меньше, чем Изамбард Кингдом Брюнель.

Более обаятельный по сравнению с Лотианом, отец Гертруды сэр Хью управлял предприятиями Беллов и унаследовал огромное состояние. Как и его отец, он получил образование в Эдинбурге, Сорбонне и Германии, где изучал математику и органическую химию. Работать он начал с восемнадцати лет на заводе «Белл Бразерс Айронворк» в Ньюкасле, стал директором растущего сталелитейного производства, возвышающегося над крышами Порт-Кларенса, и в конце концов распоряжался всем семейным делом и его ответвлениями! Сэр Хью добывал бурый железняк на кливлендских холмах, обрабатывал уголь из Дерхема, привозил известняк из станового хребта Англии, жил на реке Тис и был директором Северо-Восточной железной дороги, которая подвозила сырье к сталелитейным заводам. В общественной деятельности он также не знал себе равных, особенно когда женился вторым браком на Флоренс Оллифф. Он строил школы, открывал библиотеки, возводил дома собраний и жилища для рабочих, построил общественный центр для руководителей и работников в Раунтоне и платил за дачи для уважаемых семей, которым нужен был отдых в сельской местности после тяжелой рабочей жизни. Сэр Хью также построил знаменитый мост Транспортер-Бридж, по которому до сих пор быстро и дешево возят рабочих и туристов через реку Тис. В 1906-м он стал лордом-наместником Норз-Райдинга, принимал особ королевской крови и прочих важных персон, когда они решили посетить продуваемый ветрами Йоркшир, и три раза был избран мэром Миддлсборо.

Снабжая империю, Беллы выработали глобальный взгляд на промышленность Британии. Сэр Хью был весьма умелым оратором и убедительно говорил на такие темы, как свободная торговля, которую он страстно отстаивал, и самоуправление для Ирландии, которому он страстно противостоял. В его опубликованных речах слышатся напор и юмор, которыми он покорял аудиторию любого типа и класса. Вот что он говорил:

«Свободная торговля подобна милосердию: она есть двойное благо – благо для дающего не меньше, чем для принимающего, и я лично не сделаю ничего, что бы ее ограничивало. Свободный рынок есть величайшая наша защита против тирании богатства. Я с ужасом гляжу на накопление огромных состояний в одних руках… В этой стране миллионы людей зависят от еженедельного жалованья, от работы, которая может закончиться в конце каждой

недели. И это о них я волнуюсь, это они – предмет моей заботы, а вовсе не тот класс, к которому я принадлежу».

Сэр Хью приветствовал создание новых профсоюзов и при этом предупреждал, что работы Карла Маркса могут втянуть социалистов в революционное движение, которое разрушит британскую промышленность и рынок труда в том конкурентном мире, который он отстаивал.

Когда родилась Гертруда, королева Виктория царствовала уже тридцать лет. Она разделяла неослабную решимость принца Альберта заменить заслужившие дурную репутацию георгианские лень и разгильдяйство викторианскими предприимчивостью и порядком.

Британия, в особенности Англия, возглавляла мировую гонку за техническое превосходство, что подтвердил этот оживший гимн империи – Всемирная выставка в Хрустальном дворце в 1852 году. Британская армия, способная воевать в любой точке земного шара, представляла, быть может, самую большую военную мощь всех времен, британский флот контролировал океаны и морскую торговлю и поддерживал мир. Если другие империи, Российская и Османская, все еще существовали в состоянии феодального рабства и коррупции на всех уровнях, Британская, вдохновляемая Викторией и Альбертом, по крайней мере стремилась к умеренности, филантропии и честной работе. К середине XIX века империя совершала эволюцию: ее гордостью становилась не коммерческая эксплуатация, а честное и благонамеренное правление. Агрессивные коммерчески, но ответственные социально, Беллы олицетворяли это новое направление и отличались уверенностью правильных людей, оказавшихся в правильном месте в правильное время.

Хью женился на Мэри Шилд, когда ему было двадцать три, – выбрал местную девушку, дочь выдающегося коммерсанта из Ньюкасла-на-Тайне. Свадьба прошла на шотландском острове Бьют на реке Клайд, где у Шилдов был летний дом. Первая дочь, Гертруда, родилась в 1868 году в Вашингтон-Нью-Холле – доме Лотиана. Жизнь семьи вращалась вокруг этого промышленника, сделавшего семью Белл шестой по богатству в Англии. Жить с ним было нелегко, и есть множество свидетельств его взрывного нрава и едкого остроумия. Хотя Хью, его старший сын, имел склонность к политике, Лотиан недвусмысленно и грубо объяснил, что его будущее лежит в Миддлсборо, где находится самая быстрорастущая часть металлургического бизнеса. Лотиан же, живя рядом с первыми заводами в Ньюкасле, будет навещать время от времени новые производства вблизи Порт-Кларенса и, несомненно, критиковать все аспекты работы Хью.

Когда Хью и Мэри выехали с двухлетней дочерью из Вашингтон-Нью-Холла, чтобы вести собственную, более спокойную жизнь, это наверняка вызвало у них огромное облегчение. Однако счастье длилось недолго. После рождения второго ребенка, Мориса, в семьдесят первом году красивая, но хрупкая Мэри прожила всего три недели.

На время Хью стал предметом острой жалости. Когда он строил вблизи Редкара Ред-Барнс, то представлял себе здоровую и счастливую жизнь с семьей на берегу моря. Теперь же к нему переехала сестра Ада – вести хозяйство и присматривать за детьми. Хью шесть дней в неделю работал в Кларенсе, а воскресенья приходилось проводить с сестрой, нянькой и примерно полудюжиной слуг. В свободное время он гулял по берегу или на природе со своей непоседливой маленькой дочкой – Морис был еще слишком мал для прогулок, – разговаривая с ней и разглядывая ее открытое лицо в поисках сходства с матерью. С этих дней и на всю ее жизнь между ними установились теплые и доверительные отношения.

Положение Хью было очень заманчивым. Привлекательный вдовец, оставшийся с двумя осиротевшими детьми, он был бы желанной добычей даже без перспектив наследования огромного состояния. Мягкое чувство юмора, озорная, но добрая улыбка еще усиливали его обаяние. Тем не менее дочери аристократов сочли бы брак с кем-нибудь из Беллов шагом вниз, а Хью мог быть кем угодно, но только не снобом. Мэйзи преодолела сопротивление леди Стэнли Олдерли, выйдя замуж за ее остроумного сына Люлфа, впоследствии лорда Шеффилда. Эта замечательная женщина была известна своей привычкой, отвернувшись от собеседника, сказать соседу с другой стороны: «Как же утомительны дураки!» Она была матерью Бертрана Рассела и входила в число основателей Гиртон-колледжа в Кембридже. Давая согласие на свадьбу своего сына и Мэйзи, леди Стэнли считала, что проявляет огромную широту взглядов: в конце концов Беллы – это же «торговля». «Так как сэр Хью был мультимиллионером, я не особенно удивился», – говорил впоследствии Бертран Рассел.

Ада, хорошенькая и общительная, скучала по Лондону и наверняка была не в восторге от выпавшей ей роли тетушки – старой девы, так хорошо известной незамужним женщинам викторианской эпохи. Поэтому довольно скоро она и ее сестра Мэйзи наметили для Хью пару и постарались свести этих двоих вместе.

С двадцатидвухлетней Флоренс Эвелин Элеонор Оллифф они познакомились на почве общего интереса к музыке. Она училась в

Ройал-колледже и пела в хоре Баха. В семидесятом году Флоренс переехала в Лондон из Парижа, где ее отец, достойный и приятный сэр Джозеф Оллифф служил врачом при британском посольстве. Пасхальные каникулы она проводила в Суррее в доме деда, сэра Уильяма Кьюбитта, члена парламента, когда-то – лорд-мэра Лондона. В другие времена Флоренс оставалась у двоюродного деда Томаса[2] в его хэмпширском имении Пентон-Лодж. Летние каникулы проходили в Трувиле или Довиле – модных морских курортах для богатых парижан. Когда при начале Франко-прусской войны ее отец скоропостижно скончался, семье пришлось быстро покинуть Францию. В девятнадцать лет Флоренс должна была распрощаться с Парижем и начать куда менее гламурную жизнь в доме номер 95 по Слоун-стрит в Лондоне, в тесном грязном доме, среди пыльного красного бархата и тяжелой мебели с неистребимым запахом котов. Английское общество того времени, описанное однажды как «набор закрытых дверей», не могло не казаться отвратительным контрастом к блестящему космополитическому миру, только что покинутому ею.

Флоренс была высокой, стройной девушкой, с синими глазами и темными волосами, отличалась общительностью и по-английски говорила с очаровательным французским акцентом. Мэйзи постаралась, чтобы, когда Хью приезжал в Лондон, Флоренс участвовала в семейных вечеринках, а Ада пару раз пригласила ее в Ред-Барнс. После этих визитов тетка попросила шестилетнюю Гертруду написать Флоренс теплое письмо, подписавшись «ваша преданная маленькая подруга».

План Ады и Мэйзи едва не дал осечку. Они слишком старались свести этих двоих вместе, и Флоренс довольно быстро догадалась, что они задумали. Она объявила, что никогда не выйдет замуж за англичанина, и повторяла это все увереннее в течение тех двух лет, что Хью не делал ей предложения. На попытку сестер женить его вторично он заявил Аде, что этого никогда не будет, и еще глубже погрузился в работу. Но то, как Флоренс описывала свою первую встречу с Хью в туннеле роз в саду у Мэйзи, дает основания полагать, что она передумала сразу. Она увидела его «красивым, но очень печальным… с густыми кудрями и ярко-каштановой бородой».

По мере увеличения интереса Хью к Флоренс ему все труднее было представить, как девушка, выросшая в самом утонченном высшем обществе самого красивого в мире города, осядет навеки рядом с Миддлсборо. Одна из биографов Гертруды описала свои впечатления от этого города в тот же период, когда она впервые навестила живущую там тетку: «Район возле Миддлсборо и берег

Тиса вплоть до моря были покрыты сажей… на двадцать миль вокруг воздух провонял химией, пеплом и копотью, а сбившиеся в тесную кучу дома пахли капустой, сыром и кошками. Фундаменты… покрывала черная липкая грязь, стоило только начаться дождю». Термин «дневная тьма» появился для характеристики промышленного смога, а Миддлсборо и Кливленд, говоря словами одного современника, «особенно преуспели в том, чтобы почти полностью затмить дневной свет».

Редкар, мощеная деревня, пропаханная штормовой силы морскими ветрами Северного Йоркшира, которой предстояло вскоре развиться в небольшой город, была спальным районом для многих преуспевающих промышленников, строивших там свои семейные дома. (Например, соседний с Беллами дом принадлежал одному выдающемуся металлургу.) Здесь вдали от сажи и загрязненного воздуха они растили детей, формировали элитное общество, все еще несколько отстающее от того, к которому привыкла Флоренс.

Жизнь в таком месте была, наверное, удручающей перспективой для молодой женщины, выросшей в особняке на рю Флорантен с элегантным двором, надежно скрытым за декоративными воротами XIII века. Рожденная в 1851-м – первом бурном году Второй империи, – Флоренс ежедневно гуляла с няней в саду Тюильри, где каталась в украшенных каретах, играла в обруч или покупала леденцы и имбирные пряники в киосках с полосатыми зубчатыми навесами. Прямо за углом ее дома располагалась Пляс-де-Конкорд с «изукрашенными радостно брызгающимися фонтанами». Намного позже ей предстояло написать: «Какая это привилегия – родиться в Париже! Прежде всего на свете узнать Париж, знать его всегда, вырасти в одной из самых красивых его частей, принимать это все как должное, быть в нем своей и ощущать его как свой город. Разве этого мало?» Вопреки гражданским бурям у Флоренс было очень счастливое детство, удачно проведенное в маленьких учебных cours, дававших образование, среднее между индивидуальным обучением и маленькой частной школой, где учат в основном хорошим манерам и музыке. На самом деле женщина, которую Ада и Мэйзи выбрали для Хью, была исключительно правильной кандидатурой. Дочь врача, Флоренс не принадлежала ни к «торговле», ни к аристократии, и у нее были две страсти, которые перевешивали все недостатки Миддлсборо: она обожала детей и домашнюю жизнь. Это то, чего была лишена недавняя иммигрантка, бродящая по Лондону и все еще тоскующая по Парижу. Флоренс жаждала безопасности собственного дома и уже сформировала десяток правил по образованию детей и ведению

хозяйства. Жизнь не могла бы предложить ей ничего более захватывающего, чем поднесенный в дар собственный удел, где бы он ни был.

И Хью наконец поддался чарам Флоренс – это случилось во время любительского представления оперы, написанной ею. «Синяя борода» была исполнена друзьями и родственниками 4 июня 1876 года в доме леди Стэнли на Харли-стрит. Пели Ада и Мэйзи, играл пианист Антон Рубинштейн. После представления Хью спросил у Флоренс разрешения отвезти ее домой. Выйдя из кареты у дома 95 по Слоун-стрит, он провел Флоренс в гостиную. «Леди Оллифф! – обратился он к ее матери. – Я привел вашу дочь домой – и пришел спросить вас, позволено ли мне будет увести ее».

В ответ на эту изящную речь леди Оллифф разразилась слезами.

10 августа после скромной свадьбы в небольшой церкви на Слоун-стрит пара провела медовый месяц в Вашингтоне, в гостях у любимой сестры Флоренс Мэри и ее мужа Фрэнка Лasселса, в то время секретаря британского посольства. Вернувшись в Лондон, они сели на поезд, идущий на север. Впервые возвращаясь домой, Флоренс дрожала от волнения перед тем, что для нее (как, наверное, и для любой новобрачной и мачехи) должно было стать событием огромной важности. Как наследник директора Северо-Восточной железной дороги Хью Белл принадлежал к высшей транспортной аристократии. В Миддлсборо начальник станции снял шляпу и проводил их до поезда в Редкар. Через много лет дочь Флоренс леди Ричмонд вспоминала случай, когда она провожала отца на вокзале Кингз-Кросс и они стояли вместе на платформе. А поезд после окончания посадки не отправился вовремя. Отметив это опоздание, они продолжали разговор, пока к ним не подошел охранник и не сказал: «Если вы соблаговолите закончить разговор, сэр Хью, – тут он снял шляпу, – то мы готовы отправляться». У поезда на Редкар и обратно был личный остановочный пункт для Беллов – маленькая платформа внутри сада Ред-Барнс. Хью, возвращаясь домой с завода, мог просто выйти из поезда и пройти через розарий мимо фонтана к своей задней двери. Гертруда, которая всегда там ждала, радостно его встречала. Когда она была маленькой, он заносил ее в дом на плечах, потом, когда чуть подросла, она сама хватала его портфель и бежала рядом, что-то рассказывая звонким голосом.

Когда пара вернулась из свадебного путешествия, дети были вымыты, причесаны и встречали прибывающих на платформе Беллов. За ними выстроились слуги, готовые сделать реверанс или поклониться. Флоренс, надеясь установить с детьми близкую

связь с самого начала, была намерена сразу по прибытии попросить Гертруду и Мориса показать ей весь дом до самых дальних уголков, от подвала до чердака. Однако, к ее отчаянию, к ним в Миддлсборо присоединился брат Хью Чарльз, который из самых лучших побуждений, но с полным отсутствием чуткости увязался за ними в Ред-Барнс. Столь же неромантичный Хью направился прямо в свой кабинет на первом этаже и стал смотреть бумаги.

Брошенная с Чарльзом в гостиной, страстно желая, чтобы он ушел, Флоренс вела рассеянный разговор, а ее деверь прочно сидел в кресле, тоже думая, что сказать.

Довольная Ада уехала в Лондон, а для восьмилетней Гертруды и пятилетнего Мориса началась новая жизнь. Поскольку дети такого возраста не предполагают, что у родителей есть собственная жизнь, от них не зависимая, они были потрясены известием, что отец женился на Флоренс. Позже, обсуждая свою новую мачеху, Морис выдвинул гипотезу, что ей восемьдесят, но сестра возразила, что она намного моложе. Наверное, предположила Гертруда, Флоренс шестьдесят. Бедняжке Флоренс на самом деле исполнилось двадцать четыре, и она была на восемь лет моложе Хью.

Так в жизнь Гертруды вошла эта женщина с добрым сердцем, больше всех повлиявшая на ее становление. Иногда Флоренс вступала с ней в конфликты, но ее влияние всегда было основательно и позитивно. У Флоренс имелось много талантов. Она тонко воспринимала музыку и литературу, писала книжки, эссе и пьесы, могла найти общий язык с любым человеком и глубоко интересовалась социологией и обучением детей. Все, что она делала, лежало в границах ролей, которые она считала для женщины самыми важными: ролей жены и матери. Флоренс беззаветно отдала себя семье, ведя при этом общественную жизнь, которая заработала ей признание и в результате привела ее к титулу дамы Британской империи. Самодельные драмы и комедии, которые она любила писать, изначально предназначались для детских спектаклей на Рождество и другие семейные праздники. Через некоторое время, вмешательством ее театральных друзей, три ее пьесы были поставлены в театре «Вест-Энд». Что характерно, она решила оставить эти пьесы анонимными.

Флоренс сперва привели в недоумение северные манеры. Познакомившись с соседями, она стала устраивать домашние приемы по вторникам с легким (безалкогольным) угощением, приглашая на них семейные пары. И с удивлением обнаружила, что йоркширцы не рвутся сопровождать своих жен на подобные

мероприятия. Ее биограф Кирстен Ванг отмечает, что одна леди, придя с мужем к Беллам, обескуражила Флоренс, сообщив шепотом: «Я сумела привести мистера Т. Уж как пришлось постараться!» Считая, видимо, что численность гарантирует безопасность, женщины приходили вместе, садились как можно дальше друг от друга, после чего воцарялось молчание. Флоренс, в отчаянии предлагая им кресла поближе к огню, встречала такой ответ: «Спасибо, мне и тут хорошо». В одной из своих книг Флоренс пишет о своей героине, учительнице, приехавшей на север: «Девушке нелегко было с прямодушными йоркширскими женщинами, среди которых она оказалась… В этом жизненном слое если человеку нечего сказать, он ничего и не говорит, а когда говорит, то его манера говорить все в лоб ее еще больше обескураживала. И все же нельзя сказать, что женщины относились к ней без доброты, пусть и своего рода».

Однако новая миссис Белл упорно гнула свою линию, и вскоре ее «приемы» стали обязательным элементом жизни города.

Но Флоренс больше интересовалась укреплением отношений с детьми Хью. Восьмилетняя Гертруда рассматривала ее вдумчиво. В этой чужой женщине, ворвавшейся в семью, было что-то незнакомое ребенку: парижский лоск и в манерах, и в одежде. Хотя Флоренс по сути своей была серьезна и склонна к морализаторству, она никогда никого не критиковала за интерес к своей внешности и не осуждала любовь к предметам одежды как легкомыслие. Она тщательно взвешивала свои суждения на эту и другие темы и высказывала их не прямо. Женщина деликатная, она предпочитала излагать свои взгляды в виде рассказов или эссе. В одном из них она писала о своей героине:

«Урсула обладала тем, что французы называют “жанр”… Наиболее близкий английский аналог этого слова – “стиль”, но оно подразумевает энергию и напор. Что до “жанра” – это скорее внутреннее качество его носителя не зависит от одежды – скорее от того, как ее носят. В английском языке этого слова нет – видимо, само качество встречается так редко, что нет смысла заводить для него отдельный термин».

Следуя примеру Флоренс, Гертруда, в свою очередь, приобретала «жанр», так что люди, видевшие ее впервые, замечали ее «мейфэрские манеры и парижские платья». Но Флоренс никогда не следовала моде. Она всю жизнь так и носила эдвардианскую одежду, даже в 1920-м, когда все другие женщины перешли на короткие юбки. Ее внучка вспоминает, как однажды Флоренс поскользнулась и упала на мостовой Лондона. Девочка поразилась, увидев под юбкой у Флоренс самые обыкновенные ноги. Склонная к соблюдению формальностей, Флоренс почти все

время, в помещении и на улице, носила серые шелковые перчатки и даже на пианино играла в них.

Гертруда росла быстро – своенравный ребенок постоянно конкурировал с тетей Адой, гувернанткой, братом, многочисленными слугами за внимание отца. Флоренс очень легко могла стать врагом девочки. Она же, напротив, стала преданной мачехой, почти уступчивой, относилась к детям сочувственно и ободряюще. Она была равно внимательна к обоим детям, любознательным и с чувством юмора. Сама деятельная, Флоренс учила их не сидеть сложа руки, и когда они не были заняты чем-нибудь активным, предлагала им читать, а не «болтаться без дела». У нее всегда была наготове какая-нибудь история, чтобы прочитать ее вслух детям. Морис, который был глуховат, о родной матери ничего не помнил, но к Флоренс сразу привязался.

У Гертруды же мнение о мачехе, которую ей советовали называть матерью, было двоякое. Отец, несомненно, готов был сделать все, чтобы Гертруда сблизилась с Флоренс и делала все, о чем ее просят, но девочка, вероятно, переживала из-за навязывания ей близких отношений с женщиной, в которой изначально не могла не видеть чужую. Связь между Хью и Гертрудой была очень тесной. Они всем делились друг с другом, и это так и осталось, даже когда они жили в разных концах света. Как позже писала Флоренс: «Постоянное влияние на жизнь Гертруды с самого раннего детства оказывали ее отношения с отцом. Ее преданность ему, ее чистосердечное им восхищение, их близкая дружба, приятная обоим, взаимная глубокая преданность – для них обоих это была самая основа жизни до дня ее смерти». Слова о Гертруде показывают великодушие Флоренс: она никогда не поддавалась ревности, не пыталась отдалить друг от друга преданных отца и дочь.

Художник сэр Эдуард Пойнтер, член Королевской академии художеств, в семьдесят шестом году написал двойной портрет. И это был не свадебный портрет Хью и Флоренс. На портрете была изображена восьмилетняя Гертруда, рыжие кудри спадают на плечи кружевного передника, и ее подталкивает вперед стоящий с гордой улыбкой Хью. У Хью после первого брака остался портрет Мэри, и он вполне мог думать о том, чтобы заполучить и портрет Флоренс после их свадьбы. И типично для Флоренс было предложение сменить тему. А вот оценила ли этот тактичный жест Гертруда – другой вопрос. Флоренс была слишком добра и скромна, чтобы обнародовать какие-либо трудности с падчерицей, но по многочисленным косвенным признакам можно догадаться, что это имело место. «Анджела» – пьеса, которую она

опубликовала в 1926 году (что, возможно, важно – после смерти Гертруды), рассказывает о втором браке одного йоркширского промышленника, в котором новая жена пытается встроиться в семью, где сложились очень близкие отношения между отцом и осиротевшей дочерью.

«Гертруда была ребенком вдохновенным и инициативным», – пишет Флоренс в своем предисловии к «Письмам Гертруды Белл». Иногда эти вдохновения и инициатива перехлестывали через край:

«Вечная заводила, [Гертруда] увлекала за собой младшего брата в опасные предприятия, для которых он был еще слишком мал. Она могла приказать, к его ужасу, следовать ее примеру и прыгнуть со стены сада высотой девять футов. Она приземлялась на ноги, что ему удавалось очень редко».

Однажды Флоренс помчалась из гостиной в оранжерею на звук удара и зловещего звона. Оказалось, что Гертруда повела Мориса в альпинистскую экспедицию по краю крыши. Она пробежала свой путь ловко и быстро, а брат, качаясь от страха, хромал за ней следом. Гертруда спокойно спустилась вниз, а Морис пробил ногой крышу и вслед за ней рухнул на землю в кучу битого стекла. В другой раз она баловалась садовым шлангом, направила его в трубу прачечной и погасила огонь. Когда Флоренс из-за этого вышла из себя, Гертруда и Морис собрали все шляпы в прихожей и принялись кидать ими в мачеху. Остановилась Гертруда лишь тогда, когда одна из шляпок Флоренс влетела в огонь. Еще в детстве Гертруда «очень интересовалась модой», как сообщил мне один из ее родственников.

За свои восемь лет Гертруда привыкла командовать слугами и обводить вокруг пальца гувернантку. Она всей душой ненавидела дисциплину и любила дразнить людей, выводя их из себя. Мисс Огль уехала от них в глубоком возмущении, но Флоренс надеялась, что у мисс Клуг получится лучше. Эта немецкая дама продержалась намного дольше, но Флоренс иногда уставала успокаивать гувернантку по поводу выходок Гертруды.

Дом, где основала свой удел миссис Белл, был простым кирпичным зданием в стиле «Искусств и ремесел» – ранний и довольно невразумительный эксперимент Филиппа Уэбба с местным колоритом. Уэбб проектировал Ред-Хаус Уильяма Морриса и много элементов скопировал в свое второе творение, Ред-Барнс. Моррис декорировал интерьер, и его очаровательные ботанические обои использовались практически всюду. Дом был компактным и маленьким по сравнению с элегантными

пристанищами юности Флоренс, но ему предстояло увеличиваться по мере роста семьи. Крыльцо, выходившее на Кирклитан-стрит, вело к большой площади, обставленной террасами георгианских домов с зеленой лужайкой посередине. От Ред-Барнс до длинного пляжа Редкара вела короткая дорожка, тянущаяся от Готэма на юг до обрывов Салтберна. Возле ничем не примечательных песчаных гребней, где в отлив садились на песок обшитые внакрой рыбацкие лодки, летом стояли полосатые купальни и бегали ослики, катающие детей. Местность вокруг была ровная и не особенно живописная. Но Флоренс всегда считала, что детей следует вывозить за город, и было очевидно, что Гертруде и Морису здесь нравится.

Учитывая постоянно меняющихся пони, можно сказать, что дети выросли в седле. Бесстрашные вылазки Гертруды вели к тому, что Морис, пытавшийся не отстать от сестры, возвращался весь в синяках. Среди своих сверстников она прославилась как храбрейшая из всадников, и ее письма к теткам и двоюродным сестрам и братьям были полны хвастовства на этот счет. «Моя кобылка вела себя как хулиган, лягалась всю дорогу. Если бы она так повела себя с матерью, боюсь, мама тут же бы слетела», – писала она своему кузену Хорейсу. Развлекаясь, скача по берегу или охотясь, девушки ездили в дамском седле в соответствующей одежде – черный жакет и юбка-передник на пуговицах поверх бриджей. «Сегодня я ездила как циркач», – писала Гертруда, имея в виду – по-мужски. Дети Беллов ездили по пескам под наблюдением конюха, няньки или гувернантки. Если их сопровождала осторожная мисс Клуг, Гертруда, когда дом уже не был виден, пришпоривала пони и скакала галопом, предоставляя гувернантке бежать следом и призывать ее. Однажды, выведя детей на прогулку, мисс Клуг вернулась одна и прервала литературные занятия Флоренс. Со слезами гувернантка сообщила, что когда велела детям возвращаться домой к чаю, они убежали и спрятались среди рыбацких лодок, откуда она тщетно пыталась их выманить целых тридцать минут.

Властная и своенравная, Гертруда всегда требовала внимания и считала, что, когда отец дома, он должен заниматься ею. Хью, занятый работой, часто бывал дома всего день в неделю. Флоренс, естественно, тоже хотела какое-то время провести с мужем, и ее викторианская требовательность к домашнему порядку и ходу жизни, хотя едва ли обременительная, не могла не войти в конфликт со свободой детей. Гертруда обнаружила, что волю мачехи ей далеко не всегда гарантированно удается сломить, в отличие от воли отца. Гертруда выбрала такую тактику противостояния диктату Флоренс: ждать, пока отец придет

домой, и пытаться склонить его на свою сторону.

Прошло немного времени, и родились собственные дети Флоренс: Хьюго в семьдесят восьмом, Эльза в семьдесят девятом и Молли еще через два года. К Ред-Барнс пристроили двухэтажное крыло со спальнями, ванной и классной комнатой, а еще конюшню. Гертруда, бесстрашный древолаз, сочла, что леса – идеальное дополнение к дому. Однажды, когда она по ним лазила, Флоренс, заметив ее в окно, выбежала в сад и велела немедленно спуститься. Гертруда предпочла не услышать, и тогда Флоренс побежала за Хью и послала его за ней. Вернувшись в дом, она с ужасом увидела в окно, как муж лезет по лесам на верхний этаж к своей дочери – а под каждой рукой держит по младенцу.

Хью был чудесным отцом и не особенно переживал, что ребенок может пораниться. Как вспоминала потом Эльза, он вместе с ними по воскресеньям лазил по песчаным холмам и «мог вдруг зацепить кого-нибудь из нас набалдашником трости за лодыжку и сбросить с верхушки песчаного склона»; «бегал по твердому песку, держа в каждой руке по ребенку, и сшибал нас между собой лбами». На вопросы Гертруды у него было изобилие ответов, которые она внимательно слушала. Это отличало ее от братьев и сестер. Если Гертруде или отцу случалось задумчиво произнести: «Интересно, почему бывает прилив?» или «А что такое биметаллизм?», остальные дети тут же кричали: «Нет, не надо рассказывать!» Хью в таких случаях смеялся и говорил: «Ах вы, капризные деточки!»

Жизнь у Хью постепенно улучшалась, и настал момент, когда он понял, что у него снова есть дом и счастливая жизнь и женитьба на Флоренс было правильным решением. Откровенное письмо от Флоренс к Молли рассказывает о случае в Ред-Барнс, когда они с Хью дошли до точки поворота:

«Помню, словно это было вчера, как я приехала в Редкар, когда нам было столько же, сколько тебе сейчас, – твой отец мог быть избран [в парламент] от Миддлсборо практически без борьбы и очень хотел это сделать и пойти в политику, потому что, как тебе известно, он неравнодушен и всегда был таким. Вот этими мыслями была занята его голова. Его отец (письмо это не для разглашения!) был против и никак этому не сочувствовал – и никогда не сочувствовал, а дела шли не очень, и Хью ходил туда-сюда по дорожке, проговаривая все это снова и снова, и наконец решил бросить политику и ограничиться Миддлсборо. Ты знаешь, как он рьяно за это взялся. Но это было… на всю жизнь упреки самому себе и на всю жизнь сожаление, и мы тогда это знали. А потом он почувствовал, каково бы ему пришлось, если бы

потребовалось все это делать в одиночку, и какая радость была для нас так любить и так близко быть друг к другу. Какая огромная перемена в жизни – вступить в брак, и тогда то, что происходит с другим, волнует тебя не меньше, чем происходящее с тобой!»

С точки зрения Гертруды, жизнь их семьи в Ред-Барнс была идеальной, и она тоже стала понимать, что Флоренс ее только улучшила. Дети все лето были на воздухе, и у них имелись свои участки в саду. Гертруда обнаружила, что любит цветы и у нее есть природный талант работать с растениями. В одной ранней дневниковой записи она тщательным курсивом пишет: «У нас сичас есть несколько желтых крокусов и первоцветов падснежников и первоцветов».

Правописание, музыка, которую так любила Флоренс, и готовка – вот три области, к которым Гертруда не испытывала ни малейшего интереса и потому не преуспевала, вопреки всем стараниям мачехи. Зато Гертруда не вылезала из книг. Она читала все, до чего могла дотянуться. «Дни Брюса» Агилар была самой любимой, как и «История английского народа» Грина, которую она изучала каждый день перед завтраком. «Я читаю очень хорошую книжку под названием “Лондонский Тауэр”… полную убийств и пыток».

Когда Флоренс «заболела» какой-то загадочной болезнью (иными словами, забеременела), Гертруду и Мориса отослали из дому к большой группе кузенов и кузин, в более мягкий климат побережья южной Шотландии, где они резвились на пикниках, учились лазить по скалам и ловить рыбу.

«Дорогая мама!

Нам здесь очень весело. Вчера мы поймали живого угря. Каждый день мы ходим на скалы в купальных костюмах и прыгаем оттуда в озеро. Это называется «ласточкой», и это очень здорово. Передай папе, что я его люблю.

Твоя любящая дочь Гертруда».

Любимым спутником у нее был Хорейс Маршал, двоюродный брат, сын сестры ее матери Мэри Шилд, миссис Томас Маршал. Были еще мальчики Лasселсы и их сестра Флоренс, названная так в честь мачехи, на несколько лет моложе Гертруды, но одна из ее любимых подруг. На свои карманные деньги Гертруда покупала птичьи яйца для своей коллекции, соревнуясь с Хорейсом. «5 галок, 2 крапивника, 1 зеленушка, 2 коноплянки», – писала она у себя в дневнике – и покупала зверушек и птичек, сколько позволяла Флоренс. Ручной ворон Джамбо жил в садовом сарае –

чтобы не попадался на глаза нервному коту по кличке Шах. Когда спустя время эти животные умерли, Гертруда нашла выход для своего горя, устроив пышные похороны с кортежем из родственников и слуг, картонными гробами, крестами и цветами.

За садом Ред-Барнс и железной дорогой находился большой огороженный частный парк (теперь общественный сад), где дети могли ездить на пони и играть сами по себе почти в пределах видимости из дома. Вокруг пруда шли пешеходные тропинки среди деревьев, где можно было ездить верхом или ходить на ходулях, пока не прозвенит гонг, зовущий на обед или на чай – последнюю еду перед сном. Иногда по воскресеньям Хью с двумя старшими детьми выезжали на верховую прогулку вокруг Редкара или по берегу и брали с собой еду, которую паковала Флоренс. Гертруда раскладывала сандвичи на клетчатом одеяле, изображая для Хью и Мориса хозяйку.

Для дождливых дней Гертруда и Морис изобрели игру в прятки под названием «Служанки» – игру, которую она запомнит и которая приобретет для нее совершенно иное значение в пустыне через много лет. Начиналась она в подвале, где дети могли стоять во весь рост, а взрослым приходилось пригибать головы. Играющий должен был тихо пробежать по множеству коридоров, наверх по узким извилистым лестницам, которые вели в комнату служанок, и так, чтобы слуги его не увидели. Если тебя заметят – следовало завопить и возвращаться обратно, начинать все сначала. Или можно было начать из-за водопроводного бака на чердаке, куда добраться по короткой привинченной к стене лестнице, бежать вниз в прачечную и комнату экономки в тихом полуподвале. Комната, обставленная выкрашенными в кремовый цвет буфетами, была оклеена обоями Уильяма Морриса, где поющие птицы сидели на шпалерах в листьях и плодах на фоне темно-синего неба. Следы этих обоев заметны еще и сегодня.

Гертруде повезло, что у Флоренс была такая добрая душа. Режим более суровый мог бы подорвать доверие падчерицы, а еще вероятнее – сделать из нее бунтовщицу, которой она так и не стала. Младшая дочь Флоренс Молли, впоследствии леди Тревельян, писала о матери: «Не могу припомнить, чтобы она с кем-нибудь из нас говорила сурово или кричала за неправильные поступки. Она была мягкой, понимающей, полной нежности ко всем детям, не себялюбивой и с таким даром сочувствия, какого я ни у кого больше и близко не встречала. В ее присутствии мы ощущали себя надежно и уверенно».

Еще с Флоренс было очень интересно. Дети превратили садовый сарай в дом для игр и назвали его «Вигвам». У них была резиновая печать с этим названием, и они рассылали

официальные приглашения к чаю или к обеду родителям, садовнику и гувернантке. Флоренс, явившись в ответ на такое приглашение в лучшем своем вечернем платье и с бриллиантами в волосах, обнаружила, что дети собираются везти ее в сарай на тачке. По дороге к «Вигваму» они тачку перевернули, но Флоренс, поцарапанная и испачканная, героически выдержала всю дневную программу, не только проявив хороший характер, но и показав отличный пример социального самообладания.

Другое приглашение звало «мистера и миссис Хью Белл на чай в пятницу 13 августа 1892 года в 5 часов вечера» и заканчивалось просьбой RSVP[3]. Флоренс, которую дети неустанно поддразнивали за французский акцент, включилась в игру.

«В собственные руки для Monsieur и Mesdames de Viguevamme, Ред-Барнс, Коатем, Редкар, – написала она. – Маркиза де Смех будет иметь удовольствие видеть у себя за ужином мистера Чепухмена, мисс Ерундель и мисс Трень-Брень в 19.30». Видимо, опасаясь пожертвовать еще одним вечерним платьем, она добавила: «Маркиза сожалеет, что приключившееся, к несчастью, деликатное состояние здоровья не позволит ей для этого случая надеть придворное платье с перьями или напудрить волосы».

Но как бы ни была Флоренс весела и терпима, в отношении правил поведения она держалась строгости. Она часто писала эссе с названиями вроде «Маленький моралист» или «Si Jeunesse Voulait» (если бы молодость хотела). Правила, касающиеся хороших манер, соблюдались неукоснительно – давала ли она нагоняй кучеру, покинувшему козлы ради укрытия от дождя, или ребенку, недостаточно вежливо поздоровавшемуся с гостями. Манеры, утверждала она, важны для нас не менее, чем для других. Может быть, она повторяла это для подросшей Гертруды, когда писала: «Как бы ни были ценны интеллектуальные богатства, которые ты можешь предъявить, но если в качестве метода обращения с коллегой-мужчиной и ради привлечения его внимания ты используешь пощечину, то вряд ли завоюешь его благожелательный интерес к твоим будущим достижениям».

Нетерпеливую Гертруду все это несколько утомляло. Для нее разговор состоял в том, чтобы что-то выяснить или кому-то сообщить. Она не чувствовала глубокой заинтересованности в том, чтобы коллеги-мужчины оценивали ее достижения. Но бывали времена, когда Флоренс оказывалась на одной с Гертрудой волне, как в своем сетовании: «Тенденция, демонстрируемая многими в остальном разумными людьми:

верить, что их собственная раса – самый интересный в мире предмет, их семья – наиболее достойна упоминания, школа, где они учились, – единственно возможная, квартал Лондона, где они живут, – самый приятный, а их собственный дом в нем самый лучший». Это «коварная опасность, с которой следует бороться». Сама наполовину англичанка, наполовину ирландка, Флоренс очень нервно относилась к тем издевательским карикатурам, которые иногда появлялись в «Панче» о французах, их привычках, гигиене, еде и нравственности, – а все это, как она знала, во многих случаях бывало лучше английских аналогов. Обстановка восприимчивости к чужим стандартам и образу жизни оказалась лучшей подготовкой к путешествиям, и Гертруда с детства к ней привыкла. Позже она довела эту восприимчивость до логического завершения, пройдя при этом куда дальше, чем имела в виду Флоренс.

«Правильное» воспитание, которое получила Флоренс, космополитическое общество, в котором она вращалась до брака с Хью Беллом, погрузило ее в интеллектуальную и артистическую богему, с которой она вряд ли бы столкнулась, если бы была воспитана в Англии.

До самого восшествия на трон Эдуарда Седьмого актеры, художники и скоробогатые купцы не включались в аристократические круги, разве что в исключительных случаях, объясняемых покровительством. Флоренс за свою жизнь очень подружилась со многими актерами, в частности Кокленом – звездой французского театра, с Сибил Торндайк и с американской актрисой Элизабет Робинс. Флоренс познакомилась с Робинс, которая представила английской сцене пьесы Ибсена, вскоре после своего прибытия в Лондон. Несмотря на то что Робинс была активной участницей движения суфражисток, с которым Флоренс никогда не могла согласиться, они стали близкими подругами. Робинс поставила в театре «Вест-Энд» самую известную пьесу Флоренс «Жена Алана» и сыграла главную роль в этой трагедии из жизни рабочего класса. Она стала одной из самых частых гостий в доме Беллов, внеся большой вклад в текстуру интеллектуальной жизни, среди которой росла Гертруда. Лайза, как ее называли в доме, забавляла детей, показывая им комические театральные падения, лицом на ковер. Позже, когда Гертруда стала старше, они вдвоем, дождавшись, пока Флоренс ляжет спать, обсуждали различные «про и контра» суфражизма. Флоренс придерживалась по этому вопросу такой жесткой точки зрения и столько написала против суфражизма, что обсуждать это с Лайзой не могла. Гертруда и Лайза позже много лет состояли в переписке, и вечная странница часто упоминала в письмах,

написанных в шатре, как ей не хватает этих «бесед у огня».

Флоренс рассказала Гертруде и Морису о самом раннем своем знакомстве с Чарльзом Диккенсом, дочь которого Китти Перюгини была одной из первых ее приятельниц. Диккенс был близким другом ее родителей сэра Джозефа и леди Оллифф, как и его современник Теккерей, и часто навещал их в Париже. Однажды он должен был читать на благотворительном вечере в британском посольстве, организованным сэром Джозефом. Флоренс вспоминает, как Диккенс вошел в салон и спросил: «А где будет сидеть мисс Флоренс?» – «Флоренс там не будет, – решительно сказала леди Оллифф. – Она еще слишком маленькая». – «Очень хорошо, – жизнерадостно ответил Диккенс. – Меня тогда тоже не будет».

Флоренс сидела в первом ряду и горько плакала над печальной кончиной Поля Домби. Диккенс потом писал в письме: «Флоренс очень переживала во время чтения».

Идеи Флоренс по поводу воспитания детей были прогрессивны для своего времени и сформировались во многом под влиянием новых европейских теорий, которыми она восхищалась. Много позже, когда ее дети уже выросли, в 1911 году, она ездила в Рим изучать работу реформатора образования Марии Монтессори. Ее предпочтением было – там, где можно позволить себе гувернантку, – домашнее образование для девочек. Такую систему Флоренс выбрала для своих собственных дочерей, Эльзы и Молли. Впоследствии Молли писала:

«Идея моей матери о том, к чему необходимо готовить двух ее дочерей, исходила из того, что мы должны стать хорошими женами и матерями и принимать участие в общественной жизни своего круга. Мы должны идеально говорить по-французски и по-немецки и дружить, пусть даже не очень тесно, с итальянским. Мы должны уметь немножко играть на пианино и петь, должны научиться хорошо танцевать и вести салонную болтовню. Никакие более серьезные аспекты образования в планах моей матери относительно нас не рассматривались. Естественные науки, математика, политическая экономия, греческий и латынь – все это считалось ненужным».

Ни одну знакомую Флоренс девушку не учили ни одной профессии, ни одна «девушка нашего круга» не была отдана в школу. То, что такой подход оказался удачным для этих двух сестер, видно по тому, что они считались очень приятными в общении. Не столь заметные, как Гертруда, но обладающие ее прямой осанкой и хорошим вкусом в одежде, они представляли собой привлекательную пару и пользовались большим успехом. Вирджиния Стивен, впоследствии Вирджиния Вулф, в довольно

бессвязном письме о своем первом майском бале в Кембридже упомянула их: «Бал был на Троицу… Были Бу, Элис Поллок и семейство Хью Белла (если вы их знаете – МАП их зовет “самые блестящие девушки-консерваторы во всем Лондоне”), и Тоби [ее брат] был очень ими увлечен, а они им».

Флоренс соглашалась с общепринятой тогда медицинской теорией, что девушки перенапрягаются, если давать им слишком много ментальной нагрузки. Считалось, что особенно серьезный риск для здоровья представляет образование для девушек-подростков. Еще даже в девяносто пятом, когда Гертруде было двадцать семь, некто доктор Джеймс Барнетт, автор книги «Delicate, Backward, Puny and Stunted Children» (Болезненные, отсталые, слабые и чахлые дети), сообщал миру, что девушка в пубертатном периоде всегда будет отставать от своих братьев в академических успехах из-за «бурь ниже пояса», и уверял читателей: «Ни одного исключения из этого правила я никогда не видел». Книга Элизабет Миссинг Сьюэлл «Principles of Education, Drawn from Nature and Revelation» (Принципы образования, взятые у природы и Откровения) утверждала, что девушку всегда следует оберегать от учения, потому что «если ей разрешить идти на риски, которые для мальчика являются несущественными, у нее наверняка разовьется какая-нибудь болезнь, которая даже если и не окажется фатальной, в любом случае создаст ей трудности на всю жизнь». Флоренс следила, чтобы все девочки семьи Белл вели такую же активную жизнь, как их братья, но начинала понимать, когда дело доходило до образования, что ее формула не ко всякой девочке подходит. Как сама она это формулировала: «На тысячу тех из нас, кто может идти по ровной дороге и успешно дойти до ее конца, находится одна, которая может переплывать реки и перебираться через обрывы, встречающиеся на пути». Флоренс теперь начинала думать, что Гертруда – как раз такое исключение. Когда Мориса отдали в школу-пансион, пятнадцатилетняя Гертруда скучала по нему сильнее, чем сама ожидала. Ее сводные сестры и брат были слишком маленькими, и жизнь стала довольно пустой. Она давно уже переросла бедную мисс Клуг, которая постоянно обижалась на прямые пререкания и пренебрежительное поведение своей непокорной воспитанницы. Всю жизнь Гертруде трудно было усидеть в кресле, и сейчас она почти всегда валялась на ковре, нетерпеливо перелистывая книгу, или дергала вязанье, которое начинала, но никогда не заканчивала. Она бродила по дому с мрачной физиономией, оглашая свои недавно приобретенные взгляды, споря со всяким, кто был на это готов, и попадаясь на дороге служанкам. Когда однажды ей предложили пойти

развлечься в саду, она изобрела игру в ракетки – нечто вроде сквоша, в которую можно было играть одной, изо всех сил впечатывая мяч в двери каретного сарая. Постоянный грохот мяча и крики ярости, когда она промахивалась, не могли не раздражать Флоренс, которая, вероятно, пыталась сосредоточиться на рассказе для детей или трактате об их воспитании. Вопреки протестам отца, Гертруда ежедневно кидала в пруд своего пса, потому что «не так уж это ему и не нравится».

Флоренс, имеющая на руках еще троих младших детей, не могла придумать, чем бы занять этого подростка. И не только она из семьи находила Гертруду трудной. Молли Тревельян писала: «Гертруда стала очень колючей, и скоро у нас с ней будет сцена. Она возражает на все, что говорит мама, и очень старается быть нелюбезной и высокомерной». Не так уж трудно было Флоренс прийти к выводу, что Гертруда и есть тот особый случай и что пятнадцатилетней девушке, настолько самоуверенной, настолько способной и настолько жаждущей знаний, можно напрячь свой организм.

Флоренс с самого начала наилучшим образом построила отношения с падчерицей, и ее влияние на Гертруду было постоянным. Это влияние не всегда обращало ее в ту сторону, в которую хотела мачеха, но во всех существенных вопросах Гертруда, как бы далеко ни заходила, следовала правилам Флоренс. Она всегда соблюдала условности и ограничения, привитые ей воспитанием. Она была предана своей семье, и как бы далеко от дома ни заносила ее жизнь, никогда не дистанцировалась от ее интересов и не считала их менее важными, чем свои собственные.

А сейчас Гертруде, у которой дыхание захватило от волнения, было сказано, что ее посылают в школу в Лондон.

Глава 2
Образование

«Моя дорогая, любимая мама!

Как же мне здесь противно… если бы только ты была здесь! Не бывает одиночества сильнее, чем у меня сейчас. Каждый день я хочу, чтобы ты…

Не могла бы ты мне прислать “Элегию” Грея, а еще два несессера и чехол для ночной рубашки? И немецкую книжку “Deutches Lesebuch”, автор Carl Oltrogge».

Так что Гертруда собрала чемодан и в сопровождении Флоренс поехала в Лондон третьим классом – ей было указано, что не следует демонстрировать свое богатство по сравнению с другими ученицами. В учебное время, в первый год, она жила у матери Флоренс леди Оллифф, в грандиозных, но все же обветшалых помещениях дома 95 по Слоун-стрит. Это был степенный положительный дом, оживляемый только визитами непутевого Томми, брата Флоренс, который со своей приемной племянницей играл в бильярд, традиционно намеливая нос вместе с кием. Он отлично умел дразнить маленьких девочек, доводя их до ярости, а с подросшими флиртовал с намерениями – как однажды сам сформулировал в разговоре с не понимающим юмора отцом – «строго бесчестными». Его «глухая и глупая» сестра Бесси, жившая с их общей матерью, однажды заметила в окно, как он заигрывает на садовой скамейке с какой-то юной леди. Она открыла окно и запустила в него теннисным мячом. Едва не задев предмета воздыханий, мяч стукнул Томми прямо в ухо.

Выбор школы для Гертруды был облегчен тем фактом, что бывшая подруга Флоренс, Камилла Кроудейс, недавно стала «леди-резидентом» Куинс-колледжа на Харли-стрит. Эта школа, расположенная в элегантном георгианском четырехэтажном доме кремового цвета, была основана за двадцать лет до рождения Гертруды реформатором образования и христианским социалистом Фредериком Денисоном Морисом. Источник академического образования и признаваемых профессий для женщин, эта школа в 1853 году получила первую королевскую хартию на женское образование. Она выпускала уверенных в себе и в мире молодых женщин, способных играть значительную роль в интеллектуальной, деловой и общественной жизни страны. Впоследствии среди выпускников школы числилась писательница Кэтрин Мэнсфилд, но в восемьдесят четвертом, когда туда

поступила Гертруда, многих из ее выпускниц ждала судьба гувернанток.

Хотя попасть в эту школу было самым лучшим, что могло случиться с Гертрудой, вскоре радость сменилась тоской по дому. Девушку, которая едва ли оставляла родной город иначе как на каникулы, в компании родных и двоюродных братьев и сестер, поначалу она мучила сильно. На расстоянии еще больше усилилась любовь к мачехе. Гертруда внимательно рассматривала своих одноклассниц и очень скоро попросила Флоренс в письме добыть ей «несколько стоечек». Имелись в виду жесткие кружевные корсеты из китового уса, которые, как оказалось, носят под тугими поясами другие девочки.

Учениц водили на концерты и картинные галереи, в церкви и соборы. Гертруда быстро выработала суждения по всем этим вопросам и рьяно их отстаивала, не в последнюю очередь в своих письмах домой: «Рубенса я не люблю. Совсем не люблю… стены перехода оклеены такой ужасной зеленой бумагой, что страшнее не придумать… Как же я не люблю и видеть не могу собор Святого Павла… нет в нем ни одной детали, что не была бы ужасной – не хочу говорить “отвратительной”».

Юные леди никуда не ходили без внимательного сопровождения, и Гертруда, желавшая видеть как можно больше достопримечательностей города, фыркала, что ей не позволяют ходить одной. «Я хотела бы сходить в “Националку”», – писала она родителям, – но меня, видите ли, некому туда отвести! Будь я мальчишкой, я бы каждую неделю туда ходила!»

В Куинс-колледже – не менее, чем в Ред-Барнс, – строгое соблюдение условностей не обсуждалось. Гертруда должна это принять, объяснила ей миссис Кроудейс, как условие своей расширившейся свободы и независимости. Флоренс ответила на жалобу Гертруды только пожеланием, чтобы девочка не использовала таких сокращений, как «Националка» вместо «Национальная галерея». Рассерженная Гертруда сердито ответила:

«Я внимательно прочла [твое письмо], что рассматриваю как величайший акт самодисциплины, но вознаградила себя тем, что тут же [его] и сожгла… В следующем моем письме, когда я смогу успокоиться и дать себе труд подыскивать слова, прилагательных будет не меньше, чем у самого Карлайля… Должна ли я, говоря о государыне, писать: “Королева Англии, Шотландии, Ирландии, Императрица Индии, Защитница Веры”? Жизнь не так длинна, чтобы всех и все называть полным титулом».

Получив такое – несколько резкое – письмо, Флоренс вполне

могла тяжело вздохнуть. Хью трудно было бы сдержать улыбку при таком проявлении силы духа и силы аргументов родной дочери.

Подобные вспышки вскоре стали сопровождаться покаянными посланиями к родителям, где говорилось, что она взялась за ум и надеется, что в дальнейшем будет для Флоренс лучшей и более послушной дочерью.

Вероятно, до той поры Гертруде и в голову не приходило задаваться вопросом, нравится она людям или нет. Сейчас она должна была признать, что не слишком популярна в школе, и в ответ стала выдавать некоторую взаимную эмоцию – начало того высокомерия, которое было у нее всю жизнь, плюс неприязнь к обществу «ординарных» женщин. Флоренс предостерегала ее со всей возможной тактичностью насчет ее склонности к бахвальству – и в ответ получила очередной взрыв. Соученицы, написала Гертруда, «неинтересны», а потом, найдя более дипломатичное выражение, добавила: «Это весьма неприятный процесс – обнаруживать, что кто-то ничем не лучше общей массы. Мне пришлось это много раз проделывать с тех пор, как я попала в Колледж, и мне это совершенно не нравится».

На второй год в Куинс-колледже она стала пансионеркой и лучше ладила с одноклассницами. Ее пригласили на уик-энд к подруге юности Флоренс, дочери Теккерея Анне, миссис Ричмонд Ритчи, и к вдове историка, чьи книги она глотала перед завтраком, – миссис Дж. Р. Грин. Но попытки сближения со стороны школьных подруг жестко цензурировались из Редкара. Приглашения, как оказалось, не могут быть приняты, пока Флоренс и Хью не проверят при посредстве миссис Кроудейс, приемлема ли приглашающая семья. Три приглашения, уже принятые, пришлось в результате отвергнуть, что не прибавило Гертруде популярности. Предполагалось, что их семьи «недостаточно хороши» для Беллов, потому что занимают недостаточно важное место в обществе. Но это маловероятно. В домах, которые Флоренс не разрешала Гертруде посетить, пили алкогольные напитки, домашние вечеринки были поводом для внебрачной активности, девушки находились без строгого присмотра – иными словами, это были дома беспутной аристократии, и пусть хоть сам принц Уэльский туда вхож, это ничего не меняло.

На уроках Гертруда блистала. Ей были рады как одаренной ученице, которая всегда просилась в старший класс, если работа оказывалась легкой. В первый свой год в классе из примерно сорока девушек она оказалась первой по английской истории, своему любимому предмету, получив оценку 88 из 88. В

английской грамматике она оказалась второй, по географии третьей и по французскому и древней истории – четвертой. В Священном Писании успехи у нее были скромнее. Когда преподаватель спросил, почему она здесь успевает не так, как по другим предметам, ответ ее был прост: «Я ни единому слову из этого не верю!» Хью и Флоренс в церкви бывали нечасто, и никто никогда не мог убедить Гертруду, что Бог существует. Она стала называть себя атеисткой.

Точно так же не воспринимала она критику своих работ по истории. Когда мистер де Сойрес заявил, что написанное ею эссе о Кромвеле не заслуживает обычного примечания «Отлично», поскольку Гертруда предполагала факты, вместо того чтобы их доказывать, а также игнорировала доводы, противоречащие своей точке зрения, Гертруда написала отцу возмущенные слова: «Недостаток моего эссе о Кромвеле вот какой: я пыталась доказать, что Кромвель поступал правильно, в то время как мне нужно было доказать всего лишь, что он не поступал неправильно».

У нее сейчас было чем заниматься, по ее ощущениям, и Гертруда настоятельно просила Флоренс позволить ей отменить уроки вышивки и фортепиано. Она писала, что учиться играть для нее – это «чистая потеря времени», и вкрадчиво добавляла: «Представь себе, сколько я могла бы прочитать книг за этот час упражнений». Мачеха же, считавшая, что невозможно достигнуть чего-то без упорства, не поддавалась на эти соблазнительные перспективы и отвечала, что уроки надо продолжать. Гертруда выждала несколько недель, а потом стала обрабатывать отца. Хью вмешался и, как всегда, принял ее сторону, – так что ей наконец-то позволили оставить фортепиано, уж если не вышивальную иглу.

Если два эти умения Гертруда считала необязательными, то в стихи влюбилась и получала от них удовольствие всю жизнь. В четырнадцать лет она презирала кузена Хорейса за то, что он не прочел еще последнего сборника Роберта Браунинга. Сейчас она писала домой: «Сегодня почти весь день читала Милтона. Всегда у меня такое чувство, что хоть на голову встать готова, если это даст выход восторгу, в который приводят меня “Люсидас” или “Комус”. Очень трудно держать про себя знание этой исключительной красоты, ни с кем ее не обсуждая».

В потоке писем домой становится явным различие ее отношений с отцом и матерью. Она все еще зависит от мнения отца по крупным вопросам и пишет ему отдельно, чтобы спросить его мнения о гомруле для Ирландии или о судьбе Гладстона и либеральной партии. По-иному она пишет Флоренс, когда ей

нужно, например, новое легкое платье, чтобы, когда ее возьмут с собой навестить Мориса и кузена Герберта Маршала в Итоне, она выглядела наилучшим образом. Сейчас Гертруда очень привлекательная девушка. Зеленые глаза несколько резковаты, а нос чуть заострен, но у нее сильная стройная фигура, хорошая осанка и охапка красивых непослушных каштановых волос.

Два ее преподавателя истории, мистер де Сойрес и мистер Ренкин, считают ее блестящей ученицей, как и мистер Кремб, старший преподаватель истории. Они решили, что Гертруда заслужила право учиться дальше, и в последнем семестре ее обучения написали ее отцу письмо с вопросом, не может ли она поступить в Оксфорд. Хью и Флоренс удалось убедить не сразу. Флоренс могла бы согласиться на обучение Гертруды, но Оксфорд как вариант для юной девушки не рассматривала. Однако после поездки в Лондон для обсуждения вопроса с миссис Кроудейс решение было принято. В 1886 году Гертруда поступила в Леди-Маргарет-Холл – один из двух женских колледжей Оксфорда.

Гертруда с тревогой знакомилась с леди Стэнли – основательницей Гертон-колледжа в Кембридже. Она писала Флоренс: «Чувствовала себя очень виноватой, когда пожимала ей руку. Как будто у меня на лбу написано: “Я не иду в Гертон”. А она ничего не сказала!»

В восемьдесят пятом до нее дошла весть, что ее дед Лотиан получил титул баронета. Она ему написала поздравление, но Хью сообщила: «Тебе могу сказать, что я, кажется, очень расстроена, и мне досадно. Я считаю, что он полностью заслуживает титула, но мне только хотелось бы, чтобы он этот титул отверг». В это время Гертруда не знала, что Хью не информирован. «Представь себе мое удивление, – писал он матери, – когда я открыл “Таймс” и увидел объявление, что Патер будет баронетом! Почему никто мне не написал?» И еще он добавил: «Очень рад, что заслуги нашего дорогого мудрого Патера будут признаны», – явное выражение задетых чувств. Хью считал, что с ним надо было посоветоваться – в конце концов, ему предстояло наследовать титул. Гертруда и Хью были согласны в том, что получать титул по наследству, а не по заслугам – сомнительная честь. Такое отношение к равенству и простой жизни, вероятно, было усвоено ими от квакеров Паттинсонов. Может быть, поэтому Хью решил написать матери, а не отцу.

Эта пожилая дама была уже больна, когда стала леди Белл, и прожила еще только год. Вскоре после этого смерть посетила семью еще раз: дядя Томми, непутевый брат Флоренс, погиб, попав под лондонский омнибус.

Вернувшись в Редкар, Гертруда была втянута в социальную

работу Флоренс, как всегда происходило, если она слишком долго задерживалась дома. Вскоре после своей свадьбы ее мачеха начала масштабный проект, посвятив его Чарльзу Буту, который за несколько лет до того стал печатать свое масштабное исследование нищеты: «Жизнь и труд людей Лондона». За период почти в тридцать лет Флоренс и ее комитет опросили около тысячи семей, работающих на сталеплавильных заводах Кларенса, изучив жизнь этих представителей рабочего класса словно под микроскопом. Гертруда время от времени помогала комитету, опрашивая жен рабочих, а в восемьдесят девятом выполняя функции казначея в различных рабочих проектах. Позже, в отсутствие Флоренс, она организовывала ужины, читала лекции о своих приключениях, показывая диапозитивы, и устраивала рождественские праздники для рабочих.

Книга, которую Флоренс в конце концов напечатала в 1907 году, «На заводах», собрала в себе все факты и богатый исследовательский материал для тех, кто считал своей задачей бороться за перемены.

Труд Флоренс очень легко счесть неполным. Обнажив страдания, переносимые беднейшими семьями рабочих, особенно когда наступают тяжелые времена, она не углубляется в исследование трещин викторианского общества. Не предлагает лечения. Работу Флоренс компрометирует ее статус жены заводчика. Но считать так – значит игнорировать экстраординарный характер ее мужа и предприятий Беллов. Хью, капиталист и работодатель, не видел конфликта между хозяевами и рабочими – более того, он считал их необходимыми друг другу. Его люди получали хорошую зарплату и пользовались привилегиями, которых были лишены многие бедняки и те, кто трудился в непросвещенных сельскохозяйственных имениях. Хью продолжал дело своего отца – внедрять образование, а ведь именно недостаток образования лежал в основе трудностей хозяйства в плохо управляемых семьях. Хью был не просто либералом по складу мыслей, но активистом политики либералов. Он отстаивал мысль, что долг государства – заботиться о личностях. Он верил в важную роль новых тред-юнионов, считал, что работодатели должны поощрять их в общей заботе о благе рабочих. В основе этой политической философии уже лежал социализм, хотя ее и отвергали более марксистско-крайние деятели. Хью мечтал о государстве благоденствия, реализованном при его жизни Ллойд-Джорджем и Черчиллем в законодательстве о льготах для больных, безработных и пенсионеров. А для Флоренс было достаточно показать страдания рабочих, объяснить, как они возникают. То, что у нее была

уникальная возможность доступа к рабочим, их женам и в их дома, связано с огромным уважением Хью к своей жене как человеку глубокого ума и большой целеустремленности.

Чтобы понять важность работы Флоренс, необходимо помнить, что в то время принятая в среднем классе точка зрения на рабочий класс была невежественной и морализаторской. Жены коммерсантов и леди на ужинах Лондона охотно соглашались с такими фразами, как «Я никак не могу сочувствовать рабочим, потому что они плохо смотрят за своими детьми и не поддерживают в доме чистоты. Дети умирают, и это вина матерей». Флоренс же так правдиво изложила факты из жизни рабочих и их семей, что ни один человек, прочитавший «На заводах», уже не мог бы такого сказать. Ее миссия заключалась в том, чтобы распространять это должным образом, пусть даже она жена промышленника, состояние которого создали рабочие. Установив факты, Флоренс их анализировала. Ей удалось создать впечатляющий массив социальных исследований, оставив заключения социологам промышленности и реформаторам, которые придут за ней. Точно так же эмоциональные мотивы она оставила другу семьи Чарльзу Диккенсу, у которого от Бога был дар – рисовать незабываемые лица и души бедных.

Читатели «На заводах» узнавали о беднейших из рабочих и о том, «как близко к краю пропасти идет человек, у которого в обычных условиях едва хватает денег на поддержание своего существования». Зарплаты варьировались от 18 до 80 шиллингов в неделю, и читатели узнавали, какая доля уходила на абсолютно необходимое: плата за съем жилья, уголь и дрова, за одежду и транспорт «там, где для многих между домом и работой лежит река, и ее приходится переплывать за полпенни на паровом пароме». Они узнавали, что запас еды, который семья из трех человек растягивает на семь дней, у более процветающей семьи уходит за два. Богатые часто упрекают женщин рабочего класса за измазанные в грязи подолы. Флоренс открыла правду: они таким образом скрывают печальное состояние своей обуви. Она объяснила, как девушки-подростки идут замуж, полные надежды и радостного волнения, как потом постоянные роды подрывают их здоровье, угнетают дух и делают невозможными физические усилия, необходимые для уборки, шитья и готовки. «Не удивляет, что одежду приходится оставлять незашитой, а пол – неподметенным». Флоренс описывает разрушение браков, когда усталый рабочий «начинает искать утешения и радости вне своего дома», жена поворачивает его жизнь не в ту сторону «не из-за дурных намерений, а просто потому, что не справляется с существованием, как бы ни боролась, к тому же на фоне

разрушающегося собственного здоровья». Флоренс проводит напрашивающееся сравнение с женщиной среднего класса, которая может чистку и уборку переложить на кого-то другого. «Мы лучше все поймем, если признаем это и не будем себя обманывать. Если откровенно признаем: есть один кодекс поведения для богатых и другой – для бедных».

Супруги Белл, как гражданские лидеры и местные благотворители, строили залы собраний, библиотеки, школы и офисы. Флоренс признала, что в Миддлсборо нужно такое место отдыха, куда могли бы пойти вечером усталые рабочие, дабы отдохнуть от крика детей. Она хотела создать альтернативу пабу, где мужчины тратили слишком большую часть своей зарплаты и где часто возникали драки. В 1907 году Флоренс открыла «Зимний сад» – большой и хорошо обогреваемый современный зал, «светлый, яркий и радостный… открытый для всех и каждого, кто решится заплатить один пенни». Еще за пенни подавали чай и бисквит, но алкоголь не подавали. На открытии Хью произнес свою обычную изящную речь: нет позиции, которую он хотел бы тут занять, сказал он, кроме позиции «собрата-рабочего, капитана индустриальной армии, которой я командую», и он надеется, что «Зимний сад» улучшит и осветит жизнь солдат этой армии. Женщины также приглашались, хотя Флоренс понимала, что по большей части они должны по вечерам оставаться дома – кормить детей и присматривать за ними, но, радостно заметила она в первый день, «женщин здесь много».

Хью взял на себя издержки по расчистке площадки и возведению здания, а дальнейшая сумма в 2070 фунтов была собрана на месте. Готовый зал декорировали висячими корзинами цветов и обставили бильярдными столами, рядами сидений и столами с газетами и журналами. В будни и выходные происходили соревнования духовых оркестров, выступали певцы и бродячие артисты всех сортов. После рабочих часов там всегда было людно, и когда Флоренс туда заглядывала, ее обычно просили поиграть на пианино и исполнить песню. «Зимний сад», впоследствии переименованный в «Сад Дамы Флоренс Белл», сразу стал успешным и оставался таким и дальше. На одну из годовщин свадьбы Хью преподнес Флоренс документ на право владения зданием.

Гертруда в этом и участвовала, и нет. Наблюдая вблизи, чего стоит посвятить себя улучшению жизни людей и постоянно настраиваться на сочувствие, видя, какая нужна выносливость, чтобы год за годом тянуть этот воз, не ожидая благодарности, она поняла, что такая работа не для нее. Эта территория принадлежала Флоренс. Гертруда, тактично признавая огромные

достижения мачехи на данном поприще, начала поглядывать в сторону. Ее собственные интересы являлись международными, а не местными, и вклад ее должен был быть сделан в мировом масштабе.

Ее взгляды отшлифовались в долгих дискуссиях с отцом. Гертруда уже имела твердые суждения по поводу многих злободневных вопросов. Она жаждала дебатов и надеялась их найти на множестве обедов и ужинов, куда теперь бывала приглашена. Но, сталкиваясь с «обычными» взглядами «обычных» людей, она часто злилась на их непонимание и неумение увидеть вопрос с ее точки зрения. Домой из Лондона Гертруда писала: «Хватит с меня этих обедов, где люди все время говорят “Я думаю”». Ей хотелось говорить с людьми, знающими факты или готовыми их открывать. Легко представить ее на званом обеде – как она вертится на своем стуле между двумя доброжелательными взрослыми, изо всех сил стараясь сбросить с рельсов медленно двигающийся к обычным заключениям поезд застольной беседы. Если темой разговора была свобода торговли, то дискуссия могла происходить примерно так:

СОСЕД. Если снять пошлины на импорт, начнется ужасная безработица, потому что с дешевой рабочей силой из-за границы мы конкурировать не можем.

ГЕРТРУДА. Чушь. Почему вы так решили?

СОСЕД. Потому что, дорогой мой молодой друг, закроются наши заводы.

ГЕРТРУДА. Заводы могут закрыться, но это не обязательно повлечет за собой широкий рост безработицы.

СОСЕД. А как вы пришли к этому заключению?

ГЕРТРУДА. Если Британия сможет закупать дешевый хлопок из Индии, у населения останется больше денег, которые можно будет потратить на товары, сделанные в Британии.

СОСЕД. А что станет с бедным фермером, у которого исчезнет источник средств к существованию?

ГЕРТРУДА. Он переедет в Миддлсборо, научится на заводах в Кларенсе выплавлять чугун и заработает больше денег приобретенными умениями.

Гертруда, будучи дочерью Флоренс не менее, чем Хью, часто ввязывалась в дискуссии о рабочем классе. Она была либералкой и последовательницей Гладстона и свои взгляды на современные политические противоречия формулировала с помощью логических рассуждений и здравых исторических перспектив. Ко времени поступления в университет ее в смысле поведения в

обществе можно было сравнить с ручной гранатой.

В 1886 году в Оксфорде студенты еще ездили на двуколках, доктор Джоуэтт возглавлял «Баллиол», а в четырехугольнике Крайст-Черча еще можно было заметить иногда фигуру Льюиса Кэрролла. Хотя в университете было два женских колледжа, он продолжал оставаться бастионом женоненавистничества. В возрасте восемнадцати лет Гертруда вошла в почти исключительно мужской мир под руководством первой директрисы Леди-Маргарет-Холла, мисс Элизабет Вордсворт, внучатой племянницы поэта. Но даже там, где вроде бы должна процветать эмансипация, оказалось, что женщинам, входящим в мужской колледж, совершенно необходимо сопровождение – как и в случае, когда они принимают у себя мужское или смешанное общество. Мисс Вордсворт была осторожной. Женщина, говорила она, задумана как «помощница Адама» и должна заниматься «изящными мелочами». Гертруда неохотно согласилась на обучение изящному почерку и «умению закрывать и открывать двери». С другой стороны, она повсюду разъезжала на велосипеде и входила в любой круг, согласный ее принять. Она плавала, гребла, играла в хоккей и на сцене, танцевала и выступала на диспутах, но все равно ей приходилось тратить драгоценные часы на работу с иголкой. Гертруда быстро научилась сопоставлять необычайную свободу, в которой была воспитана, с поведением, принятым в более широком мире. «Я сегодня собираюсь на званый чай у Мэри, познакомиться с одним ее родственником, который заодно директор “Веллингтона”. Она так несчастна, потому что мисс Вордсворт объявила, что лучше будет принять его в общей гостиной! А это и вполовину не так хорошо, как чай у себя в комнате…» Ее комната была довольно невзрачна, но вскоре кровать и пол оказались усеяны привычной мешаниной из книг и бумаг. Гертруда попросила Флоренс сказать садовнику, чтобы передал ей на поезде горшок с подснежниками.

Присутствие дам повергало университет в печаль. Он не давал женщинам полного членства до 1919 года, а Кембридж и потом еще отказывался. Почти все студенты в те времена считали университет чем-то вроде объединения чисто мужских клубов, дающих прекрасные знакомства для будущей карьеры в армии, парламенте, в церкви империи. Женщины в этом никак не участвовали, как и в проведении досуга: пьянство, игра, скачки – или погоня за прекрасным полом. Мужское общество управлялось мужчинами и было создано для мужчин, а присутствие женщин противоречило самим его основам, озадачивало, будто сестры и матери приехали в университет и мешают вести себя так, как положено мужчинам в отсутствие женщин.

Это был век, когда даже ножки рояля драпировали, чтобы не казались слишком провокационными. Мысль, что женщины – низшие существа, была неотделима от преподавания в Оксфорде. Чтобы девушка получила разрешение на посещение лекций и сдачу определенных экзаменов, нужно было отдельное прошение. «Перегрузка [женских] мозгов, – писал философ того времени Герберт Спенсер, – приведет к дефициту репродуктивной способности». «Низшей перед нами сотворил тебя Господь, и низшей перед нами останешься ты до конца времен», – гремел с кафедры Нью-Колледж-Чепел декан Джон Бергон. Когда один из тьюторов, мистер Брайт, заставил женщин в аудитории сесть к нему спиной, у Гертруды затряслись плечи. Почти сразу захихикали все три девушки, и вскоре все они неудержимо смеялись. Но это, сообщила Гертруда отцу в письме, была проблема мистера Брайта, а не ее.

Она работала ежедневно по семь часов, но домой писала:

«Объем работы безнадежен. Вот на прошлой неделе я должна была прочесть биографию Ричарда Третьего, еще одну биографию Генриха Восьмого в двух томах и все ту же историю Хэллама и Грина от Эдуарда Четвертого до Эдуарда Шестого, третий том Стаббса, 6 или 7 лекций мистера Лоджа, просмотреть несколько лекций мистера Кэмпиона за прошлый семестр и несколько лекций мистера Брайта, и наконец – написать 6 эссе для мистера Хассела. Вот я и спрашиваю: это возможно?»

И вот Гертруда, одетая в свободное черное платье, развевающееся вокруг шнурованных ботинок, надвинув шапку с кисточками на собранные в пучок волосы, в колонне по два шла вместе с прочими студентками ЛМХ через Юниверсити-парк к Баллиол-колледжу на первую лекцию по истории. В аудитории находились две сотни парней, занявших все скамьи. С поразительной антикуртуазностью они остались сидеть и отказались двинуться с места. Девушек провели наверх к платформе, где стояли стулья рядом с кафедрой преподавателя. В конце лекции мистер Лодж повернулся к студенткам и спросил с невыносимо снисходительным видом: «Ну-с, что юные леди сегодня усвоили?» Блеснули зеленые глаза, и Гертруда громко отрапортовала: «Вряд ли что-нибудь новое. Мне кажется, вы ничего не добавили к тому, что написано в вашей книге».

Раздался громовой смех, и атмосфера, наверное, слегка разрядилась.

Уверенность в себе у Гертруды была необычайная. Однажды посреди устного экзамена она затеяла с профессором спор относительно местоположения одного немецкого города: «Простите, но он на правом берегу. Я там была, и я знаю».

В другой раз она обидела выдающегося историка, профессора С. Р. Гардинера, перебив его рассуждения: «Боюсь, что должна дистанцироваться от вашей оценки Карла Первого». Мисс Вордсворт вздрогнула, когда ей это пересказали. «Да тот ли это человек, которого захочется иметь возле своей постели, если заболеешь?» Но в планы Гертруды не входило играть роль сиделки. Она отработала заключительные экзамены в два года вместо обычных трех, назвала сами экзамены «восхитительными» и прямо после них пошла играть в теннис. Потом она поехала в Лондон покупать изумрудное шелковое платье для бала в День поминовения и вернулась в огромной соломенной шляпе, украшенной махровыми розами. Вскоре ей сообщили, что она блестяще заняла первое место.

Диплом первого класса – вершина интеллектуальной квалификации. Хорошее второе место дается за прилежание в трудном освоении знания и за детальные ответы на вопросы экзаменатора. Студент первого класса должен уметь выходить за рамки принятых на сегодня теорий и исследовать новые горизонты знания, без колебаний бросая вызов самым изощренным в данном вопросе умам. Гертруда была первой женщиной, получившей диплом первого класса по современной истории – оценка выдающихся качеств ее ума.

Есть лимерик тех времен (автор неизвестен), который мог бы быть написан о Гертруде кем-то из знавших ее студентов.

> I spent all my time with a crammer
> And then only managed a gamma,
> But the girl over there
> With the faming red hair
> Got an alpha plus easily – damn her![4]

Гертруда считала себя деятельной, а жена одного из ее тьюторов – «чопорной». На этом этапе и в этом возрасте можно найти в ее характере параллели с литературной героиней Э. М. Форстера Люси Ханичерч из романа «Комната с видом» (напечатан в 1908 году). Гертруда нетерпима, видит себя восхитительно не похоже на других и полна возвышенных идеалов. Она любит общество мужчин, и у нее уже возникла привычка, которая останется на всю жизнь, воспринимать их жен как «зануд». С другой стороны, на их оживление и увлеченность она смотрит так скептически, будто ей пятьдесят, а не девятнадцать. «В гостинице вместе с нами собрался один кружок читателей из Оксфорда… судя по шуму, который они поднимают, чтению они уделяют очень мало внимания».

Женщины, которых Гертруда встречала в Оксфорде, были куда больше ей по вкусу, чем ее прежние соученицы, хотя одна из новых подруг, Эдит Лэнгридж, пришла из Куинс-колледжа, как и она сама. Ей нравилась Мэри Талбот, племянница директора колледжа Кеббл, но ее лучшей подругой стала Джанет Хогарт. Брату Джанет, археологу и арабисту Дэвиду Хогарту, также предстояло сыграть существенную роль в ее жизни. Джанет рисует проницательный портрет девятнадцатилетней Гертруды:

«На мой взгляд, другого столь блистательного создания среди нас не было. Невероятно живая во всем, с неисчерпаемой энергией, блестящим жизнелюбием, неограниченной жадностью к работе, к разговору, к игре. Она всегда была странной смесью зрелости и детскости, взрослая в своих суждениях о делах и людях, подобная ребенку в решительности убеждений и вся погруженная в свою цельную веру в отца и мир живого интеллекта, в котором была взращена».

Но более всего освещает для нас душу Гертруды Флоренс, та милейшая женщина, которой было доверено необычайное и разумное дитя – Гертруда, которая нарушила собственные правила и сделала так, что ее падчерица получила образование наравне с мужчинами. Флоренс воспитывала трудного ребенка с огромной чуткостью и осторожностью, когда один неверный шаг мог превратить девочку в бунтовщицу. Она направляла жизнь падчерицы, смотрела, как эта жизнь отделяется от ее собственной в непредвиденных, но положительных направлениях, и это она чувствовала себя превзойденной, глядя на приключения и карьеру Гертруды. Флоренс никогда не сетовала, что Гертруда стала в большей степени космополитом, чем она, лучшим писателем и лучшим администратором, чем она, пользовалась бóльшим почетом как интеллектуал, бóльшим восхищением, если не любовью, стала более знаменитой и более влиятельной. Гертруда, в свою очередь, начала любить Флоренс – хотя и не в такой степени, как отца, – как человека, с которым хочется в жизни быть близко, которого хочется иногда защитить от знания о собственных опасных приключениях. Письма ее к отцу обычно более полны чувства и нежности, как и письма Флоренс к ее собственным детям, Эльзе, Хьюго и Молли, показывают бóльшую близость между ними и матерью. Согретая нежностью, но не ослепленная любовью, Флоренс писала о падчерице после ее смерти: «…На самом деле реальной основой натуры Гертруды была ее способность глубоко чувствовать. Великие радости были у нее в жизни, но и великие печали тоже. Как иначе могло быть у человека, чей темперамент был так жаден к опыту? Ее пылкая магнетическая личность на ходу увлекала за собой других».

Глава 3
Цивилизованная женщина

Ставшая первой женщиной, получившей первое место по современной истории, Гертруда с ее триумфом попала в объявления «Таймс». Встретившись с этой интеллектуально надменной и обладающей порой огромным самомнением девицей, вернувшейся после Оксфорда в Ред-Барнс, Флоренс сказала Хью, что надо будет убрать эту «оксфордскую манеру», иначе никто на ней не женится. Флоренс была настроена одомашнить Гертруду и объяснить, что жизнь – это не только сдавать экзамены и выигрывать споры. Но прежде всего девушка заслужила отдых.

Ей предстояло поехать в гости к тете Мэри, сестре Флоренс, в Бухарест, где ее муж сэр Фрэнк Лasселс служил британским посланником в Румынии. Мэри очень любила Гертруду и находила ее забавной, а ее дочь Флоренс, названная в честь Флоренс Белл, была одной из лучших подруг Гертруды. У Лasселсов было еще два мальчика: Билли, только что закончивший Сэндхерст и ждущий назначения в гвардию, и его младший брат Джеральд. Билли, первый объект «случайного флирта» Гертруды, встречал Хью и Гертруду в Париже и далее провожал ее без всякого другого эскорта до Мюнхена, где им предстояло встретиться с Джеральдом и продолжить путь в Восточную Европу.

Гертруда была невероятно взволнована и ожидала оказаться на вершине счастья. Она за последние пару лет постройнела и была уже не расхристанным подростком, а ухоженной девушкой с великолепными каштановыми мягкими волосами. Кудри, спадающие от заколок, смягчали эффект ее пронзительного взгляда. Наступило Рождество, а Бухарест 1888 года являлся одной из самых развитых и светских столиц Европы. Ядром его жизни был двор и посольства. Гертруда привезла с собой чемоданы восхитительных модных платьев для четырехмесячного вихря балов, обедов и театров, куртки с меховыми воротниками и белые шнурованные ботинки для катания на коньках в лесу, индийские шали, муфты и митенки для санных экспедиций в горах со средневековыми замками и ярко раскрашенными гостиницами.

Вскоре Лasселсы представили ее королю Каролю и королеве Елизавете, и с этой печальной и красивой королевой у Гертруды возникла мимолетная дружба. Королева, более известная под

литературным псевдонимом Кармен Сильва, пользовалась куда большей популярностью, чем ее суровый и, в общем, прозаичный супруг. «Король так похож на всякого другого офицера, – писала Гертруда кузену Хорейсу, – что я никак не могла запомнить, кто он, и только милостивое провидение уберегло меня от попытки дружески кивнуть ему несколько раз за вечер, спутав с кем-нибудь из моих многочисленных знакомых… мы с Билли однажды танцевали вальс совсем рядом с ним. “Король! На ногу ему не наступи!” – прошептал мне Билли – но было поздно». Многие дебютантки о первой встрече с особой королевской крови рассказывают односложными восклицаниями, но Гертруда демонстрирует здесь свою способность разговаривать с важными людьми, не становясь ни застенчивой, ни развязной:

«Невозможно себе представить, как обаятельна королева. Вчера мы ездили на благотворительный бал… она приехала туда и долго разговаривала с тетей Мэри и со мной и наконец дала мне 10 франков и послала покупать билеты благотворительной лотереи… мы уже долго разговаривали с королевой, когда до меня вдруг дошло, что это действительно королева… но она не стала бы со мной беседовать, если бы ей того не хотелось. Она рассказала мне, как проводит зиму, – звучало просто ужасно. Бедная женщина».

Лasselсы много ездили по стране, любуясь пейзажами, и брали с собой Гертруду. Ее развлекали страстными, почти бурными дебатами в кабинете министров, а многие поздние развлечения и балы вполне оправдали ее надежды. Она хорошо танцевала, знала все па и даже научила секретарей посольства новому танцу – бостону. Она писала Флоренс, что в Румынии партнера выбирают иначе:

«Здесь не танцуют с одним человеком. Получается так: партнер подходит и приглашает тебя на тур. Ты с ним три-четыре раза танцуешь вокруг всего зала, он тебя сбрасывает на руки твоему шаперону, изящно кланяется – и тут подходит кто-нибудь другой, и тебя уводят. Все офицеры, конечно же, в мундирах, в сапогах со шпорами, но танцуют так умело, что никого не царапают совершенно… Не могу даже попытаться рассказать тебе, с кем я танцевала, потому что всех запомнить невозможно».

В эти вечера Гертруда танцевала без остановки до трех ночи, а потом все возвращались в каретах домой по освещенному луной снегу, завернувшись в одеяла, позвякивали бубенчики лошадей, кареты мчались по обледенелым мостовым. В теплой гостиной посольства ждали сандвичи и горячие напитки, и все еще сидели часок у огня, обсуждая тех, кого сегодня видели. Здесь Гертруда оказалась в более утонченном и космополитичном кругу, нежели

тот, с которым познакомилась под внимательным надзором Флоренс. Она удивилась, узнав, что в обществе принимают разведенных женщин. Не украшенная косметикой, как и положено порядочной юной леди тех времен, Гертруда была поражена игривостью фрейлины королевы, которая совершенно открыто пудрилась – и мазала пудрой лица всех молодых людей, которые болтались возле двери гардеробной. Среди толпы графов и князей, секретарей и послов Гертруда познакомилась с двумя людьми, которым предстояло сыграть в ее жизни важную роль: Чарльзом Хардингом из британского посольства в Константинополе, впоследствии вице-королем Индии, и тридцатишестилетним Валентайном Игнатием Чиролом, иностранным корреспондентом «Таймс». Чирол, близко друживший с Лasселсами, стал одним из самых лучших друзей Гертруды. Она будет писать ему со всех концов света, и эти отношения прервутся лишь с ее смертью. Со своим любимым «домнулом» (по-румынски – господин) она делилась эмоциями и дилеммами, о которых не могла поговорить с родителями. Сперва ее пленила широта его знаний международной политики. Он, в свою очередь, был поражен пытливым и агрессивным стилем ее разговора, на который очень быстро стал отвечать в тон. Свою карьеру Чирол начинал клерком в министерстве иностранных дел, потом, вооруженный знанием дюжины языков, выбрал себе жизнь путешественника, лектора и писателя, передавая в Уайтхолл важную информацию. Он стал экспертом по всем аспектам мощи Британской империи и угроз ей, а впоследствии – редактором иностранного отдела «Таймс».

Независимый нрав Гертруды иногда создавал ей проблемы. Однажды, слушая спор между дядей и одним иностранным государственным деятелем, она вмешалась в разговор, обратившись к французу так: «Il me semble, Monsieur, que vous n'avez pas saisi l'esprit du peuple allemand»[5]. По собранию пробежал гул неодобрения, и только Чирол улыбнулся. Тетя Мэри в ужасе отозвала Гертруду в сторону и велела ей удалиться. Флоренс, описывая этот инцидент через двадцать пять лет, согласилась с реакцией сестры: «Несомненно, что… со стороны Гертруды было неправильно выступать со своим мнением, тем более критическим, перед теми, кто превосходил ее по возрасту и опыту». Однако потом она добавляет: «Но впереди было время, когда многие выдающиеся зарубежные государственные деятели не только слушали ее мнения, но и принимали их и действовали соответственно».

Однако пришел конец и румынским каникулам, и четыре счастливых месяца Гертруды завершились поездкой с Лasселсами

в Константинополь. К еще большему ее удовольствию, их сопровождал Чирол, показывая много прекрасных экзотических мест, которые обычно туристы не видят. Билли провез Гертруду на веслах в каике через Золотой Рог. «Это было восхитительно – низкое солнце поблескивало на воде, возвращая цвет поблеклым турецким флагам военных кораблей и превращая каждый минарет Стамбула в ослепительную мраморную колонну», – писала она домой.

Вскоре Гертруде предстоял «выход в свет» дебютанткой в Лондоне – ритуал для девушек из состоятельных семей, входящих в «общество» со школьной скамьи, – и представление королеве на приеме, который называется «гостиная». Но пока что, в Редкаре, Флоренс приводила в действие свою угрозу одомашнивания Гертруды. Для людей здравомыслящих, вроде Флоренс и Хью, мужчины являются нравственными, если посещают церковь, а женщины – когда содержат дом в чистоте и порядке. Но женщины интеллектуальные, заполняющие свою жизнь «мужской работой» (политические дебаты, деловые встречи, кампании) и в то же время пренебрегающие детьми, мужьями и домом, – безнравственны определенно. Чарльз Диккенс дал незабываемое описание этого типажа в лице миссис Джеллиби в «Холодном доме». Это особа с необычайно сильным характером, всецело посвятившая себя «обществу», в особенности – своему «Африканскому проекту». Платье на ней незастегнуто, волосы причесаны только спереди. В комнате грязь и разбросаны бумаги, голодные дети вертятся вокруг и хнычут, а тихий и скромный мистер Джеллиби, начисто лишенный мужественности от долгого общения с этой амазонкой, тихо сидит в углу и пытается унять головную боль, прижимаясь лбом к стенке. Гертруда может быть синим чулком, думала про себя Флоренс, но миссис Джеллиби она не станет.

Вынужденная совершать иногда некоторые путешествия, Флоренс поручила падчерице заниматься тремя младшими. Гертруде необходимо было учить их истории, вести дом и руководить слугами, записывать расходы в бухгалтерские книги и следить, чтобы все было в порядке, когда по вечерам Хью возвращался из Кларенса. Морис был в Итоне и должен был там оставаться до своих девятнадцати лет. Гертруда, любившая общество детей и очень нежно относящаяся к братьям и сестрам, делала абсолютно все, что нужно, хмурилась над счетами, навещала женщин в Кларенсе и организовывала для них развлечения, пыталась работать иглой и посылала Флоренс отчеты о своей ежедневной деятельности. «Я вышла в сад освежиться, но тут же явились детки, которые заявили, что они –

бароны и сейчас меня ограбят. Я была несколько удивлена таким взглядом на функции аристократии… мы все играли в скакалочку… Молли недавно весьма шокировала мисс Томпсон [гувернантку], спросив ее, как будет по-французски “У этой лошади колер!”».

Сама не очень хорошая кухарка, Гертруда научила Молли и Эльзу печь лепешки и имбирные пряники. В промежутке между домашними делами она брала уроки танцев, читала «Джонсона» Суинберна и иногда оставляла детей на слуг и ездила к леди Оллифф на Слоун-стрит подгонять платья для лондонского сезона. Труды над счетами наводят на мысль, что Флоренс особо подчеркивала важность домашней экономии и старалась научить падчерицу понимать цену денег. По письмам Гертруды того периода невозможно предположить, что они написаны наследницей шестой по богатству британской семьи.

«По поводу передников для девочек. Хант [их нянька] хотела бы иметь один для Молли из батиста, 16 пенсов за ярд, 40 дюймов шириной, еще два хлопчатобумажных, они лучше отстирываются, 13 пенсов, 38 дюймов ширины. Еще две вставки, одна за 6 пенсов, не очень красивая, и одна за 10, действительно красивая. Но она на 4 пенса за ярд дороже… Мистер Гримстон говорит, что не может нам поставлять баранину за 9 пенсов фунт, она теперь подорожала. Я спрашивала у других мясников и выяснила, что они продают ее минимум по 10 пенсов за фунт…

Я заплатила всем, кроме мясника, тем, что ты послала, и еще остался фунт, который я сохраню до следующего раза… сегодня я ездила в Кларенс и договорилась о лекции по уходу за детьми на завтра… Потом сделала несколько визитов и домой вернулась с папой в 4.35. Потом мы с Молли собирали первоцветы».

Выполнив семейные обязанности, Гертруда переехала в Лондон для своего «выхода в свет». На тех приемах, домашних вечеринках и балах, куда приглашали девушек, им представляли ряд подходящих холостяков из официального списка, из которых, как предполагалось, они найдут мужей. В обязательном белом платье с треном, с высокими белыми перьями, надежно закрепленными в рыжих волосах, Гертруда приехала в Букингемский дворец с Флоренс и Хью в медленно ползущей череде карет и сделала свой официальный реверанс стареющей королеве. В плотном сопровождении она посещала вечера в десятке главных домов, в том числе у герцога Девонширского, в семействе Лондондерри и Стэнли, гостила на Одли-сквер у лорда и леди Артур Расселл, среди многочисленных детей которых числилась ее близкая подруга Флора, ездила в Аскот в великолепной шляпке, присутствовала на крикетном матче между

Итоном и Хэрроу и проводила уик-энды в загородных домах. Флоренс она писала: «Помнишь, мы обсуждали, как другие девушки проводят свои дни? Теперь я это узнала: они спешат из одного дома в другой на крикетные недели, что означает целый день крикета и целую ночь танцев…» Ей нравились разговоры с разными людьми. «Приехал лорд Карлайль и сел возле меня. Мы говорили о футболе и о церкви! Он был удивлен, сколько я знаю церковных сплетен, а я – что он вообще знает о футболе. Еще должна сказать, что я была в очень красивом платье, которое имело большой успех».

Как Оксфорд казался ей тесным после той свободы, которой она наслаждалась дома, так и теперь лондонское общество связало ее условностями, которые не так строго соблюдались в Бухаресте. Поскольку аристократические фамилии, такие как Сесилы, Говарды, Кавендиши и Стэнли, правили обществом, наличие или отсутствие приглашений от этих социальных арбитров говорило о степени принятости девушки в обществе. Гертруде более всего досаждала, как это было и в школе, и в университете, необходимость сопровождения при каждом выходе из дома, пусть даже в картинную галерею или церковь. Привыкшая галопировать по всему Йоркширу, перемахивая на охоте через изгороди, теперь она в гостях в деревне должна была медленно рысить в кавалькаде среди других гостей, грумов и семейных кучеров, держась в тесной группе. Ей приходилось осторожно выбирать книги, с которыми ее могли увидеть, и даже выслушивать порицание за чтение «Ученика» Бурже. И тот факт, что она читала книгу на французском, не спас ее от упрека: в романе выведен ученик, применяющий натуралистические теории своего учителя в повседневной жизни.

Время от времени Гертруда вырывалась из плена. Ее добрая подруга по школьным временам Мэри Талбот, праведная женщина, которой предстояло выйти замуж за будущего епископа Чичестерского, посвятила свою трагически краткую жизнь работе в трущобах лондонского Ист-Энда. Понимая, несомненно, насколько начинают расходиться их жизненные пути, однажды Гертруда ускользнула от своих сопровождающих и вызвала недовольство Флоренс, поехав самостоятельно на новой подземке в Уайтчепел, где провела восхитительный день, сопровождая Мэри в ее обходах.

Флоренс выразила неодобрение по поводу флирта Гертруды с Билли Лasselсом. Тот факт, что они кузены, сказала она, не дает Гертруде права пренебрегать условностями, тем более что Билли много времени проводит в Лондоне, пока его родственники путешествуют за границей. Гертруда пользовалась доверием в том

смысле, что она будет вести себя прилично, хотя это часто ее раздражало. «Мы с Билли сидели в саду и долго разговаривали. Он хотел взять меня с собой в Паддингтон и отослать обратно в кебе. Не бойся, я не поехала – а что бы случилось, если бы поехала? Было десять часов». Еще один кавалер, некто капитан Икс, повез ее на выставку и отвез домой в кебе. Гертруда писала Флоренс: «Надеюсь, я тебя не шокировала». Если капитан рассчитывал на флирт, то его ждало разочарование. «Я всю дорогу туда рассуждала о религиозных верованиях, а всю дорогу обратно – о весьма метафизических понятиях истины… очень люблю говорить с людьми, когда у них есть желание говорить разумно и о том, что хочется обсуждать». Когда Флоренс высказала ей упрек за нескромность поведения, Гертруда ответила обезоруживающе: «Вряд ли много внимательных знакомых видели меня в воскресенье, это был очень суматошный день. Я уверена, что тебе он бы не понравился, но знаешь, и мне тоже нет!»

Когда с течением времени Гертруде самой пришлось сопровождать Эльзу и Молли на танцы в Лондоне, она очень радовалась, помогая им одеваться в парадные платья, но вскоре ей надоело, что за ними нужно все время присматривать. Вспомнив замечание Флоренс на майских балах насчет того, какой старой она себя чувствует, присматривая за молодыми, Гертруда ей написала: «Я сидела и смотрела, как они танцуют, и понимала, как ты чувствовала себя в Оксфорде».

Какой была Гертруда в свои двадцать с лишним? Увлекает мысль, что мы можем иметь некоторое ее описание, сделанное тонким аналитиком характеров Генри Джеймсом. Этот писатель был хорошим другом Флоренс и Элизабет Робинс, Гертруда с ним несколько раз виделась: иногда как с гостем семьи Белл и неоднократно на обедах у Расселлов, где он тоже был частым гостем. Слушая, как он смеется над романом миссис Хэмфри Вард, она сказала, что он «настоящий критик – такой умеренный, такой справедливый и такой презрительный! Каждая фраза вонзалась в голову, как гвоздь, и это был гвоздь в крышку гроба, где лежала репутация миссис Вард как писателя». О герое романа Джеймс заметил: «Тень. Персонаж, отложенный на неопределенное время, он не приходит ни к чему». Вряд ли простодушный и очень прямой характер Гертруды остался Джеймсом не замеченным, и очень хочется сравнить ее с Нандой, героиней романа «Неудобный возраст», выпущенного не сколько лет спустя, в 1899-м. Гертруда могла быть среди молодых леди, которые его вдохновили. Флоренс Белл была сторонницей и конфиденткой Джеймса в борьбе за успех в театре, и в 1892 году

главную героиню своего рассказа «Нона Винсент» он списал в основном с нее.

«Неудобный возраст» создан на материале чуть более раннего периода жизни Джеймса, когда он был закоренелым завсегдатаем лондонских гостиных. Он касается «иногда ужасного, часто запаздывающего, но никогда полностью не останавливаемого выдвижения на первый план» дебютантки и «“сидения внизу”, начиная с определенной даты, жестокосердной девы, прежде стоявшей на возвышении, – ситуация, которая может легко ощущаться как кризис [из-за] того, что в кругу, где свободно велась речь, приходится теперь принимать во внимание присутствие новой, невинной, совершенно неакклиматизированной личности».

В его юмористическом повествовании показан утонченный круг взрослых, «озадаченных внезапным появлением открытого ума и пары ясных любознательных глаз, с которыми отныне приходится считаться». В мире Джеймса – мире полутемных гостиных и тонких подтекстов – Нанда торчит бескомпромиссной фигурой, вопрошающей, своеобразной, честной до неловкости. «Не такая хорошенькая», как маленькая красивая Эджи, она «владеет собой… искренняя… забавным образом лишена робости и легкомыслия… нелегко обескураживаемая» и в разговоре проявляет «жестокую ясность юности». Глаза из-под «шеренги светлых волос» смотрели на собеседника «с мягкой прямотой», которая «создает красоту всего остального». Она предпочитала, когда есть возможность, ходить пешком, а не ездить в карете.

До двадцати четырех лет Гертруда дожила, ни разу по-настоящему не влюбившись, – состояние, которое вряд ли могло продолжаться долго. Она три года жила в обществе, но у нее был слишком решительный характер, слишком острый ум и слишком резкое критическое отношение к менее развитым личностям и умам, ее окружающим. Многие ее родственники относились к ней с высочайшим почтением – если не за ее социальное положение, то за ее интеллект, а Гертруда, подобно многим дочерям влиятельных и знаменитых отцов, не умела скрывать ощущение превосходства по отношению к мужчинам, которым было не сравниться с Хью. Она, видимо, это осознавала и не могла избавиться от некоторого давления ожиданий своей семьи – и ожиданий, вызванных семьей. Она была женственной, привлекательной, живой, она была готова стать счастливой, но у нее в голове отложилось, что веселее всего ей жилось в Бухаресте и там она пользовалась наибольшим восхищением. Когда тетя Мэри снова пригласила ее к Лассельсам, на этот раз в Персию, Гертруда пришла в восторг. Это будет ее первая встреча с

Востоком.

Узнав, что «его превосходительство» сэр Фрэнк готов поехать послом в Тегеран, Гертруда сразу же принялась учить язык. Лорд Стэнли из Олдерли – семья, в которую после замужества попала тетя Мэйзи, – стал ее первым учителем персидского языка, а потом она посещала Лондонскую школу восточных исследований. Уезжая через полгода в Персию, Гертруда уже понимала устную речь. Вместе со своей двоюродной сестрой Флоренс она поехала на поезде из Германии через Австрию в Константинополь, потом через Тифлис и Баку вокруг Каспийского моря. Ощущение бегства и восторг росли с каждой пересекаемой границей, и когда Гертруда ступила на землю Персии, то почувствовала, будто родилась заново.

В первый же день, выехав из Тегерана на восходе, она отправилась со своим проводником на гребень горы. И оттуда увидела внизу ландшафт, показавшийся ей самым красивым на свете. Этот момент выкристаллизовался в ее письме к кузену Хорейсу Маршаллу от 18 июня 1892 года – момент чистого восторга, и в нем слышится почти мистическая нота, когда Гертруда входит в края дикой природы, которой предстояло стать ее духовным домом:

«О эта пустыня вокруг Тегерана! Мили и мили, где не растет ничего, совсем ничего, обрамленные суровыми голыми горами со снежными шапками, изрытые глубокими руслами потоков. Я не знала, что такое пустыня, пока не приехала сюда. Это чудеснейшее зрелище, и вдруг посередине всего этого, из ничего, из капли холодной воды возникает сад. И какой сад! Деревья, фонтаны, пруды, розы и посреди – дом, такой, как бывал в детстве в волшебных сказках: выложенный зеркальной мозаикой красивыми узорами, синей плиткой, укрытый коврами и наполненный гулкими звуками фонтанов и бегущей воды…»

Связанная дома ограничениями и условностями, на Востоке Гертруда становилась самой собой. Ее дух парил, а восприимчивость к природе и жизни расцветала так, что ей пришлось признать в себе наличие двух Гертруд. Отчасти это чувство различия объяснялось тем, что здесь было мало правил и мало ожиданий. Она вышла из сумрака Беллов на свет независимости. Это ее несколько смирило и привело к осознанию того, чего дома она бы не осознала:

«Мне интересно: остаемся ли мы теми же людьми, когда меняется окружающая обстановка, связи, знакомства? Вот то, что есть я, что есть пустой сосуд, который проходящие мимо наполняют чем хотят, здесь наполнен таким вином, о котором я никогда не слышала в Англии… Как велик мир, как велик и как

чудесен! Мне теперь кажется до смешного самонадеянной мысль, что я свою мелкую личность смею проносить через половину его и наивно пытаюсь измерить… то, к чему вряд ли применима какая-либо система мер.

Каждый волшебный день начинался с двухчасовой загородной верховой прогулки, потом холодная ванна, ароматизированная розовой водой, потом завтрак, поданный под тентом в саду посольства. А впереди – море удовольствий: экспедиции и прогулки по живописным местам, прекрасные долгие обеды, лежание в гамаке с книгой, игры и развлечения, неистовые танцы вечером и ужин в удивительных дворцах-павильонах до утренней прохлады. Да и просто ехать верхом или править каретой на улицах было уже откровением.

В этой стране женщины поднимают вуаль – и на тебя смотрит «Мадонна» Рафаэля… мне стыдно чуть ли не перед попрошайками на улице: они носят свои лохмотья с бóльшим изяществом, чем я – лучшие свои наряды, а вуали женщин из самого простонародья (вуаль – это пробный камень для туалета дамы) куда лучше надеты, чем моя. Вуаль должна спадать от макушки до пят, в этом я уверена, и не должна быть прозрачной».

И наконец к ней пришла любовь в лице обаятельного секретаря посольства, Генри Кадогана, старшего сына достопочтенного Фредерика Кадогана и внука третьего графа Кадогана. Гертруда его описывает в письмах так подробно, что подобный интерес наверняка насторожил Флоренс заранее. Это был мужчина тридцати трех лет, «высокий, рыжий и очень тощий… умный, отлично играет в теннис, еще лучше на бильярде, энтузиаст безика, предан верховой езде, хотя ездить не умеет совершенно… сообразительный, аккуратный, хорошо одетый, смотрит на нас так, будто мы для того и существуем, чтобы он на нас глядел и веселился». Генри был хорошо образован – даже учен, а внимание, оказываемое им Флоренс и Гертруде, вскоре сосредоточилось на последней. Он умел говорить и читать на местном языке и приносил Гертруде пачки книг. Он нашел ей учителя, чтобы она продолжала уроки персидского.

Гертруда писала:

«Это определенно неожиданно и незаслуженно – приехать так издалека в Тегеран и найти в конце пути человека такого восхитительного. Он ездит с нами, он строит для нас планы, он показывает нам прекрасные вещи с базаров – он всегда там, где нам нужен…

Кажется, он прочел все, что стоит читать по-французски, по-немецки и по-английски».

Тетя Мэри, возможно, иногда хворающая во время долгого визита Гертруды, смотрела сквозь пальцы на то, что Флоренс бы осудила. Во время частых прогулок и пикников Гертруда и Генри уезжали неспешно вдвоем и сидели возле ручьев и в садах, читая и разговаривая. Они искали сокровища на базарах и играли в триктрак с приятелем-купцом. Они посещали шахскую сокровищницу, ловили форель и охотились с соколами на куропаток. Когда в Тегеране становилось слишком жарко, иностранные посольства переезжали на летние квартиры, в прохладу Гулахека, где подавали еду под деревьями в садах или под тентами. К тому времени блуждание по базарам пришлось прекратить из-за вспышки холеры. С самоуверенностью молодости Генри и Гертруда продолжали ездить где хотели. Генри имел твердые взгляды и слегка тяготел к дидактике. Он не уступал Гертруде в спорах, и как минимум один раз у них обнаружилась «серьезная разница во мнениях, и я отослала его домой, не попрощавшись!» «Мы с мистером Кадоганом ходили в воскресенье на долгую прогулку и яростно спорили о политике. Его взгляды на гомруль оставляют желать много лучшего, но я думаю, что заставила его несколько изменить точку зрения в пользу юнионистов!»

Они одинаково восхищались Персией, ее романтикой и загадочностью. Генри вынимал из кармана книжку и читал суфийские стихи, пьянящие стансы Хафиза – суфийского мастера четырнадцатого века и самого знаменитого поэта Персии, попутно объясняя его желание встречи с Возлюбленной, заполняющей вакуум между мирским и Божественным. Однажды утром они поднялись до рассвета и поехали на север к пустынной горе, где стоит Цитадель мертвых. «Не успели мы далеко отъехать, – писала Гертруда, – как солнце вспыхнуло и с внезапным ярким блеском взмыло над снежными пиками, и по равнине помчался день… Каменная долина привела нас к сердцу пустыни и концу всех вещей».

Здесь они нашли Башню молчания, ослепительно-белую, первую станцию на дороге загробной жизни, где зороастрийцы оставляли трупы для солнца и стервятников – знак очищения и уничтожения. «Сюда приходили они сбрасывать одежды плоти… чтобы их души, пройдя через семь врат планет, достигли священного огня солнца».

Путешественники обошли башню, залезли на площадку наверху и стали слушать великую тишину безлюдья. Потом спустились и, отпустив поводья, погнали наперегонки по бездорожью со всем азартом и пылом юности. Гертруда описывает переполнявшие ее в тот момент счастье и свободу, которые дает

влюбленность:

«Жизнь схватила нас и наполнила бесшабашным весельем. Гудящий ветер, изобильная земля кричали нам: “Жизнь! Жизнь!” Мы скакали и слышали этот крик – жизнь! Щедрая и великолепная! Старость от нас далеко, и смерть далеко; мы оставили ее на ее троне среди пустынных гор, в компании призрачных городов и отжившей веры. Нам досталась широкая равнина и бескрайний мир, красота и свежесть этого утра!»

Как-то лунным вечером, когда они лежали в траве у ручья и воздух был полон ароматом фиалок и роз, а далекая музыка мешалась с уханьем совы, Генри сделал предложение, и Гертруда его приняла. Она тут же написала домой Хью и Флоренс, что они с Генри помолвлены, и стала ждать ответа. Когда же он наконец прибыл, она прочла, что это невозможно. Ей следует не только разорвать помолвку, но и вернуться домой немедленно – или как только Джеральд, брат Билли, сможет освободиться, чтобы ее сопровождать. Гертруда поняла, что это конец самому счастливому времени ее жизни и конец ее надеждам на брак с Генри. Хью навел справки у сэра Фрэнка и других и выяснил, что доход Генри «абсолютно недостаточен для содержания семьи». Хью также отметил, губя последние надежды, что «обаяние и интеллект [Генри] не помешали ему залезть в долги».

И хотя этого Хью дочери не сообщил, но до него дошло и худшее: Генри – игрок.

Как бы ни было прочно с виду финансовое положение Беллов, Хью оставался директором сталелитейных заводов с фиксированной зарплатой. Бразды правления, как и весь капитал, держали его отец и дядя. Хью содержал недешевое хозяйство, жену и пятерых детей в достаточно скромном доме, Ред-Барнс, и один его сын уже учился в Итоне, а второму предстояло вскоре туда отправиться. Лотиан жил в пятиэтажном загородном доме, Раунтон-Грейндж, и держал собственный дом в Лондоне на Белгрейв-Террас, 10, – в основном для своих нужд. В черной металлургии, как и в других ключевых отраслях промышленности, в последнее время наблюдался спад, прибыль стала уменьшаться. Когда-то, в восемьдесят девятом году, Гертруда не без интереса услышала разговор двух людей в поезде, обсуждавших, действительно ли сталепромышленники «наживают гигантские состояния». Она написала Флоренс: «Бедняги решили, что да. Я не стала рассеивать их иллюзий». Сейчас, в июле девяносто второго, лишившаяся надежд, с разбитым сердцем, Гертруда пишет Чиролу невероятно трогательное письмо:

«Мистер Кадоган очень беден, его отец, насколько я понимаю, практически банкрот, а мой, хотя он ангел и готов для меня

сделать все на свете, никак не смог бы содержать еще один дом, кроме своего, – а это, получается, именно то, что мы его просили бы сделать… Я надеюсь, он теперь увидится с мистером Кадоганом в Лондоне и придет как минимум к тому же заключению. Тем временем мы с Генри Кадоганом не имеем права считать себя помолвленными, и, боюсь, свадьба если и ждет нас, то в очень, очень отдаленном будущем. Я пишу об этом разумные слова, но в сердце у меня ничего нет разумного, только слишком все безнадежно, чтобы над этим плакать. Приходит момент в самые черные дни, когда они настолько черны, что ничего не можешь делать – только молчать… Куда легче казаться счастливой, когда никто не знает, что у тебя есть причины таковою не быть. А я так тревожусь… я забыла, как быть храброй, а ведь всегда себя считала такой».

Генри ничего не оставалось делать, как уехать из Персии на год-другой и попытаться добиться более прибыльной должности. Менее цельная девушка могла бы взбунтоваться против решения отца, а Гертруда написала Флоренс письмо, замечательное по чувству чести и даже по необычайной степени сочувствия родителям:

«Наше положение очень трудно, и мы очень несчастны. Мы нечасто видимся теперь… поскольку после письма отца не чувствуем себя вправе встречаться. Самое для меня невыносимое – это что ты или папа можете о нем подумать иначе как о человеке благородном и хорошем, настоящем джентльмене. Я его другим не знала.

Это ужасно с моей стороны так писать, вызывая у вас лишь совершенно бесполезные и напрасные сожаления. Не нужно ни на миг думать, что если бы я могла выбрать, то не повторила бы все это снова, при всем нетерпении, душевной боли и разлуке, которые только еще предстоят. Оно того стоило… некоторые люди могут всю жизнь прожить и не знать этого чуда… только можно человеку слегка поплакать, когда приходится отказаться от него, и снова погрузиться в ту же тесную жизнь… ох, мама!»

Нет сомнения, что Гертруда любила. И вполне возможно, что Генри тоже ее любил. Может, они были бы счастливы вместе, он бы бросил игру, а она бы сумела смириться с его скромной карьерой и ездить за ним от должности к должности. Но у них не оказалось такого шанса. Тяжелые прощания как-то были пережиты, и Гертруда вернулась на Слоун-стрит, где ее ждала любящая Флоренс, чтобы утешить. Через пару дней с севера возвратился Хью – заключить любимую дочь в объятия и поговорить с ней сквозь ее слезы. Находясь в подавленном состоянии, Гертруда следующие несколько месяцев писала мало

писем. Чувства ее были глубоки, и отходила она медленно. Все же весна застала ее во Франции. Из романтического сада в Ниме, чья красота напомнила ей один сад в Персии, где она была так счастлива, Гертруда пишет домой:

«Взяла карету и поехала в сад, где расположен Нимский храм. Квакали лягушки, совы перекликались в деревьях, теплый ароматный вечер со всеми его звуками так похож был на другие вечера в далеком саду, где кричали совы. Я плакала, плакала в этом храме и римские ванны наполняла слезами, которых никто в сумраке не видел».

Не прошло и года после ее отъезда из Персии, как после краткой болезни, вызванной падением в ледяную реку во время рыбалки, Генри Кадоган умер от пневмонии. Так возникла трагическая схема ее любовной жизни. При всех ее успехах во множестве необычных предприятий и приключений от этого события Гертруда полностью не оправилась никогда.

Желая отвлечь ее, Флоренс придумала, что падчерица должна опубликовать книгу путешествий, составленную по материалам ее дневника и почти ежедневных писем, написанных из Персии в первые счастливые месяцы пребывания там. Гертруда возражала против этой идеи, но, вероятно, это Флоренс связалась с издательством «Бентли», и в ответ на письмо оттуда Гертруда без энтузиазма капитулировала. Своей подруге Флоре Расселл она писала:

«“Бентли” хочет напечатать мои персидские вещи, но ему нужно их больше, так что я после всех колебаний согласилась на публикацию и теперь пишу для него еще шесть глав. Это занятие скучноватое, более того, я бы охотно предпочла, чтобы они не публиковались. Я их писала, как видишь, чтобы сама себя развлечь, и развлеклась, как только могла ожидать, потому что (скромно говоря в сторону) они невероятно слабы. Более того, я так не люблю людей, которые бросаются печататься и наполняют мир своей дешевой и противной писаниной, – а вот теперь сама становлюсь такой. Сперва я отказывалась, но мать решила, что я поступаю неверно, а отец был разочарован, а так как они почти всегда правы, я сдалась. Но в душе я твердо придерживаюсь прежнего мнения. Не будем об этом говорить. Я бы предпочла, чтобы их не прочли».

Мысли ее были настолько же эмоциональны, насколько и рациональны, но все же ее собственное суждение, вероятно, оказалось верным. Денисон Росс, глава лондонской Школы восточных исследований и большой почитатель своей ученицы, был вынужден к последующему изданию написать объяснительное предисловие. Он признал, что главы, написанные

в Персии, «… уступают более поздним». «Персидские картинки» были напечатаны в девяносто четвертом году анонимно – компромисс между желанием Флоренс и нежеланием Гертруды – и вскоре забыты.

Персия стала для нее бесконечно более интересна из-за знания языка. Но, как писала Флоренс, «она еще не достигла стадии, когда изучающий язык вдруг осознает, что знание усвоено, того озарения, когда понимается не только буквальное значение слов, но и их суть и различия могут восприниматься критически. Прошло немного времени – и Гертруда в этом свете читала персидских поэтов».

В Лондоне она продолжала брать уроки языка, особенно делая акцент на изучении любовной поэзии Хафиза. Генри познакомил ее с его стихами, обсуждал их ритмы и мистический смысл. Работа началась как способ сохранить в себе любовь к нему. На этот раз Гертруда была намерена создать действительно ценную книгу: сборник своих переводов стихотворений Хафиза вместе с биографией этого суфийского поэта, вложенной в контекст современной ему истории. Это, наверное, стало тайным памятником Генри.

Денисон Росс написал предисловие, где скромно заметил, что при обучении Гертруды «в присутствии такой блестящей ученицы» получил «полезный урок понимания своих собственных ограничений». Собрать воедино биографию Хафиза по множеству рукописных источников, писал он, было огромной заслугой: к этому времени не существовало истории исламской Персии.

«Диван Хафиза», антология его стихов, была напечатана «Хайнеманном» в 1897-м – году бриллиантового юбилея королевы и, что куда печальнее для семьи Белл, смерти тети Мэри, внесшей так много приятных интерлюдий в жизнь Гертруды. Книгу встретили настолько благожелательно, насколько на это может рассчитывать сборник стихов. Эдуард Дж. Браун, величайший на тот момент авторитет по персидской литературе, сказал о переводах Гертруды так: «Хотя и весьма вольные, они, по моему мнению, в высшей степени художественны и являются – в смысле передачи духа Хафиза – наиболее точным переводом его поэзии». Это, за исключением вольного перевода Эдуардом Фицджеральдом катренов Омара Хайяма, «вероятно, наилучший и наиболее поэтичный перевод любого персидского поэта на английский язык».

Намеренная неясность стихов Хафиза, игра слов и музыкальность персидского языка в его формах, размер и рифма – все это делало перевод почти невозможным. Гертруда решила писать свободные стихи, вдохновленные оригиналом,

передающие суть и функцию – взлетать вверх и уноситься прочь. Денисон Росс показал в своем предисловии и проблему, и ее решение, предложив в начале одного стиха подстрочник для сравнения с переводом Гертруды.

Первые четыре строчки этого перевода таковы:

> I will not hold back from seeking till my desire is realized,
> Either my soul will reach the beloved, or my soul will leave its body.
> I cannot always be taking new friends like the faithless ones,
> I am at her threshold till my soul leaves its body[6].

Гертруда написала так:

> I cease not from desire till my desire
> Is satisfed; or let my mouth attain
> My love's red mouth, or let my soul expire
> Sighed from those lips that sought her lips in vain.
> Others may find another love as fai;
> Upon her threshold I have laid my head…[7]

Особенно остры ее последние строчки стихотворения, которые довольно заметно отличаются от оригинала:

> Yet when sad lovers meet and tell their sighs
> Not without praise shall Hafz' name be said,
> Not without tears, in those pale companies
> Where joy has been forgot and hope has fed[8].

Ей повезло с учителями персидского и арабского: кроме Денисона Росса был еще выдающийся лингвист С. Артур Стронг, кого она называет «мой пандит». «Мой пандит продолжает хвалить мои успехи… остается лишь думать, что остальные его ученики просто дубины!.. Он вчера отдал мне мои стихи [ее переводы Хафиза] – и они ему действительно понравились».

Всю жизнь Гертруда читала и перечитывала классических и современных поэтов, собирая все издания сразу же по выходе и держа стихи в своей походной библиотеке. К удивлению и разочарованию Флоренс и Хью, она после всех похвал за переводы Хафиза все-таки сочла, что этот талант лежит в стороне от ее главной дороги, и махнула на него рукой. «Мне всегда казалось, что этот дар просматривался во всем, что она писала, –

говорила Флоренс. – Дух поэзии окрашивал все ее прозаические описания, все картины, которые она видела сама и сумела показать другим». Этот дух, как считала ее мачеха, был неожиданным и интересным ингредиентом «характера, при случае способного на весьма определенную жесткость и сознательное пренебрежение чувствами, и ума, которому свойственна отличная практическая хватка и понимание общественной жизни, необходимое государственному деятелю».

Вероятно, не следовало ожидать, что Гертруда будет писать еще и стихи – помимо своих чудесных писем, дневников и прозы. В этом уникальном случае грусть по недостижимой любви, метафизической или реальной, задела в больной душе ту струну, что звучит высокой поэзией. Кажется, эта чистая творческая сила зажглась в ней в ответ на что-то уже внешнее, но ощущаемое внутри на ином уровне. Все, что делала она в жизни, было в каком-то смысле эмоциональной реакцией: путевые дневники, экспедиции, археология, самообразование – особенно изучение языков, – альпинизм, работа на Британскую империю и главное желание всей жизни – воссоздание арабской цивилизации. Читая ее перевод стихотворения Хафиза на смерть любимого сына, невозможно не слышать голос Гертруды и не вспоминать ее собственную скорбную утрату.

> Good seemed the world to me who could not stay
> The wind of Death that swept my hopes away…
> Light of mine eyes and harvest of my heart,
> And mine at least in changeless memory!
> Ah! When he found it easy to depart,
> He left the harder pilgrimage to me!
> Oh Camel-driver, though the cordage start,
> For God’s sake help me lift my fallen load,
> And Pity be my comrade of the road![9]

Глава 4
Стать Личностью

В декабре девяносто седьмого года в возрасте двадцати девяти лет Гертруда отправилась с Морисом в свое первое кругосветное путешествие. Она любила своего брата, как и всех родных, и его любили металлурги Кларенса, пока его не позвала армейская служба и не увлекла прочь от Кливленда. Ехали они роскошно, в каютах первого класса на пароходе королевской почты «Рио-де-Жанейро».

Вскоре Морис попросил разрешения капитана разметить на корабле поле для гольфа, что имело большой успех среди прочих пассажиров. Он был сердцем и душой капитанского бала, а Гертруда тут же подружилась с детьми на корабле и организовала турнир по крикету.

Морис любил дразниться. Он взял с собой для Гертруды книжку с названием «Манеры для женщин» и получал большое удовольствие, читая ей вслух нравоучительные пассажи, пока она сидела в шезлонге и курила, глядя на горизонт. «Современные английские женщины, – читал он, – должны уметь работать иглой не хуже, чем ездить на велосипеде»… так вот, не пришьет ли ему Гертруда пуговицы, пока они в дороге? На что она вполне могла выхватить книжку и дать ему ею по голове.

В июне следующего года в Йоркшире Гертруда снова вернулась к работе с женщинами Кларенса, разъезжая с лекциями и организуя мероприятия. Она играла в теннис и гольф, охотилась и рыбачила. Наезжая в Лондон, она уходила с друзьями на долгие прогулки в лунные ночи, вдоль набережных Стрэнда, через Сити к Тауэр-Бридж, потом домой на Слоун-стрит через Холборнский виадук и Оксфорд-стрит. Свой старый велосипед она держала в передней и ездила через Гайд-парк к Британскому музею, на уроки арабского и в Лондонскую библиотеку, повесив корзинку с книгами на руль. Она ездила через Кенсингтон-Гарденс кататься на коньках на Принс-Ринк и на уроки танцев и фехтования. Когда Гертруда пожаловалась отцу, как это тяжело – крутить педали против ветра, – он прислал ей чек на новый велосипед. «Я сегодня пошла в магазин, села на новый велосипед и уехала. Это мечта! – написала она ему. – Я проехала через весь Лондон… Но у меня угрызения совести из-за того, что я хочу так много разных вещей. Это мне самой не на пользу, и я бы хотела, чтобы ты попробовал ввести на ближайшие месяцы систему отказов».

В 1901 году, после продолжительного спада в угольной, сталелитейной и судостроительной отраслях сэр Лотиан, достигший уже восьмидесяти пяти лет, принял меры для защиты интересов семьи Белл. Он видел, что вопреки его усилиям Британия не достигла тех технических высот, до которых добралась Германия. Америка и Япония тоже рванулись вперед в выработке чугуна и стали. Сэр Лотиан решил объединить свои компании с давним конкурентом Дорманом Лонгом, чтобы обеспечить необходимые ресурсы на будущее. Продажа акций и химических компаний плюс слияние железнодорожных предприятий с Северо-Западной железной дорогой освободили для семьи огромные суммы денег. Внуки, племянники и племянницы получили по пять тысяч фунтов. Такое состояние, несомненно, сыграло роль в решении Гертруды и ее сводного брата Хьюго посетить мероприятие, которое бывает лишь раз в жизни: торжественный прием лорда Керзона в Дели для провозглашения восшествия Эдуарда Седьмого на трон императора Индии. После этого путешествие продлится еще полгода: это будет второе кругосветное путешествие Гертруды.

Само событие в январе 1903 года, время высшего расцвета империи, было из тех, которые никогда не забудет тот, кто их видел. В Дели Гертруда и Хьюго встретились со своей компанией – Расселлы, Валентайн Чирол и один из двоюродных братьев, Артур Годмен, – и куда бы они ни направились, по выражению Гертруды, встречали там весь свет. Жили они в шикарном лагере для гостей вице-короля и зрелищную процессию наблюдали с лучших мест. В дневнике Гертруда писала:

«Такое великолепное зрелище просто нельзя себе представить… Сперва солдаты, потом охрана вице-короля, местная кавалерия, потом Пертаб Сингх во главе кадетского корпуса (все кадеты – сыновья раджей), потом вице-король и леди Керзон, за ними Конноты, все на слонах, потом группа примерно из сотни раджей на слонах – сверкающая масса золота и драгоценностей. Раджи увешаны жемчугами и изумрудами от шеи до пояса, жемчужные шнуры через плечо, жемчужные кисти на тюрбанах, одежда из золотой парчи или вышитого золотом бархата. У слонов свисают с ушей кисточки с драгоценностями».

Но все же Гертруда, принимая в подарок новый велосипед или позволяя себе такие роскошные каникулы, часто задумывалась, как на самом деле следует использовать ей свое время и богатство. Она колебалась между личным счастьем и безвозмездным служением обществу. Эти сомнения преследовали ее всю жизнь. Убежденная атеистка, она была на переднем крае нового мышления, свежего взгляда на человека и общество.

Утилитаризм, выраженный как основа нравственной философии Джереми Бентамом, подчеркивал, что стремление к счастью и избегание горя и страданий есть важнейшие цели человека. Утилитаризм признавал, что стремиться к таким целям может лишь свободный человек, но утверждал, что свободой нельзя пользоваться без чувства личной моральной ответственности перед людьми и окружающим миром. Джон Стюарт Милль рассматривал практические вопросы достижения ответственной свободы, предлагая возможные формы правления, которые позволят обществу развиваться сплоченно, оставляя в то же время личность свободной.

Вопросы, касающиеся должного поведения человека в обществе, возникали постоянно, и полученные заключения применялись как моральный ориентир для всех аспектов жизни. Например, должен ли человек, идущий играть в теннис, волноваться, правильно ли он проводит время? Не должен ли он дать противнику выиграть и вообще хорошо ли играть в теннис, пока другие работают? Или можно не заморачиваться и просто играть?

Такова была схема споров, постоянно вспыхивавших между Гертрудой и Хьюго в их совместном путешествии. В Редкаре, до отъезда в Индию, их навестил преподаватель из Тринити-колледжа, который учил Хьюго в Оксфорде и пестовал в нем желание пойти по церковной линии. Такое желание стало совершенным сюрпризом для всех Беллов – они были, по выражению Гертруды, «счастливо нерелигиозными» – и заметным разочарованием для Флоренс, желавшей, чтобы Хьюго реализовал свой музыкальный талант как композитор или концертирующий пианист. Гертруда, владеющая техникой научного спора, обнаружила, что она и Хьюго с его религиозными убеждениями стоят на разных полюсах. Приехавшего гостя, преподобного Майкла Ферза, впоследствии епископа Претории и Сент-Олбенса, Гертруда повела на прогулку в сад после обеда и вдруг огорошила вопросом: «Я полагаю, вы не одобряете план Хьюго поехать со мной вокруг света?» Удивленный Ферз спросил: «Почему я не должен его одобрить?» – «Да потому что обратно он, скорее всего, вернется не христианином». – «Почему так?» – «Да потому, – ответила Гертруда с обычной для нее нахальной прямотой, – что у меня мозги лучше. Год в моем обществе сильно пошатнет его веру».

Ферз, засмеявшись, ответил, что не был бы так уверен на ее месте.

Это был вызов, против которого она не могла устоять. Хьюго писал родителям:

«Гертруда – чудесный товарищ для путешествия, потому что, помимо факта, что она… очень интересуется вопросами Востока, еще она твердо придерживается (что весьма интересно мне) атеистических и материалистических взглядов, что должно, как говорит Майкл Ферз, достать меня и вывести из себя. Иногда она излагает их агрессивно: я думаю, что эта агрессия с ее стороны должна быть встречена агрессией с моей, после чего мы будем ругаться и ссориться!»

Дебаты были вначале шутливые: Гертруда рассказала историю о бывшем епископе Лондона докторе Темпле. Однажды он взял кеб в Фулхем и дал чаевые, которые не устроили кучера. Тот сказал: «Будь на вашем месте святой Павел, он дал бы мне шиллинг и шесть пенсов». – «Будь на моем месте святой Павел, – ответил епископ с большим достоинством, – он бы ехал от Ламбета[10], а оттуда до Фулхема всего за шиллинг».

Они с Хьюго разговаривали об утилитаризме. Гертруда утверждала, что стремление к личному счастью – наиболее убедительный мотив действий человека – всегда должно ограничиваться тем, чтобы не испортить счастья другим. Людям приходится включать мозги. Сочинять стихи – лучшее времяпрепровождение, чем играть в крокет, потому что это более вероятно будет использовано обществом. Хьюго заявил, что любое действие либо нравственно, либо безнравственно, и человек должен стремиться идти по нравственному пути. Гертруда возразила, что когда она поднимается на гору, то делает это лишь для собственного удовольствия, никому не причиняя вреда, – это не морально и не аморально. Дебаты стали жарче, когда она заявила, что Христос в одном ранге с Мухаммедом и Буддой. Великие люди все трое, но не более чем люди. Хьюго начал раздражаться, Гертруда заговорила резче и более провокационно. Когда же она заявила, что если бы бедняки прониклись идеей равенства всех людей, то больше не было бы слуг, Хьюго ушел прочь, и некоторое время они старались друг другу не попадаться.

Гертруда любила осматривать достопримечательности. Ни один храм, музей или развалины в пределах досягаемости не были ею пропущены. При этом она не прекращала чтения и работы над языками. Денисон Росс очень удивился, получив от нее отправленную во время путешествия в Рангун телеграмму с просьбой: «Пожалуйста, пришлите мне первое полустишие стиха, который заканчивается словами “a khayru jalisin fi zaman kitabue”». При всех телеграфных искажениях он все же смог ответить: «A’azz makanin fiddunya zahru sabihin», и она закончила стих:

The finest place in the world is the back of a swift horse,
And the best of good companions is a book[11].

Свое глобальное путешествие Гертруда и Хьюго закончили в Соединенных Штатах и Канаде, где Гертруда пару дней до приезда в Чикаго провела, лазая по Скалистым горам. «Мы шли по серпантину, выводящему на перевал. Не могу сказать, чтобы это было приятно, – писала она родителям. – Помню только ветер и как мы лезли вверх, и у меня чуть не сорвало шляпу».

Когда в 1904 году умер ее дед Лотиан, Гертруде исполнилось тридцать шесть. Хью унаследовал титул баронета, и семья перебралась из Ред-Барнс в Раунтон-Грейндж, поднявшись по социальной лестнице. Солидный загородный дом с массивными дымовыми трубами, центр имения в три тысячи акров, был построен архитектором Филиппом Уэббом в семьдесят шестом году как образчик стиля «Искусства и ремесла». Медового цвета дом с красной крышей волнистой черепицы – характерная для Беллов черта – стоял среди старых деревьев, которые Лотиан не разрешал срубать. Вряд ли среди жителей двух деревень, расположенных на этих акрах, нашелся бы человек, не работавший в Раунтоне. Работники жили на небольшом расстоянии от дома в деревне, тоже построенной Уэббом. У Флоренс работали несколько дочерей рабочих с заводов Кларенса, она обучала их работе горничных и прачек и следила, чтобы «дом отдыха», построенный для того, чтобы их семьи могли отдохнуть в выходные в селе, никогда не пустовал.

В постройке этого дома, самого большого на тот момент проекта Уэбба, использовались элементы постсредневековых украшений и готические мотивы. Из холла с огромным камином спиралью уходила вверх широкая лестница, сводчатая галерея шла вдоль всей стены дома с одной стороны. Гостиная, с камином стиля Адама и двумя большими роялями, была укрыта таким большим ковром, что для ежегодного выбивания его выносили восемь человек. По всей комнате стояли столы и стулья, готовые принять самую большую из домашних вечеринок. В столовой, богато украшенной Уильямом Моррисом, висел фриз, иллюстрирующий «Роман о розе» Чосера, вышитый за несколько лет леди Белл и ее дочерьми, сестрами Хью, по проекту Морриса и Берн-Джонса.

Имелось помещение для дворецкого, домоправительницы и шеф-повара плюс двухэтажная прачечная и холл для слуг. Каждые четверть часа на конюшне звонили «Раунтоновские часы». Вскоре Хью пришлось пристроить «автомобильный дом» для шоферов и

семейного парка машин.

Рождественский список 1907 года, написанный рукой Флоренс, указывает двадцать человек домашней прислуги и подарки для них: платки, броши, пояса, кардиганы и шляпные булавки для женщин; булавки для галстуков, носовые платки и ножи для мужчин. Для родственников – кошельки и книжки, боа, несессеры, «Энциклопедия Ларусса», перчатки и наборы инструментов, лошадки-качалки и погремушки для детей. В том же году отмечены подарки для четырех постоянных слуг в Лондоне. В 1900 году, после смерти леди Оллифф, в чьем доме всегда предпочитали останавливаться родные при наездах в столицу, Флоренс получила в наследство дом 95 по Слоун-стрит и переделала его изнутри сверху донизу, даже перестелила полы. Гертруда, у которой были там свои комнаты, писала Чиролу на Рождество: «Дом 95 растет невероятно быстро. Когда вернетесь, увидите, что мы сделали самый красивый дом во всем Лондоне!» Через месяц она была рада сообщить, что на ее подругу Флору Расселл дом произвел «огромное впечатление».

Гертруде было тридцать шесть, когда семья переехала в дом деда. Нельзя сказать, чтобы она жила как старая дева, но Раунтон расширил ее мир в двух важных смыслах. Будучи вместе с Флоренс хозяйкой дома, она могла теперь приглашать в гости больше людей, а периоды времени, проведенные в Англии, стали разнообразиться вечеринками с друзьями и родными. Этот поток светской жизни начался в 1906 году блестящим новогодним балом для всех друзей и знакомых.

Гертруда сразу же взяла на себя заботу об обширном саде со стрижеными газонами, рощей с нарциссами, розарием и двумя озерами – одно таких размеров, что можно на лодках кататься. Ей доставляло огромное удовольствие разбивать новые участки под определенные растения, работать с Тэвишем – шотландским садовником – и дюжиной его помощников, и довольно скоро она превратила Раунтон в один из образцовых садов Англии.

Цветы Гертруда обожала с девяти лет – тогда у нее появился свой участок, где она выращивала «первоцветы и падснежники». В первом дневнике видно, как часто она «хадила в сад» смотреть на цветы. Начав писать дорожные дневники, она не думала скрывать своей любви к диким цветам и их влиянию на ландшафт: описывая, например, древнюю стену, Гертруда надолго останавливается на пучках диких фиалок, забившихся в щели. Орошенная пустыня поражает ее своими чудесами вдруг возникающего цвета и аромата. «Я поставила лагерь в рощице абрикосовых деревьев, снежных от цветов и гудящих пчелами. Трава густо усыпана анемонами и алыми лютиками», – напишет

она потом. И дальше:

«Когда мы вышли на Иорданскую равнину – невероятно, но все вокруг цвело как роза. Совершенно незабываемое зрелище – по пояс в цветах. Я здесь нашла такие прекрасные ирисы, которых не видела никогда: большие, со сладким ароматом и такие темно-лиловые, что свисающие лепестки казались почти черными. Сейчас они стоят у меня в шатре».

Исследуя Альпы, Гертруда пишет домой сестре с просьбой прислать книжку по альпийской флоре, чтобы можно было определить «завораживающие» цветы, которые ей попадались. Она писала, что возле Глиона видела «луга, полные цветов. Склоны были белы, будто на них снег выпал, белы от огромных одиночных нарциссов. Никогда не видела ничего столь же красивого. Это поразительно, как меняется флора от долины к долине…»

Преодолевая нижнюю часть склонов Шрекхорна в 1901 году, Гертруда постоянно отвлекалась на аромат фиалок: «Я шла по склону, собирая гербарий, пока мои проводники варили суп. На этом возделанном склоне растут почти все виды альпийских растений, я нашла даже очень милые бледные фиалки под большими камнями. И все это было мне одной».

Гостя у своих друзей Розенов в Иерусалиме в девяносто девятом году, Гертруда «жарко занималась садоводством» в консульстве. В письмах к Чиролу частота упоминаний растений и садовых работ наводит на мысль, что этот интерес у них был взаимный: «Мои японские деревья зацветают, а сирийские корешки отлично всходят. Когда приедете, я вам покажу букет черных ирисов из Моава!»

Она привозила с собой, а иногда присылала домой самые сенсационные ботанические образцы. Однажды это были шишки ливанского кедра – один посадили в Раунтоне, другие все еще можно увидеть в Вашингтон-Холле, родовом гнезде Тревельянов – семьи, в которую вошла Молли, сводная сестра Гертруды. В другой раз она прислала мандрагору – загадочное растение, чьи клубни и разветвленные корни под розеткой листьев напоминают человеческую фигуру. В Средние века считалось, что когда корень вытаскивают, он «стонет» – и эти стоны могут свести с ума. Старинные рисунки показывают, как люди закрывают уши, а к корню привязана цепь от ошейника, надетого на собаку. Когда мандрагору вытащат, сойдет с ума собака, а не люди. И вот в Раунтоне появилась своя мандрагора. «Посылаю вам пакетик семян, – писала Гертруда. – Они более интересны ассоциациями, нежели красотой растений: это знаменитая и прославленная мандрагора. Кстати, корни мандрагоры вырастают до двух ярдов,

так что, наверное, кто-то стонет, когда ее вытаскивают. Если не мандрагора, то ее сборщик».

В кругосветном путешествии с Хьюго после торжества в 1903 году Гертруда остановилась в Токио на достаточный срок, чтобы увидеться с Реджинальдом Фаррером, «великим садоводом». Фаррер восторгался сдержанной красотой японских садов, пренебрегая популярными английскими «имитациями» того времени. Рожденный с заячьей губой и говорящий с большим трудом, он прикрывал свой изъян большими черными усами. Происходил Фаррер из Клэпэма в Северном Йоркшире, что недалеко от родового гнезда Беллов. Его ждала слава одного из самых крупных коллекционеров растений в мире. В садоводстве Фаррер предпочитал естественность и писал о ней уайльдовской прозой. В Баллиоле он влюбился в Обри Герберта, сына графа Карнарвона. Герберт был атташе британского посольства в Токио, а Фаррер – одним из оксфордских друзей, которых он к себе пригласил. У Фаррера имелся там дом, и он ездил с Гертрудой и Хьюго по сельской Японии и Корее. В письме от 28 мая она описывает, как он спускался с горы Фудзи, неся «розовую кипродию [кипрепедию]». «К нам приехали Реджинальд Фаррер, Коллиеры и мистер Герберт и увезли Хьюго в чайный домик провести вечер в компании гейш! Интересно мне, как он там приспособился к обстановке».

Контраст между Гертрудой и гейшей был очень отчетлив, и в свою книгу «Сад Азии», вышедшую в следующем году, Фаррер включил главу о жизни японок – наверняка тема живых обсуждений между ним и Беллами. Двойной стандарт, применяемый к японским женщинам: они либо гейши, либо жены, – привел к резкому контрастному заключению о его соотечественницах, которые либо зануды, и тогда годятся в жены, либо не зануды, и тогда не годятся. Вероятно, Гертруда, незамужняя в тридцать пять лет, с ее ярчайшим любопытством и живой энергией, явилась катализатором этой идеи, которой Фаррер остался верен всю жизнь.

Садоводство до начала XX века сильно отличалось от того, что мы знаем сегодня. Упор делался на оранжереи, которые заставляли тысячи растений зацветать и давали возможность садам богатых домов и муниципальным паркам наполняться яркими кварталами цветов, сложенных в геометрические узоры, живыми коврами в границах, которые могли тянуться на сотни футов. В 1877 году в парках Лондона высадили два миллиона растений, выращенных в оранжереях. Поборником выращивания зимостойких растений – наиболее натурального садоводства сегодня – был садовод и писатель Уильям Робинсон, настроивший

прессу против ковровых клумб. Робинсон, работая с Гертрудой Белл, наполнял клумбы многолетними травами, а цветы сажал большими группами – получаемый результат сегодня известен под названием английского сада.

Фаррер был одним из первых, построивших сад камней. Гертруда хотела сделать сад камней в Раунтоне, где его можно было разбить вокруг озера, и засадить альпийскими цветами, полюбившимися ей с альпинистских экспедиций. Сады камней Фаррера и Гертруды не были природными кучами щебня с больными колючими растениями, пробивающимися среди камней. Они оба выросли в местности, имевшей известняковые каменоломни и состоявшей из предметов массивных, вроде естественной скалы, в расщелинах которой цвели цветы, как весной в горах. Книга Фаррера «Мой сад камней» была выпущена в 1907 году, через четыре года после их встречи, но Гертруда разбила сад камней в Раунтоне двумя годами раньше. Используя большие куски известняка из каменоломен кливлендских холмов, раскопанных в процессе добычи железной руды, она, видимо, велела всем садовым службам в Раунтоне и конюшенному персоналу, в том числе помощникам из деревни, построить вокруг озерца ожерелье из массивных камней. Потом Гертруда засадила его большим количеством цветов, перемежаемых группами цветущих кустов, среди которых в семейном альбоме Беллов явно заметны азалии. В апреле 1910 года она писала Чиролу: «Почти все дни я провожу в саду камней, воплощающем мое представление о красоте, вопреки погоде, которая в основном склоняется к холоду и дождю. Но мир все равно на удивление красив, и какая бы ни была погода, я все же думаю, что нет в мире другого такого чуда, как Англия весной».

Через пару лет Гертруда построила в другой части озера водяной сад. «Если взглянуть на него очами веры, то можно увидеть ирисы, расцветающие над камнями и кучками грязи, – пишет она Чиролу. – Это будет прекрасно».

Летом 2004 года Национальная портретная галерея Лондона устроила выставку портретов женщин-первопроходцев, названную «Вдали от торной дороги».

В уголочке, посвященном Гертруде, висел ее акварельный портрет в ранней юности, написанный Флорой Расселл, карта и красивый маленький теодолит, выданный ей Королевским географическим обществом вместе с медалью имени Гилла в 1913 году. Она стала первой женщиной, награжденной этим августейшим институтом. Награда была присуждена за многие экспедиции и исследовательские путешествия. Четырехстрочный заголовок – все, что о ней сказано, – гласит: «Вопреки

собственным достижениям, она активно возражала против предоставления британским женщинам права голоса». Это утверждение, хотя и формально справедливое, тем не менее есть грубое искажение ее конечных целей, не учитывающее ни политических сложностей тех времен, ни ее положения как дочери Промышленной революции. Это сверхупрощение часто выдвигается как обвинение против Гертруды, и в нем недооцениваются ее достижения. Право голоса для женщин было острой темой моральных и политических споров того времени, и с момента, как ее посадили за стол вместе со взрослыми, Гертруда слышала страстные обсуждения этого вопроса со всех точек зрения. Хью и Флоренс были против и выдвигали разумные доводы, но некоторые их друзья, например актриса Элизабет Робинс, были твердо за. Все Беллы соглашались с Джорджем Стюартом Миллем, великим в то время проповедником женской эмансипации, что для женщины жизненно необходимо быть Личностью, и семейной шуткой стало, что женщина редко чувствует себя достаточно Личностью.

Флоренс критиковали за то, что в своей книге «На заводах» она не пришла ни к какому заключению. Однако на самом деле она пришла к одному глубокому убеждению: «Женщин, которые могут вынести тяжелое бремя, налагаемое сегодняшними условиями на рабочую-женщину, никогда не будет больше определенного процента».

Под словами «рабочая-женщина» она подразумевала жен рабочих-мужчин, и в этих немногих словах заключена суть ее антисуфражистских возражений.

Если Флоренс в чем-то повлияла на Гертруду, то именно в этой поддержке – для нас странной – движения против предоставления женщинам права голоса. Она лично видела, сопровождая мачеху при посещении семей рабочих в Миддлсборо, что эти женщины уже на пределе сил. Без жен, которые полностью отдавали бы себя ведению домашнего хозяйства и семье, эта самая семья, а с ней и социальная структура просто развалится. Многие женщины, как видели Флоренс и Гертруда, падают, обессилев, многие семьи голодают и погибают, и многие мужчины спиваются до смерти. Неужели эти вопросы, спрашивала Флоренс, менее важны, чем парламентские билли и реформы? Как может жена рабочего из Кларенса бросить детей, чтобы пойти голосовать, или найти время для чтения, или научиться сперва читать, потому что она неграмотная, – чтобы разобраться в политических вопросах? Что может жена из Кларенса знать о том, за что ее попросят голосовать, – о свободе торговли, билле о реформах, политической коррупции, реформе

пенитенциарной системы, гомруле? Эти вопросы, которыми тогда занималось правительство, и возможность голосовать, теперь признанная универсальным правом человека, считались серьезным делом, требующим определенного образования и политической грамотности.

Такие вопросы, как здравоохранение, образование, отдых, социальные службы, законы о бедных, пособия нуждающимся, работные дома и богадельни, находились в ведении местного правления, и ими Флоренс и почти все знакомые ей женщины среднего класса занимались по мере сил. Они опасались, что реакцией на требования суфражистов (которые держались в рамках закона) и суфражисток (которые его нарушали) станут резкий откат и разрушение всего, чего женщины уже достигли.

Если что-то побудило Гертруду к действию – помимо давления семьи, – то это воинственность Кристабель Панкхерст, которая в 1904 году повела женщин на борьбу с «пагубной сутью мужской сексуальности». Суфражисток втянули в войну полов, где использовались методы вплоть до террористических. Сторонницы Панкхерст нападали на дома, били окна и громили вагоны, вытаптывали клумбы и резали в галереях изображения обнаженных женщин. Они отрицали брак, называя его легализованной проституцией, устраивали беспорядки, действовали бандами, срывали одежду с мужчин и пороли их. Заливали в почтовые ящики смолу и кислоту, отправляли посылки с серной кислотой Ллойд-Джорджу, потом пытались сжечь его дом. Нападали на людей, которым «посчастливилось» быть похожими на премьер-министра Герберта Асквита. 28 октября 1908 года Гертруда писала:

«Вчера была прекрасная вечеринка у Гленконноров, и как раз перед моим приездом (как обычно) на Асквита напали четыре суфражистки и схватили его. Тогда разъяренный Алек Лоуренс схватил двух из них и выкрутил им руки так, что они завизжали. Потом одна укусила его за руку до крови… когда он мне все это рассказывал, то еще был вымазан засохшей кровью».

Гертруда явно сожалеет, что пропустила действие, однако, наверное, это провидение позаботилось. Как ни противно ей было насилие, неизвестно, не возникло ли бы у нее желание влезть в драку и разбить вазу о чью-нибудь суфражистскую голову. Какой бы ни была драка, хорошей рекламы она бы Гертруде не сделала.

Помимо переживаний Флоренс о трудной жизни жен рабочих и ущербе, который наносят делу воинственные суфражистки, были разумные причины, по которым Беллы сопротивлялись требованиям шумной кампании борьбы за всеобщее право голоса для женщин. Притом что Билль о реформах 1932 года и

последующие увеличили число голосующих от жалких 500 тысяч до пяти миллионов к восемьдесят четвертому, право голоса все еще принадлежало лишь мужчинам, владеющим собственностью, так что голосовать могла лишь четверть всех мужчин Британии. Учитывая, что такой возможности лишены столько мужчин, парламент не стал бы ставить вопрос о предоставлении голоса всем женщинам.

Решение может показаться совершенно ясным: дать право голоса всем взрослым, независимо от пола и имущественного состояния. Но тогда систему захлестнули бы избиратели, не платящие налогов и требующие максимума льгот. Было много дискуссий о том, чтобы дать право голоса только женщинам, владеющим имуществом, но по существовавшим законам имущество жен автоматически становилось имуществом их мужей в момент брака. Таким образом, права голоса были бы лишены замужние женщины, в то время как оно оказалось бы предоставлено вдовам, старым девам и проституткам.

Как считали такие независимые и рациональные женщины, как Флоренс Найтингейл, вопрос о праве голоса для женщин не может быть рассмотрен, пока не изменятся имущественные законы. Палки и камни суфражисток – чепуха по сравнению с двадцатью миллионами рабочих, марширующих ради возврата своих имущественных прав. Для либеральных реформистов, таких как Беллы, существовали более важные социальные вопросы, нежели долгие битвы за корректировку баланса избирательных прав.

Гертруда примкнула к движению против права голоса для женщин в 1908 году и стала членом антисуфражистской лиги. Это была ее первая работа, а она никакую работу не делала наполовину. Она вступала в дебаты с жаждой победы в них, чему научилась в Оксфорде, и при ее таланте эффективного администратора вполне вероятно, что это Гертруда организовала 250 тысяч подписей под антисуфражистской петицией 1909 года. Но все же она проговаривается об отсутствии «миссии» в делах антисуфражистского движения, а это наводит на мысль, что за эту работу Гертруда взялась во многом ради того, чтобы сделать приятное Флоренс. О первом заседании лиги она пишет:

«У нас председателем леди Джерси… мне оказали честь стать почетным секретарем, что самое ужасное… Почти на месяц жизнь оказалась в развалинах – надо было организовать в Миддлсборо антисуфражистский митинг максимального масштаба. Мы это сделали, и плюх был очень громкий… это было интересно, но отняло ужасающее количество времени, долгие часы на писание писем и агитацию».

Позже в Ираке Гертруда довольно много сделала для женщин-мусульманок. Она помогла создать в Багдаде первые школы для девочек, собрала средства для женской больницы и организовала первую серию лекций женщины-врача для женской аудитории. Гертруде приходилось оглядываться на свои антисуфражистские дни со смешанным чувством: ее старая подруга Джанет Хогарт заметила, что Гертруде «было забавно вспоминать свою позицию» в те времена.

Ее участие в этом движении изжило себя к концу десятилетия. Она уже готова была предаться новым всепоглощающим занятиям: все сильнее ею овладевал интерес к археологии как мотиву для приключений в пустыне, и вскоре Гертруда уже влюбилась в это дело. Неловкая студентка стала в высшей степени эрудированной, умелой и одаренной женщиной; она была богата, одинока, ей не приходилось отвлекаться на детей. Ее способности и умения охватывали целый спектр, от стихов до административной работы, от приключений первопроходца до спорта и археологии. Мало кто так разбирался в мировой истории и современной политической ситуации, как она, и это вполне сочеталось с любовью к красивой одежде. Гертруда говорила на шести языках, умела писать интересные письма и вести дискуссии на любом из них. И все это имело хороший фундамент в виде добрых человеческих чувств: глубокого ощущения семьи, ландшафта, архитектуры – любви к самой жизни. Мало кто мог с ней соперничать просто по широте диапазона умений. Как Личность Гертруда пришла исполнить самые смелые надежды на судьбу женщин, которые питал Джон Стюарт Милль.

Глава 5
Восхождения

Гертруда с детства обладала выдающейся жизненной силой и ума, и тела. Невысокого роста, при этом сильная и спортивная, она всегда стремилась к физической активности, и чем труднее, тем лучше. Она охотилась, танцевала, ездила на велосипеде, стреляла, ловила рыбу, работала в саду и каталась на коньках, а на отдыхе не уставала осматривать достопримечательности. Гертруда не выносила, чтобы о ней думали, будто она себе потакает, и к тридцати годам, когда большинство ее сверстниц ушли в семейную жизнь и материнство, была готова к новым трудностям и задачам – показать, что она не просто плывет по течению. И она открыла для себя альпинизм. После первого серьезного восхождения в девяносто девятом Гертруда писала: «Это было ужасно – идеально страшно! Крутая стенка до самого низа, а я никогда практически не была раньше на скалах. Наверное, если бы я знала заранее, что меня ждет, то не пошла бы на это… Однако я не сдала назад».

За два года до того, на семейных каникулах во Французских Альпах, она обещала, что вернется и поднимется на гору Меж, покрытое снегом ребро которой возвышалось над деревней Ла Грав и маленькой горной гостиницей, где остановилась семья Белл. Родные посмотрели на Гертруду скептически. Гора эта была для серьезных альпинистов и очень отличалась от всего, что Гертруда до сих пор знала. И когда она приехала подниматься на эту гору высотой 13 068 футов, оказалось, что удобнее всего делать это в белье. В те времена не было «правильной одежды» для альпинисток, и Гертруда сняла с себя юбку там, где связалась веревкой с проводниками, а как только спустилась обратно на ледник, то надела ее.

Для богатых семей поздневикторианского времени каникулы в Альпах были романтическим экзотическим антрактом, например, как сегодня зимний отпуск на островах знаменитостей вроде Барбадоса или Сент-Барта.

Горные прогулки, здоровая еда, поездки на велосипедах, катание на лодках по озерам и игра в карты перед сном – такова была программа подобных отпусков. Беллы, много путешествовавшие, в этом не отличались от всех прочих, и хотя Гертруда поднималась в горы сколько хотела, во время двухнедельного пребывания в Ла Грав она тоже придерживалась этой программы.

Случившийся в девяносто седьмом году бриллиантовый юбилей королевы был отмечен для Беллов траурным событием – смертью Мэри Лasселс, сестры Флоренс. Мэри наблюдала за взрослением Гертруды, пыталась феминизировать «оксфордскую» девушку в бурной светской жизни Бухареста, с тревогой следила за ее романом с Генри Кадоганом. Она умерла, когда еще не прошло и месяца с тех пор, как Гертруда снова у них гостила, на этот раз в Берлине, где сэр Фрэнк был британским послом. Четыре месяца траура вряд ли превратили горе в смирение, и Хью с Флоренс решили, что всем им нужны каникулы. Они договорились собраться все вместе в августе. Флоренс находилась в Потсдаме, в гостях у Лasселсов, и с остальными должна была встретиться в Париже. Хью, Гертруда, Хьюго, Эльза и Молли соберутся в Лондоне, приедут к Флоренс, а потом совершат культурную экскурсию к массиву дез Экрен в Дофине, посетят по дороге галереи Лиона и церкви Гренобля. Однако Флоренс с самого начала поездки свалилась в постель с простудой, а остальные сидели на солнце и пили горячий шоколад. Отцу и дочери идеально подходили не слишком трудные экскурсии, в которых они радовались красивому виду и цветам, с удовольствием беседуя, забывая обо всем на свете. Хью решил сопровождать Гертруду в подъеме на местный пик, где в основном нужно было идти, но иногда и лезть, – Бек-де-Л'ом. Они поднялись по крутому склону, поросшему эдельвейсами, до подножия ледника, а затем связались веревкой и полчаса карабкались вверх. На гребне они позавтракали, любуясь видом, и потом спустились. Хью этого хватило, но Гертруда вскоре стала уходить дальше и возвращаться позже. Она организовала для себя восхождение с местными проводниками, Матоном и Мариусом, на небольшой пик 3669 футов, примерно на 400 футов ниже вершины Меж, и почти все это было гораздо легче, чем подниматься на Меж. Седьмого августа Гертруда записала в своем дневнике: «Эльза и папа оставались на Коле, пока мы с проводниками поднялись на пик Ла Грав, вырубая ступени во льду примерно три с половиной часа… Папа и Эльза в обратный путь пустились одни».

Перед самым возвращением она взошла на Бреш – проводники провели ее в обход экстремального скально-ледового маршрута. Гертруда переночевала в горном приюте, в двух часах ходу от гостиницы. На следующее утро она в приподнятом настроении сбежала по последнему склону обратно в Ла Грав. «Она гордо вступила в деревню… идя между проводниками, очень собой довольная», – писала Флоренс. Она, завернутая в пальто и шали, впервые в тот день поднялась с постели и вышла на

террасу. В тридцать лет Гертруда открыла для себя азарт и опасность восхождений, и жребий был брошен. Когда Беллы вслед за своим багажом выходили из гостиницы, Гертруда решила, что обязательно сюда вернется.

Это обещание она выполнила через пару сезонов, объехав вокруг света. Приехала одна в Ла Грав из Байройта, где вместе с Хьюго встречала Фрэнка Лассела и его дочь Флоренс, а еще любимого «Домнула» из Румынии, ныне сэра Валентайна Чирола, который сразу же начал отговаривать Гертруду от этих опасных новых авантюр. В те времена для альпинистов-мужчин, зачастую британских студентов на каникулах, было обычным делом рваться в Альпы, не имея опыта скалолазания, если удавалось найти хороших проводников. До введения в пользование «кошек» оставалось еще около десяти лет, да и тогда они всерьез считались неспортивными. Еще не изобрели карабины, тем более нейлон. Веревка, чтобы от нее была польза, должна была быть толстой и тяжелой (становясь еще тяжелее, когда напитывалась влагой). Без всяких современных приспособлений, без опыта скалолазания Гертруда была таким же новичком, как и в девяносто седьмом. И все же, вероятно, мысля несколько театрально, она договорилась с Матоном и Мариусом и наметила восхождение с ними на Меж 29 августа, если позволит погода.

Предыдущие пару ночей они ночевали в приюте и первый день посвятили тренировке в скалолазании. Когда стало темнеть, к ним присоединился молодой англичанин по фамилии Тернер со своим гидом Родье. Гертруда, вышедшая полюбоваться закатом, в ошеломлении смотрела, как возвышается над ней Меж – весь крутые обрывы и негостеприимные тени. В восемь вечера все пятеро набились на спальную полку и под нее. На соломе вместо матраса и с плащом, заменяющим подушку, Гертруда сочла, что устроилась «очень комфортабельн о», но четырехчасовую ночь провела без сна, раздумывая, несомненно, о своей близости к Тернеру – они лежали «как сельди в бочке». Вскоре после полуночи она уже умывалась под звездами в каскадах реки, а потом они с Мариусом шли за фонарем Матона до линии снегов. В час тридцать луна светила достаточно ярко, чтобы можно было связаться веревкой и двинуться к леднику де Табуше. В этот момент Гертруда избавилась от юбки. Штанов для восхождения у нее тогда не было. «Я отдала юбку Мариусу – Матон сказал, что вряд ли я в ней пройду. Он был совершенно прав, но я чувствовала себя очень неловко».

Перейдя Бреш с севера на юг, они дошли до Промонтуара – плоской скалы, где отдыхали десять минут. После подъема – «очень приятного» – по длинному камину они вышли на крутой

гребень Гран-Пика. Пару раз Матон и Мариус просто втащили Гертруду, как сверток.

Пока все было довольно легко, но тут наступил момент инициации. «Нас ожидали два с половиной часа жутко трудной скалы, – писала она потом, – совершенно страшной. Первые полчаса я прощалась с жизнью. Невозможно было себе представить, что я пройду всю эту стенку, ни разу не поскользнувшись… но постепенно стало казаться совершенно естественным, что можно висеть над пропастью, зацепившись краями век».

Когда они дошли до знаменитого своей хитростью Па-дю-Ша, Гертруда уже держала собственный вес и справлялась так хорошо, что даже не поняла, как завершила один из самых трудных маневров этого подъема. До Гран-Пика они дошли в 8.45, после чего осталось преодолеть только Шваль-Руж – пятнадцать футов абсолютно отвесной скалы, которая получила свое название из-за необходимости лезть верхом по ее гребню[12]. После этого оставался двадцатифутовый карниз – и вершина.

Матон, шедший впереди, вдруг зацепился и порвал шнур ледоруба, привязанного к поясу. Ледоруб сверкнул, пролетая мимо Гертруды, и в жуткой тишине исчез в пропасти. Потом они стояли на вершине Межа на высоте 13 тысяч футов, на ярком солнце, и перед ними расстилался ни с чем не сравнимый вид. Следом подтянулись Тернер и Родье.

Через полчаса Матон расталкивал заснувшую Гертруду. Путь вниз оказался дольше пути вверх, и идти было так же трудно. Теперь шли все вместе. На половине спуска с Гран-Пика проводники привязали двойную веревку к железному крюку и опустили Гертруду и Тернера на маленькую полку. Там они уселись рядом, свесив ноги над головокружительной пропастью. Следующий кусок – «очень противный», по словам Гертруды, – следовало проделать без двойной веревки. Сейчас она была на Бреше, на который лазила в другом месте два года назад, и не ожидала того, что стало самым худшим моментом всего приключения. Матон, идущий впереди с ней в связке, вдруг исчез за углом каменной стенки. Гертруда подождала и вскоре почувствовала рывок веревки и услышала его голос: «Allez, Mademoiselle»[13]. В письме к родителям она писала: «Надо было держаться за два крошечных выступа на нависающей скале, а внизу лежал Ла Грав, и я висела в воздухе, а за углом Матон крепко держал веревку – но она, естественно, была направлена горизонтально. Вот такое осталось у меня общее впечатление от этих десяти минут».

Еще три часа неослабного напряжения, и Гертруда спустилась

на безопасный ледник и получила обратно юбку. Мистер Тернер, замечает она не без лукавства, «ужасно выдохся». Только альпинисты знают, как долгий тяжелый день в горах способен заставить человека ликовать в слезах, как можно испытывать дикое желание спать и в то же время переживать заново каждый момент миновавшей опасности. На трясущихся, несомненно, ногах, ощущая бурю эмоций, Гертруда дотащилась с Матоном и Мариусом до деревни. Там, к ее удивлению, постояльцы и прислуга гостиницы топтались на заиндевевшем пороге, ожидая ее, чтобы поздравить. Гертруду хлопали по спине, запускали фейерверки, поздравляя ее с первым восхождением. Она рухнула в кровать и проспала одиннадцать часов, а проснувшись, выпила пять чашек чаю и послала в Ред-Барнс телеграмму: «Meije traversée»[14].

Гертруде всегда нужно было иметь какой-то проект. Сейчас она натренировалась на Меже и двинулась дальше – после нескольких дней восхождений на менее трудные скалы нацелились на самую высокую вершину южной части Французских Альп, Барр-дез-Экрен. Это была очень трудная задача для альпиниста столь неискушенного, но Гертруда верила, что сможет взойти на этот пик в 13 422 фута, который официально категорировался как «крайне трудный». Уступая требованиям рискованного предприятия, она приобрела пару мужских брюк, туго затянутых ремнем под юбкой, так что ее дневниковые отчеты каждого тренировочного дня начинались словами: «Юбки прочь – и на скалы!»

Гертруда с проводниками ночь 31 августа провели в приюте с еще одним альпинистом, принцем Луи Орлеанским («Симпатичный смешливый мальчик»), и его носильщиком Фором, который варил ему обед. Гертруда дотемна читала отчет Эдуарда Уимпера о его первом восхождении в Экренах, потом разговаривала до отбоя с принцем Луи и еще каким-то прибывшим позже немцем. Выступили в 1.10 ночи. В этот день случались неприятности – может быть, из-за сильного холода. Мариус уронил ледоруб, и Гертруда сидела на собственных руках, чтобы не замерзли, пока Фор за ним спускался. Один раз она поскользнулась и упала спиной на лед, но Матон удержал ее веревкой. Оба порезали руки, причем он сильно. Гертруда сделала несколько фотографий, возясь с аппаратом непослушными пальцами. В полдень резкие ветра гнали тучи снега, затрудняя спуск с вершины. Лишь около трех часов дня они перекусили на леднике – хлеб с джемом и сардины. По дороге вниз Матон на какое-то время сбился с пути, а Гертруда больно подвернула ногу на шатающемся камне. На подъеме она

разорвала штаны в клочья и на спуске мерзла.

«Я осталась в лохмотьях, так что надела юбку для приличия. То есть Матон на меня ее надел, поскольку пальцы у меня совсем не слушались». В гостиницу они вернулись, проведя на Экренах девятнадцать часов – слишком много даже для нее.

На этом ее восхождения в том году не закончились, но отсутствие у Гертруды интереса к публичности оставляет у ее биографов сомнения по поводу программы. Когда день начинается сразу после полуночи и заканчивается в горных хижинах поздно вечером, маловероятно, что она постоянно вела дневник или писала письма домой. Если и да, то они частично утрачены, и даже «Элпайн-Клаб», самый старый альпинистский клуб в мире, не обладает точным списком ее достижений.

На альпинистский сезон 1900 года Гертруда выбрала Швейцарские Альпы. Она провела счастливые часы в Шамони с двумя новыми проводниками – братьями Ульрихом и Генрихом Фюрерами, изучая карты и разрабатывая свой новый проект. Она решила подняться на Монблан – 15 771 фут, высочайшую вершину Альп. Его белый купол, объяснила Гертруда, дразнит ее через Женевское озеро. Хотя это восхождение не самое трудное, оно достаточно серьезное и требует хорошей физической подготовки. К настоящему времени более тысячи альпинистов погибли при попытке восхождения на Монблан. Гертруда поднялась туда всего через год после подъема на Меж; один известный в те времена альпинист говорил в «Элпайн-Клаб», что самым живым воспоминанием подъема на Монблан остались для него усилия не отстать от мисс Белл. Ее слава горовосходителя все росла. Как писала она домой примерно в это время: «Я – Личность! И один из первых вопросов, который, кажется, задают все друг другу, таков: “Вы знаете мисс Гертруду Белл?”»

В сезоны 1899–1904 годов она стала одной из самых знаменитых альпинисток в Альпах. В покорении классического пика Монблан она шла по стопам необычайной француженки Мари Паради, которая поднялась на него почти на сто лет раньше, в 1808 году. На самом деле история женщин-альпинисток началась еще в 1799-м, когда мисс Пармантер совершила несколько восхождений, но никто из них не поднимался на Монблан до восьмидесятых годов XIX века, когда Мета Бревурт и Люси Уокер набрали максимальное число вершин и перевалов. Вклад Гертруды в альпинизм состоял в том, что она записала на свой счет множество достижений на протяжении всего пяти сезонов, что особенно замечательно, если учесть, что альпинизм был лишь одним из многих ее интересов. В таком контексте он

являлся скорее кратким увлечением, временным хобби, причем менее важным, чем путешествия, изучение языков, археология или фотография – но, вероятно, более важным, чем устройство сада камней, фехтование и охота. Сторонящаяся журналистов и фотографов, Гертруда стала довольно хвастливой в своем кругу и писала с подкупающей самоуверенностью о своих способностях в этой новой области: «Ульрих доволен, как Панч, и говорит, что я не хуже любого мужчины. Если оценить способности среднего альпиниста, то, наверное, да… Мне очень хочется подняться на Маттерхорн, и надо постараться впихнуть его в расписание… Думаю, что справлюсь с любой горой, какую ни назови».

Гертруда прямо-таки нарывалась на неудачу, но была настолько ловким альпинистом, обладала такой силой и смелостью, что до расплаты еще было время. В 1901-м она снова встретилась с Ульрихом и Генрихом, на этот раз на бернском Оберланде. На семидесяти милях самой длинной горной цепи Швейцарских Альп собраны сложнейшие из главных ледовых маршрутов. К этому времени, согласно дневникам ее восхищенной поклонницы, некоей леди Монксвелл, Гертруда приобрела для восхождений синий брючный костюм. Но она его нигде не надевала, кроме гор, и скромно переодевалась снова в юбку в базовом лагере. Из письменной просьбы, направленной Молли в Лондон («две золотые булавки для шейного платка и толстые черные подтяжки»), ясно, что ее подтянутый мальчишеский вид в горах задал моду для лыжниц на пару десятилетий.

Первой ее честолюбивой целью стал Шрекхорн, вздымающий к небу два своих пика, подобных опрокидывающейся волне. Вершина длинной гряды утесов, одна из самых трудных и неровных среди всех тринадцатитысячефутовых вершин европейских Альп. Трудность связана в основном с двухтысячефутовой скальной башней, образующей окруженную льдом вершину. Над ней возвышается лишь огромное лезвие Финстерархорна, и даже при наличии современного снаряжения она все еще считается слишком трудной для большинства альпинистов.

В горной хижине у Барегга, где ночевали первую ночь Гертруда с проводниками, к ним примкнули двое веселых молодых людей, Герард и Эрик Коллиеры со своими проводниками, и вечер получился очень приятный. Восхождение началось вскоре после полуночи. Судя по письму домой, Гертруда взлетела по первым снежным кулуарам и небольшим гребням без малейшего усилия. Потом: «Я уже начинала думать, что репутация Шрекхорна абсурдна, но час по гребню от седловины

до вершины заставил меня изменить мнение. Такая приличная порция скалолазания… и пара очень тонких моментов… исключительно приятных!» На подъеме к вершине она обогнала Эрика и Герарда на пятнадцать минут, глиссировала вниз в приподнятом настроении и вернулась в хижину, мечтая об обеде, – а там увидела троих французов, которые жгли ее дрова и пили ее чай. Гертруда высказала им все, что о них думает, и выгнала из хижины, чтобы снова переодеться в юбку. После их поспешного ухода она села обсудить с Фюрерами свою честолюбивую мечту: подняться по никем еще не пройденной северо-восточной стене Финстерархорна. Надо будет над этим поработать, ответил Ульрих (сперва, наверное, чуть не поперхнувшись), а пока что хранить такой план в строгой тайне.

Тем временем настало время заняться главной целью поездки: стать первым альпинистом, который планомерно взошел на пики массива Энгельхорн. Эта романтичная, но внушающая ужас линия небольших известняковых пиков знаменита изобилием вертикальных маршрутов. Конан Дойл не сумел найти более дикого места для исчезновения Шерлока Холмса, чем Рейхенбахский водопад, расположенный неподалеку, где поток, разбухший от тающих снегов, теряется в облаке брызг, улетающих в черную каменную бездну. Гертруда планировала методически брать один пик за другим в течение двух недель. С Фюрерами в качестве проводников она сделала несколько первых восхождений – таких, которые раньше считались непосильными. И писала домой: «Я бешено собой довольна!»

С веселым семейством Коллиеров она познакомилась в гостинице в Розенлау и играла с ними в крикет, вместо калиток используя ветки и вылавливая мячи из реки сачком для бабочек. Временно лишенный возможности ходить на более высокие вершины из-за сильного снегопада, Ульрих провел для Гертруды обучение, выводя ее на самые трудные стенки, которые мог найти на этих высотах. Он водил ее по неудобным расселинам и заставлял забивать крючья, навешивать веревки и вырубать ступени. И у нее даже осталась энергия, чтобы залезть на небольшой утес, на который еще не восходили, и сложить на вершине тур. Ульрих был достаточно впечатлен, чтобы согласиться на ее внушительную программу.

За эти две недели Гертруда взошла на семь непокоренных вершин, из которых одна первого класса, и на два «старых» пика – все это были новые маршруты или первовосхождения. Одна из этих вершин названа ее именем и остается во всей литературе по Энгельхорнскому массиву до сего дня: Гертрудспитце – пик Гертруды – расположен между Фордерспитце и Ульрихспитце.

Будучи в ударе и имея за собой эти достижения, шестого-седьмого сентября Гертруда предприняла самое трудное восхождение года: траверс первого класса Урбахталер Энгельхорна, Большого Энгельхорна.

Гертруда и ее проводники начали подъем из крошечной долины на западной стороне, Охсенталя. С севера, востока и юга это глухое место окружают обрывистые стены гладких скал. Альпинисты предполагали начать с южного конца – маршрут, который местные проводники и пара опытных восходителей оценили как невозможный.

«Мы выбрали место, где скальная стена исключительно гладкая, но проточена многими водяными струйками, иногда три дюйма глубиной и четыре в ширину. Эти промоины давали какие-то упоры для рук и ног».

Как только они вышли, начался снегопад. На первые сто футов ушло сорок пять минут, и в одном месте встретился шестифутовый участок стены без опоры для рук. Встав на плечи Генриха, Ульрих дотянулся до более перспективного участка, но тем временем снег сменился густым ледяным дождем. Альпинистам посчастливилось найти глубокую расщелину и там позавтракать, затем продолжили движение под дождем, пока не достигли гладкого гребня, где уже совсем некуда было встать и не за что держаться. Они отошли назад, траверсировали стену и попробовали в другом месте. Осторожно карабкаясь по узкому кулуару и камину из острых скал, они оказались на вершине перевала. По одну сторону расположился ряд четырех пиков, на которые они уже восходили раньше, по другую – два пика: Малый Энгельхорн закрывал вид на самый высокий из всех – Урбахталер Энгельхорн.

Путь на Энгельхорн, от которого видна была верхняя половина, шел по тропе, где ходили только серны. Ни на северную, ни на южную стороны седла еще никто не восходил. Но сейчас погода обратилась против восходителей, снег валил густой и мокрый, и они с большим разочарованием решили, что сегодня большего сделать не могут, и заночевали под стенкой в потоках тающего снега, залезавшего за ворот, в рукава и ботинки. На рассвете, в семь утра, они двинулись дальше при ярком солнце.

Малый Энгельхорн, который скрывал подъем на вершину, сам был частично скрыт контрфорсом, по которому лезть было достаточно просто. Но вскоре показался малый пик, и выяснилось, что такой пугающей скалы они еще просто не видели.

«Нижняя треть [Малого Энгельхорна] состояла из гладких отвесных камней, следующий участок – очень крутая скала, где с

трудом просматривается пара кулуаров, большие крутые плиты, разделенные глубокими расселинами. Огромной трудностью было то, что все это торчало наружу, нигде не устроиться в камине. Только скальная стена, и по ней надо лезть вверх».

Они и лезли вперед и вверх, прошли неглубокую трещину и остановились. Перед ними оказалась идеально гладкая нависающая стена. Положение было крайне опасное. Ульрих залез на плечи Генриху, пошарил, сколько хватало руки, и не нашел ни одного зацепа. Наверное, минуту или две они висели там неподвижно, потом Гертруда предложила занять место Ульриха, встав на плечи Генриха, и Ульрих еще раз попробует, встав на ее плечи.

Тикали минуты, альпинисты осторожно, дюйм за дюймом маневрировали, занимая нужную позицию, и морозное молчание нарушали только судорожные вдохи и приглушенные восклицания. Они взгромоздились друг на друга, ботинки Ульриха врезались Гертруде в плечи, Ульрих тянулся вверх – и не мог найти опору для рук. Стиснув зубы, Гертруда тянулась во все свои пять футов пять с половиной дюймов, чтобы выдать ему еще полтора дюйма. И эта добавочная доля высоты позволила Ульриху найти едва заметную выбоину, собрать все свои недюжинные силы и медленно начать подниматься на кончиках пальцев. Это было единственное доступное ему движение, но не во что было упереться ногами, чтобы помочь подъему, и это обстоятельство могло оказаться фатальным. Гертруда, молча страдая, поняла, что сейчас произойдет. И когда Ульрих снял ногу с ее плеча, она подняла руку, вытянула вверх и подставила ему под ботинок. Гертруда писала: «Он закричал: “Так ненадежно! Если шевельнетесь, мы все погибли!” А я ответила: нормально, я так неделю простою».

С предельной осторожностью Ульрих выбрался на безопасный карниз, и настала очередь Гертруды. Последняя в связке, теперь перешедшая на второе место, она должна была подняться сама: веревка шла мимо, от Ульриха к Генриху. Но за нее можно было держаться, и напряжением всех сил Гертруда преодолела эти девять футов, выбравшись на полку к Ульриху. Теперь то же самое следовало проделать Генриху, на двух веревках, но еще на пять футов ниже. Он не справился. «На самом деле, я думаю, он потерял храбрость. Как бы там ни было, но он заявил, что подняться не может… и ничего мы не могли сделать, кроме как оставить его».

Они разобрали веревки. Генрих привязал себя к стене и мрачно ждал их возвращения. Ульрих и Гертруда пошли через следующую плиту, но всего за несколько футов до верха застряли

и не могли двинуться дальше. Ульрих, мрачный, как грозовая туча, спустился мимо Гертруды и сказал ей, что надо будет спуститься ниже и попробовать снова. Они были теперь на стороне, противоположной той, где остался ждать Генрих. Осторожно перейдя над пропастью, они подошли к камину. Здесь Гертруда расклинилась в нем как можно плотнее, а Ульрих забрался вверх с ее плеч. И вдруг оказалось, что дело сделано – они вышли на вершину Малого Энгельхорна. Еще одна проблема возникла, когда мокрая веревка застряла между камнями, и Ульриху пришлось возвращаться по камину вверх, чтобы ее высвободить. Дважды она застревала, и дважды он поднимался обратно. Наконец он бросил веревку Гертруде и спустился без нее. Когда вернулись к Генриху, пришлось выполнить некоторые сложные работы с веревкой, но все же удалось спуститься к подножию контрфорса, где началось серьезное лазание. Оглядываясь назад на четыре часа самого трудного восхождения, которое только возможно, Гертруда сама не верила, что столько выдержала за такое короткое время.

С онемевшими от утреннего холода пальцами кто угодно решил бы, что на сегодня хватит. Но Гертруда решила взойти на самый высокий пик, на Урбахталер Энгельхорн, а значит, она туда взойдет. Генрих вроде бы присоединился к ним под давлением: он, вероятно, рассчитывал к ночи быть дома, да и то, что Гертруда лучше его держалась над пропастью, вряд ли было ему приятно. Они втроем перекусили и потом, обходя Малый Энгельхорн, пошли к вершине по тропе серн. «Это оказалось совсем просто – но раньше никто этого не делал», – отметила Гертруда.

К семи вечера снова спустились к подножию скал. Было слишком темно, чтобы возвращаться в долину, так что решили заночевать в известной проводникам пастушьей хижине. Для Гертруды это была идиллия, невинный и очаровательный опыт. Шале, приткнувшееся на склоне горы, окружали шумящие водопады. Внутри находились трое молчаливых морщинистых пастухов, делящих пространство с семейством крупных свиней. Горел огонь, пришедших угостили молоком и хлебом такими вкусными, каких Гертруда никогда еще не ела. Потом она залезла на сеновал, завернулась в одеяло и сено и проспала восемь часов, пока ее не разбудило хрюканье свиней. Просто даже не хотелось уходить, пока она смотрела на возвращение стада коз, где-то пасшегося всю ночь. В семь тридцать они с Ульрихом двинулись по горной тропе – Генрих на рассвете исчез – и разговаривали с той близостью, какую создают совместно пережитые опасности. В деревне Интеркирхен Ульрих привел ее к себе домой и

представил семидесятилетнему отцу. «Дом совершенно очаровательный, – писала она, – старое деревянное шале, построенное в 1749 году, с низкими потолками и длинным рядом окон в муслиновых занавесках и горшках герани. И нигде ни пятнышка».

Их посадили есть. Аппетит у Гертруды был невероятный: она поглощала хлеб, сыр, черничное варенье и яйца. Никогда у нее не выдавалось более прекрасных дней в Альпах, писала она Хью и Флоренс. «Как вы думаете, что у нас набралось за две недели? Два старых пика. Семь новых – один первого класса, из прочих четыре очень хороших. Траверс Энгельхорна, тоже новый и первого класса. Не так-то плохо!»

А потом, когда закончились эти две недели, было возвращение в Редкар и осенний дождь, собрание матерей, изложение приключений с иллюстрациями в волшебном фонаре для домохозяек Кларенса.

Гертруда вернулась в Швейцарию в 1902-м, чтобы напомнить Ульриху о его обещании – отвести ее на Финстерархорн. Выяснилось, что ее слава возросла еще больше. К ее большому удовольствию, проводник в поезде спросил, не та ли она мисс Белл, что поднималась в прошлом году на Энгельхорн. Сейчас в гостинице в Розенлау у нее нашлась соперница, причем такая, что обострила ее амбиции. Гертруда писала:

«Здесь есть другая альпинистка, фройляйн Кунтце – альпинистка очень хорошая, но она не слишком мне обрадовалась, поскольку я лишила ее Ульриха Фюрера, с которым она лазила. С ней еще один немец, известный альпинист из Берна, и мы с ними сидели и разговаривали сегодня, когда они пришли… кое-что они на Энгельхорне сделали, но лучшее еще только предстоит».

Этим «лучшим, которое только предстоит» был Финстерархорн. Гертруда так настроилась на его покорение, что первую из «невозможностей», на которые они по решению Ульриха должны были идти вместе, траверс Лаутерархорн – Шрекхорн, восприняла спокойно. Это восхождение наметили первым. 24 июля они поднялись на высокий гребень, когда – с некоторой степенью комизма – столкнулись лицом к лицу с блестящей фройляйн Хеленой Кунтце, которая также собралась поставить на вершине собственный тур и внести свое имя в книгу рекордов. Видимо, между двумя дамами произошла язвительная беседа, в результате которой лавры достались Гертруде. Веселая и злая, она первое восхождение прошла без особой трудности, сама тому удивившись. Согласно «Элпайн Джорнал», это было самое технически важное ее восхождение.

Теперь Гертруда воистину заработала право на попытку подняться на Финстерархорн, самую высокую вершину Оберланда. Первое восхождение туда случилось в 1812-м, но по северо-восточной стене еще никто не поднимался, и именно этот новый и трудный маршрут они с Ульрихом тщательно разрабатывали два года. Эта злонравная и острая как клинок гора возносится над хребтом на 14 022 фута, и ее величественная вершина видна со ста миль. Одинокая, далекая от цивилизации, она печально известна плохой погодой и частыми лавинами. И даже опытные альпинисты уклонялись от той задачи, которую поставили перед собой эта тридцатипятилетняя женщина и ее проводник. Гертруде предстояла самая опасная горная экспедиция за всю карьеру. В последующие двадцать пять лет это будет считаться одной из величайших экспедиций в истории альпинизма.

Для тренировки Гертруда с Фюрерами сходили на Веллхорнский гребень, и единственной проблемой оказался сильный мороз. Потом они с Ульрихом совершили вылазку для проверки состояния скал на Веттерхорне – необычный подход к Финстерархорну, но такой, где, по мысли Ульриха, можно было начать. «Сегодня утром я вышла в 5.30 – ну, Ульрих называет это проверкой подвижности камней. Это значит, что ты идешь вверх и смотришь, не упадет ли на тебя камень. Если нет, то сюда можно идти… Мы прошли под ледопадом, где я проверила подвижность камней коленом… было больно».

Пробуя этот подход, они потеряли двадцать четыре часа и начали снова на следующий день. Прекрасным вечером они рано поднялись в хижину, и Гертруда вышла побродить без куртки по траве, переворачивая камни, чтобы полюбоваться на кустики бледных фиалок. В 1.35 альпинисты вышли из хижины. Первой целью был сыпучий гребень впереди, восходящий от ледника рядом торчащих жандармов и башен. «Большие выступы не в равновесии и готовы свалиться… они все покрыты свободно лежащими камнями, торчащими, нависающими и готовыми в любой момент упасть». Просовывая руку в трещину, Гертруда сдвинула отколовшийся камень в два квадратных фута. Он свалился сверху, сбил ее, и она поехала вниз по льду, пока не смогла задержаться на маленьком карнизе. «Я встала без веревки – как выяснилось чуть позже, ее и не было: перебирая ее руками, я увидела, что она наполовину перебита в ярде от моего пояса».

Теперь, на более короткой веревке, она пробиралась вдоль по гребню, а тот становился все круче, а внизу стали закипать зловещие черные тучи с запада. Вершина гребня все еще была далеко вверху, а вершина горы – еще дальше. Сперва они взялись

за дело бодро, но прошел час без особого прогресса, а погода портилась с каждой минутой. Повалил снег, до вершины оставалась еще тысяча футов, а путь сузился до одиночного жандарма со зловещим двадцатифутовым нависанием. Если преодолеть жандарм, то, по мысли Ульриха, можно будет дойти до самой вершины. В любом случае альтернативы не было.

Тем временем ветер крепчал, из долины стал подниматься густой туман. Чтобы добраться до жандарма, требовалось проползти по острому краю седловины. После этого веревку Ульриха привязали к скальному выступу, потом аккуратно спустили на ней Ульриха на наклонную полку под навесом, с которой ему надлежало сделать попытку влезть. Он несколько минут пытался, потом сдался в отчаянии: стенка не только наклонялась наружу, но еще и сыпалась. Тогда они попробовали подняться по дальней стенке башни, где уходил вверх почти вертикальный кулуар блестящего льда. Это тоже оказалось невозможным. И хотя до верха гребня было всего пятьдесят футов, ситуация выглядела отчаянной. Оставалась только одна возможность, и совершенно безрадостная: повернуть обратно по стенке туда, где сейчас бушевала непогода. Ветер нес заряды мелкого снега, и через полчаса спуска туман оказался так густ, что ничего не было видно, кроме каменной стенки прямо перед ними. Гертруда писала: «Я всю оставшуюся жизнь буду помнить каждый дюйм этой скальной стены».

Они успешно миновали вертикальный камин и вышли на узкую полку, круто уходящую вниз. Отсюда по веревке спустились по одному на скалу, потом прокувыркались восемь футов непроходимого иным способом крутого и скользкого снежника. Они привязали веревку в качестве перил, но туман ослеплял, и создавалось ощущение, что они мчатся навстречу смерти. Было почти шесть вечера. Борьба продолжалась до восьми, пока бушевал шторм.

«Мы стояли возле огромного вертикального выступа на самом верху жандарма, как вдруг он затрещал и на секунду занялся голубым пламенем. У меня ледоруб в руке дернулся, и показалось, что сталь нагрелась и жар расчувствовался сквозь перчатку – может такое быть? Не успели мы понять, что происходит, как скала вспыхнула снова… мы покатились вниз по камину, один на другом, засунули головки ледорубов в какую-то осыпь и быстро отошли от них подальше. Не стоит держать в руке личный громоотвод».

В эту ночь они не могли двинуться дальше, и пришлось пережидать темноту на середине стенки, где не укрыться от бури. Выбора не оставалось, и альпинисты забились в какую-то щель.

Гертруде удалось найти место в самой ее глубине, Ульрих сел ей на ноги, чтобы их согревать, Генрих под ним, и оба засунули ноги в рюкзаки. Все привязались к скале над головой на случай, если кого-то ударит молнией и выбросит из щели. Изменить положение они могли лишь на дюйм-другой, и неудобство вскоре превратилось в пытку. «Золотое правило – ни капли бренди, потому что потом будет еще хуже. Я это знала и настояла на этом». Засыпала Гертруда «довольно часто» и просыпалась от грома и зарниц, восхищенная вопреки всему силой бури и треском раскалывающегося от молний камня, похожего на треск разгорающихся сырых дров. «Поскольку никаких предосторожностей принять уже было нельзя, я просто наслаждалась величественной картиной шторма, ни о чем не думая… и всеми чудесами и ужасами, что творятся на высотах… Ночь постепенно прояснялась и наконец стала изумительно звездной. Между двумя и тремя ночи взошла луна, тоненький серп». Люди жаждали тепла и солнца, но рассвет принес слепящий туман и режущий ветер со снежными зарядами. Из щели они вылезали замерзшие, онемевшие от холода. Гертруда съела пять имбирных сухарей, две палочки шоколада, ломоть хлеба с раскрошившимся сыром и горстью изюма и теперь выпила столовую ложку бренди. Следующие четыре часа альпинисты дюйм за дюймом вслепую шли вниз, веревки заледенели и скользили, штормовой ветер задувал снежными вихрями. Кулуары превратились в водопады. Стоило только вырубить ступень во льду, и она наполнялась водой. В ситуации крайней опасности Гертруда всегда умела отделить себя от страдания и продолжать делать дело. Эта необычайная способность помогла ей сейчас проявить невероятное мужество. «Когда все плохо так, что хуже не бывает, перестаешь обращать на это внимание. Стискиваешь зубы и борешься с судьбой… Я знаю, что никогда не думала об опасности, кроме одного случая, да и тогда совершенно спокойно».

Этот момент наступил позже, когда они, упав один за другим на одном и том же месте, летели в пропасть и были резко остановлены сокрушающим ребра рывком веревки. Тогда они подумали, что худшее позади, но ошиблись. Рок поджидал их на коротком склоне обледенелой скалы у основания жандарма. По нему трудно было лезть и в незапамятные времена (всего лишь вчера) на пути вверх, а сейчас он был покрыт четырехдюймовым слоем снега, скрывавшим все зацепы и трещины. Рядом бежал водопад воды со снегом. Оба проводника – Ульрих рядом и Генрих ниже – сами едва держались и вряд ли могли бы удержать ее, а до следующего десятифутового отрезка было слишком

далеко. «Справились мы кое-как… мне пришлось привязать дополнительную веревку к выступу чуть ниже меня, так что толку от нее практически не было. Но это был единственный возможный план. Эти скалы оказались для меня слишком трудны. Я отдала ледоруб Генриху и сказала ему, что сейчас буду падать».

В этом состоянии крайнего напряжения Гертруда действовала опрометчиво. У Генриха не было времени закрепиться перед тем, как она прыгнула. Они оба упали, связанные веревкой, полетели кувырком по ледяному коридору. Но Ульрих, услышав, что она сейчас упадет, успел воткнуть ледоруб в трещину, повиснуть на нем одной рукой, а другой – удержать этих двоих. Потом он сам не верил, что смог такое сделать. Гертруда писала: «Мы едва спаслись, и мне очень стыдно за свою роль в этом эпизоде. Это был момент, когда я думала, что нам вряд ли спуститься живыми».

Плечи и спину Гертруды сводила мучительная боль, причиняемая, вероятно, разрывом мышцы. Все трое дрожали от холода и сырости. День тянулся дальше. В восемь вечера до безопасного места осталось еще перейти несколько трещин и спуститься по сераку. Серак – ледяной барьер у нижней кромки ледника – очень опасен при прохождении, потому что все время сдвигается и ломается под давлением ледовых масс. И никогда не следует проходить его ночью. Но у них было отчаянное положение. Полчаса они пытались разжечь фонарь отсыревшими спичками под прикрытием промокшей юбки Гертруды. Бросив это безнадежное дело, они двинулись на ощупь через угольно-черную темноту, но тут же Генрих свалился в восьмифутовую толщу мягкого снега. «Это был единственный момент отчаяния», – вспоминает Гертруда.

Им предстояла еще одна ночь на открытом леднике, под ледяным дождем. У каждого из мужчин был рюкзак, который можно было использовать в крайности как матрас, и Генрих, благородно и неожиданно, отдал свой Гертруде, а Ульрих сунул ее ноги вместе со своими в свой рюкзак. Она несколько часов провела, думая о Морисе на войне против буров, где он командовал ротой добровольцев Йоркширского полка. Он писал о том, как ночь за ночью идет проливной дождь, и уверял ее, что ему это ничуть не мешает.

В сером полумраке этого второго рассвета, окостеневшие от холода, они едва могли идти. Кое-как ковыляя, они заметили, что достигли безопасного места, что пришло к концу их испытание. Вернувшись в Майринген после пятидесяти семи часов на горе, они застали в гостинице суматоху беспокоящихся за них людей. После горячей ванны и ужина в постели Гертруда проспала

двадцать четыре часа. Руки и ступни у нее были обморожены – пальцы на ногах так распухли и закостенели, что ей пришлось отложить возвращение в Лондон до момента, когда снова можно будет надеть туфли. Пальцы рук отошли достаточно быстро, и она смогла написать самое длинное в своей жизни письмо отцу, признав в нем, что прогноз Домнула насчет вероятности ее гибели в Альпах чуть не сбылся.

От ледника до вершины Финстерархорна три тысячи футов. И только последние несколько сотен футов украли у них славу. Пятьдесят три часа на веревке, при самых плохих погодных условиях, когда ветер просто мог сдуть их с горы, в таком холоде, что снег намерзал на людях и на веревке, а по временам в таком тумане, что не видно было, куда ступаешь. И хотя самым важным восхождением Гертруды был траверс Лаутерархорна – Шрекхорна, ее всегда будут помнить по экспедиции на Финстерархорн. Попытка была неудачной, но достославной. А удачное возвращение в таких условиях – выдающееся деяние. «Во всех Альпах мало найдется мест столь крутых и столь высоких. Туда поднимались всего три раза, включая попытку вашей дочери, и ее экспедиция все еще считается одной из величайших в истории Альп, – писал Ульрих Фюрер в письме к Хью. – Честь ее принадлежит мисс Белл. Не будь она так полна мужества и целеустремленности, мы бы пропали».

Через год Гертруда выкроила пару дней в кругосветном путешествии, чтобы полазить в Скалистых горах возле озера Луиз. Там она, к своему приятному удивлению, встретила трех швейцарских гидов из Оберланда, которые беспощадно дразнили ее вопросом: «Как любезной фройляйн понравился Финстерархорн?»

Последнее из ее достойных упоминания восхождений было совершено на Маттерхорн в августе 1904 года с итальянской стороны и опять же в сопровождении Ульриха и Генриха. Пока этот последний гигант не был отмечен ею как пройденный, Гертруда чувствовала, что у нее осталось незаконченное дело в Альпах. Эта гора имеет весьма насыщенную историю. Смертельных случаев на Маттерхорне больше, чем на любом другом альпийском пике. Гертруда читала и перечитывала отчет Эдуарда Уимпера, британского альпиниста, который за тридцать девять лет до того впервые поднялся на Маттерхорн, об ужасающем спуске, в котором четверо из группы поскользнулись и упали, и лишь оборванная веревка спасла Уимпера и двух оставшихся проводников от той же участи. Гибель спутников, несомненно, отравила ему жизнь. «Каждую ночь, поймите, вижу я своих товарищей на Маттерхорне, они скользят на спине,

расставив руки, один за другим, по порядку, с одинаковыми интервалами… я вечно буду их видеть».

С чужих слов Гертруда знала эту гору так хорошо, что каждый шаг казался ей знаком. После хмурого рассвета погода прояснилась, и восхождение проходило в комфортных условиях. Возле вершины они вышли на баснословно трудный гребень Тиндалла. Там обычно находят веревочную лестницу, но она порвалась и была частично заменена привязанной веревкой. На прохождение двадцати футов потребовалось два часа. «Я смотрю назад с огромным уважением. На нависающей части надо откидываться на веревке и, вися на ней, коленом нащупывать выступающий камень, с которого можно дотянуться до верхней ступени, – все, что осталось от веревочной лестницы. Вот так это было сделано… и помню, как смотрела и думала, возможно ли это вообще».

Бедному Генриху это оказалось «необычайно трудно». Вершины они достигли в десять утра и спустились на швейцарскую сторону, исходным маршрутом Уимпера, где сейчас висят веревки недавних восходителей. Гертруда описала этот спуск как «скорее съезжание по перилам, нежели лазание».

Именно Маттерхорн как гора с наиболее узнаваемым профилем запечатлен в мемориальной витрине Гертруды в церкви Восточного Раунтона. Вверху витрины изображена гора напротив виньетки, где Гертруда сидит на верблюде на фоне пальм. Эти два периода ее жизни, естественно, весьма отличались, и ее интересы теперь сосредоточились на археологии и пустыне. Маттерхорн стал последней ее серьезной горой. В 1926 году полковник Е. Л. Стратт, бывший тогда редактором «Элпайн джорнал», писал, что в 1901–1902 годах не было более знаменитой альпинистки, чем Гертруда Белл:

«Все, что она предпринимала в физической или умственной деятельности, исполнялось настолько превосходно, что было бы странно, если бы она не блистала на склонах гор так же, как на охоте или в пустыне. Ее сила, невероятная в таком изящном теле, ее выносливость, а превыше всего – ее мужество были так велики, что до сих пор ее проводник и товарищ Ульрих Фюрер – а более компетентный судья вряд ли найдется – говорит о ней с восхищением, переходящим в обожание. Он несколько лет назад сказал автору этих строк, что из всех любителей, мужчин и женщин, с которыми ему выпадало ходить в горы, он очень мало кого видел, превосходящего ее в технике, и никого равного ей по хладнокровию, храбрости и оценке ситуации».

Глава 6
Путешествия по пустыне

«Мисс Гертруда Белл знает об арабах и Аравии больше, чем практически любой живущий англичанин» – так сказал лорд Кромер, бывший верховный комиссар Египта, в 1915 году, когда шла Первая мировая война и конца ей не было видно, и знаниям Гертруды предстояло стать тем ключом, который разомкнул патовую ситуацию.

Будучи туристом в Иерусалиме в 1900 году, она не могла знать, когда и куда заведет ее это пребывание. Тут было положено начало ее страсти к пустыне. Всему миру по большей части была глубоко безразлична территория, называемая тогда собирательным именем «Аравия», будто бы один народ и одна страна правила всеми необитаемыми пустынями, плодородными долинами и негостеприимными горами, племенными территориями, регионами, имаматами, уделами шейхов и колониями, занимавшими эти 1 293 062 квадратные мили. Более двух процентов территории суши, этот грубо очерченный ромб простирался от реки Иордан возле Восточного Средиземноморья и угла Африканского континента, уходил на юг к Индийскому океану, от Красного моря к Персидскому заливу, на север вдоль границы Персии до русской границы, и с севера его накрывала огромная перемычка Турции.

Эта огромная территория не носила название «Средний Восток»[15] до 1902 года, когда эти слова произнес американский военно-морской теоретик Альфред Тайер Мэхэн. После постройки Суэцкого канала в шестидесятых годах XIX века караванные пути через пустыню, проложенные за тысячелетия, стали с точки зрения Запада ненужными. Как только британские пароходы стали с удобствами достигать Индии еще до эпохи двигателей внутреннего сгорания и нефти, огромные территории перестали интересовать кого бы то ни было за пределами их южных берегов и северных гор, – кроме разве что турецких правителей в далеком Константинополе. Страны, известные сегодня как Сирия, Ливан, Израиль, Палестина, Иордания, Саудовская Аравия и Ирак, были тогда одинаковыми регионами Османской империи.

Несколько сотен лет турки постепенно просачивались в деревни и немногочисленные города вокруг пустынь в сердце Ближнего Востока, потом захватывали там власть. Османская империя систематически и повсеместно заменяла законы шариата на собственный кодекс Наполеона и вводила турецкий язык как

язык администрации и обучения. Турки затягивали ведущих арабских деятелей в турецкую сеть, вознаграждая их лояльность, пока наконец не взяли всю Аравию в мягкие тиски. Все это поддерживалось системной коррупцией и тщательным разжиганием вражды между народами. Но, как вскоре выяснила Гертруда, власть Османов сходила на нет, стоило лишь отойти на несколько миль от цивилизации. Бедуинские шейхи делали что хотели, защищая свои драгоценные колодцы, караванные тропы и редкие пастбища от соседей и соперников. В пустынях законов не было, их можно было перейти, только, как это столь храбро делала Гертруда, вооружившись знанием языка, политики и обычаев бедуинских племен. Вскоре она стала желанным гостем в их шатрах.

Притом что ислам был господствующей религией, а арабы большинством, города Аравии оказались необычайно космополитичными. Немногочисленные евреи, пережившие разрушение своих селений римлянами первого века, продолжали жить торговцами, где это еще было возможно. Греки, египтяне, персы, армяне, ассирийцы – христиане и мусульмане – процветали на караванной торговле между Индией, Европой и Африкой. Они имели свою выгоду с ежегодных исламских паломничеств в Мекку и Медину и служили туркам на должностях низших чиновников.

Самым космополитичным городом из всех был Иерусалим. Постоянно подвергаясь вторжениям после ухода римлян, он стал якобы арабским городом и вошел в Османскую империю в 1840 году. С тех пор он оказался в центре внимания каждой европейской страны, желавшей подтвердить свою религиозную историю. Французы, британцы, немцы, итальянцы и в особенности русские строили церкви, больницы и колледжи. К моменту прибытия Гертруды стала набирать вес и влияние еврейская община, увеличивалось число поселений беженцев. При населении в семьдесят тысяч Иерусалим был осью культур и объектом особого интереса в воротах Аравии.

Карьера Гертруды как путешественника по пустыне началась лишь в тридцать один год, когда она приняла приглашение на Рождество от Нины Розен, старой подруги, ныне жены немецкого консула в Иерусалиме. Консульство было небольшим, и в нем имелось всего три спальни. Одну занимали двое маленьких сыновей Розенов, вторая была отведена сестре Нины Шарлотте. Гертруда поселилась в отеле «Иерусалим», всего в двух минутах ходьбы от консульства, куда она приходила к семье Розен к трапезе и началу экскурсий. 13 декабря она писала домой:

«Мои апартаменты состоят из очень приятной спальни и

просторной гостиной, обе выходят в небольшой вестибюль, выводящий, в свою очередь, на веранду, идущую вдоль всего первого этажа двора отеля с садиком. Я плачу 7 франков в день, завтрак включен… горничной у меня служит предупредительный джентльмен в феске, который мне готовит горячую ванну по утрам… «Горячая вода для Королевы готова», – сообщает он. «Войдите и зажгите свечу», – отвечаю я. «Слушаю и повинуюсь», – говорит он. Это значит, пора одеваться».

Въезжать в ближневосточный отель, будь то в Иерусалиме, Дамаске, Бейруте или Хайфе, было счастливым обрядом, почти священным предисловием к колоссальным организационным работам, необходимым в начале пустынных экспедиций Гертруды. В тот конкретный момент она хотела только купить лошадь и начать новый курс арабского, но эти начальные приготовления установили порядок, который никогда не менялся. Она всегда бронировала себе две комнаты с верандой или хорошим видом и одну из них превращала в рабочее место по подготовке предстоящей кампании, оговаривала два кресла и два стола, а всю ненужную мебель просила убрать. Распаковав карты и книги, Гертруда оставляла следы сигаретного пепла по всей комнате, прибивая картины небольшим молотком и гвоздями, которые привозила для этой цели. «Я все утро распаковывалась и выбрасывала из гостиной кровать и прочее; сейчас тут более чем уютно: два кресла, большой письменный стол, квадратный столик для книг, огромная карта Палестины Киперта…[16] и семейные фотографии на стенах. Печечка в углу, и в ней горят поленья, что весьма приемлемо».

В этот первый раз Гертруда сразу нашла учителя и установила себе шесть уроков арабского в неделю. Остальное время до Рождества она в основном ездила верхом и развлекалась вместе с Розенами и их детьми – например, разрисовывали каштаны золотом, чтобы украсить рождественскую елку. В канун Рождества все ездили на высокую мессу во францисканской церкви в Вифлееме, потом ходили со свечами в процессии в Грот Рождества.

Гертруда уже говорила по-французски и по-итальянски, персидский знала не хуже немецкого и слегка понимала иврит. Ей легко дался турецкий, но это был единственный язык, который она не закрепила. Арабский оказался куда труднее, чем она рассчитывала. Но медленность освоения самого трудного из языков ей не помешала и дальше читать на иврите стихи из Книги Бытия перед ужином – для легкого развлечения. Первые две недели уроков арабского поставили ее на грань отчаяния:

«Могу сказать теперь, что вряд ли я вообще заговорю по-

арабски… страшный язык. В нем как минимум три звука, почти невозможные для европейской гортани. Худший из них – это «Х» с сильнейшим придыханием. Мне удается его произнести, лишь прижимая язык пальцем, но ведь нельзя же вести разговор, засунув палец в горло? Отмечу только, что есть пять слов, означающих стену, и 36 способов образования множественного числа».

Гертруда испробовала несколько лошадей, пока не остановилась на небольшом и энергичном арабском жеребце. Заплатила она за него 18 фунтов стерлингов и надеялась продать его за ту же цену при отъезде. Домой она писала: «Очаровательный конек, гнедой, очень хорошей породы, с прекрасными движениями, вполне зрелищный, но легкий и сильный и во всех отношениях восхитительный. Не могла бы ты сказать Хизу, чтобы прислал мне широкую фетровую шляпу от солнца? Не двойную, а обычную тераи[17] и с широкими полями для верховой езды, и вокруг – черную бархатную ленту с прямыми бантами».

Ее восхищало все, что видела она в Иерусалиме и вокруг. Спустившись верхом к Иордану, потом к Мертвому морю («очень липкое!»), ко Гробу Богородицы («закрыто!»), она все сильнее чувствовала, как ограничивает ее посадка дамского седла. Среди самой различной местной одежды ее наряд выглядел неуклюжим и стесняющим. При одобрении Фридриха и Нины она стала ездить верхом. Попробовала мужское седло, и ей так понравилось, что она купила себе такое же. Когда сестры из ближайшего монастыря подарили ей раздвоенную юбку для верховой езды, первую из многих, чувство свободы стало полным. Уйдя с обжитых туристами дорог, забитых караванами и каретами Томаса Кука, Гертруда скакала куда хотела, поднимая тучи пыли, перепрыгивала каменные стены, вопя от радости, одной рукой придерживая недавно прибывшую тераи с бархатной лентой:

«Главное удобство этого путешествия – мужское седло, и для меня удобно, и для коня. Никогда, никогда не буду я больше ездить иначе, я даже не знала, как на самом деле легко ездить на лошади. Не следует думать, однако, что у меня нет самой элегантной и достойной раздвоенной юбки, но так как здесь все мужчины тоже носят что-то вроде юбок, меня это среди них не отличает. Пока я не заговорю, люди меня принимают за мужчину и называют эфенди!»[18]

Странствуя по горам и долинам, она спешивалась собирать гиацинты, офрисы пчелоносные или цикламены, иногда прищуриваясь на далеких отшельников, входящих высоко наверху

в свои пещеры и втягивающих за собой веревочные лестницы. Это была ожившая Библия: каждый раз, чтобы купить масла или хлеба, Гертруда проходила мимо дворца Ирода или купели Вифезда. Она стала брать с собой всюду фотоаппарат и снимать изящно одетых женщин на улицах. Она видела массовое крещение поющих русских паломников и отметила, что монахам вроде бы доставляло удовольствие держать их под водой, пока те не начинали вырываться, стараясь вдохнуть. На окраинах Иерусалима Гертруда останавливалась взглянуть на лагерь черных бедуинских шатров, появившихся как-то вечером из пустыни и бесследно исчезнувших на следующий день.

Эту идиллию прервала телеграмма, а затем письма из Ред-Барнс. Умерла тетя Ада, которая помогала растить Гертруду и Мориса после смерти их матери и до женитьбы Хью. Отец страдал от болезненных проявлений ревматизма, а Морис готовился отбыть на войну с бурами. Ее беспокойство о них двоих часто сквозит в ее корреспонденции: Гертруда «очень встревожена» по поводу своего брата – для нее «ужасным ударом» стало то, что он отправился в Южную Африку. «Уехала в плохом настроении… очень несчастная», – пишет она в своем дневнике.

Был март 1900 года. Несмотря на плохую погоду, Гертруда решила организовать десятидневную экспедицию в Моавитские горы, проехав семьдесят миль по восточному берегу Мертвого моря. Это было ее первое путешествие с собственным караваном и командой из трех человек – повар и пара погонщиков мулов, – из которых никто ни слова не знал по-английски. По дороге намечалось взять проводника – возможно, турецкого солдата, едущего из гарнизона в гарнизон.

Добравшись до Иорданской долины, Гертруда увидела, что стоит по пояс в диких цветах. В первом из многих писем домой с пометкой «Из моего шатра» она описывала развернувшийся перед ней пейзаж:

«Поля и поля, самых разных исключительных расцветок – лиловые, белые, желтые, ярчайше-синие и просторы алых лютиков. Девять десятых из них я не знаю, но есть желтые ромашки, ароматные розовато-лиловые дикие цветы, какие-то огромные великолепные темно-лиловые луковичные, белый чеснок и лиловая мальва, а выше – крошечные синие ирисы и красные анемоны и что-то рассветно-розовое вроде льна».

Дальше тянулись светлые широкие полосы хлебов, посеянных бедуинами, когда они здесь проходили – на обратном пути будет жатва. Уже сносно разговаривая по-арабски, Гертруда в основном говорила с Мухаммадом, красавцем друзом, погонщиком мулов. Он ел только рис, хлеб и фиги. Ей он нравился, и нравилось все,

что он рассказывал о родине своего племени. Гертруда решила, что когда-нибудь съездит в Джебел-Друз на юго-западе Сирии посмотреть на его соплеменников. Покупая йогурт у какой-то семьи племени ганимат, она остановилась для попытки разговора с женщинами и детьми, заметив с удивлением, что они едят траву «как козы». «Женщины с открытыми лицами. У них синие хлопчатобумажные платья шести ярдов длиной, они подбираются и заматываются вокруг головы и талии, спадая до ног. Лица от рта вниз татуированы индиго, а волосы висят двумя длинными косами по обе стороны… уметь говорить по-арабски – это не шутка!»

Возле форта крестоносцев Керак, где Гертруда должна была повернуть назад в Иерусалим, она передумала и добавила к своей поездке еще восемь дней и направилась к набатейским руинам, к Петре. Ей хотелось увидеть знаменитую «сокровищницу», точеный двухэтажный фасад, вырезанный в розовом песчанике, подход через узкую расселину. Когда турецкий чиновник поинтересовался ее караваном и целью поездки, до нее дошло, что надо было запастись разрешением. Прикинувшись немкой – «потому что англичан они страшатся отчаянно», – она попросила отвести себя к местному губернатору, от которого и получила разрешение ехать на юг и солдата в проводники. Сообщая в письме к родителям, что она удвоила намечаемый срок поездки, Гертруда добавила, что обязательно запросила бы у них по телеграфу разрешение на это, если бы была такая возможность. Не в последний раз она притворялась, что следует английскому кодексу поведения, поступая при этом по своему разумению.

В сопровождении проводника небольшой отряд двинулся сквозь группы аистов, саранчу из небольшой тучки и вскоре оказался рядом с лагерем бени-сахр, воинственного племени, которое последним признало турецкое правление. Пока Гертруда была невежественна в законах пустыни и не знала, что, когда бы ты ни приехала в кочевой лагерь, нужно немедленно нанести визит вежливости шейху в его шатре. А так как ее еще сопровождал турецкий солдат вместо платного местного проводника, вскоре она нарвалась на неприятности. К каравану дважды подъезжали несколько воинов бени-сахр, вооруженных до зубов. Появляясь из ниоткуда, они вдруг возникали с двух сторон и отъезжали, только когда к Гертруде присоединялся следовавший сзади турок. Но запугать Гертруду не удавалось: «Не думаю, что когда-нибудь у меня был такой чудесный день».

Вскоре на дороге в Мекку – путь ежегодного хаджа – она обнаружила, что это даже и не дорога. Занимая одну восьмую мили в ширину, она состояла из сотен параллельных троп,

пробитых огромными караванами паломников на пути туда и обратно. Двигаясь по ней, Гертруда постигала азбуку путешествий по пустыне. В картах оказалось полно ошибок и зачастую уменьшены расстояния. Вода у нее была, но вскоре кончились ячмень, уголь и вся провизия, кроме риса, хлеба и небольшого горшка мяса. Они остановились в деревне, где надеялись купить ягненка, в крайнем случае курицу, но не вышло. «Как живут люди в вади Муса, не могу себе представить, – удивлялась в письме Гертруда. – У них даже молока нет».

Когда экспедиция дошла до Петры, восторгу перед волшебной красотой коринфского фасада и амфитеатра стало мешать чувство голода. «Чарующий фасад… исключительно тонкие пропорции… гробницы изукрашены до последней степени… но время их не пощадило, погода выветрила камень, покрывая его неповторимыми узорами… ох, если бы того ягненка!»

Вернувшись позже в свой шатер возле вади Муса, Гертруда обнаружила на земле «на удивление много длинных черных слизняков», но тем не менее спала хорошо. От Петры она свернула снова на север к Мертвому морю и в этот вечер поставила шатер возле цыганского табора. С цыганами она разделила их ужин из творога, который ели пальцами, и чашки кофе, передаваемой по кругу. Наступила темнота, взошел месяц, и началась музыка. Гертруда писала Хью:

«…Мигал костер из колючих веток, угасал и разгорался снова, высвечивая круг сидящих мужчин, черные и белые их плащи заворачивались вокруг них, и женщина танцевала в середине. Она будто сошла с египетской фрески. Длинное красное платье, завязанное вокруг талии темно-синей материей и распахивающееся внизу, открывающее еще более красную нижнюю юбку. Вокруг головы другая темно-синяя лента, туго завязана, концы спадают на спину, подбородок укрыт белой материей, охватывающей уши и падающей складками до талии, а на нижней губе – индиговая татуировка! Ноги в красных кожаных туфлях едва движутся, но все тело танцует, и красный платок в руке летает вокруг головы, и руки всплескивают перед бесстрастным лицом. Мужчины играют на барабане и диссонирующих дудках и поют монотонную песню, хлопая в ладоши, а она постепенно приближается и приближается ко мне, извиваясь изящным телом, и наконец опускается на колени на кучу хвороста возле моих ног, тело все танцует, а руки покачиваются и вертятся вокруг маскоподобного лица… Дорогой мой отец, как это было прекрасно! Мне только мешало чувство, что это намного лучше, чем я заслуживаю».

Погода вдруг переменилась, стало отчаянно жарко. Лицо у Гертруды горело, и когда она въехала обратно в долину, оказалось, что прекрасные цветы, замеченные на пути туда, засохли и превратились в сено.

Это был конец ее первой экспедиции. Она проехала 135 миль за восемнадцать дней и выучила еще один урок: как следует кутаться от солнца. В последующих путешествиях в Сирийской пустыне она одевалась в традиционную белую ткань, куфию, завязанную на шляпе и обмотанную вокруг нижней части лица, и тонкую синюю вуаль с отверстиями, чтобы видеть. Белая полотняная раздвоенная юбка отчасти покрывалась большим мужским плащом джинсового хлопка, с глубокими карманами. Таким образом вполне эффективно, хотя и ненамеренно, Гертруда переоделась мужчиной.

Розены обещали Гертруде недельную экспедицию на север в Босру на край друзских гор – римский город с замком и триумфальными арками. Но к апрелю она уже ездила по пустыне несколько раз по нескольку недель, и этот план стал казаться ей слишком пресным. Когда Розены вернулись в Иерусалим, Гертруда сказала, что собирается в горы познакомиться с единоверцами Мухаммада, друзами, а возможно, пройти в Сирийскую пустыню до самой Пальмиры, миль двести. Реакция ее друзей, какой бы она ни была, не описывается. Свирепые друзы – замкнутая мусульманская секта у турок считалась опасной и в общем-то подрывной. Наверняка у Розенов были нехорошие предчувствия по поводу того, что женщине не стоит там разъезжать в одиночку.

Путешествие начиналось комфортно – два повара, Мухаммад и еще два погонщика мулов, пять мулов со снаряжением. В дневниках, которые Гертруда писала у себя в шатре почти каждый вечер, она отмечала проезжаемые археологические развалины и лагеря всех племен: аббад, бени-хасан, адван, хаварни и аназех. Среди массы информации редко попадаются забавные события, но она записывает, как какой-то мальчишка украл у нее хлыст. Она за ним погналась, надрала ему уши и отобрала краденое.

В Босре она ходила по городу способом, обычным для многих арабских деревень – по крышам, – и начала утомительные переговоры с мудиром – местным арабским чиновником – о продолжении своей поездки. Стандартная процедура требовала запросить разрешения на въезд на территорию друзов, но Гертруда знала, что вряд ли его получит. Поэтому она сделала вид, что ее целью является Салхад, на северо-востоке, куда она направляется осмотреть руины. Она не первая среди путешественников по пустыне, использующих археологию как

предлог для поездки, предпринятой по совершенно иной причине, но это в первый раз она им воспользовалась. К этому времени Гертруда знала арабский достаточно, чтобы владеть официальными оборотами и изысканной вежливостью этого языка, и начинала говорить на двух уровнях: на местном говоре и на более литературном диалекте. Для родителей она описывает сцену в лицах: «Куда я изволю направляться?

– В Дамаск.

– Благословен Господь! Туда есть прекрасная дорога к западу, с красивыми развалинами.

– Да будет угодно Господу, чтобы я их увидела! Но сперва я хочу взглянуть на Салхад.

– Салхад! Там ничего нет, и дорога очень опасна. Это невозможно.

– Это необходимо.

– Из Дамаска пришла телеграмма, обязующая меня сказать, что мутессариф беспокоится о безопасности вашей милости. (Это была неправда).

– Англичанки ничего не боятся. (Это тоже неправда)». Следующая беседа, с начальником гарнизона города, прошла так же неудачно – отчасти потому, что он был одет по-домашнему и во время беседы его брил денщик. Ресницы у него были красиво зачернены, сухо замечает Гертруда, но в остальном его туалет был незавершен.

Мудир ей не понравился, и еще сильнее не понравился, когда ночью явился к ее шатру. Она поспешно задула свечу и велела повару сказать, что уже спит. Подслушивая разговор, она услышала, как пришедший сообщил, что никуда она без разрешения не поедет. Всегда, когда Гертруде грозили ограничениями, она действовала быстро. В два часа ночи она свернула лагерь, дрожа в летней одежде, и к рассвету была уже далеко на севере за Салхадом, куда, как она понимала, мудир вполне мог бы погнаться за ней.

Гертруда была первой женщиной, путешествующей в одиночку по этой территории. Даже ее команда тревожилась по поводу того, что может случиться. Но удача ей сопутствовала, и идиллия с Джебел-Друз продолжалась. При первом же появлении в друзской деревне в тени горы Кулейб ее тепло встретили и выказывали ей доброту и уважение:

«Женщины набирали воду в глиняные кувшины… и у воды стоял красивейший юноша лет 19 или 20. Я спешилась, чтобы напоить лошадь. Юноша подошел ко мне, взял за руки и поцеловал в обе щеки, к моему большому удивлению. Подошли еще несколько, обменялись со мной рукопожатиями. Глаза у них

были огромные, ресницы черненные кохлем у женщин и у мужчин. Они темноволосы, брови у них прямые, и держатся они прямо, лица у них внимательные, приветливые и разумные, что необычайно привлекательно».

В сопровождении этого юноши, Насреддина, Гертруда проехала в деревню Арех, отмеченную у нее в путеводителе как родина верховного шейха друзов. В Арехе ее приветствовали мужчины, зацепляясь с ней мизинцами, и ввели ее в дом, где усадили на подушки и угостили кофе. «Ощущение уюта, безопасности и уверенности от общества людей, говорящих прямо, было восхитительнее, чем я могу передать», – пишет она родителям.

Гертруда теперь знала, что вежливость требует попросить возможности выразить свое почтение вождю, Яхья-Бегу, и она, спросив, может ли с ним увидеться, сделала следующий правильный шаг в сложном этикете пустыни, согласно которому гость зарабатывает себе защиту племени. Старый воин, первый из вождей племени, с которыми ей предстояло познакомиться, только что вышел после пяти лет заключения в турецкой тюрьме. Фигура это была замечательная: «Наилучшее воплощение типа гран-сеньор, крупный мужчина (лет 40 или 50), очень красивый и с весьма изысканными манерами. Он – король, и очень хороший, хотя королевство его невелико».

Он навалил для Гертруды на пол подушек, взбил их, потом поманил ее разделить с ним и его людьми трапезу из мяса и бобов, которые надо было брать пальцами со стоящего в центре блюда. Вождь спросил, как ее поездка, и велел Насреддину и еще одному друзу показать ей все местные археологические руины, а потом проводить к следующему месту ее назначения. Перед уходом Гертруда попросила разрешения сделать его фотографию. Как далеко простирается защита верховного шейха, она узнала через несколько недель, услышав, что Яхья-Бег продолжал следить за ее перемещениями, посылая гонцов с вопросами: «Видели ли вы странствующую королеву, консулессу?» Она уже путешествовала с соблюдением стиля, хотя и не столь изощренного, как впоследствии. Скатерть, стаканы, ножи и вилки ее ежедневного обихода были, видимо, позаимствованы в консульстве.

Несомненно, ее привлекали эти вежливые воины: перед тем как их покинуть, Гертруда посетила еще одну деревню, где опять-таки была поражена красотой мужчин. Несколько смущаясь, наверное, при описании этого чувства своим родным, она его выразила очень аккуратно: «Это была группа таких красивых людей, каких только захочешь увидеть. Средний рост – 6 футов 1

дюйм, а средняя внешность – как если бы сделать сочетание Хьюго и тебя, папа».

Гертруда сделала короткую остановку в Дамаске и двинулась к Пальмире в сопровождении еще трех турецких солдат, избегая туристских дорог и совершая выходы в сторону. Ей пришлось закалиться. До сих пор питье мутной воды было для нее табу, но после двух безводных дней пришлось закрыть глаза и пить из луж, где кишели черви и насекомые, стараясь убедить себя, что это лимонад со снегом, что продают на базарах в фарфоровых чашах. Потом: «Сегодня мы купили барашка. Он был очень трогательный, и его судьба ранила меня в самое сердце. Боюсь, что посмотри я на него чуть дольше – было бы как у Байрона с гусем[19], поэтому я быстро от него ушла – а на ужин были восхитительные бараньи котлеты».

Они медленно двигались через пустыню, поднимаясь до рассвета, чтобы облегчить жизнь лошадям. Впереди ехал проводник Ахмед, одетый в белое, рядом с Гертрудой – черные тени трех ее солдат, и позади, позванивая колокольчиком, мулы. Три верблюда шли своим темпом – все они потом сойдутся в лагере. Снова Гертруда была поражена абсолютной тишиной пустыни, более глубокой, чем даже на вершинах: там слышно какое-то эхо падающего льда или камней, здесь же – совсем ничего.

Каждый день она получала новые уроки выживания в пустыне. Оказалось, что солнце может обжечь ноги даже через кожаные сапоги, если их не прикрыть полотнищами ткани. Она познакомилась с миражами – «огромными лужами воды», никогда не уходящими с горизонта, сшила себе спальный мешок из муслина, чтобы защититься ночью от москитов. «Я очень горжусь этим приспособлением, – писала Гертруда домой, – но если арабы совершат на нас газзу [набег], то убегать я буду последней, и это будет очень похоже на бег в мешках».

По-арабски она уже говорила достаточно хорошо, чтобы обсуждать политику пустынь с нотаблями племен, которых все время встречала по пути. Она научилась прикладываться в свою очередь к наргиле, передаваемому по кругу, – кальяну с табаком, марихуаной или опием. Сперва это ей не очень нравилось, как она изо всех сил объясняла родителям, но постепенно выработалась привычка. Однажды Гертруда обнаружила, что мех, который ей продали, течет, и починила его, закрыв дыру камнем и обвязав горловину шнурком. А у себя в дневнике отметила, что надо проверять мехи перед тем, как платить.

День в седле тянулся у нее от десяти до двенадцати часов, и она приучилась читать или спать на ходу. Гертруда садилась

боком на седло – рассчитанное на верховую посадку – и отпускала поводья, чтобы держать зонтик, карту или книгу. Когда однажды лошадь вдруг пустилась рысью, Гертруда упала, что вызвало веселье среди солдат. Минуту она сидела на песке, раздумывая, надо ли выразить досаду, но потом запрокинула голову и рассмеялась вместе со всеми. В последние часы этих долгих дней она иногда переходила на чьего-нибудь верблюда.

«Это огромное облегчение – проехав на лошади 8 или 9 часов, ощутить под собой длинные уютные покачивания и широкое мягкое верблюжье седло… На верблюде едешь только с недоуздком, замотанным обычно за луку седла. Прикосновение к шее верблюдицы говорит ей, куда ты хочешь свернуть; чтобы она ехала вперед, достаточно тронуть ее каблуками, но если хочешь, чтобы она села, нужно несильно и часто похлопать ее по шее, приговаривая: «х-х-х-х!» Мягкое большое седло, «шедад», так легко и удобно, что совершенно не устаешь. Качаешься, обедаешь, рассматриваешь ландшафт в подзорную трубу… Моя верблюдица – самая очаровательная из животных».

В письме, которое было получено в Дамаске, Флоренс спрашивает, не бывает ли ей одиноко. Гертруда отвечает, что часто скучает по своим родным, в особенности по отцу, и тут же старается рассеять обиду, которая могла бы после таких слов возникнуть у мачехи:

«Иногда это бывает очень странное ощущение – быть одной в мире, предоставленной самой себе, но в основном я это принимаю как данность… не думаю, что мне бывает одиноко, хотя один человек, которого мне часто хочется видеть, это папа… мне просто хочется сравнить свои впечатления с его. И с тобой мне тоже хочется говорить, но не в шатре с уховертками, тараканами и питьевой водой с илом! Мне кажется, ты не могла бы остаться собой в таких условиях».

По мере подъема в горы ей пришлось сменить муслиновый спальник на широкие брюки, гамаши, две куртки и одеяло. Гертруда спала на земле; в последующих своих путешествиях по пустыне она брала с собой парусиновую раскладную кровать. Ближе к Пальмире движение затруднилось, и дорога стала суше. В последний день экспедиция поднялась в полночь и ехала до рассвета, когда на горизонте появился замок Пальмиры в бледном ложе песка и соли. Над ним клубились облака пыли, и до него оставалось еще пять полных жажды часов. Башни, колонны и огромный храм Ваала были, как решила Гертруда, самым прекрасным, что она увидела после Петры. Двадцать четыре часа она посвятила изучению города, отдала должное всем его стоящим местам и повернула обратно – для

разнообразия по туристской дороге.

На пути в Дамаск Гертруда пристала к большому каравану верблюдов, которых вели из Неджда на рынок в город свирепого вида арабы из племени агайл под предводительством своего шейха. Опасаясь набега на пути, они хотели иметь дополнительную защиту в лице трех солдат Гертруды – как свидетелей из турецкой армии, если будет необходимость. Она же, в свою очередь, хотела поговорить с шейхом и узнать побольше о пустынях Неджда, куда когда-нибудь рассчитывала добраться. И еще она уже знала, что в пустыне за услугу платят услугой: очень неплохо, если племя агайл будет у нее в долгу.

На обратном пути Гертруда встретилась с каретой, где сидела пара туристок: приятные англичанки, знакомые по иерусалимскому консульству, обе свежие и опрятные. Эти леди косились на ее грязную одежду и растрепанные волосы, а от ее эскорта хмурых агайлов в патронташах, с ножами и двадцатифутовыми копьями шарахались в страхе. Гертруда же была рада снова увидеть мисс Блаунт и мисс Грив. Она спрыгнула с лошади и вскочила в их карету ради настоящего английского чаепития, с «Эрл Грей» и имбирными пряниками. «Жаль, что я не могу организовать свои путешествия принятым образом, – писала она потом, – но судьба против меня. Все свои планы я строила так, чтобы вернуться из Пальмиры, как положено леди, но увы! – этому не суждено было сбыться».

Примерно на полпути к Дамаску, за Карьятейном, Гертруда раскинула лагерь и увидела компанию хасинехов с черными шатрами, возвращающихся с зимних квартир.

«Их шейх Мухаммад пришел меня навестить. Мальчик 20 или меньше лет, красивый, прилично толстогубый, торжественный, волосы под куфией толстыми косами. При нем огромный меч, ножны инкрустированы серебром… Ему принадлежат 500 шатров и дом в Дамаске и небо знает сколько лошадей и верблюдов». Через некоторое время Гертруда нанесла ответный визит и сидела в его шатре с прочими гостями вокруг шейха. Когда подали кофе, начал играть музыкант на рубабе, однострунном инструменте.

«Музыкант пел длинные грустные песни, монотонные, каждая строчка начиналась в одном и том же размере и заканчивалась падением голоса почти до стона… жутко, печально и по-своему красиво. Все вокруг молчали и глядели на меня – нечесаную, полуголую, куфии на лицах, и ничего живого в них, кроме глаз… Иногда кто-нибудь заходил в открытый шатер… и, стоя на краю круга, приветствовал шейха словами “Йа Мухаммад!”, поднимая руку ко лбу, потом всем остальным: “Мир вам”, на что все отвечали: “И тебе мир”».

Через некоторое время Гертруда встала и распрощалась. Когда она вернулась к себе в палатку, солдаты сказали ей, что она совершила опаснейший промах. В ее честь закололи и готовили барана. Выйти до того, как еда подана, – оскорбление. И она должна была сделать шейху подношение. Более того, положение Мухаммада требует, чтобы ему поднесли дар достаточной ценности. Арабу нельзя ничего подарить меньше, чем конь или оружие. Встревоженная Гертруда взяла пистолет у одного из своих людей, завернула его в платок и послала с ним солдата, велев передать, что не знала, что ей оказана честь быть приглашенной к трапезе. Солдат вернулся с настоятельным приглашением Гертруде вновь посетить шатер шейха. «И пошла я обратно… мы ждали до половины десятого! Я не скучала… вокруг шли разговоры – политика пустынь: кто продал лошадей, у кого сколько верблюдов, кого убили в набеге, каков будет выкуп за кровь или где ожидается следующая битва. Очень трудно было понять, но я более или менее следила за разговором…»

Наконец пришел раб, неся кувшин с длинным горлом, полил водой на руки всем участникам, после чего было внесено огромное блюдо баранины. После еды все снова вымыли руки, и Гертруда откланялась. Ужин, решила она, вышел дорогой, зато этот вечер дал понять, как надо проводить встречи с влиятельными шейхами. Впоследствии она путешествовала с подарками, знала, что дарить и как себя вести, что обсуждать и когда можно уходить. Утром она смотрела, как снимаются с лагеря хасинехи, и зрелище ей показалось впечатляющим и величественным. «С шейхом Мухаммадом были лишь двадцать – тридцать из пятисот его шатров, но верблюды наполнили долину, как полки войска, и каждая семья шла со своим отрядом верблюдов…»

Она вернулась в Дамаск испытанным и опытным путешественником по пустыне. Потом она жила в Иерусалиме у Розенов, организуя следующие экспедиции, и в Англию вернулась в июне. Уезжая, она отправила Хью финальное письмо, оказавшееся пророческим: «Знаешь, любимый мой отец, я вскоре сюда вернусь! Человек, так далеко зашедший, далеко от Востока жить не сможет».

Через два года после своего первого приключения Гертруда приехала в Хайфу, где провела два месяца одна, совершенствуясь в арабском языке. К тому времени она его изучала уже девять лет. Она сняла себе дом на горе Кармель, наполнила комнаты мимозой, жасмином и полевыми цветами и делала уроки на столе в столовой под люстрой, в которой свили гнездо птицы, свободно влетавшие и вылетавшие в открытое окно. Четыре часа арабского

в день и полчаса персидского занимали все ее время, свободное от верховых прогулок по окрестностям и участия – благодаря растущему кругу связей – в текущей политике. Домой Гертруда писала: «Так дико интересуюсь арабским, что ни о чем другом думать не могу. Ты понимаешь радость, когда наконец можешь овладеть этим языком, с которым я так долго боролась». Еще она, к своему удивлению, обнаружила, что ее одиночные экспедиции сделали ее знаменитой – Личностью с большой буквы, и она поспешила заверить родных: «Меня очень забавляет, что в этой стране меня считают Личностью – они думают, что я Личность!.. Здесь не очень трудно создать себе репутацию».

Научившись легко говорить на арабском, Гертруда предприняла первую из пяти своих выдающихся экспедиций по Ближнему Востоку. Четырехмесячное странствие верхом началось в 1905 году в Иерусалиме, оттуда она отправилась в горы Джебел-Друз, через Сирийскую пустыню в Дамаск и на север в Алеппо. Она прошла Турцию от Антиохии на юге через Анатолию к Константинополю, проехав на поезде лишь последнюю пару сотен миль. В 1907 году Гертруда высадилась в Смирне на Средиземноморском побережье Турции и снова-таки верхом проехала по нескольким крупным археологическим раскопкам, делая остановки, чтобы дождаться зафрахтованного вагона со своим багажом. Постепенно забирая на восток, она дошла до Бинбир-Килисе, где работала с профессором Рамсеем до отъезда поездом через Константинополь.

Самое долгое путешествие Гертруды началось в феврале 1909-го в Алеппо, по северному маршруту через пустыню к реке Евфрат – теперь этот район находится на северо-западе Ирака. Этим длинным маршрутом Гертруда направлялась в Багдад. В окрестной пустыне, с некоторой для себя опасностью, она измеряла и фотографировала величественный дворец Ухайдир с южной стороны города, потом направилась туда, где были города Вавилон и Ктесифон, чтобы оттуда выйти к Тигру. Вдоль этой реки на север Гертруда прошла мимо западных гор Ирана, через турецкую границу до истока реки на высоком плато Тур-Абдин. После пяти месяцев в седле дойдя до Мардина, она снова свернула в Константинополь.

В феврале 1911 года она вышла из Дамаска в плохую погоду. Сперва лагерь пришлось разбивать в глубоком снегу, верблюды скользили и падали на замерзшей земле. Пройдя Сирийскую пустыню на восток, она свернула на юг к Ухайдиру. Закончив там измерения дворца, которые она первый раз делала в 1909-м, и посетив Неджеф, Гертруда снова двинулась на север, остановилась на отдых в Багдаде и опять по долине Тигра

направилась в южную Турцию и Тур-Абдин. Вернувшись с севера в Сирию, остановилась в Каркемише на отдых и прибыла в Алеппо в конце мая, пройдя через Бейрут.

Начав в ноябре 1913 года, Гертруда совершила эпическое путешествие на верблюдах, несколько раз пройдя насквозь Аравийскую пустыню с самым большим для себя караваном, укомплектованным слугами, погонщиками, вьючными животными и бесполезными спутниками. Она прошла через Неджд, широкую безводную пустыню из гальки и лавы, направляясь в расположенный в ее центре город Хаиль, о котором ходили боязливые легенды. Выйдя из него, Гертруда пошла к Багдаду ради короткого отдыха, чтобы оттуда снова уйти в пустыню. Перейдя Сирийскую пустыню второй раз, она достигла Дамаска в конце мая, и у нее оставалось мало времени на передышку до того, как разразилась Первая мировая война.

Перечисление этих путешествий по пустыне подряд не может передать их феноменальной длительности и трудности. Если рассмотреть в совокупности, путешествия Гертруды охватывают почти всю Сирию, Турцию и Месопотамию – грубо говоря, территорию, на которой расположены Басра, Багдад и Мосул. Она проделала больше десяти тысяч миль, и это был путь по холмам и горам, поиски бродов, отклонения от маршрутов к древним городам и контакты с шейхами. Более шестисот дней она путешествовала в седле, проехав не меньше 20 тысяч миль.

Ее путешествия происходили примерно с двухгодичными интервалами, а в промежутках она ездила в другие места и продолжала горные восхождения. В 1901-м, когда ее дед, сэр Лотиан, в возрасте восьмидесяти пяти лет решил слить компанию Беллов с компанией «Дорман Лонг», увеличился ее доход. Стали доступными полугодовые путешествия, для которых ранее требовалось финансирование от отца.

Раз за разом Гертруда направляла свои экспедиция по Ближнему Востоку в места, которые могли представлять интерес для археологии, и на территории, не нанесенные на карты. Методично обследуя местность, она по итогам своих экспедиций написала пять книг – некоторые читаемые, другие набиты информацией до неперевариваемости. Она мечтала, что когда-нибудь найдет тайную крепость, жемчужину в пустынях, а тем временем ни одной развалины на своем маршруте не оставляла без внимания. После целого дня странствий при жуткой погоде, по территориям, где кочевали воинственные племена, часто страдая от недостатка воды и провизии, она тщательно записывала события дня при свечах на складном столе в своей палатке.

Гертруда очень хорошо осознавала, что ей не хватает умений археолога – например, знания эпиграфики. Поэтому в промежутках между тщательно спланированными экспедициями она старательно осваивала новые практические навыки, поэтому, проходя некартированные земли, она умела отмечать места, составлять карты и наконец распознавать, что нашла, и укладывать это в исторический и археологический контекст, протоколируя найденное. Гертруда посещала курсы, где ее учили измерять и зарисовывать найденное, стала умелым фотографом и членом Королевского фотографического общества и могла отдавать свои пленки на профессиональную печать. Повсюду у нее с собой были два фотоаппарата. Один – ручной, снимающий на стеклянные пластинки 6,5 x 4,5 дюйма, второй – аппарат для панорамных съемок. Возвращаясь из путешествий, Гертруда использовала технику, недавно принятую Дэвидом Хокни: сканировать весь горизонт сочетанием пяти-шести точно нацеленных кадров. Школа исторических исследований в Университете Ньюкасла, где хранятся семь тысяч ее фотографий, особенно ценит панорамные снимки, как имевшие существенное археологическое значение в те дни, поскольку на них точно видно, как соотносятся друг с другом разные памятники на фоне ландшафта. Ее документальные описания монументов и церквей сами по себе не менее важны, потому что рассказывают о состоянии зданий на момент съемки, до разрушительного воздействия эрозии и мародерства XX века. Учитывая, как мало осталось фотографий самой Гертруды, интересно видеть ее тень на фоне снимков, когда солнце светит сзади, на закате или рассвете.

Путешествие 1909 года провело ее по восточному берегу Евфрата на некартированные территории. За несколько недель до этого она ходила к мистеру Ривсу из Королевского географического общества – научиться проводить астрономические наблюдения для определения координат места.

«Вчера… вечером я поехала в Ред-Хилл, приехала туда в восемь. Меня встретил на станции молодой человек (тоже студент) и проводил до Коммон, где ждал мистер Ривс. Там мы два часа вели наблюдения за звездами… я сделала много наблюдений и должна буду обработать их к понедельнику… Сегодня утром я вернулась в Ред-Хилл до десяти и три часа брала пеленги для составления карты вместе с мистером Ривсом».

Впоследствии Ривс говорил Флоренс, что никогда не видел никого, кто учился бы быстрее. Он писал: «Путевые съемки мисс Белл, сделанные с помощью призменной буссоли во время ее удивительных путешествий после нашего расставания, начерчены

в ее путевых дневниках и перечерчены с поправкой на широты местности нашими чертежниками. Нет смысла даже говорить, что ее карты имели огромное значение». Эти путевые дневники хранятся в Королевском географическом обществе до сих пор.

Археологией Гертруда заинтересовалась после каникул в Греции в 1899 году, где она была с отцом и дядей – Томасом Маршаллом, специалистом по Античности, который был женат на сестре Мэри Шилд. Там она познакомилась с Дэвидом Хогартом, студентом-античником и братом ее оксфордской подруги Джанет. Он занимался раскопками города Мелос, имевшего шеститысячелетнюю историю, и был рад показать свои находки. Раскопки так заинтересовали Гертруду, что она осталась возле Мелоса на несколько дней – посмотреть и поучаствовать. Они с Хогартом стали друзьями и впоследствии переписывались. Его последняя книга «Проникновение в Аравию» была у Гертруды с собой в ее походной библиотеке. Позже, в 1915-м, он дал старт самому важному повороту ее карьеры.

А пока же, в 1901 году, после каникул, проведенных с отцом и Хьюго, она поехала принять участие в раскопках древних городов Пергамона, Магнезии и Сардиса. Работа на раскопках доставляла ей явно большее удовольствие, чем довольно скучный предшествующий круиз, запомнившийся в основном осмотром достопримечательностей в Санта-Флавии в сопровождении Уинстона Черчилля, который жил там на вилле и занимался живописью.

В 1904 году Гертруда занялась планированием предстоящего путешествия через западную Сирию и Малую Азию, первой своей экспедиции после Иерусалима и Розенов. Чтобы придать существенности своим археологическим заслугам, она написала работу о геометрии крестообразных зданий, которую хотела разместить в видном журнале «Revue Archéologique», выходящем в Париже. Она хотела познакомиться с редактором, профессором Саломоном Рейнахом – ученым, отстаивавшим точку зрения, что Восток был колыбелью цивилизации. Еще он был директором музея Сен-Жермен. Гертруда приехала туда со своей кузиной Сильвией и семейством Стэнли под предлогом несколько обновить гардероб и купить подарки к Рождеству и нанесла визит вежливости Рейнаху, простому и доброму человеку, отцу семейства. Он ее тепло встретил, сразу проникся к ней симпатией и открыл для нее свою адресную книгу. 7 ноября она написала домой:

«Ездила по магазинам со Стэнли и купила очаровательную меховую курточку, чтобы ездить в ней в Сирии – да, купила! Потом вернулась и читала до двух, пока за мной не зашел

Саломон и не повел в Лувр… Мы прошли от Египта до Помпей и обратно к Александрии… Саломон разработал целую новую теорию насчет век – греческих век, конечно, и проиллюстрировал ее бюстом Фидия и головой Скопаса… это было здорово».

Имея рекомендательные письма к представителям научных кругов Парижа, Гертруда стала желанным гостем в любой библиотеке или музее, которые у нее хватало времени посетить. Рейнах также прочел ей некоторый экспресс-курс археологической истории. Под его началом она осматривала греческие манускрипты и ранние таблички, закопавшись в Национальной библиотеке, день провела в музее Клуни, прошлась по новому Византийскому музею, еще не открытому для публики, и проводила время в размышлениях над книгами в библиотеке Рейнаха: «Он просто предоставил все это безграничное знание в мое распоряжение, и я за эти несколько дней узнала столько, сколько не узнала бы за год, будь я предоставлена самой себе».

В последний вечер они играли в игру: он ей показывал фотографию или рисунок из наугад выбранной книги и просил идентифицировать. Гертруда думала, что, наверное, прошла испытание, поскольку Рейнах сделал ей комплимент, предложив написать для журнала рецензию на одну книгу. Автором книги был Йозеф Стржиговски, неортодоксальный археолог из Вены, пропагандирующий, что Восток породил западную культуру и постоянно влиял на нее. Он был известен убеждением – спорным, – что предшественники христианских зданий прослеживаются до Ирана. Чтобы писать о любой книге Стржиговски, нужно было тщательно выдерживать баланс взглядов, но Гертруда этого не побоялась. Она рассказала Рейнаху о своем предстоящем путешествии, и он посоветовал изучать римские и византийские развалины и влияние этих двух цивилизаций на регион. Из двух империй Византия была меньше, и археология ее тоже была меньше разработана: с этой минуты она станет специализацией Гертруды. Рейнах пообещал, что опубликует ее эссе, и они тепло расстались. Она встретила его потом в Париже после своего путешествия, и он обещал раскрыть ей некоторые тайны набатейских и сафаитских надписей.

В январе 1905 года Гертруда выдвинулась из Бейрута, купив двух сильных лошадей и направившись на юг вдоль побережья. Ехала она с мужской посадкой. Отряд у нее был маленький. Она взяла с собой пару мулов, нагрузила на них зеленый непромокаемый шатер, купленный в Лондоне, походную парусиновую ванну и запасные пистолеты, а также подарки поменьше, купленные на месте, на случай если понадобится дарить их шейхам.

«Поездка началась плохо и пошла еще хуже до самого конца в Конье в Анатолии, через девятьсот миль. Еще до того, как были пройдены первые сто пятьдесят миль из Бейрута в Иерусалим, «… грязь была невероятна. Мы брели… по часу, по колено в ней, мулы падали, ослы почти исчезали в ней, а лошади выматывались все сильнее». Сперва Гертруду задержала лихорадка, потом лед. У нее была меховая куртка из Парижа, но кроме нее – всего два маленьких чемодана. В Иорданской долине стофутовые выносы грязи, смытые проливным дождем, стали такими скользкими, что экспедиция едва не потеряла лошадь. Отряд прибыл в точку на двадцать миль севернее Мертвого моря, в город Ас-Сальт, настолько промокнув, что пришлось искать убежища в доме. «Мой хозяин, – писала Гертруда домой, – …его племянник и маленькие сыновья считали долгом гостеприимства не оставлять меня ни на миг и ассистировали мне с большим интересом, когда я переобувалась, меняла гамаши и даже нижнюю юбку – так измазалась».

Объявленным ее намерением было снова посетить Джебел-Друз, не вступая в контакт с турецкими властями, которые припомнят, как она от них ускользнула в прошлый раз. Услышав, что Гертруда в этих краях, они настоят на придании ей военного эскорта, что будет означать крушение ее планов проехать по западной Сирии от шейха к шейху и от места к месту. Ее теперь отличное знание языка было тем единственным ключом, который тут необходим. Хозяин, у которого она остановилась в Ас-Сальте, передал своему зятю Намуду, процветающему купцу, живущему к востоку от Мадебы, чтобы он о ней позаботился. До него был день пути на восток, и при этом требовалось избегать встреч с турецкими властями.

Раздумывая вместе с ней над картой, Намуд рассказал ей, как именно добраться до Джебел-Друз и не попасться туркам. Но тут возникла задержка в виде феноменальной бури. Подобно потерпевшим крушение на острове, группа бедуинов из племени бени-сахр и еще трое из племени шерарат, потеряв свои шатры, вынуждены были вместе с Гертрудой и ее командой укрыться в убежище в огромной пещере, где жил Намуд со своими людьми и их двадцать три коровы. Именно племени бени-сахр опасалась Гертруда на пути в Петру, пока не сумела завоевать его дружбу и помощь. Теперь оно признало ее своей. «Мащаллах! Бинт-Араб», – говорили о ней члены племени. Это значило: «Велением Бога – дочь пустыни».

В пустыне вести разносятся как по волшебству. Прибыл родственник шейха Даджи, чтобы быть сопровождающим (рафиком) для Гертруды в течение четырех дней путешествия по

территории друзов. Кутаясь в свою меховую куртку, пытаясь согреться и куря египетские сигареты, Гертруда сидела у огня в сырой пещере и отмечала оттенки различия между тремя племенами и сложность их политики. Задав несколько дополнительных вопросов Намуду и своим людям, она смогла подытожить информацию наиболее ясным способом. Она отметила, что шераратцы, хотя вообще-то рассматриваются другими как низкорожденные, продают лучших в Аравии верблюдов, что между шераратом и сахром была кровь, что сахр в союзе с ховейтатом и те и другие – враги друзов и бени-хасана, которые, в свою очередь, в союзе с даджа.

Вскоре Гертруда стала гостьей шейха даджа и в разговоре поразилась тому, как в племени знают текущее состояние дел и поэзию. Чтение стихов сопровождало вечерние сплетни относительно газзу – набегов – и рассказы о турецком гнете. Сидя в сшитом из козлиных шкур шатре шейха Феллаха, гарем которого находился в дальней половине за занавеской, она стала более чем гостьей – стала равной.

«Я рассказала им муаллакат [доисламские стихи] и привела три-четыре примера использования разных слов. Это вызвало у них живейший интерес, и мы склонились над огнем прочесть текст, передаваемый из рук в руки. Я чудесно провела время… рассказывая им, как идут дела в Египте. Египет – нечто вроде Земли обетованной, и вы себе представить не можете, какое впечатление произвело наше тамошнее правительство на восточные умы».

Еще через день проводник из племени даджа привел ее к лагерю племени бени-хасан, где их встретили отчаяние и уныние. Это племя пропустило газзу пятисот всадников, совместный набег племен сахр и ховейтат, которые угнали две тысячи голов скота и увезли много шатров. «Я несколько пожалела, – пишет она, – что газзу не дождался сегодняшнего дня и мы его не увидели». Тем временем прошел Пир жертвоприношения. Гертруда не стала смотреть, как убивают трех верблюдов, но в ружейной стрельбе на закате участие приняла: «Я тоже внесла свой вклад – по просьбе хозяев – довольно скромно, из револьвера. Первый и, надеюсь, единственный раз, когда я пустила его в ход».

Мрачный разрушенный дворец в Салхаде, городе черной лавы, встроенном в южный склон вулкана, как-то компенсировал упущенное зрелище в лагере бени-хасан. Ужиная вечером в день своего прибытия, Гертруда услышала дикое пение и стрельбу снаружи в темноте. Выйдя из палатки, она увидела горящий в крепости огонь. Гертруда оставила свой ужин, полезла на склон горы и застала газзу в процессе: отмщение за набег сахров,

уведших пять тысяч овец, принадлежавших друзам. Эту сцену она описывала так:

«Завтра друзы выступят в количестве 2000 всадников – вернуть свои стада и перебить всех сахров – мужчин, женщин и детей, что попадутся навстречу. Сигналом для всей ближайшей местности послужил костер. Там, наверху, мы увидели группу друзов, мужчин и юношей. Они стояли в кругу и пели страшную песню. Все с оружием, и у многих сабли наголо.

Завороженная, я подошла и прислушалась к словам военной песни:

“На них, на них! О Господь наш Бог, на них!” Потом в круг вошли с полдюжины людей, каждый с дубиной или обнаженной саблей, потрясая оружием перед лицами собравшихся. “ Ты мужчина воистину? Ты храбр?”… сверкали и мелькали при лунном свете сабли. Несколько из них подошли и приветствовали меня. “Да будет с тобой мир! – говорили они. – Англичане и друзы едины!” И я отвечала им: “Благословен Господь! Мы тоже – раса воинов”.

И если бы вы прислушались к этой песне, вы бы узнали, что самое лучшее в мире – пойти и убить своего врага».

Церемония завершилась бешеным бегом вниз по склону горы. Гертруда, поддавшись общему возбуждению, помчалась со всеми. В долине она остановилась, пропустила бегущих и еще несколько минут стояла, прислушиваясь, перед тем как вернуться в свою палатку. Она стала первой женщиной, посетившей сафех – дикую территорию, терзаемую набегами племен с севера и юга. Все дальнейшее путешествие она ехала полностью вооруженная.

А погода между тем все ухудшалась. Вскоре пришлось пробиваться вперед по глубокому снегу при десяти градусах мороза.

«…Это было так мерзко, что не передать словами. Мулы падали в сугробы, лошади взвивались на дыбы и били задом, и если бы я ехала в дамском седле, то уже упала бы полдюжины раз, но в этом любимом седле можно сидеть прямо и плотно. Так что мы шли и шли… пока наконец не вышли в совершенно белый мир. Последний час я шла пешком и вела коня в поводу, поскольку он на каждом шагу проваливался в глубокий снег».

В друзской деревне Салех, где Гертруда нашла убежище, оказалось, что мужчины деревни знают имя секретаря по делам колоний Джозефа Чемберлена и интересуются лордом Солсбери, бывшим премьер-министром, поэтому выразили вежливое сожаление, узнав о его кончине. «Настоящий триумф красноречия наступил, когда я им объяснила финансовый вопрос, и они тут же на месте стали сторонниками свободной торговли».

Оставив территорию друзов, Гертруда на две ночи нашла приют у людей из племени гиат, в дымных и полных блох шатрах. По прибытии в Дамаск она получила приглашение к губернатору и узнала, что из Салхада приходило по три телеграммы в день по поводу ее исчезновения. Она уже и в Сирии стала Личностью.

Гертруда побывала в большой мечети, оставив обувь у дверей, и была очень тронута вечерними молитвами: «Ислам – величайшая в мире республика, нет ни расы, ни класса внутри этой конфессии… Я начинаю смутно понимать, что означает цивилизация великих восточных городов: как они живут, что думают. И мне надо к ним приспособиться».

Быть Личностью, как вскоре она увидела, не всегда хорошо. Позже в этой поездке ей предстояло узнать, что в Дамаске за ней тайно следовал полицейский «надзиратель». Гертруда прибыла в Хомс, проехав еще сто миль, уже знаменитостью и обнаружила, что не может даже на базаре нормально с кем-нибудь поговорить из-за возбуждаемого интереса у публики. «Это оказалось утомительно – все время я была в обществе пятидесяти – шестидесяти человек. Одна из самых трудных известных мне вещей – сдерживаться, когда вокруг тебя постоянно толпа. Настоящим с отчаянием оставляю надежду когда-нибудь быть простым довольным путешественником».

Ей пришлось прибегать к помощи солдата, чтобы сдерживать толпу, а еще отбиваться от властей, которые хотели дать ей восемь охранников на ночь, хотя она просила, чтобы их было не больше двух.

В сопровождении странствующих курдов и пары скованных пленников Гертруда двинулась на Алеппо и к анатолийской границе, где ее ждали наводнения и снесенные мосты. По дороге она остановилась осмотреть место, где сирийский отшельник Симеон Столпник прожил последние тридцать семь лет своей жизни – на верхушках колонн, – и подумала, как сильно он должен был от нее отличаться. Под проливным дождем Гертруда пыталась, прикрывая блокнот плащом, скопировать вырезанные в камне рисунки. «Черт бы побрал все сирийские надписи!»

Погода изменилась внезапно. Стало так жарко, что земля па́рила, и шатер атаковали комары. Новые погонщики-турки стали мрачны и раздражительны. Впервые Гертруда пожалела, что она не мужчина.

«Нечего было делать, кроме как прикусить язык и самой все сделать, и я, проверив, что лошади накормлены, пошла спать без ужина, потому что они никак не могли решить, чья обязанность развести огонь!…Бывают моменты, когда быть женщиной добавляет трудностей. Моим слугам нужна была хорошая

взбучка, и они бы ее получили, будь я мужчиной, – трудно вспомнить, когда еще бывала я в таком состоянии подавляемой ярости!»

Вскоре после целого дня срисовывания надписей и фотографирования развалин, поросших травой, где кишели змеи, Гертруда, вернувшись в лагерь, где не было ужина и не стоял шатер, вышла из себя и отхлестала погонщиков хлыстом. Последней каплей, прорвавшей плотину злости, было то, что они улыбались и сидели на нераспакованном шатре. Когда она добралась до Аданы, ей будто по воле провидения порекомендовали нового слугу: армяно-ка-толика по имени Фаттух, у которого жена жила в Алеппо. Фаттуха ждала судьба ее Дживса[20], человека, которого она описывает как «альфа и омега всего на свете». Гертруда наняла его поваром – и у них потом сложилась шутка, что это было единственное умение, которым он так и не овладел, – но теперь ей никогда не приходилось ждать, пока поставят шатер. С тех пор Фаттух стал ее спутником во всех путешествиях. Он был разумным и умелым начальником над погонщиками, был смелым, веселым и преданным. Гертруда отплатила ему добром за добро, когда он заболел в Бинбир-Килисе в 1907 году. И только однажды, после изнурительного дневного перехода, она на него сорвалась. Это было совершенно для нее нехарактерно, и чуть позже Гертруда его разыскала и пристыженно извинилась. Через две недели после того, как Фаттух поступил к ней на службу, она писала: «Фаттух, благослови его Господь! Лучший слуга, который у меня когда-либо был, готовый варить обед, погонять мула или откапывать надпись с одинаковой готовностью… и рассказывать мне бесконечные дорожные байки на ходу, потому что погонщиком мулов он стал в десять лет и знает каждый дюйм земли от Алеппо до Вана и Багдада».

Из Коньи Гертруда с величайшим облегчением уехала в Бинбир-Килисе на поезде. Ее внимание к этой крепости-городу разрушенных церквей и монастырей привлекла книга Стржиговски 1903 года «Kleinasien» («Малая Азия»), в которой описывались памятники ранней Византии. Эту книгу она провезла с собой в седельной сумке от самого Бейрута. На свои исследования Гертруда ежедневно ездила из Коньи. Как-то вечером, возвращаясь к себе в отель, она встретилась с великим церковным археологом сэром Уильямом Рамсеем, чьи книги о церкви и Римской империи стояли у нее дома в кабинете. «Мы упали друг другу в объятия и сразу подружились», – писала она родителям. На одной полустертой надписи в пещере в Бинбир-Килисе Гертруда увидела, как ей показалось, дату. Они втроем

(вместе с миссис Рамсей) сели на поезд и поехали туда, чтобы Гертруда эту надпись показала. Она оказалась права, и вскоре они договорились через год-другой вернуться сюда, тщательно исследовать эти руины и датировать их с помощью найденной надписи.

Чем глубже Гертруда проникала на Восток, тем более возрастало ее уважение к его людям.

«Раса, культура, искусство, религия – выбери их в любой момент долгого течения истории, и увидишь, что по сути своей они азиатские… Я надеюсь, что когда-нибудь Восток опять станет сильным, разовьет собственную цивилизацию, а не подражание нашей, и тогда, быть может, научит нас кое-чему, что мы от него когда-то узнали и забыли, к нашей великой потере».

Вернувшись в июне в Раунтон, она написала Валентайну Чиролу: «Я говорила вам, что пишу путевой дневник? Так вот, говорю. Это огромное удовольствие… Это изнанка Сирии, это разговоры у костра, сказки, рассказанные мне на переходах, слухи с базара». Ее книга «Пустыня и плодородная земля», вышедшая в 1907 году, до сих пор считается классической книгой о путешествиях.

Ко времени поездки на Ближний Восток в 1909-м обильные дневники Гертруды становятся практически нечитаемыми. Они представляют собой смесь исчерпывающих археологических подробностей, сокращенных заметок о людях и о том, что ей говорили о политике и экономике, и еще множество деталей обыденной пустынной жизни, иногда украшенных вспышками приключений[21]. Иногда Гертруда переключается на турецкий или арабский. Зачастую она писала эти заметки в полночь после десяти – двенадцати часов в пути и вечера за многоязычным разговором в пустынном шатре или золоченом посольстве. Зачем она это делала? Зачем богатой молодой женщине проводить годы своего расцвета за изучением самых трудных языков мира, жить в ужасных условиях и подвергать себя великим опасностям, ехать в такие глухие углы, что они даже не были обозначены на современной карте? Независимая женщина с большими способностями, она унаследовала настойчивое любопытство Лотиана Белла, получившего мировое признание за свои научные прорывы и технологические достижения. У Гертруды поначалу преобладала не целеустремленность, а любопытство. Она отлично понимала, что альпинизм, скажем, недостаточен как цель жизни. Покорение вершины – да, это достижение, но никому от этого нет пользы, кроме тебя. Обычно Гертруда, достигнув совершенства в одном деле, тут же переходила к другому. Движимая тягой испытать себя, она стремилась к трудностям, приправленным

опасностью и азартом.

Когда же она открыла для себя путешествия по пустыне, преодоление трудностей внезапно преобразилось во всеохватывающий личный эксперимент, в котором невозможно дойти до конца. Тут были языки, в которых предстоит совершенствоваться, обычаи, которые надо узнавать, новые люди, которых нужно понять, археология и история, требующие изучения, техника наблюдений и ориентирования на местности, фотография и картография, которые необходимо освоить. Преодолевая риск, оставаясь живой и достигая цели, Гертруда опьянялась самоутверждением вдали от мира, где она прежде всего и главным образом воспринималась бы как представитель фамилии Белл, незамужняя дочь Хью, внучка-наследница Лотиана.

Приключения ей нужны были не для того, чтобы прославиться или подняться в высшее общество. Всю свою жизнь Гертруда отказывалась от публичности и все больше теряла интерес к аристократичности – если только к ней не прилагались какие-то высочайшие умения. Хью, завоевавший авторитет у правительства и делового мира, намеренно решил не делать дальнейших обычных шагов – покупка загородного имения, шикарная жизнь в лондонских клубах, получение титула пэра, – чтобы поднять Беллов из успешных капитанов промышленности в высший класс. У него не было времени для людей, пользующихся престижем лишь за свой титул и связанные с ним привилегии. В эпоху, когда в нем ценили бы лорда больше, чем человека с достижениями, Хью хотел, чтобы его уважали за опыт, за деловую сообразительность, за гражданское лидерство. Точно так же Гертруда, как представитель третьего поколения Беллов, не использовала в своих предприятиях унаследованную власть и положение. Единственная помощь, которую она принимала, – это семейные деньги, финансировавшие ее исследования. Во всем остальном она зависела лишь от своего интеллекта, мужества и жажды знаний.

По мере того как таяла перспектива брака и детей, Гертруда чувствовала растущую потребность реализовать себя в иной сфере. В определенный момент даже этого бы не хватило, но когда этот момент настал, жизнь преподнесла ей цель мирового масштаба. В течение какого-то времени она стала завоевывать себе имя в международных делах. Вплоть до Первой мировой войны государственные дела, внутренние и иностранные, велись на обедах, суаре и посольских приемах не в меньшей степени, чем в правительственных кабинетах. Гертруда была принята в этот мир и стала завоевывать в нем признание – как эксперт в своей

области интересов. Куда бы она ни приезжала, сразу без колебаний объявляла о себе консульству или появлялась у посла, мудира или губернатора (вали) района. В Бухаресте, Париже, Хомсе, Антиохии объявляла она о своем прибытии. Затем были приглашения на парадные обеды, приемы, настоятельные приглашения вести дела из комнаты в консульстве, а не из шатра. Если ты Персона, каковой она стала, Персона, с которой считаются, то очень невежливо не зайти и не оставить свою карточку. Если ты не герцог или граф, ты можешь поддерживать такое положение, только если и дальше будешь его заслуживать и если сможешь утвердить себя среди послов и прочих важных лиц. Когда Гертруда говорила о своих дискуссиях с доктором таким-то по вопросу о тяжелом положении преследуемых граждан в Армении, или о важности залива Акаба как пути снабжения нефтью, или о соображениях в пользу организации железнодорожного сообщения с Меккой, или о факте, что из Дамаска послано десять полков, чтобы привести друзов Хаурана к порядку, за столом воцарялось молчание. Ее слушали, за ней повторяли. Гертруда не пыталась войти в мир мужчин – она в нем существовала.

С XVIII века такие женщины, как Джорджиана, герцогиня Девонширская, организовавшая успех либеральной партии, или намного позже в Америке миссис Гарриман, возродившая удачу демократов, действовали «салонной властью» – обедами и домашними приемами. Гертруда представляла собой новое и современное явление – личность, которая свое влияние оказывала с помощью знаний из первых рук и мнений, основанных на этом знании. Дома и за границей она общалась с величайшими людьми своего времени. Она определенно отличалась от всех женщин, что ездили на Восток до и после нее: Фрей Старк, говорившей, что женщине намного легче путешествовать, потому что можно прикинуться, что ты глупее, чем ты есть; леди Энн Блант, сопровождавшей своего мужа Уилфрида; или нескольких романтичных женщин, описанных у Лесли Бланш в «Диких берегах любви», вроде леди Бертон и Джейн Дигби.

Ее свежайшая информация о том, что сейчас происходит, вместе с ее взглядом на ситуацию была важнейшим инструментом влияния. В ее дневниках в сокращенном виде хранилось все, что сейчас бы лежало в памяти компьютера. Гертруда кратко записывала все, что говорилось в одном кругу, потом, вероятно, позже обнаруживала, какой это проливает свет на то, что она слышала в другом. Она передавала информацию своему другу-журналисту Чиролу, и от дома до заграницы, лицом к лицу или в письмах – государственным деятелям той поры. Как

и многих археологов, сообщающих местные политические новости Ближнего Востока, ее называли «шпионкой». Гертруда бы рассматривала такой ярлык и как кричащий, и как неверный. Она была собирателем и распространителем информации, ничего не терявшим от бесплатности этой работы и потому получающим вход в коридоры власти – вход как полноправная Персона.

Как уже упоминалось, ее стиль путешествий, начиная с 1909 года, можно назвать величественным. Она не только любила путешествовать с шиком, но и знала, что шейхи будут судить о ней по ее имуществу и дарам и соответственно с ней обращаться. Гертруда не забывала, как друз Яхья-Бег расспрашивал местных жителей: «Видели вы здесь путешествующую королеву?» И она возила с собой модные вечерние платья, батистовые блузки и полотняные юбки для верховой езды, хлопчатобумажные рубашки и меховые манто, свитера и шарфы, холщовые и кожаные сапоги. Под слоями кружевных юбок у нее скрывались пистолеты, фотоаппараты и пленки, а в свертках лежали бинокли и пистолеты в дар наиболее важным из шейхов. У нее были с собой шляпки и вуали, зонтики, лавандовое мыло, египетские сигареты в серебряном портсигаре, порошок от насекомых, карты, книги, веджвудский обеденный сервиз, серебряные подсвечники и гребни, хрустальные стаканы, простыни и одеяла, складные столы и комфортабельное кресло – не говоря уже о походной парусиновой кровати и походной ванне. Шатров у нее было два – один Фаттух ставил сразу же, как разбивали лагерь, чтобы был стол, где она сможет писать, а во втором ставили ванну, которую наполняли горячей водой, как только появлялся огонь, и походную кровать, которую застилали муслиновым спальным мешком, уложенным под одеяла. «Мне не приходится прятать патроны в сапогах, – писала она домой в январе 1909 года. – Мы прошли таможню, не открыв ни единой коробки».

Картируя Евфрат в 1909 году, Гертруда осмотрела 450 миль вдоль его берегов до прихода в район Неджефа и место своего назначения, Кербелу. Здесь, в Ухайдире, она нашла огромный красивый дворец в замечательно сохранном состоянии. И никогда не забывала свое изумление при первом взгляде на потрясающие стены и сводчатые потолки. Какое-то время, когда было подтверждено, что ее план дворца будет первым, Гертруда верила, что открыла неизвестную цитадель: «Никто ее не знает, никто ее не видел. Это такая удача, какой у меня еще никогда не было… предмет такой завораживающий и вызывающий столько мыслей, как дворец Ухайдир, два раза в жизни не встретится».

В 1910 году она должна была напечатать предварительную статью об Ухайдире в «Джорнал оф хелленик стадиез», а также

дать подробный разбор здания в своей пятой книге, описывающей ее великие экспедиции 1909–1910 годов, «От Амурата до Амурата», обильно иллюстрированной собственными фотографиями. Но когда Гертруда вернулась сюда в 1911 году, на этот раз прямо через пустыню от Дамаска до Хита, выяснилось, к ее глубокому разочарованию, что большая монография, которую она собиралась выпустить, 168 страниц умело начерченных планов и 166 фотографий, не будет первой. В Вавилоне Гертруда узнала, что немецкие археологи посетили это место за те два года, что ее здесь не было, и собираются издать собственную книгу. Ее отношение к этому досадному событию продемонстрировало умение вести себя в трудных обстоятельствах: она в предисловии к своей книге, «Дворец и мечеть в Ухайдире», написала о своем восхищении «мастерской» немецкой книгой и извинилась, что предлагает вторую версию, объяснив, почему так поступает: «Моя работа, почти законченная к моменту выхода немецкой книги, охватывает не только территории, раскопанные моими учеными друзьями в Вавилоне, но также те, которых у них не было желания и возможности исследовать… Здесь я должна распрощаться с предметом изучения, который четыре года был для меня основным полем работы, как и основным источником радости».

Посвященная Гертруде запись в Prolegomena, «Кто есть кто» в археологии, говорит о ней как о «замечательной женщине, пионере изучения византийской архитектуры». После выхода книги «Тысяча и одна церковь» – о Бинбир-Килисе – в 1909 году она сосредоточилась на высоком анатолийском плато Тур-Абдин и собранный там материал опубликовала в своей седьмой книге «Церкви и монастыри Тур-Абдина» в 1913 году. К этому времени Гертруда нашла собственную археологическую точку зрения и аргументированно спорила с некоторыми убеждениями Йозефа Стржиговски. Но он, никоим образом не сочтя это за обиду, предложил ей написать статью о Тур-Абдине для журнала «Амида», который издавал с Максом Ван Берхемом. Следом Гертруда написала статью для «Zeitschrift für Geschichte der Architektur», обе иллюстрированные ее планами и фотографиями.

Оставив Тур-Абдин позади, она в той же поездке сделала небольшой крюк к археологическим раскопкам Каркемиша – древней южной столицы хеттов. Там она рассчитывала встретить своего старого учителя и друга Дэвида Хогарта, но не застала его, зато познакомилась с молодым человеком, которому предстояло войти в ее жизнь, как и ей в его. 18 апреля 1911 года Гертруда написала о нем: «Интересный мальчик; из него получится путешественник».

Его звали Т. Э. Лоуренс, и она на него произвела впечатление не меньшее, чем он на нее. Он написал об этой знаменитой путешественнице домой матери в Англию, что она миловидна, лет тридцати шести (ей было сорок три) и не красавица.

«В воскресенье приезжала мисс Гертруда Белл, и мы показали ей все наши находки, а она нам рассказала про свои. Мы расстались, обменявшись оценками: она сказала Томпсону, что его понятия о раскопках – доисторические, и нам пришлось оглушить ее демонстрацией эрудиции. Ее провели экскурсией (за пять минут) по византийцам, крестоносцам, римлянам, хеттам, французской архитектуре и греческим легендам, ассирийской архитектуре и месопотамской этнологии… доисторическим черепкам и телеобъективам, технике металлообработки бронзового века, Мередиту, Анатолю Франсу и октябристам… движению младотурков, status constructus в арабском языке, похоронным обычаям ассирийцев и немецким способам земляных работ на Багдадской железной дороге… Это было так, легкие закуски… она несколько нас зауважала».

Дэвиду Хогарту Лоуренс написал совсем в другом ключе: «Герти пошла спать в свои шатры. Она из победителей, и из храбрых».

В каждой экспедиции бывает момент, который потом долго помнят и который передает ее суть. Для Гертруды в 1911 году это был Ашур в северной Месопотамии милях в шестидесяти от Мосула. Сидя в одиночестве на вершине холма, она пробыла там час, а перед ее мысленным взором проходила история цивилизации.

«Мир сверкал как драгоценность, зеленые поля, синие воды и вдали ослепительные снега на горах, окружающих Месопотамию с севера… Я представляла себе, как передо мной проходит история Азии. Здесь Митридат умертвил греческих военачальников, здесь принял командование Ксенофонт, а сразу за Забом греки развернулись и разбили лучников Митридата, потом прошли дальше в Лариссу, к кургану Немврода, где Ксенофонт увидел великий ассирийский город Кала в развалинах. Курган Немврода стоял у моих ног среди полей. Чуть дальше видны были равнины Арбелы, где завоевал Азию Александр.

Мы, люди Запада, всегда можем завоевать Азию, но никогда нам не удержать ее – вот что, казалось мне, написано на этом ландшафте».

Гертруда смотрела на землю, где будет потом Ирак – страна, в которой она станет некоронованной королевой. Интересно, что она также предсказала его будущее – далеко за пределы собственной жизни.

Глава 7
Дик Даути-Уайли

Непоколебимый герой… Никогда не обнажал клинка более храбрый солдат… Нежность и жалость наполняли его сердце.

Летом 1907 года, издав свою последнюю книгу, Гертруда находилась в Конье и Бинбир-Килисе в Турции, работая с сэром Уильямом Рамсеем. Их сотрудничество над этим проектом, задуманное в 1905 году, подразумевало, что Гертруда берет на себя всю рабочую рутину, измеряя здания и снимая их планы, работая по двадцать четыре часа в сутки, пока Рамсей будет руководить и анализировать. Книга по результатам этой работы, «Тысяча и одна церковь», напечатанная в 1909-м, до сих пор считается образцом работы по ранней византийской архитектуре в Анатолии. Наградой для Гертруды стали престиж и репутация в мире археологии, которую ей бы не заработать без многих лет учебы и которой завидовали многие археологи.

У нее как у археолога были большие преимущества: готовность идти на опасные территории, свобода, с которой она могла преследовать собственные и независимые цели, энергия и энтузиазм. Не было горы слишком высокой, не было места слишком опасного, охраняемого змеями, пауками или комарами, не было пути слишком далекого, стоило ей только взять след. Рамсей написал в предисловии к ее работе и в письме к Флоренс, что та ключевая дата, которую Гертруда заметила в 1905 году, содержалась в маленькой нише, на которую до того никто не обращал внимания. Он написал о своем восхищении «тщательностью и наблюдательностью» Гертруды (выразившихся в том, что она их заметила) и добавил: «Хронология “Тысячи и одной церкви” строится вокруг этого текста». По сравнению с Рамсеем Гертруда была в этой области талантливым новичком. Когда его попросил о совместной работе Дэвид Хогарт, профессор направил его в Грецию изучать эпиграфику. Беря под свое покровительство такого горящего энтузиазмом ученика, как Гертруда, Рамсей мог сделать это не без задней мысли. Она уже была знаменита своим экспедициями, и все знали, что она – наследница крупного состояния, которая может поддержать раскопки финансово.

Прибыв в апреле в Малую Азию, Гертруда встретила своего любимого слугу из Алеппо, Фаттуха. Двадцать восьмого числа она писала:

«Моря и горы полны легенд, а по долинам рассеяны

развалины больших и богатых греческих городов. Здесь – страница истории, которая входит в мозг так, как ни одна книга передать не может… не думаю, что есть в мире человек счастливее меня или страна прекраснее Малой Азии. Я только упоминаю эти факты мельком, чтобы вы держали их в памяти».

В Милете Гертруда получила телеграмму от сестры Эльзы, сообщающую о ее помолвке с неким Гербертом Ричмондом. Письмо Флоренс с подробностями прибыло на место расположения древнего карийского города Афродисиаса, где Гертруду заворожили дверные проемы, декорированные лозами фруктов и цветов с вплетенными зверями и птицами. Она прошла вдоль берегов озер, мимо персиковых и вишневых деревьев под снежными вершинами гор, по неровным дорогам, рассеченным потоками, затруднявшими путь вьючным животным. У озера Эгердир она купила еще одну лошадь за десять турецких фунтов и убедила местного рыбака свозить ее на лодке на островок. «Он был окружен разрушенными византийскими стенами, обрывающимися в воду огромными блоками каменной кладки, там и сям попадались остатки более древних колонн… и все было густо населено змеями». Глядя вниз на озеро, Гертруда видела блики на упавших камнях под водой, и на камнях мерещились надписи. Разгоняя змей, Гертруда спустилась по камням вниз и вошла в воду. «Я изо всех сил пыталась добраться до надписи. Соскребала с камня водоросли, но они всплывали, и наконец я бросила это дело, сильно промокнув и не менее сильно досадуя».

В сопровождении Фаттуха она углубилась в Азию римскими дорогами, отмечая огромное количество бабочек по пути, и достигла Коньи. Гертруда уже была занята работой в Бинбир-Килисе, «раскапывая церкви», когда ввалились Рамсеи на паре телег, запряженных ослами, и с ними их сын, приехавший делать какую-то работу для Британского музея. Миссис Рамсей приготовила чай, а тем временем профессор, «ничего вокруг не видя», тут же с головой ушел в работу с Гертрудой, будто продолжая разговор, прерванный минуту назад. «Мы думаем, что это хеттское селение! – писала она домой 25 мая. – Представить себе не можете, как это здорово. Видели бы вы, как я управляюсь с рабочими – 20 турок и 4 курда!»

Хотя ей исполнилось уже тридцать восемь, Гертруда находилась в самом расцвете сил. Если не говорить о любви, она полностью реализовалась и все-таки – как заметила Джанет Хогарт в Оксфорде – была искрометно молода. Так хорошо ей жилось, что Флоренс, вероятно, с некоторым скепсисом восприняла ее приписку в конце одного письма: «Я страшно досадую, что меня не будет на свадьбе Э.». У Гертруды,

счастливой и поглощенной своей жизнью, не было предчувствия встречи с человеком, который станет любовью всей ее жизни.

Майор Чарльз Хотэм Монтегю Даути-Уайли из полка королевских уэльских фузилеров – Ричард, или Дик для друзей – был тихим героем войны, заслужившим планки и медали в битвах восточноафриканской кампании 1903 года и до нее. Он был племянником путешественника Чарльза Монтегю Даути, поэта и геолога, который написал нашумевшую «Аравийскую пустыню». Описание диких и опасных приключений Даути, исполненное богатой величественной прозой, сделало эту книгу чем-то вроде библии для серьезных путешественников по Ближнему Востоку. Она входила в число тех, что постоянно возила с собой Гертруда.

Дик Даути-Уайли получил образование в Винчестере и Сэндхерсте. В 1889 году в возрасте двадцати одного года – они были с Гертрудой одногодки и родились почти день в день – он поступил на военную службу и служил в Британской египетской армии в Китае и в Южной и Восточной Африке. Дик был офицером транспортной службы в Индии, конным пехотинцем в Южной Африке, командовал отрядом боевых верблюдов в Сомали. На военной фотографии он – худощавый, усатый, загорелый – превосходит большинство своих сверстников ростом, шириной плеч, внешней красотой и количеством медалей на груди. Он был тяжело ранен на Англо-бурской войне и потом еще раз при Тяньцзине во время Боксерского восстания. Всего за три года до встречи с Гертрудой Дик женился – она в тот год восходила на Маттерхорн. Его переменчивая и честолюбивая жена Лилиан, известная вне семьи как Джудит, была вдовой лейтенанта Генри Адамса-Уайли из Индийской медицинской службы. (Она потребовала от обоих своих мужей присоединить ее фамилию к своей.) На фотографиях, снятых в Конье, она сидит на садовом стуле, наклонившись вперед и задумчиво глядя в землю, руки на коленях, пальцы переплетены. Настойчивость Джудит в сочетании с потребностью Дика в свободе послужила стимулом для его перехода в дипломатию, и он был сейчас военным консулом Британии в Конье. Гертруда познакомилась с ним, придя в консульство за своей почтой.

Сперва для нее Даути-Уайли был просто «очаровательный молодой военный» с «очень приятной маленькой женушкой», которая пригласила Гертруду на ленч в тенистом саду своего дома в Конье. Гертруда пришла и была проведена в сад вместе с другими гостями. После недель раскопок на палящем солнце она загорела, зеленые глаза сверкали, пряди каштановых волос, выбивавшиеся из-под соломенной шляпки, выгорели до белокурых. В разъездах по пустыне она обычно носила светло-

синюю вуаль, которую опускала с полей шляпы, но на раскопках ей нужно было наблюдать и осматривать, а вуаль этому мешала. Светлокожая Джудит одевалась в белое и любила кружева. Редко она выходила из дома без зонтика.

Гертруда излучала энергию, говорила во весь голос, много смеялась. Она была в своей стихии. Через шесть бурных лет Даути-Уайли вспоминает эту встречу: «ГБ вошла в коконе собственной энергии, открытости, обаяния». Будучи к тому времени достаточно известной англичанкой, она сразу оказалась в центре внимания. Всем было любопытно познакомиться с этой путешественницей и лингвисткой, чья последняя книга «Пустыня и плодородная земля» стала предметом широких дискуссий. Блестящая собеседница и умелая рассказчица, Гертруда в этот день была душой компании, забавляя всех присутствующих описаниями хаотической манеры Рамсея путешествовать. Он мог стать прототипом рассеянного профессора, теряющего по дороге багаж и одежду и постоянно забывающего рисунки и оттиски где-нибудь под камнем. Гертруда взяла себе за обычай обходить раскопы каждый раз, когда они уходили, собирая бумаги и заметки, которые он разбросал, а миссис Рамсей тем временем бегала за ним, держа его панаму и чашки с чаем. Однажды профессор обратился к Гертруде: «Напомните мне, милочка, где мы сейчас?» Без жены или Гертруды он был не способен запомнить название своей гостиницы и ее местоположение.

«Уайли оба очень милы», – писала Гертруда Флоренс, добавляя, что именно со спокойным Диком она «долго говорила» о предметах и людях. Он был покорен Ближним Востоком и питал привязанность и уважение к туркам: в прошлом году он возил жену в Багдад, Константинополь и древний город Вавилон. Они с Гертрудой вышли из-за стола, чтобы обсудить суфийского философа и теолога Джелал-ад-Дина Руми, к чьей могиле в Конье до сих пор каждый год приходят десятки тысяч его последователей. Мистик Руми посвятил себя сочинению стихов и ритуалам вертящихся дервишей. Даути-Уайли был глубоко потрясен миром ислама, и на него произвело большое впечатление, как много стихов знает Гертруда наизусть. Когда-то она впервые с Генри Кадоганом прочитала строки Руми о его тоске по духовному дому:

Вы слышите свирели скорбный звук?
Она, как мы, страдает от разлук.
О чем грустит, о чем поет она?
«Я со стволом своим разлучена».

Гертруда несколько раз встречалась в Конье с Диком и Джудит, и они ей помогали во многих мелочах. Но при первых встречах этим и ограничилось. Экспедицию пришлось резко свернуть из-за тревожного состояния слуги Гертруды Фаттуха. В предыдущей экспедиции с Гертрудой он вбежал вслед за ней в разрушенное здание и ушиб голову о низкую притолоку. Сейчас он свалился, и стало понятно, что у него мучительные головные боли с того самого случая. Гертруда, ничего не делающая наполовину, телеграфировала британскому послу в Константинополе и великому визирю Ферид-паше, объяснив, что Фаттуху нужно особое внимание. Она собралась, чтобы тут же везти его в больницу, попрощалась с семьей Уайли, пригласив их в Раунтон, и уехала. Но Фаттух оказался в больнице и пошел на поправку лишь после того, как она покаталась по Босфору на посольской яхте и увиделась с великим визирем: «Он действительно великий человек и… более того, отнесся ко мне лучше, чем можно передать словами».

Домой Гертруда вернулась в августе 1907 года и встретилась со своей французской горничной Мари Делэр, которая приехала в Лондон помочь купить ей новый осенний гардероб. Вскоре она возвратилась в Раунтон и засела в своем кабинете с профессором Рамсеем – он с женой прибыл, чтобы работать вместе с Гертрудой над «Тысячью и одной церковью».

Поскольку у нее было много знакомых среди сильных мира сего и к тому же ее хороший друг Чирол регулярно писал в «Таймс», Гертруда держала альбом вырезок. Вскоре в него попало описание последнего героического предприятия Даути-Уайли. Возбужденные националистическим восстанием младотурок, толпы фанатиков в Конье и ее окрестностях начали истреблять армян, усеивая трупами шоссейные и железные дороги. Натянув свой прежний мундир, Даути-Уайли сколотил отряд турецких солдат и провел их через Мерсин и Адану, усмиряя кровожадные толпы. Раненный пулей, он снова вышел в патруль с перевязанной правой рукой. Говорят, что его инициатива спасла сотни, если не тысячи жизней, и его сделали кавалером ордена Святого Михаила и Святого Георгия. Что самое необычное, турецкие власти также наградили его за доблесть редким орденом Меджидие. Письмо Гертруды с поздравлением было одним из многих, полученных им со всего света, но, видимо, он на него тепло ответил, поскольку через год они уже переписывались регулярно, и Гертруда иногда посылала письма им обоим, иногда ему одному. Похоже, что Даути-Уайли навещали Беллов в Раунтоне в 1908 году: «Он очень мил», – отмечает Гертруда почти застенчиво. Учитывая ее обычно экспансивный стиль самовыражения, эти три

слова замечательны своей краткостью, словно она подавляет все, что еще могла бы о нем сказать, как и свои чувства, с ним связанные.

Их письма теплеют, путешествуя между Месопотамией, где Гертруда совершает одно из своих самых важных исследовательских путешествий и археологических предприятий – зарисовку и обмер огромного разрушенного дворца Ухайдира, – и Аддис-Абебой, где теперь служит консулом Дик. А потом, весной 1912 года, он прибывает в Лондон без Джудит (навещавшей мать в Уэльсе), чтобы повидаться с главой благотворительной организации Красного Креста. Остановился он на своей старой холостяцкой квартире на Хаф-Мун-стрит, как делал всегда, когда жены с ним не было. Возможно, Гертруда и Дик встречались раз-другой в Лондоне за пять лет после первого знакомства, поскольку она в тот же миг решила, что тоже должна быть в Лондоне. Ее зовут прочесть лекцию, сказала она Флоренс, и вообще самое время повидать кузенов и закупить новых вещей на лето. Она поехала в город и пустилась в один из самых счастливых периодов своей жизни.

Широкий круг состоятельных друзей и жизнелюбивых кузенов Гертруды идеально подходил для того, чтобы принять в свою орбиту усталого солдата. Дик был серьезен по характеру и суров в манерах. Чувствовалось, что в его жизни не слишком много веселья. Через Гертруду он познакомился с такой живой и заразительно веселой группой, какую не знал раньше, – вероятно, более интеллектуальной и остроумной, более восприимчивой к музыке, книгам и живописи, чем его военные друзья в клубе. Они знали, что его брак не совсем гладкий, и после всего перенесенного Дик был вполне доволен открывшейся на время возможностью плыть по течению, удрать от старых друзей и коллег ради дней и вечеров совершенно непредсказуемого толка. В компании друзей и родственников они с Гертрудой ходили в театры, в мюзик-холл, в музеи и на выставки, слушали оркестры и концерты в парке и вели громогласные споры о литературе и искусстве. Дик посещал лекции, которые читала Гертруда, – а читала она стильно и уверенно, и юмор, не менее чем эрудиция, завоевывал ей аудиторию. На прогулке в парке или на пути в ресторан Вест-Энда либо на домашний прием Даути-Уайли возвышался над Гертрудой, они отставали от остальных, увлеченные разговором, и взрывы смеха иногда заставляли ее кузенов оборачиваться и гадать, что там такого смешного. После ужина они часто вдвоем отрывались от группы, проводя время за разговорами и смехом до позднего вечера, окутанные клубами дыма из длинного мундштука Гертруды. Видя Гертруду в

жемчугах и бриллиантах, с искрящимися зелеными глазами, прекрасными заколотыми волосами, в одном из новых французских вечерних платьев, ее родственники, должно быть, поражались, как она умеет быть красивой. И как флиртует.

Это было уже для нее не забавой: возникали самые серьезные в ее жизни отношения. В Дике Даути-Уайли она видела сочетание качеств, против которых не могла устоять. Подобно своему аскетическому дяде Чарльзу М. Даути, с чьей «Аравийской пустыней» Гертруда не расставалась, подобно бедуинам, к которым она давно относилась с восхищением и любовью, Дик был одновременно и духовен, и решительно-тверд. Огонек, пульс сексуального влечения их друг к другу разгорался с каждой встречей. Связь их крепла – и Гертруда это чувствовала. У нее в этом году не было планов ехать за границу, и в январе 1913-го она написала Чиролу, что отклонила приглашение в научную экспедицию в горы Каракорум в Китае: «Чем ближе была эта перспектива, тем более невыносимой она становилась. Я не выдержу четырнадцать месяцев вдали от родины. Моя жизнь в Англии сейчас так восхитительна, что я не стану ее прерывать на столь долгий срок».

Гертруда так долго ждала этого счастья. И в этом ощущении взаимного влечения и общих интересов ей оказалось легко забыть про существование Джудит. В первых письмах о встрече с семьей Даути-Уайли в Конье она их описывала как «очаровательного молодого солдата» и его «очень приятную маленькую женушку». Любая женщина, прочитав данное описание консула и его жены, насторожилась бы от этого уменьшительного. В системе ценностей Гертруды эпитет «маленькая» по отношению к женщине употреблялся с течением времени все чаще и всегда в неодобрительном смысле. «Приятная маленькая женщина» было в ее устах одной из самых убийственных оценок. Эта фраза стала семейным шифром для обозначения маловажных и раздражающих особ – зачастую, к сожалению, связанных с тем или иным «полезным» человеком. В случае миссис Даути-Уайли, профессиональной медсестры, эта характеристика была очень далека от истины. Когда Дик в Конье занимался спасением двадцати двух тысяч беженцев, Джудит организовала три полевых госпиталя для больных и раненых. Однако ходили слухи, что брак у Даути-Уайли не особенно легкий. Джудит наверняка знала о его похождениях, но была не из тех жен, кто жалуется – как это вскоре и подтвердилось.

Счастье, испытываемое Гертрудой, не могло длиться вечно. Дата приезда Джудит в Лондон была известна, и в должное время она прибыла. Гертруда, подавленная, в смешанных чувствах,

вернулась в Йоркшир. В это время она бросилась в садоводство и археологические занятия и на рубеже лета и осени тринадцатого года стала пропадать на охоте – делая все, что угодно, лишь бы как-то протянуть время до встречи с Диком. Кульминацией каждого дня – появление почты, где могло быть – и часто было – письмо от него.

Работая над статьей или рисуя церковь у себя в кабинете, Гертруда могла замечтаться, подперев рукой подбородок, затем резко встрепенуться. Приказав садовникам продолжать работу, она уходила в лес, оставив их без присмотра, не проверив, выкопали ли они до конца канаву, или не сказав, какие растения куда сажать.

Минуты радости и грусти сменяли друг друга беспорядочно. Они с Диком стали так нужны друг другу, что Гертруда часто задумывалась, может ли она улучшить ситуацию, и если да, то на каких условиях. Находящийся на отличном счету военный и администратор потеряет сразу жену, репутацию и карьеру. Ее неудовлетворенные стремления всегда будут приводить его опять на ту же развилку: Дик никогда не давал ей никаких обещаний. И это вызывало у нее в моменты размышления, все более частые и настойчивые, ощущения мучительного одиночества и подавленности. Она жила до и для следующей встречи.

Сторонник семьи и ее ценностей, женственная по своим вкусам, Гертруда любила компанию детей и молодежи. И несправедливо, что у нее никогда не было счастливого романа, не говоря уж о муже или детях. В свои самые мрачные моменты она понимала, что вопреки всем своим триумфам никогда не была ни для кого на первом месте – разве что для своего отца. Она знала, что ее агрессивная манера и быстрые, нетерпеливые ответы отпугивают многих мужчин, но это ей было все равно. Человек, которого возможно запугать, подавить, не мог стать для Гертруды партнером в жизни. По мере того как шли годы и рос список ее достижений, ее запросы становились все более серьезными – в сущности, почти невыполнимыми. Ей нужен был красивый и умный мужчина, неординарный, с достижениями хотя бы не меньшими, чем у нее самой; человек смелый, умеющий сражаться, охотиться и читать стихи, прочитавший великие книги цивилизации и говорящий на иностранных языках, который чувствует себя как дома и в Лондоне, и в иностранном обществе, много путешествовавший, знающий выдающихся политиков и государственных деятелей, которых знает она. Да, Гертруда искала героя – так что? Она же и сама героиня. И наверняка чувствовала, что Даути-Уайли – именно тот, кто ей подходит. Смущаемая эмоциями, вряд ли раньше ею испытанными, она

жила в состоянии постоянного нетерпения. И положила ему конец, решив пригласить Дика в Раунтон.

Снова и снова объясняла она себе этот поступок. Это же не будет с его стороны социальной бестактностью – погостить без жены. Гертруда могла бы пригласить их обоих, если бы Дик сказал, что Джудит будет в Уэльсе. Гертруда и без того постоянно принимает друзей и родственников, и каждый уик-энд появляются новые гости, а Дик просто станет одним из них. Весной и осенью бывает охота и стрельба, скачки, танцы, поездки к соседям. Когда озеро замерзнет, можно рубиться в хоккей, в котором она большой мастер. Но Гертруда пригласит Дика в июле, когда дни заполнены пикниками, теннисом, экскурсиями, походами сквозь лесную чащу, рыбалкой, поездками к морю, катанием на лодках и посещениями развалин аббатств. Однако если Дика можно было включить в эту жизнь, не получая комментариев от друзей и соседей, все же оставался вопрос, как к этому отнесутся Хью и Флоренс. Ни за что на свете Гертруда не хотела бы их огорчить, и ей действительно требовалось их одобрение. А не было, разумеется, ни малейшей надежды, что эти два столпа общества, придерживающиеся всех правил общественного поведения, одобрят ее планы. И еще весомым фактором оставалось ее собственное чувство чести, нерушимое настолько, что разрушило бы роман на любой стадии. Глазами постороннего Гертруда видела брак как святая святых. Она не собиралась начинать с Диком сексуальные отношения – всего лишь продолжить эту необыкновенную взаимную радость от его привлекательного – для обоих – присутствия. Пожалуй, впервые в жизни она отказала голове в праве управлять сердцем.

Гертруда не позволила себе задумываться, насколько далеко может зайти взаимная радость в частые моменты наедине или какие последствия все это может для нее иметь. Когда же ее это стало волновать, Гертруда уже слишком далеко зашла, чтобы отказать себе в этой редкой приятности – его обществе. Наверное, вначале был какой-то самообман по поводу глубины ее чувств к нему, потому что она все еще скрывала от Хью и Флоренс тот факт, что пригласила Дика, вполне понимая, что приедет он без жены. Но Гертруде надо было признать перед самой собой, что намерения у нее не такие, какими должны быть. Конечно, порядочность по отношению к Джудит значила для Гертруды меньше, чем растущая привязанность к Дику. Если Флоренс что-то подозревала – как оно, вероятно, и было, – то могла бы сказать себе, что сорокачетырехлетняя Гертруда уже не в том возрасте, когда ее следует учить, как себя вести. Еще, вероятно, она сочувствовала той девушке двадцати четырех лет, что была

разлучена со своим нареченным, а потом и пережила его смерть. И пусть со стороны Гертруды не было упреков или злости на родителей по поводу той трагедии, но это никак не освобождало мачеху от угрызений совести и сожалений. Возможно, вспоминая, как она никогда не позволяла Гертруде в отрочестве посещать аристократические дома, где бывали случайные адюльтеры, Флоренс вздохнула и решила смотреть на происходящее сквозь пальцы.

В доме была еще одна женщина, которая, возможно, обо всем догадывалась. Мари Делэр не могла не заметить повышенного внимания хозяйки к летнему гардеробу. Проводились примерки новых обеденных платьев, перешивались шляпки, доставались полотняные юбки, менялись костюмы прошлого лета, и шились десятки новых белых блузок с вышитыми оторочками: стало модно носить тонкие блузки с ниткой жемчуга внутри, видной сквозь тонкую ткань.

И Дик прибыл в Раунтон на несколько дней в июле 1913 года.

После дневной далекой прогулки, галопа по полям, шумного и радостного обеда, за которым последовали кофе и карты в гостиной, шум голосов стал стихать, гости прощались по одному – по два и брели наверх в свои комнаты. Гертруда и Дик остались одни у огня, разговаривая и глядя друг на друга.

Это была ее мечта: все выглядело так, будто они женаты. Счастье опьяняло ее. Вот сидит человек, которого она любит, родные, которых она любит, в доме, который она любит. Ломались барьер за барьером, но не могло не возникнуть неловкости, невысказанного вопроса о наступающей ночи. Вероятно, Гертруда как-то намеком дала ему знать, где ее комната. Наконец она пошла спать. Распуская волосы, она услышала легкий стук в дверь и открыла ее. Они стояли, Дик обнимал ее, и сердце у нее часто билось, потом с некоторой неловкостью сели на кровать. И разговаривали – полушепотом. Трудно было читать мысли этого всегда мрачного человека, но Гертруда, как обычно, обнаружила, что нет пределов тому, что она может сказать. Она объяснила свои чувства: счастье, что нашла мужчину, которого может любить, – и горе, что он уже женат. Дик прижал ее к себе с нежностью, и они легли. Приютившись в его объятиях, Гертруда сказала ему, что девственна. Его тепло, его внимание и сочувствие были неисчерпаемы, но когда он поцеловал ее и придвинулся ближе, она зажалась, испугалась, прошептала «нет». Дик тут же остановился, сказал, что все это неважно, и слезы подступили к ее глазам. Он утешал ее еще несколько минут и говорил, что ничего не изменилось. Потом тихо вышел.

На следующий день снова полетел пестрый каскад развлечений и к вечеру стих. У Гертруды не было возможности долго с ним говорить, а потом он уехал. Вскоре от Дика пришло письмо с благодарностью, написанное 13 августа, – Гертруда схватила его со стола в холле и убежала наверх, чтобы прочитать в одиночестве.

«Дорогая моя Гертруда!

Я очень, очень рад, что ты пригласила меня в Раунтон. Мне так там понравилось – место, люди, сад, лес, все вообще. Это главные декорации жизни женщины, ставшей моим близким другом, как бы органично ни смотрелась она в необозримом множестве иных декораций. И я слушал, как ты рассказывала мне самые важные вещи, и радовался, что ты можешь со мной говорить свободно. Это то, что я люблю, – открытость, свобода говорить и делать ровно то, что хочешь. Но у тебя, мне кажется, было чувство – естественное при первом открытии дверей, – что это не было оценено как надо. Это не так – я люблю откровенность, и я всегда, еще с самых первых турецких дней хотел быть твоим другом. Теперь я чувствую, что мы будто и в самом деле стали близкими, родными людьми. Я очень многое обрел и хочу сохранить это. Одиночество – почему все мы рождаемся в одиночку, умираем в одиночку, живем на самом деле в одиночку, и это иногда больно – это чушь или проповедь? Мне все равно. Я должен что-то написать, чтобы ты поняла, как я горд этим счастьем – быть твоим другом. Что-то очень значимое, пусть это даже невозможно выложить на бумагу, нежность, моя дорогая, благодарность и восхищение, и доверие, и неудержимое желание видеть тебя как можно больше…

Удачи тебе, сколько ее есть в мире.

Всегда твой,

Р.».

«Удачи тебе, сколько ее есть в мире». Гертруда омертвела от унижения. В какое положение это письмо ее ставит? Она прочла его слова и перечитала их снова, вертя так и этак, чтобы выжать из них весь смысл до последней капли. И попыталась смягчить холодность письма, размышляя над словами «все мы на самом деле живем в одиночку». Это наверняка отсылка к неудовлетворительному состоянию его брака, но ничего нового для нее в этом нет. Гертруда снова воспрянула духом. Дик и правда хочет сказать: «Тебе нечего стыдиться, я понимаю глубину твоих чувств, рад, что ты не была задавлена, будем друзьями»?

Но ей хотелось куда большего, чем дружбы. Ее осенило, что

этот интимный вечер в Раунтоне стал для нее откровением, каким для него не был. Дик куда опытнее ее, он сам рассказывал о многочисленных романах с женщинами. Ее личная жизнь была неуспешной. Гертруда слишком глубоко чувствовала и слишком сильно страдала по Генри Кадогану, чтобы легко идти на повторение этих переживаний. Прошло двадцать лет, но тот роман остался в ее жизни самым важным – поэтическая, по сердечному движению помолвка, которая заставила Флоренс и Хью изучить его прошлое и финансы и отвергнуть его – или по крайней мере несколько лет выждать. Потом была его смерть от пневмонии как результат падения в ледяную реку, что не могло не оставить вопросы. В любом возрасте это больно, когда, посвятив себя любимому человеку, должна разорвать эти отношения, а потом узнаешь, что твой любимый погиб таким образом, что остаются мучительные вопросы.

Смерть Кадогана оставила у Гертруды душевную рану: она могла флиртовать, но не допускала серьезного чувства. Она была привлекательна в своей теплоте, энергии и идеальном здоровье, прекрасна, какой умела быть со своими рыжими волосами и изящным сильным телом, но мало кто из мужчин мог пробиться через ее зажатость. Был у нее один особый обожатель, некто Берти Крэкенторп, которого Гертруда сперва отметила как «очень преданного», а потом, с растущим раздражением, сказала о нем: «вечно торчит у меня под рукой и слушает». Вскоре она вообще его от себя отстранила: «Пока его с меня более чем хватит!» Были краткие, но глубоко прочувствованные отношения с Билли Ласселсом, племянником Флоренс, кипевшие на нескольких семейных торжествах. Когда это закончилось и Гертруда повзрослела, она отстраненно проанализировала свои тогдашние чувства: «Как странно сознавать, что этот огонь стал теперь пеплом, и нет больше ни одной искорки, слава небесам! Ни азарта, ни сожалений. Осталась лишь грусть воспоминания, которая иногда побаливает, как ни странно, но она очень, очень далека от того, чтобы требовалось его присутствие». Потом у нее был флирт с обаятельным йоркширцем Уиллом Пизом. Ее наблюдательная единокровная сестра писала: «Гертруда с ним отчаянно флиртует», а Элизабет Робинс, друг семьи, думала, что они заключат помолвку. Но если у Пиза и были такие намерения, Гертруда от них уклонялась. Роман так и остался на стадии нежных подшучиваний.

Любовь пришла к Гертруде только дважды, и во второй раз потрясла ее до самых глубин души. Действие, которое произвело на нее чувство, могло быть отчасти обязано полному отсутствию у нее сентиментальности и ее выдающемуся интеллекту. Она вряд

ли, как могла бы другая женщина, путала привязанность и страсть. Как пришлось написать Флоренс, знавшей Гертруду лучше всякого другого: «Дело в том, что в основе истинной природы Гертруды лежала ее способность испытывать глубокие эмоции. Великие радости бывали в ее жизни и великие скорби. Как могло быть иначе при… ее горячей и магнетической личности… и темпераменте, столь жадном к новому опыту?» Она уже давно, еще до тридцати лет, выучилась жить без любимого и с лихвой это компенсировала, наполнив жизнь разнообразными приключениями. В то же время желания, которые не исполнились, выразились в ее необычайной склонности к поэзии, проявившейся еще в школе, когда чтение Милтона вызывало у нее «желание встать на голову от радости». Поэзия – выражение эмоций в чистейшем виде – была единственным измерением личности Гертруды, в котором, к разочарованию мачехи, она не реализовалась полностью. Флоренс задумывалась: не отсутствие ли возлюбленного и мужа подавило у падчерицы этот мощный источник чувств?

Из Раунтона Даути-Уайли поехал в Саффолк и оттуда написал странное послесловие к своему письму:

«…Кстати о снах: на следующую ночь призраки Раунтона снова ко мне пришли. Есть ли про них какая-нибудь легенда? Какая-то тень женщины, которая действительно меня встревожила, так что я включил свет. Это был не твой призрак, ничего на тебя похожего, но что-то враждебное и пугающее… Это была… тень, напоминающая высокую женщину, и она кружила, кружила над моей кроватью, как коршун, наклонялась ко мне и молчала, и я не знал, что это за чертовщина, но она собиралась напасть, и я хотел зажечь свет…»

Раунтон был всего сорок пять лет как построен, а Хью и Флоренс жили в нем с 1905 года[22].

Дик вернулся в Лондон, где его ждала пачка писем от Гертруды. Несомненно, ему льстило внимание столь уважаемой женщины, и терять ее дружбу он не хотел, но в то время как ее письма говорили о том, что ее мучило, его ответы тщательно обходили все, что можно было бы понять как обязательство. «Чудесные письма, дорогая, читаю с наслаждением, спасибо тебе за них. Но нет на свете слов, которыми можно было бы на них ответить. Ну, поговорим тогда о другом…»

А потом грянул гром. Письмо, написанное им в клубе, сообщало, что он принял пост в Албании, в Международной комиссии по границам. «Моя жена сейчас в Уэльсе, она приедет, когда я дам ей телеграмму, и она поедет со мной – посмотреть все “как”, “зачем” и “где”… Я вернулся в свою холостяцкую

квартиру на Хаф-Мун-стрит, 29. Пиши мне туда… пока я один, пусть я буду один». Возможно, понимая, что эта весть будет значить для Гертруды, и стараясь немного ее утешить, он впервые подписался как «Дик». Все надежды, которые были у нее на новую скорую встречу или избавление от отчаяния, захватившего ее после визита Дика в Раунтон, разом рухнули. Его письма были для нее спасательным кругом. Она их столько раз читала, что выучила наизусть, но сейчас подумала: а не из жалости ли он допустил всю эту переписку, сказав себе: «Все равно я скоро уеду, так уж пусть ее»?

Гертруда не скрыла от него, как несчастна, и Дик попытался ее утешить. «Дорогая, пусть это письмо говорит с тобой и передаст тебе мою любовь и поцелуй, будто я дитя или ты дитя». В том, что касалось любви, она была новичком. Наверное, она допустила ошибки, слишком рано открыв свои чувства и побуждая его оставить жену. Дик же в своей манере, обиняками, старался объяснить связь между этими стремлениями и фрустрацией наложенного на себя целомудрия. По доброте своего сердца и несколько неуклюже он пытался сказать Гертруде, что не следует стыдиться этих эмоций. «Вчера вечером меня остановила бедная девушка – все та же старая история. Я дал ей денег и отправил домой… Столько людей на самом деле похожи на меня или на того, кем я был когда-то, и я им сочувствую… Те желания тела, что правильны и естественны, что зачастую не больше, чем любой обычный голод, – они могут быть огненной колесницей разума, и уже тем одним они велики…»

Потом последовало предупреждение: «Джудит хорошо тебя знает, и, всегда ранее видя твои письма, сочтет очень странным, если вдруг от нее их станут скрывать, а в путешествиях наша жизнь будет идти совсем рядом». Гертруда пришла в неистовство. Нужны ли ему ее письма? Она это проверит. И она перестала писать, а Дик клюнул на наживку. Заверения пришли сразу же – к концу августа. «Пустой день, дорогая. Есть искушение спросить: я сказал лишнее? Или дело в том, что ты подумала, что время прошло? Или слишком занята? Ладно, все это в сторону. В цепях, в которых мы живем – в которых живу я, – мудро и правильно будет носить их легко». Она усугубила свою маленькую победу вопросом: как именно лучше к нему адресоваться в письмах в Албанию. Он ответил:

«Конечно, называй меня Диком, а я тебя буду Гертрудой. Это ничего, многие так друг друга называют. Моя жена не читает мои письма, как правило, но так как она часто сама тебе пишет, мы всегда показывали твои письма друг другу – но как же мне будет их недоставать!.. Есть еще одно, что следует делать: сегодня я

уничтожу твои письма. Не передать, как не хочется, но так будет правильно. Человек смертен или что там еще, а письма эти ни для кого, кроме меня».

Гертруда чувствовала, что ничего не могло бы быть хуже. Это было прощание, и за ним пришло еще одно: «…если не смогу тебе писать, я всегда буду думать о том, как ты мне все рассказывала в своей комнате в Раунтоне. Неуловимая книжка ускользает, но наши руки встречаются на ее обложке». Она поняла, что «неуловимая книжка» всегда была иносказанием для секса. «…А ты останешься все той же умной и блестящей женщиной, не боящейся ничего, что может удивить, у которой всегда есть работа и жизнь во всей ее полноте. А я всегда буду твоим другом».

Гертруда оказалась на перепутье. В возрасте, когда разум подсказывает, что пора оставить надежду выйти замуж и завести детей, она встретила такого мужчину, которого всегда искала, – такого, что не стушевался бы рядом с ее собственными достижениями, которого она могла бы с гордостью сравнить с могущественными отцом и дедом. Имея меньшую, чем у большинства женщин, вероятность завести опрометчивый роман, Гертруда все равно была очень уязвима. Нонконформистка, разрушительница шаблонов, ощущающая, что она выше почти всех встреченных ею мужчин, и не стесняющаяся это показать, она так долго скрывалась за линиями обороны, что власть Дика над ней застала ее врасплох. До сих пор в печальные моменты она переживала лишь из-за отсутствия мужа и семьи, но никогда у нее не было ни малейшей горечи или ревности по отношению к детям Эльзы и Молли, которых она считала очаровательными. Валентайн Чирол однажды видел, когда Гертруда приезжала к нему в Уэльс, как целая стайка шумных ребятишек молча слушала ее истории, и серьезные, и смешные. А на дебюте ее двоюродной сестры Стэнли было примерно двадцать девочек, с которыми она энергично танцевала весь вечер.

При всей своей эрудиции Гертруда оставалась такой же, какой была в Оксфорде, когда однажды, решив, что день слишком жаркий, прыгнула в воду прямо в одежде. Она первой выбегала из-за стола, где дети уже в нетерпении ерзали и подпрыгивали, и наперегонки бежала с ними за битой и мячом, чтобы начать шумную игру с криками и спорами. В аббатстве Маунт-Грейс она организовала блестящий пикник для всех детей большой семьи, а в ее письмах то и дело попадается восхищение маленькими племянницами. «Вряд ли я в жизни видела кого-то более достойного обожания, чем дети Молл. Что Полина хорошенькая, это само собой, но она, по-моему, совершенно очаровательна».

А теперь последний шанс на счастье таял на глазах, пока Дик и Джудит собирали чемоданы в Албанию. Обхватив руками болевшую голову, Гертруда поняла, что не может ни подвинуть роман вперед, ни общаться с Диком непосредственно. Казалось, ничто на свете уже не доставляет удовольствия, и ей стало все равно, жить или умереть. Не в первый раз судьба отказала ей в желаемом, да и не последний, а ведь Гертруда была богатой наследницей, которая мало что в жизни не могла получить. Редко ей приходилось слышать «нет», но рок заставлял ее встречаться с этим словом именно тогда, когда труднее всего казалось с ним смириться.

С тем же мужеством, что характеризовало ее всю жизнь, она решила раз и навсегда соскочить с этих качелей надежды и отчаяния. Гертруда не являлась викторианской моралисткой – слишком для этого она была умна, – но понимала, что нарушает правила, а эти правила – на стороне брачных обетов. Но она покажет Дику, что ее любовь к нему не может быть уменьшена ни временем, ни расстоянием. Чтобы избавиться от душевной муки, она пустится в какое-нибудь опасное для жизни предприятие и посвятит ему. Она вернется в пустыню и пройдет маршрутом, где до нее путешественники погибали. Дик говорил, что любит ее произведения. Хорошо, она напишет для него книгу об испытаниях и победах каждого дня и станет посылать частями из каждого промежуточного пункта. Книга будет относиться только к путешествию. Это ему, в Албании, где он наверняка не очень ладит с Джудит, будет напоминать, что она ради него рискует жизнью – возможно, уже даже погибла, и он ее никогда не увидит. Она выберет путь его дяди, вдруг подумала Гертруда, оживляясь, и пойдет трудной дорогой среди воюющих племен в Хаиль – предприятие, где другие не выживали.

Гертруда выехала на восток через полтора месяца после отъезда семьи Даути-Уайли. Перед этим она послала Дику пачку своих книг и обзорных статей. Он ответил:

«Мне нравится, как ты пишешь, – ты человек очень умный и обаятельный, и ты в своей пустыне… Не знаю, дойдет ли до тебя это письмо до твоего выхода. Если да, милая, то в нем я тебе желаю удачи и успеха, как можно больше безопасности и разумного комфорта (последние два пункта твоя суровая душа склонна презирать)… Доброго тебе пути, отыскивай замки, будь здорова – и оставайся моим другом.

P.S. Что до procés verbaux – тут главное подключать коллег и самому отходить в сторону».

Письмо было прохладным и намекало ей, что писать надо Джудит, а не ему. Гертруда подобралась, чтобы перетерпеть эту

боль. Книга, решила она, сама по себе станет любовным письмом. Подобно Шахерезаде, она завоюет его внимание и любовь гипнозом своих рассказов и самой силой своего предприятия.

В Лондоне Дик намеревался положить этим отношениям конец, но не пробыл еще и месяца в Албании, как снова начал писать Гертруде каждые несколько дней. Может, он попытался вложить в свой брак больше усилий, но результата не получил. Может, когда Гертруда была далеко, его меньше волновала наблюдательность Джудит. Может, после ужина, когда Джудит уже легла спать, после целого дня хитрых переговоров о границах с сербами, албанцами и черногорцами, Дик садился с графинчиком портвейна и давал волю чувствам, весь день бывшим под замком. В одном письме он это даже признавал, вспоминая случай в Раунтоне, когда она удержала его на расстоянии вытянутой руки: «Это было правильно… и трезвая часть моей личности не сожалеет, а вот пьяная ее часть сожалеет и вспоминает, пока не заснет». Так или иначе, а в переписке теперь чувствуется новое тепло.

«Да, я очень к тебе неравнодушен. Я думаю, давно уже думаю, что ты чудесна, умна, сильна, такая, как любит моя душа. И мысленно я на верблюде, что бежит быстрее твоих, устремляюсь за тобой в пустыню… но буду писать дальше». И в другой раз:

«Сейчас поздно, я сижу один и думаю… о любви и жизни, об одном вечере в Раунтоне и о том, что все это значило… ты в пустыне, я в горах, и в этих местах многое можно сказать под облаками. Значит ли это, что осторожность была безрассудством, что мы могли бы быть мужчиной и женщиной, какими сотворил нас Бог, и быть счастливыми… но я сам отвечаю себе, что это ложь. Если бы я был для тебя твоим мужчиной, в тех телах, в которых мы живем, переменило бы это нас? Нет, конечно. Мы не смогли бы оставаться вместе долго, а иногда бывают такие “потом”, которых надо бояться… И все равно это великое и прекрасное прирожденное право каждого, женщины и мужчины равно, только многие из них не понимают его простоты. И я всегда считал, что это загадочный и сильный феномен – половое влечение, есть вещь правильная и естественная, которой должно отдавать то, что ей принадлежит, но если не отдают – что тогда? Разве нам хуже от этого?»

Даути-Уайли не остались в Албании надолго и вернулись на Рождество в Лондон, где Дик навестил родителей Гертруды на Слоун-стрит и застал дома Хью. В Саффолке в Новый год казалось, что в браке Даути-Уайли не все гладко. Дик писал:

«Сегодня… хотел бы я тебе рассказывать… о разочаровании моих родственников и жены, что я не приобрел еще букв после

фамилии… Где ты? Я пишу будто какой-то мысли, сну своему… Потому ли темнота такая черная в эту ночь? Или это сожаление об утраченном, о великом и прекрасном, что я нахожу в твоей книге, в твоем уме и теле, в любви твоей, во всем, для меня утерянном… Хотелось бы тебе, чтобы я написал тебе любовное письмо – сказал, как мне радостно, благодатно и смиренно, когда я о тебе думаю?»

Вскоре он уже писал, что поедет в Аддис-Абебу, на этот раз один. «Там анархия, полная и зверская… Быть может, мне можно будет сообщить в Каир. Твой отец даст мне знать…» Гертруда, находясь в Зизе, только что отклонила предложение защиты и от турецких чиновников, и от британского правительства. Она твердо решила оказаться вне закона, и когда свернула к пустыне, начиная самую опасную часть своего путешествия, начала книгу, которую будет писать исключительно для него. Она станет ее делить на части и по частям посылать в Аддис-Абебу вместе со своими письмами. По крайней мере теперь она не боялась, что они попадут в руки Джудит.

Через посредство Дика она получила пожелания безопасного пути от самого автора «Аравийской пустыни». Для нее ничего не могло иметь в этот момент такого важного значения, кроме того ощущения, которое было у нее от писем Дика: эмоциональная связь между ними крепла, пусть даже ничего фундаментально не изменилось.

«Ты сейчас принадлежишь пустыне, – писал он, – с твоей блестящей храбростью, моя королева пустыни, и сердце мое – с тобой. Будь я молод и свободен, и будь совершенным рыцарем, мне бы следовало догнать тебя и поцеловать. Но я старый, усталый, обремененный сотней ошибок… ты права: не этот путь для нас с тобой, потому что мы рабы, а не потому что это неправильно – не для нас естественный путь, когда страсти тела пылают и переплавляются в страсти духа, в этих восторгах мечты, столь редко находимых людьми, к которым, как ты могла бы сказать, присоединяется Бог, и в некоторый божественный момент мы могли бы достичь такого восторга. Этого не будет. Но очень многое нам осталось. Как ты могла бы сказать, моя дорогая и мудрая королева, – все, что есть, мы возьмем».

Как ни трудно ей было переводить его письма в свое собственное ясное понимание, но по крайней мере из Лондона Дик писал ей ежедневно или раз в два дня. В ее письмах нет задней мысли, нет уклончивости или расчета. Она снова и снова говорила ему, чего хочет. Он отвечал: «Не могу тебе передать, как это меня тронуло – увидеть слова, написанные твоей рукой, что ты могла бы выйти за меня замуж, родить мне детей, быть моей

жизнью и моим сердцем».

Напоминая ему, что в персидском «сад» и «рай» обозначаются одним и тем же словом, Гертруда придумала метафору фантазийного сада, куда могли войти только они. И там они могли бы наконец остаться одни.

«Ты мне дала новое слово, Гертруда, ты мне дала ключ от твоего сердца, хотя у меня и есть друзья, и среди них женщины, и даже есть жена, все они как восток от запада далеки от сада, где идем мы с тобой… Я часто любил женщин, как любит их мужчина вроде меня: к добру или к худу, очень и не очень, когда бурлила кровь, или звало время, или в ответ на приглашение, или просто приключения ради – посмотреть, что будет. Но все это в прошлом».

В конце января четырнадцатого года Дайти-Уайли снова посетил Хью, потом уехал в Аддис-Абебу. Уезжая, Дик написал письмо менее красноречивое и более чувственное, чем все, что он посылал ей раньше. «Где ты теперь? Возле замков Белки[23], работаешь за десятерых, усталая, голодная и сонная… Такая, какой я люблю о тебе думать: иногда (хотя это очень по-скотски с моей стороны) думаю о тебе, одинокой, и что ты меня хочешь…» Наконец Дик написал ей слова, которые она так долго хотела услышать:

«Ты говорила, что хочешь услышать слова от меня: “я люблю тебя” и не скрываешь этого желания… Я люблю тебя – есть от этого толк посреди пустыни? Стала она не такой огромной, не столь одинокой, как дальний край жизни? Когда-нибудь, быть может, в шепоте, в поцелуе, я тебе скажу… такая любовь – это сама жизнь. Ох, где ты, где ты?.. Ладно, я еду. Африка меня тянет, я знаю, что есть вещи, которые я должен сделать… но я почти не думаю о них, а вот только о том, что люблю тебя, Гертруда, и не увижу тебя…»

Сидя в шатре, она снова и снова перечитывала эти слова, и сердце у нее прыгало. Наконец-то он сделал признание. Дик признал перед собой, что любит ее, ни больше ни меньше. И все же никогда она не чувствовала себя дальше от него. Помнит ли он хотя бы, как она выглядит? Бывали страшные моменты, когда Гертруда пыталась вспомнить его лицо – и не могла. Ее путешествие уже подходило к концу, уже почти можно было сказать, что она уцелела, но впереди ее ждало, возможно, одиночество еще более полное, чем то, что она уже вынесла. Дик физически был от нее так же далеко, как всегда, и не приблизился к тому, чтобы оставить жену. Плача от изнеможения и грусти, Гертруда спросила себя, что же она выиграла:

«Я стараюсь заранее себя дисциплинировать, напоминая себе,

как все время предвидела… этот конец, и когда он настал, нашла – попросту ничего. Пыль и пепел в горсти… мертвые кости, которые никогда не встанут плясать – все это ничто, и от них отворачиваешься со вздохом и стараешься направить взгляд на то новое, что перед тобой… А вот смогу ли я вынести Англию: вернуться к тому же и делать то же самое снова и снова – вот об этом я иногда себя спрашиваю».

Гертруда вернулась в Англию, где не было Дика Даути-Уайли, – но не затем, чтобы повторять то же самое снова и снова. Лето было жаркое и полное политических предзнаменований. А его письма продолжали идти, тон их становился более горячим и менее осторожным. «Что не дал бы я за то, чтобы ты сидела напротив меня в этом одиноком доме…»

В Раунтоне в день начала войны, четвертого августа, она бросилась в работу для войны. Сперва временно, в госпитале лорда Онслоу в Клэндон-Парке вблизи Суррея. Гертруда написала в Красный Крест, спрашивая, найдется ли для нее работа. В Клэндон-Парке она не пробыла и трех недель, как получила телеграмму с вопросом, может ли она немедленно уехать в Булонь и работать там в отделе раненых и пропавших без вести.

В октябре немецкая армия насквозь прошла Фландрию, и британский экспедиционный корпус, посланный к Ипру ее остановить, был практически истреблен. Потери оказались огромными. Когда к концу ноября приехала Гертруда, на платформах станции еще лежали раненые на носилках.

Она поселилась в городе в крошечной комнате на чердаке, сразу же пошла в офис и занялась работой по регистрации и индексированию, составлению списков раненых и пропавших без вести для военного министерства. Проработав восемь-девять часов в день, она уходила в ресторан поужинать, потом садилась, смертельно уставшая, писать Дику и родным. Сейчас она была уже не так несчастна, потому что снова включилась на полную, впряглась в лямку и стала работать с такой скоростью, что коллеги по офису поверить не могли, не то что угнаться. Письма от Дика стали теперь такими страстными, как ей только могло желаться, она брала их с собой на работу, чтобы перечитывать за перехваченным на скорую руку ленчем:

«Сегодня я не хотел бы говорить, – пишет он. – Хотел бы любить тебя. Понравилось бы тебе, обрадовалась бы ты, или тут же сотня колючих изгородей восстала бы и ощетинилась? – но мы бы прорвались сквозь них. Разве есть изгородь, которая нас должна разделить? Ты у меня в объятиях, вся в огне. Сегодня я не хочу снов и фантазий. Но этого никогда не будет… В первый раз не был бы я почти испуган – стать твоим любовником?»

Лишенный секса, он иногда ни о чем другом думать не мог.

«И не меньше трогает ум настойчивая страсть тела. Женщины иногда отдаются мужчинам, чтобы доставить им удовольствие. Мне бы очень не понравилось, если женщина так вела себя со мной. Я бы хотел, чтобы она испытывала до последнего вздоха тот же прилив и волну, что уносят меня. Она бы не упустила ничего, что я мог бы ей дать».

Гертруда отвечает от самого сердца:

«Милый мой, я весь этот год свой отдаю тебе, и все годы, которые будут после. Самый дорогой, когда ты говоришь, что любишь меня и все еще меня хочешь, сердце мое поет – а потом плачет от желания быть с тобой. Я все пустоты мира наполнила моим желанием тебя, оно выплескивается, взбирается на высокие горы, где живешь ты».

Но в декабре пришли нежеланные вести. Джудит прибыла в северную Францию и устроилась на работу в госпитале неподалеку. И тут же Гертруда получила от нее письмо с предложением вместе пообедать. В панике, не имея возможности посоветоваться с Диком, Гертруда решила, что если не ответить, – будет выглядеть странно. Она должна через это пройти.

Если у Джудит уже есть подозрения, что Дик и Гертруда находятся в тесном контакте, то при встрече они почти наверняка подтвердятся. Гертруда не притворщица, и если ее спрашивают, отвечает правду. И как можно узнать из последующего письма Гертруды Дику, Джудит, дрожа от злости, сказала ей, что Дик всегда будет держаться своего брака и в конце концов бросит Гертруду. Она написала:

«Это было невыносимо. Не заставляй меня это пережить… ты меня не оставишь? Это пытка, это вечная пытка».

С самого начала каждая встреча, каждое письмо возносили ее вверх – а потом бросали в пропасть. Почти предсказуемо Гертруда теперь металась от одного края спектра чувств – надежды – к отчаянию. А сейчас она ощутила невероятное счастье – Дик написал, что возвращается домой. Он будет в Марселе в феврале, заедет к Джудит по дороге через Францию, потом отправится дальше в Лондон. Гертруда может туда к нему приехать. Пусть тогда ждет его сообщения и будет готова выезжать. Но Дик останется там недолго. Он «с радостью» вызвался добровольцем на фронт и едет в Галлиполи.

Сообщение пришло. Чемоданчик был уже собран. Гертруда схватила его и побежала к машине, что должна была отвезти ее на паром. Прибыв в Лондон, она помчалась в дом 29 на Хаф-Мун-стрит, взбежала по лестнице и позвонила. Дверь открылась, и они наконец оказались лицом к лицу. Секунду они стояли, глядя друг

на друга, потом Дик одной рукой подхватил ее чемодан, а другой втянул ее в дверь. Они были вместе и наедине четыре ночи и три дня. Потом Дик уехал в штаб генерала сэра Иэна Гамильтона – собирались силы для безнадежного предприятия в Галлиполи.

Великая война быстро забуксовала, и целое поколение молодых людей было убито во Франции на Западном фронте без малейшего продвижения против немцев. Чтобы разорвать эту патовую ситуацию, британские боевые корабли в Средиземном море получили приказ пройти узкие Дарданеллы и напасть на Константинополь и немецких союзников – турок. Если бы удалось открыть второй фронт на юго-востоке, Германии пришлось бы отвести войска с Западного фронта. Но операция обернулась трагедией: британские корабли налетели на мины. Три корабля были потоплены, флот отступил. Поспешно составленный резервный план открытия нового фронта состоял в высадке британской армии на берег в Галлиполи. Этот план обернулся самоубийством для ее участников, которых турецкие пулеметы расстреливали прямо в воде.

Самые романтические моменты в жизни Гертруды были также самыми острыми и болезненными. Наверно, современной женщине трудно это понять, но она все еще не реализовала свою любовь полностью в физическом смысле. Можно было бы привести аргумент, что ее нерушимые принципы, те же, что вывели ее живой из пустыни и тысячи других опасностей, не позволили бы ей стать соучастницей супружеской измены. Но нет необходимости это подчеркивать. Письмо, которое обезумевшая Гертруда написала Дику через несколько дней после расставания, не оставляет сомнений в том, что она не боялась последствий в виде возможной беременности, но не могла перешагнуть врожденную щепетильность. Она всей душой хотела освятить их союз сексом, но в то же время не могла не дать себе в последний момент отпрянуть. Чего она на самом деле хотела, как пришлось ей объяснить, – это чтобы Дик преодолел свое нежелание и ее протесты и взял ее силой. Но он, при всей своей опытности, любовник был мягкий и безнадежно цивилизованный и заставить себя так поступить не мог.

Гертруда посылала ему вслед письма, напуганная собственной неспособностью, охваченная паникой, съедаемая сожалениями.

«Когда-нибудь я попытаюсь тебе это объяснить – страх, ужас перед этим. Ах, ты думал, я храбрая. Пойми меня: не страх последствий – я ни на секунду о них не задумывалась. Это страх перед чем-то, чего я не знаю… ты должен знать все об этом, потому что я тебе рассказывала. Каждый раз, когда он во мне

всплывал и я хотела, чтобы ты его отмел… но я не могла тебе сказать: изгони его. Не могла. Этого последнего слова я никогда не могу сказать. Ты должен его произнести. Страх – это ужасная вещь. Это тень – я знаю, что он на самом деле не существует…

Только ты можешь меня от него избавить – прогнать его прочь, я теперь знаю, но до последней секунды… я очень боялась. Но тогда я наконец поняла, что это тень. И теперь это знаю».

Дик писал в ответ: «Может быть, это какой тонкий дух предзнания, что не дал нам соединиться в Лондоне? Риск для тебя слишком велик – для твоего тела, для твоего душевного покоя и гордости…»

Гертруда ответила, что была готова «платить по этому счету», какой бы высокой ни оказалась цена – беременность, позор, социальный остракизм. Сейчас она думала, что ребенок, и без того не худшее из последствий, мог бы стать лучшим подарком:

«И положим, что случилось бы то, чего ты боялся, чего я боялась наполовину – наверное, ты помнишь. Если бы это сейчас со мной было – то, чего ты боялся, – я бы славила Господа и ничего не опасалась. Не только величайший мой дар для тебя – дар даже больший, чем любовь, – но и для меня, божественный залог свершения, созданный в экстазе, переданная в огне жизнь, чтобы лелеять ее и почитать и жить ради нее, с тем же жаром, с каким почитала и лелеяла ее создателя».

Ее письма рождались в часы страданий и сожалений, с обещаниями, что никогда больше она не будет сдерживаться. «Если бы я отдала больше, если бы я обняла тебя крепче, притянула к себе увереннее? Я оглядываюсь и злюсь на собственную нерешительность… У меня было несколько звездных часов, я готова была умереть ради них и была бы счастлива. Но ты – ты не получил того, что хотел».

Для Гертруды, как бы она ни была бесстрашна, секс стал последним барьером. Ее не следует судить слишком сурово – она и так казнилась из-за этой нерешительности каждый день своей оставшейся жизни. Она по-настоящему хорошо знала Дика с этих счастливых дней в Лондоне весной 1912 года. В следующие три года вопреки ускоряющемуся темпу их переписки она провела с ним только считаные дни. Время от времени они снова встречались в людном насыщенном событиями мире, протягивали друг другу руки – и их растаскивало в стороны. Гертруда и Дик в каком-то смысле были похожи на многие пары военных лет, поженившиеся в начале войны, расставшиеся, когда мужчину забрали на фронт, а потом встретившиеся через годы как муж и жена – и почти чужие люди. Им бы узнать друг друга, пока они были молоды, среди родных и друзей, и медленно двигаться к

близости, что неизбежно привело бы к постели, но такое постепенное развитие редко случалось в бурной неразберихе пятнадцатого года. Их бросило друг к другу на миг, они едва успели узнать друг друга снова за эти четыре ночи в Лондоне, а потом он уехал, оставив ее еще более влюбленной и еще более тоскующей.

Гертруда не верила, что ее страдания можно усугубить, но они усилились вдесятеро. То, что она написала ему, было ультиматумом:

«Не могу спать. Не могу спать. Час ночи. Ты, ты, ты, ты стоишь между мной и любым отдыхом… нет мне отдыха не в твоих объятиях. Жизнь, назвал ты меня, жизнь и огонь. Я пылаю, и я сгораю… Дик, так жить невозможно. Когда все закончится, ты должен взять то, что твое. Перед всем миром заявить на меня права и взять меня на веки веков. Ненавижу действовать украдкой – но если открыто прийти к тебе – что я могу сделать и остаться жить – то что я потеряю? Все это ничего для меня не стоит, я дышу, мыслю, двигаюсь в тебе. Ты можешь ли это сделать, осмелишься ли? Когда все это кончится, когда ты сделаешь свою работу, рискнешь ли ты этим для меня? Потому что или так, или никак. Жить без тебя я не могу.

Те, кто меня любят, поддержат меня, если я так поступлю, – я их знаю. Но не в другом случае. Не обман, ложь, изворотливость и наконец разоблачение, как оно и будет… Если ты думаешь о чести, это и будет честь, а наоборот – бесчестье. Если ты думаешь о верности, то это она и есть – верность любви… Потому что я высоко держу голову и не пойду другими путями, быть может, мы в конце концов сможем пожениться. Я не рассчитываю на это, но для меня это было бы лучше, намного лучше… Но не прогляди огонь бивака, который горит в этом письме, – ясное, чистое пламя, питаемое моей жизнью. Ты думаешь, я могла скрыть этот сияющий через полмира огнь? Или разделить тебя с другой? Если погибнешь – подожди меня. Я не боюсь этого перехода, я приду к тебе».

Дик ей ответил, когда они были вместе, что Джудит угрожала самоубийством с помощью «ампул морфина», которые в госпитале доступны. Он не решился объяснить жене насчет Галлиполи – что это может значить, но от Гертруды у него таких тайн не было. Дик верил, что она останется спокойной и неунывающей. А теперь – несомненно, к собственному ужасу – прочел, что она подумывает о том же выходе. В апреле 1915 года она писала:

«Я совершенно спокойна насчет огня и шрапнели, под которые ты идешь. Что уведет тебя, уведет и меня тебя искать.

Если только есть там, за краем, поиски и находки, я тебя найду. Если там ничто, как подсказывает мне здравый смысл, – ну, значит, там ничто… жизнь от этого отшатывается, но я не боюсь. Жизнь закончится, как же сможет гореть огонь? Но я смела – и ты это знаешь, – насколько вообще может быть смел человек.

Дик, пиши мне. Что я услышу?.. Я надеюсь, я верю, ты обо мне подумаешь: дашь мне возможность стоять прямо и говорить, что я никогда не ходила кривыми путями. А потом они простят меня и тебя – все, чье прощение для нас будет важно…. Но это ты должен был так сказать, должен говорить это прямо сейчас, ты, а не я. И я этого никогда не повторю».

Бедный Даути-Уайли, застрявший между обезумевшей женой и готовой идти за ним на тот свет возлюбленной! Из Галлиполи он отвечал Гертруде так:

«Милая, не делай того, о чем говорила: мне страшно даже думать об этом. Вот почему я рассказал тебе о жене: насколько ты выше этого – не делай ничего столь недостойного такой свободной и храброй души. Человек должен пройти свой путь до конца. Когда я просился на этот корабль, моя радость была наполовину придушена тем, что ты сказала, – я даже не могу повторить и говорить об этом… Не делай этого. Время ничего не значит, мы снова соединимся, но ускорять его бег недостойно никого из нас».

И снова Дик напоминает Гертруде о ее прежнем убеждении, что смерть завершает все: «Что до того, что говорила ты о каком-то будущем в далеких краях, – это мечты, женщина моей мечты. Мы должны идти своим путем, а такое небесное безумие – для богов и поэтов, а не для нас, разве что в прекрасных снах». В его письмах появилась некоторая отстраненность. В конце концов, время предложить себя для Гертруды миновало. Дик отлично знал, что предстоящая битва – практически самоубийство, и у него было о чем подумать.

В архивах Имперского музея войны хранится последнее письмо Дика Даути-Уайли. Написанное не жене и не возлюбленной, оно дает ключ к разгадке нерешительности в его отношениях с Гертрудой. Оно написано матери Джудит, миссис Х. Х. Коу – «Жан» – в Лландисале, Уэльс. Датировано письмо 20 апреля 1915 года, за шесть дней до гибели Дика в Галлиполи, и отправлено из штаб-квартиры Средиземноморского экспедиционного корпуса. Письмо осторожное и сдержанное. В нем Дик выражает заботу о своей жене и тревогу о состоянии ее ума.

«Дорогая моя Жан!

Лайли [Джудит] запрещает мне вам писать… я хотел сказать, в каком состоянии она была, когда я видел ее во Франции, в мой приезд и в мой отъезд. Она вся жила в своей работе и, я думаю, занималась ею слишком много, как всегда была склонна, но, в общем, чувствовала себя хорошо. Это славная работа и очень хорошо сделанная, среди многих трудностей всевозможного рода. Сестринский состав ее мне понравился, и я о нем высокого мнения, как и о двух ее английских врачах. Французский доктор мне понравился меньше, но он переменился.

Теперь я вас прошу кое-что для меня сделать. Я завтра уплываю на одной крайне опасной штуке – а именно, развалине корабля, название которого вы увидите в газетах. Если дело обернется плохо, Лайли будет невыносимо одиноко и безнадежно после долгих часов работы, что плачевно сказывается на состоянии духа и жизнеспособности человека. Она поговаривает о передозировке морфия и прочем в таком роде. Я думаю, что на самом деле Лайли слишком храбра и сильна разумом для таких вещей, но все же мне неспокойно. Если вы услышите, что я убит, тут же поезжайте во Францию с Х. Х. и разыщите ее. Сразу дайте ей телеграмму, что едете, и попросите послать Фрэнка Уайли с машиной встретить вас в Булони. Не теряйте времени, поезжайте к ней. Не забирайте ее с работы, потому что для нее лучше всего работать, но постарайтесь быть рядом и присматривать за ней. Скажите Лайли истинную правду: что ее работа без нее идти не будет. Я ей про развалину корабля не сообщил – не хочу, чтобы она знала раньше, чем это случится.

Это всего лишь предосторожность. С ней рядом близкая подруга, сестра Изобель Стенхаус, и мисс Сэндфорд – сестра моего помощника в Абиссинии, очень хорошая девушка, и Лайли сейчас в таком месте, которое ей лучше всего подходит, и я просто излишне за нее переживаю.

Это весьма интересное шоу с любой точки зрения – но как ни оценивай, довольно рискованное. Успех может быть ослепительный, но в любом случае идея очень смелая.

Надеюсь, вы с Х. Х. оба в добром здравии. В Англии я был, как вы, наверное, знаете, меньше трех дней и ни с кем не имел времени повидаться – или хотя бы привести себя в норму, что мне было необходимо.

Так что не стоит слишком переживать из-за этого дела – все это обыденность, насколько я понимаю, а ее госпиталь – самое подходящее для Лайли место на случай, если что-нибудь случится.

Целую вас обоих,

любящий вас Дик».

Конечно, он говорил неправду, когда писал теще, что не мог ни с кем в Лондоне увидеться. Еще важнее, что письмо это проливает новый свет на Дика и его отношения к двум женщинам его жизни. Оно наводит на мысль, что его письма, которые так трудно было понять Гертруде, которые, казалось, с одной стороны декларируют любовь, а с другой – желание избежать любых обязательств, несколько отравлены нестабильностью состояния его жены и его о ней заботой. Наверное, Дик знал, что Джудит не сможет без него справиться. Когда она не уходила с головой в трудоемкую работу в госпитале, то пребывала в полном душевном беспорядке. Поскольку он не решился сказать жене о «развалине корабля», то вполне правдоподобно, что Джудит действительно угрожала самоубийством, если он бросит ее ради Гертруды. В любом случае Дик понимал, что если его убьют, у нее, вероятно, будет срыв.

Кажется, он все же полюбил Гертруду так, как ей мечталось, с сексом или без него, но не мог заставить себя сделать решительный шаг и оставить жену. Одно несомненно: сейчас он оказался перед страшной дилеммой. Дик мог поддержать душевное здоровье своей жены и заставить Гертруду мучиться. Или же он мог объявить о своей любви к Гертруде и причинить боль психически нестойкой жене. Наверное, эта борьба его истощала. Однако сейчас ему не требовалось принимать окончательное решение: его собственная жизнь была в опасности.

Последние слова Дика, обращенные к Гертруде, когда он поднялся на борт «Ривер-Клайд», были: «Столько воспоминаний, милая моя королева, о тебе, о твоей прекрасной любви и твоих поцелуях, о твоей храбрости, о чудесных письмах, которые ты мне писала, от твоего сердца к моему, – письмах, которые я взял с собой, как капли крови». Эти ее письма, которые ехали с ним в Галлиполи, Дик отправил ей обратно накануне дня, когда ожидалась высадка на берег «V».

На корабле было две тысячи человек – все мюнстерцы, две роты хэмпширцев, рота дублинцев, несколько человек из королевской военно-морской дивизии, Даути-Уайли и еще один человек из штаба Гамильтона, подполковник Вейр де Ланси Уильямс. В эту ночь, перед тем как повести штурм против турок, к которым он был так привязан, Даути-Уайли выглядел очень спокойным. Его коллега Эллис Эшмид-Бартлетт сообщает, что он редко говорил, но «видимо, много думал». Подполковник Вейр Уильямс писал: «Я не сомневаюсь, что бедняга Даути-Уайли понимал: его на этой войне убьют».

«Ривер-Клайд» обогнул берег «V», лихтеры заняли позицию

для использования их в качестве плавучего моста. Даути-Уайли и Уильямс ждали прибытия капитана Гарта Уолфорда. Он прибыл в полночь с приказами генерал-майора Эйлмера Хантер-Уэстона, что атака на крепость и деревню Седд-эль-Бахр должна быть отложена. Уолфорд сошел на берег утром 26 апреля – сражаться бок о бок с хэмпширцами. По плану один отряд должен был захватить крепость и деревню, второй пройти на соединение с войсками на берегу «W», а третий прорваться через проволочное заграждение прямо вперед к высоте 141.

Отряд взял крепость, но Уолфорд был убит. С деревней так просто не получилось. Турки прятались в погребах, за стенами каждого дома и отстреливали захватчиков, стоило им появиться из крепости. Иногда они пропускали англичан, а потом стреляли в спину.

Даути-Уайли смотрел со своего корабля и страдал почти до полудня. Потом взял трость и направился в деревню. Пистолет, если он его привез, остался на «Ривер-Клайде». Возле задних ворот крепости пуля сбила с него фуражку. Потом, как писал один офицер мюнстерцев, Даути-Уайли заходил в дома, где могло быть полно турецких солдат, так небрежно, словно в магазин: «Я… помню, как меня поразило спокойствие, с которым он отнесся к этому инциденту. У него не было вообще никакого оружия, только тросточка». Безмятежно прогуливаясь, Дик подобрал винтовку, лежащую рядом с мертвым солдатом, но через несколько секунд, будто передумав, бросил ее. Деревню наконец взяли. Даути-Уайли теперь направился к высоте 141. Все с той же тросточкой, с тем же странным спокойствием он взошел на холм, ведя с собой ликующую толпу дублинцев, мюнстерцев и хэмпширцев. Они дошли до вершины, и турки перед ними отступили. И в момент победы Даути-Уайли получил пулевое ранение в голову навылет.

Его похоронили тут же – Уильямс и другие солдаты. Уильямс произнес над его могилой молитву Господню и попрощался с ним. Позже он поставил над могилой временный крест, сколоченный корабельным плотником, и капеллан мюнстерцев отслужил погребальную службу. Дик Даути-Уайли был самым старшим офицером, заслужившим крест Виктории – самую высокую военную награду – во время операции в Галлиполи. Его могила остается там и по сей день, в окружении кустов лаванды и двух кипарисов – единственное кладбище союзников в Галлиполи, где только одно захоронение. Как писал сэр Иэн Гамильтон: «Никогда не обнажал меч более храбрый солдат. У него не было ненависти к врагу… нежность и жалость заполняли его сердце… Он был безупречный герой… И как хотел бы он

умереть, так и умер».

После его смерти остались вопросы. Почему Дик не взял пистолет? Ему так не хотелось нападать на турецких друзей, что он готов был погибнуть, не защищаясь? Совершил ли он своего рода самоубийство, сперва посоветовав тем, кого любил, «идти по дороге до конца», потому что «спешить – недостойно»?

Может быть, Дик думал, что, если переживет Галлиполи, его жизнь станет невыносимой. Гертруда предъявила ему страстный ультиматум: «Перед всем миром – объяви меня своей… Так или никак. Жить без тебя я не могу». Джудит дошла до точки срыва. Вероятно, он, как Гертруда, когда направлялась в Хаиль, не видел разницы, жить ему или умереть, и ничего не сделал, чтобы себя защитить. В сущности, как сказал Гамильтон, «нежность и жалость наполняли его сердце»: Дику проще было пойти с ясными глазами на смерть, чем причинить боль любимым.

Услышав эту весть, Джудит написала в дневнике: «Удар был ужасен. Будто что-то разорвалось где-то в области сердца… Наверное, мне придется собирать осколки… одинокой вдове». Гертруде предстояло узнать о его смерти еще более драматичным образом. Она продолжала писать Дику, потому что никто ей не сказал о случившемся: в конце концов, она была ему не жена и не родня. Однажды за ленчем в Лондоне кто-то из друзей, не зная о ее с ним отношениях, заметил, как жаль, что убили Дика Даути-Уайли. И пошел разговор о его храбрости, а Гертруда сидела с посеревшим лицом, и комната вертелась перед ее глазами. Она тихо встала, извинилась и вышла. Едва ли соображая, что делает, она добралась до Хэмпшира, в дом своей сводной сестры Эльзы, ныне леди Ричмонд. Открыв дверь Гертруде, на которой лица не было, Эльза немедленно решила, что убили их брата, Мориса, и разразилась слезами.

«Нет, – сказала Гертруда почти нетерпеливо. – Это не Морис».

Она легла на диван, и Эльза несколько минут гладила ее по голове. А потом Гертруда отвернулась.

В конце 1915 года солдаты заметили, как кто-то навестил могилу Дика Даути-Уайли. Было видно, что это женщина под вуалью, но кто она, так никто и не узнал. Как пишет Л. А. Карлайон:

«17 ноября 1915 года на берег “V”, ставший главной базой французов, вышла женщина. Считается, что это единственная женщина, высадившаяся на берег во время всей Галлиполийской кампании. Она сошла с «Ривер-Клайда», используемого теперь как пирс, прошла через крепость… миновала линию полуразбитых стен и вывернутых погребов, которая называлась когда-то деревней Седд-эль-Бахр, мимо смоковниц и гранатовых деревьев,

уцелевших в бомбардировке, и поднялась на высоту 141. На вершине она остановилась у одинокой могилы, огороженной колючей проволокой, положила венок на деревянный крест и ушла… Мы не знаем, во что она была одета… мы даже не знаем наверняка, кто она. Скорее всего, это была Лилиан Даути-Уайли, работавшая в это время во французской госпитальной службе. Может быть, это была Гертруда Белл, английская писательница и исследовательница. Мы только знаем, что в могиле, на которую она приходила… [лежит] подполковник Чарльз «Дик» Даути-Уайли, кавалер Креста Виктории».

Майкл Хики, написавший историю этой красивой и бесполезной кампании, также упоминает данное событие.

«С могилой этого героя связано одно загадочное явление: в конце 1915 года с лодки, посланной к берегу с транспорта, сошла женщина и положила на могилу венок. Ни с кем не говоря, но, несомненно, видимая многим французским и британским солдатам, она вернулась в свою лодку и уплыла. Скорее всего, это была миссис Даути-Уайли, работавшая тогда во французском Красном Кресте на острове Тенедос. Она пользовалась авторитетом у военных властей и потому могла организовать себе проезд в Галлиполи. Но есть настойчивая версия, что это была его старый друг Гертруда Белл, тоже находившаяся в то время в этих краях. В 1919 году она точно посещала его могилу.

Другие книги отмечают, что во время посещения загадочной женщины с противоположной стороны не прозвучал ни один выстрел.

Где была Джудит 17 ноября 1915 года? Согласно ее дневникам, с декабря четырнадцатого и до мая пятнадцатого она служила директором англо-эфиопского госпиталя Красного Креста, расположенного у Фревента, около семидесяти миль от Кале, а потом работала в Сен-Валери-на-Сомме до сентября. По ее дневникам видно, что у нее были трудности с вольнонаемными и серьезный дефицит медицинских служб французской армии. В апреле шестнадцатого Джудит взяла на себя работу главной экономки в госпитале Мудрос-Уэст на острове Лемнос.

Даути-Уайли был убит 26 апреля 1915 года. Вероятно, мать Джудит поступила, как он просил, и прибыла во Фревент через несколько дней, чтобы присмотреть за дочерью. Дик просил миссис Коу не забирать Джудит с работы, но мать, несомненно, хотела увезти ее домой в Уэльс. Это могло бы объяснить, почему Джудит уехала из Фревента в мае и потом снова пошла работать в Сен-Валери-на-Сомме (с неизвестной даты). Чтобы поверить, что это Джудит сошла на берег в ноябре, придется предположить, что она посетила эти края за шесть месяцев до того, как должна была

там оказаться. Весьма маловероятно, чтобы армия или французская госпитальная служба доставили вдову в зону боев: всего было выдано тридцать девять крестов Виктории, и вдовы этих кавалеров получили бы ту же привилегию. Также очень сомнительно, чтобы какая-то из этих организаций сумела договориться с турецкой стороной о прекращении огня на время ее визита.

И лишь справившись с изданной в 1975 году книгой «Галлиполи» капитана Эрика Уилера Буша, кавалера ордена «За отличную службу», креста «За летные боевые заслуги» Королевского ВМФ, мы сможем установить некоторые факты.

История, рассказываемая несколькими авторами, будто Лайли Даути-Уайли, «единственная женщина, ступившая на берег во время его оккупации», высадилась в Седд-эль-Бахре 17 ноября 1915 года и положила венок на могилу Дика и что «турки не выпустили ни пули, ни снаряда во время церемонии», могла случиться с ней только в мечтах. Лодки в этот период не работали из-за бурь. Хотя данный визит не отмечен ни в одном официальном докладе, Джудит наверняка верила, что сделала это, и есть два доклада очевидцев [лейтенант Корбетт Уильямсон, королевская морская пехота, и Ф. Л. Хилтон, королевская морская дивизия] о женщине, которую видели на мысе Кейп-Хеллен примерно в это время. Лайли написала британскому послу в Афины, благодаря его за «успех, которым я в определенной мере обязана Вам», но письмо так и не отправила…

Тут между строк содержится предположение, что предчувствия Даути-Уайли насчет психической устойчивости его жены имели под собой основания и что она какой-то срыв перенесла. И Джудит либо верила, либо хотела верить, что это она, а не Гертруда посетила берег «V». И, вероятно, поэтому собиралась внушить послу, что это она на самом деле туда ездила, но в конце концов то ли честность, то ли смятение мыслей не дали ей отправить письмо.

Эрик Буш добавляет, что бедняжка Лайли съездила на могилу мужа в 1919 году. Даже в мирное время ей понадобилась помощь командования британской армии на Черном море, в Константинополе и на передовой базе, Килийском лимане, чтобы осуществить эту экскурсию. Ее отвезли на берег в лоцманской шлюпке с того самого «Ривер-Клайда».

Дата легендарного возложения венка – 17 ноября – определена неточно. Буш, моряк, говорит, что в этот день подход лодки к берегу был невозможен из-за погоды. Хики, как мы видим, датирует событие приблизительно: «ближе к концу 1915 года». В ноябре Гертруда была приглашена в офис директора

морской разведки капитана Р. Холла. Он сказал ей, что каирское отделение дало каблограмму, они хотели бы ее видеть. Ее старый друг доктор Дэвид Хогарт предполагает, что ее недавно приобретенные знания о племенах северной Аравии будут для бюро неоценимы. Гертруда согласилась без колебаний и 16 ноября написала Флоренс:

«Я полагаю более чем вероятным, что в Египте не найду такой работы, что займет меня больше чем на две недели, и к Рождеству вернусь. Все это весьма неопределенно.

Что до дальнейшего путешествия, об этом не сказано ничего конкретного, и, думаю, оно вряд ли состоится».

17 ноября Гертруда была на Слоун-стрит, 95, собирая свое снаряжение. В субботу двадцатого она садилась в Марселе на корабль «Аравия» компании «П и О», написав отцу, что отход завтра в четыре часа дня и что прибытие в Порт-Саид ожидается в четверг, двадцать пятого. Но первое ее письмо из Каира датировано вторником тридцатого ноября и, похоже, написано в день прибытия. Гертруда пишет об «ужасной поездке – почти постоянный шторм» и добавляет: «мы прибыли в Порт-Саид после темноты в четверг вечером… на следующий день я приехала сюда». Как ни странно, еще она говорит: «Я телеграфировала тебе сегодня утром после прибытия и просила послать мне с леди Б. еще одно платье и юбку», – словно она прибыла два раза: в пятницу двадцать шестого и второй раз – в следующий вторник тринадцатого. В письме не описывается, что случилось после ужина двадцать шестого, когда ее пригласили двое ее новых коллег, Хогарт и Т. Э. Лоуренс. Дни и ночи 27-го, 28-го и 29-го выпали.

Каирское бюро было базой разведки, специально работавшей на Средиземноморский экспедиционный корпус, посланный в Галлиполи. Кроме Хогарта и Лоуренса, который сам был в трауре по горячо любимому брату Уиллу, присутствовали еще двое ее знакомых: Леонард Вулли – шеф разведки в Порт-Саиде, и капитан Холл, брат того, кто послал ее в Каир, – он отвечал за железную дорогу. Гертруду окружали друзья. Не могла ли она под их молчаливым прикрытием сесть на экспресс в Порт-Саид рано утром следующего дня, оттуда на транспорт, везущий груз в Дарданеллы, и пересесть на лихтер к берегу «V»? Если турецкие пушки молчали – не было ли это знаком любопытства и уважения и к загадочной женщине без спутников, и к Даути-Уайли, к чьей могиле она столь явно направлялась? Может, это была Гертруда, все-таки проделавшая «дальнейшее путешествие», о котором сказала Флоренс перед отъездом?

Глава 8
Предел прочности

Дик Даути-Уайли вызвал значительный поворот в жизни Гертруды. Это было в конце лета 1913 года, в течение нескольких недель после его визита в Раунтон, когда он сжег ее письма и отправился в Албанию с Джудит принимать новый пост в Международной комиссии по границам.

Их роман, хотя и несвершившийся, подарил Гертруде дни такого экстатического счастья, какого она никогда не знала. Это была эйфория сексуального влечения, испытываемого обоими, и новизна – быть с мужчиной, который не относится к ней настороженно, не шарахается от ее исследований, не пытается озабоченно скрыть невежество в предметах, которые она обсуждает с таким знанием дела. Гертруда давно переросла самодовольный английский свет, в котором плавала теперь, как золотая рыбка среди головастиков. В свои сорок четыре ей досадно было видеть, что, несмотря на все достижения, за которые она получила международное признание, лондонское и йоркширское общество по-прежнему считает ее старой девой с отпугивающим интеллектом. Прошло тринадцать лет с тех пор, как она написала в порыве восторга: «Я стала Личностью!», но вне широкого круга родных и друзей она была всего лишь чудаковатой старой девой, пусть даже красиво одетой и окутанной облаком славы. Не потому ли, наверняка спрашивала себя Гертруда, что она блестяще и молниеносно получила образование, стала первопроходцем дорог, какие раньше считались исключительно мужскими, овладела археологией, картографией, альпинизмом и шестью иностранными языками? С другой стороны, Дик хорошо понимал значение ее экспедиций и, зная Ближний Восток не хуже ее, мог стоять с ней на одном уровне – история против истории, приключение против приключения.

Теперь, когда он уехал в Албанию, Гертруда осталась совершенно одна. Не приходилось сомневаться, что семья не потерпела бы романа с женатым мужчиной. Друзья из общества об этом ничего не знали. В любой момент имя Дика Даути-Уайли могло всплыть в разговоре и вызвать боль, как от поворота ножа в ране. Хуже того, всегда был шанс, что на каком-нибудь благотворительном мероприятии в Лондоне или на концерте можно встретиться лицом к лицу с его женой. Прямодушная до эксцентричности, Гертруда и думать не хотела о том, чтобы

уклоняться или изворачиваться. Она писала Чиролу: «Если бы вы знали тот путь, которым я расхаживала туда-сюда последние месяцы по мостовым ада, то подумали бы, что у меня есть право поискать любой выход оттуда. Я хочу обрезать все связи с миром… Это самое лучшее и самое умное… Я хочу дороги и рассвета, солнца, ветра и дождя, костра под звездами, ночного сна и снова дороги».

Последние полтора года глубоко ее потрясли. Теперь в будущем оставалось ждать только писем. Мысленно и духовно Гертруда погрузилась в глубочайшее отчаяние, такое, что менее стойкую личность могло бы сломать. Сейчас, стоило ей услышать меланхолическую музыку, или прочесть трогательное стихотворение Хафиза, или вспомнить, как она искала Дика взглядом в переполненной гостиной и считала секунды, когда он окажется рядом с ней, тут же глаза застилали слезы. Бичуя себя, как она умела, за поведение в стиле «маленькой глупышки», которое сама так презирала, Гертруда признавалась себе, что не может выбросить его из головы. Последним бастионом самоуважения для нее было не дать отцу и Флоренс узнать, что она впала в зависимость от чужого мужа. Хью, чрезвычайно необычный викторианец, обожал дочь за независимость, интеллект, храбрость и хороший североанглийский здравый смысл. Вот эти качества он больше всего ценил в женщине, и второй женой выбрал женщину, отличавшуюся высоким интеллектом и вдумчивостью. Всю жизнь Гертруда стремилась получать его одобрение и завоевывать поддержку в своих приключениях. И не дай Бог, чтобы он увидел, как неудачный роман поставил ее на колени.

И потому она изо всех сил старалась казаться обычной на семейном ужине, когда Беллы вместо сплетен обсуждали вопросы политики, сельского хозяйства и промышленности, спектакли и книги. Потом Гертруда пожелала всем спокойной ночи и вернулась в свою комнату, где принялась курить сигарету за сигаретой, сидя на кровати обхватив голову руками, или расхаживала по комнате до раннего утра. Если бы было иначе – если бы одиночество сломило ее сопротивление и пошатнуло гордость настолько, что она согласилась бы стать любовницей Дика, – Гертруда смогла бы это вынести, но в конце сказала бы себе: «Не при жизни отца». Она решила оставить это страдание за спиной – единственным доступным ей способом. Она ждала, надеясь, возможно, что что-то изменится, пока Дик не уехал в Албанию, а потом стала действовать. Гертруда снова собралась сбежать в «дикое путешествие», уйти от доброго полупонимания друзей и родных, от которого только хуже. Точкой старта для нее

будет Дамаск. И снова она заговорила с собой строчками Хафиза, который так хорошо выражал ее душевную муку по поводу того давнего и не такого глубокого романа с Генри Кадоганом:

> Ah! When he found it easy to depart,
> e left the harder pilgrimage to me!
> Oh Camel-driver, though the cordage start,
> For God's sake help me lift my fallen load,
> And Pity be my comrade of the road![24]

На самом деле Гертруде было все равно, куда ехать. Требовалось именно уехать, но состояние мыслей диктовало ей, что путешествие должно стать эпичным, монументальным, и уезжать надо надолго. В этот момент ее не очень волновало, вернется она вообще или нет.

Как изменилось ее настроение в августе тринадцатого по отношению к весне, видно из того, как изменились ее закупки. Гертруда в этот раз брала с собой много багажа и готова была ко всему. Прежде всего она взяла два шатра английской работы, один для купания и сна, другой для еды и письма, оба со свободными пологами, которые можно было подвязать, закрыть наглухо или использовать как навес для тени. Она заказала еще юбок, которые придумала вместе со своим портным для верховой езды на Ближнем Востоке: не наряд для дамского седла и не бриджи, а разделенная юбка до лодыжек, и лишний материал собирается сзади на сторону, где в профиль похож на беспорядочную кучу. Если спешиться, вставка опускается вокруг как передник и скрывает разделенность юбки. Она купила кружев и батистовых вечерних платьев со сборками для обедов с консулами и шейхами, для сидения за столом в посольстве или по-турецки на ковре в шатре. Она взяла с собой мундштуки, серебряные портсигары, вечерние сумочки, набор белых или полосатых хлопковых блузок с подкладными плечами и высокими круглыми воротничками, со сборками или кружевами, с перламутровыми пуговицами и тугими манжетами. На шею она решила надевать мужской галстук или овальную брошь.

Список был длинным: дюжина полотняных юбок до лодыжки, приталенных, чтобы подчеркнуть тонкость стана, и целый чемодан туфель и сапог для хождения в скалах и развалинах: кожаные до колен, парусиновые со шнурками до лодыжек, туфли на низких каблуках с ремешками и пуговицами на вечер, бежевые фильдеперсовые чулки, шелковое белье и зонтики, револьверы Перде и ящик винтовок, теодолиты, футляры с цейсовскими подзорными трубами в качестве подарков шейхам, которые

помогут на пути. Гертруда купила дюжину широкополых полотняных и соломенных шляп: если шляпу унесет ветром, вряд ли станешь спускаться с верблюда и гнаться за ней. По мере увеличения температуры можно будет заменить шляпу купленной на месте куфией, обвязанной ярким шелковым шнурком вокруг головы и свисающей на плечи, чтобы прикрыть их от солнца.

На этот раз в пустыне ее ждала зима, и в саквояж от Уолси было уложено меховое манто и жакет. Список продолжался: твидовые дорожные костюмы, шерстяные кардиганы, набор пятифутовых муслиновых мешков с эластичными шнурками у горловины, как у мешка для ботинок. В такой можно залезть под одеяла в кровать, чтобы защититься от блох и прочих насекомых; далее – множество маленьких тетрадей в кожаных переплетах для археологических заметок и дневников, два фотоаппарата и запас пленок, стопки писчей бумаги, циркули, картографическая бумага, карандаши, ручки и чернила, бруски лавандового мыла и флаконы туалетной воды, серебряные расчески и подсвечники, полотняные простыни и вышитые скатерти, приборы для наблюдения и вычерчивания карт, предоставленные Королевским географическим обществом, сделанные на заказ парусиновая кровать и стул, который будет украшать спальный шатер, и парусиновая ванна – «моя роскошь», которая к концу путешествия станет еще и поильной колодой для верблюдов, и наконец аптечка, косметика и самое важное – патроны, которые Гертруда заворачивала в белые шелковые вечерние чулки и прятала в острых носках туфель и сапог.

Наконец-то путешествие, организацией которого она сейчас занималась, начало ее волновать – не в последнюю очередь потому, что ее серьезно отговаривали, но еще и благодаря физическим трудностям и географическим задачам, которые перед ней оказались. Пунктом назначения намечался Хаиль – почти мифический город в центре Аравии, описанной Чарльзом М. Даути, бесстрашным геологом и дядей Дика, в книге 1888 года «Аравийская пустыня». Эту книгу Гертруда брала с собой во все свои экспедиции. Он мрачно писал о двух своих несчастливых посещениях этого города и опасных странствиях на границе между Аравийской и Сирийской пустынями. В Хаиле он был задержан и чуть не лишился жизни.

Выбрав Хаиль, Гертруда пойдет по одной из самых изменчивых и малоизвестных частей света. Объявленной целью поездки был сбор информации для министерства иностранных дел. Вероятность войны с Германией все увеличивалась, и внимание британского правительства обратилось на политическую ситуацию в центральной Аравии, где Германия

укрепляла связи с Османской империей, обучая ее армию, поставляя оружие и строя железные дороги.

Уже столетие узловым пунктом истории центральной Аравии была борьба двух главных сил полуострова: саудитов и рашидидов. Британия в основном поддерживала оружием и деньгами харизматического, но жестокого вождя Абдул-Азиза Абдуррахмана аль-Сауда, хакима Неджда – обычно называемого Ибн Сауд[25]. Этот предводитель фанатичных пуритан ваххабитской секты ислама действовал из столицы саудовцев Риада, и его авторитет рос по мере отвоевания территорий, которые утратили его предки. Османское правительство поддерживало враждебную ему династию Ибн-Рашида из шаммарской федерации – вероятно, самого жестокого и кровожадного из всех племен Аравии. Сейчас саудиты готовы были ударить по рашидидам, и именно в твердыню рашидидов Хаиль решила первым делом направиться Гертруда. Она держала в уме и второй план: двигаться дальше на юг, в Риад, собирать дальнейшую информацию, которая может представлять интерес для министерства иностранных дел. Капитан Вильям Шекспир, вышедший в Риад почти одновременно с Гертрудой, через пятнадцать месяцев попал в битву между саудитами и рашидидами и погиб.

Охват планируемого Гертрудой путешествия был экстраординарен. Она предполагала пройти тысячу шестьсот миль на верблюдах, выбрав круговой маршрут на юг из Дамаска, потом на восток через северную треть Аравийского полуострова – массив суши, окруженный Красным морем, Персидским заливом и Аравийским морем. Географически и политически такое путешествие вполне могло напугать даже самых опытных землепроходцев. В сравнимой по трудности экспедиции Чарльз Губер, наиболее отличившийся среди исследователей Аравии, потерял присутствие духа и повернул назад – только чтобы погибнуть от рук собственных проводников. Австриец барон Нольде был доведен до отчаяния и покончил жизнь самоубийством. Дойти до Хаиля стало самой честолюбивой целью для исследователей пустынь. Проникнуть в эту бесплодную землю было бы достаточно опасно, даже если бы можно было положиться на дружелюбие бедуинов. Гертруда же собиралась идти туда, где разгорался саудо-рашидовский конфликт, и в то время, когда события мчались к кульминации.

Первая часть путешествия приводила ее на юг центральной Аравии и дальше через обширный внутренний горный массив Неджд, протянувшийся от Сирии на севере до Йемена на юге. Ей предстояло перейти зыбучие пески Нефуда, стать первым

западным человеком, кто прошел этот угол пустыни. Из Нефуда ей предстояло уходить через горы Мисма – странный, неземной пейзаж, напоминающий видения Гюстава Доре, иллюстратора «Ада» Данте, жившего в XIX веке. Ландшафт, утыканный каменными башнями высотой с десятиэтажный дом, обладал еще одним необычным свойством: из-за кремня в составе скал он был черен как ночь. Предстояло спускаться на безликое сухое плато гранитной и базальтовой крошки, в сердце которого парил подобно миражу белоснежный средневековый город Хаиль.

Гертруда думала об этой экспедиции и долгое время ее откладывала. Теперь же стала таким опытным путешественником по пустыне, что ей мало что было недоступно. На этот раз по личным причинам ей понадобилось не просто бегство от цивилизации, но и трудности, которые испытают ее до предела, авантюра, которая произведет впечатление на Дика Даути-Уайли, заставит его волноваться за нее, привлечет его внимание. Гертруда хотела добиться его восхищения, даже если не вернется. Родителям она сказала, что пункт назначения пока не определила и получит совет в Дамаске, но Дэвид Хогарт сообщил ей в письме, что вряд ли ее проект будет одобрен османскими властями и главным представителем Великобритании в Турции сэром Луисом Маллетом. Этот новый посол в Константинополе (и друг семьи Беллов) настойчиво отговаривал ее от этого путешествия, еще когда работал в министерстве иностранных дел в Лондоне. За четыре года до того один друг, Ричмонд Ритчи, организовал для Гертруды встречу с резидентом индийского правительства в зоне Персидского залива, когда этот резидент был в Англии, для обсуждения маршрута в Хаиль. Резидентом был подполковник Перси Кокс – имя, которое впоследствии стало для нее значимым. Он тоже отговаривал ее от путешествия, в особенности возражал против южного маршрута.

В сумку с книгами, кроме карт, карманного собрания Шекспира и зачитанного экземпляра «Аравийской пустыни», Гертруда уложила «Паломничество в Неджд» Анны Блант, которая посещала Хаиль с мужем Уилфридом и там не поладила с рашидидами. Гертруда встречалась с ней однажды на ее конюшнях в Каире. Хозяйка была в бедуинской одежде и в окружении волков. Гертруда еще много раз перечитает ее книгу, отметив пророческие слова Анны Блант: «Это был урок и предупреждение… что мы, европейцы, все так же находимся среди азиатов, предупреждение, что это [Хаиль] – логово львов».

В теперешнем душевном состоянии Гертруде было все равно. Она почти приветствовала опасность и страхи. Путешествие должно было оказаться поразительным. Она еще не знала, но эта

ее экспедиция в пустыню станет последней. В ней Гертруда познакомится со страхом и с удивлением узнает это новое ощущение. Поездка позволит ей сообщить в министерство иностранных дел новые подробности в критический момент, предоставить новые данные имперским администраторам, политическим деятелям и военным географам. Она также окажется самой долгой и трудной из всех ее путешествий, столкнет ее лицом к лицу с ворами и убийцами. И заставит задуматься, стоила ли игра свеч.

Пока же Гертруда написала Дику лишь о намерении достичь Хаиля, и он взволновался, как ей и хотелось. Сам опытный путешественник, к тому же полностью понимающий причины ее предприятия, он тревожился из-за этого извращенного выбора цели и продолжительности времени, когда она будет вне сферы британского влияния. Его тревога ясно проглядывает в письмах, которые Гертруда получила в первом же «порту захода», Дамаске. И все же эта тревога кажется недооцененной, что понятно для человека его класса и профессии: «Да будет с тобой Господь и вся удача, что есть в мире… я несколько нервничаю из-за тебя, чтобы как-нибудь не случилось чего не надо… к югу от Маана и оттуда до Хаиля – это несомненно колоссальный переход. Насчет твоих дворцов, твоей дороги, твоего Багдада и твоей Персии я не так переживаю, но в Хаиль из Маана – Иншалла!»

27 ноября 1913 года Гертруда на пароходе, потом на поезде прибыла в сирийскую столицу Дамаск. Она приехала прямо из Бейрута. Поскольку ее сопровождала большая пирамида багажа, она не стала заглядывать к Т. Э. Лоуренсу, шпионившему за немцами из Каркемиша. «Мисс Белл проехала мимо, – писал он брату в некотором разочаровании. – До весны у нас не появится».

Прибытие Гертруды в ее любимый «Палас-отель» в Дамаске вызвало обычный переполох. Она была самым знаменитым британским путешественником своего времени, и среди мужчин, и среди женщин равным образом. Ее новая шестая книга, «Дворец и мечеть в Ухайдире», должна была вскоре выйти и привлечь пристальное внимание археологов и историков Ближнего Востока. Никто еще и не слышал о Т. Э. Лоуренсе, чья репутация не затмила репутацию Гертруды до 1920 года, и тогда только из-за несколько сенсационной биографии. Управляющий отеля принял ее с глубокими поклонами, шампанским и корзиной абрикосов в номере. Пока рассыльные вносили чемодан за чемоданом, Гертруда распахнула окно и выглянула на переполненные улицы, сады в поздних цветах и всенощные базары. Ее печаль на время смирил вид знакомого города, приятно окрашенного золотым и красным под мягким

ноябрьским солнцем.

Ее ждали визиты, организационные хлопоты. Она заказала себе черный кофе и стала распаковывать коробки на кровати и коврах. Вскоре в комнате воцарился знакомый беспорядок и запах сигаретного дыма. Устроившись, Гертруда связалась с Мухаммадом аль-Бессамом, хитрым и очень богатым дельцом, скупающим сейчас земли вокруг будущей багдадской железной дороги. Гертруда его знала, и знала, что он может найти для нее лучших верховых верблюдов и лучшего проводника. Он ее представил Мухаммаду аль-Марави, который пользовался отличной репутацией. Аль-Марави путешествовал с Дугласом Каррузерсом – человеком, которому было поручено начертить ее карты для Королевского географического общества, когда она вернулась в Лондон. Из Англии Гертруда написала Фаттуху, своему прежнему товарищу по путешествиям, чтобы он ее встретил в Дамаске, и была рада встретиться с ним на второй день своего пребывания, когда он приехал из Алеппо. Как и прежде, Фаттух должен был отвечать за ее личный комфорт в дороге, разбивать шатры, приносить воду для ванны, устраивать сложную кровать с муслиновым мешком, распаковывать скатерти, серебро и фарфор, накрывать освещенный свечами стол и удаляться на почтительное расстояние в ожидании приказаний.

Оставив его распаковывать вещи, Гертруда тут же начала восстанавливать контакты и выяснять все, что было можно, о состоянии дел в племенах вокруг Хаиля. Почти сразу же она начала писать домой, успокаивая родителей, и почти сразу же в ее письма стало закрадываться небольшое расхождение с истиной. Она живо писала Флоренс 27 ноября: «Мухаммад говорит, что в этом году в Неджд проехать легче легкого. Похоже, я попала в невероятно удачный момент и… в пустыне почти противоестественно спокойно… Если окажется, что это так и есть, я точно поеду. В любом случае дам вам знать из Мадебы».

Если Мухаммад аль-Марави действительно сказал это Гертруде, то наверняка знал, что дело обстоит иначе. Вероятно, он, как Бессам, чьего совета она тоже спрашивала, слишком жаждал ее денег. Возможно, оба верили, что она наверняка повернет обратно намного раньше, чем доберется до Неджда. Конечно, крайне трудно было бы ее удержать, но потом Гертруда обратилась к Хью тоном балованной дочки, которой всегда была. Она написала так, будто его отказ заставит ее вернуться домой ближайшим пароходом, но при этом зная, что всегда сможет обвести его вокруг пальца. «Я надеюсь, что ты не скажешь “нет”. И вряд ли ты стал бы, потому что ты такой любимый отец, что никогда не говоришь “нет” на самые возмутительные

требования… Дорогой и любимый отец, не думай, что я совсем сумасшедшая или неразумная, и помни всегда, что я тебя люблю больше, чем можно сказать словами».

Гертруда знала, как надо организовывать караван, но ее теперешнее предприятие оказалось куда сложнее, чем все предыдущие. Ей нужно было 17 верблюдов, в среднем по 13 фунтов каждый, с седлами и сбруей. «Надо ориентировочно 50 фунтов на провизию, – писала она в своем дневнике, – …50 фунтов на подарки – плащи, куфии, хлопчатобумажная ткань и пр.». Следуя совету Бессама, Гертруда взяла с собой 80 фунтов и дала 200 фунтов агенту рашидидов за аккредитив, который позволит ей получить эту сумму в Хаиле. И, подсчитав издержки, она неожиданно обнаружила, что набралось 600 фунтов. Ей понадобилось вдвое больше против того, что она привезла, и нужно было просить отца телеграфом перевести деньги через Османский банк. 28 ноября Гертруда телеграфировала ему просьбу прислать 400 фунтов – не совсем уж запредельная сумма, аналог сегодняшних 23 тысяч, – и, поспешив в отель, написала длинное письмо с объяснением. «Я прошу не подарка. Фактически я на это путешествие трачу весь свой доход будущего года, но если я потом сяду и напишу о нем книгу… не вижу, почему бы ей не окупить расходов полностью… В пустыне все абсолютно спокойно, и путь до Хаиля – это столица Ибн аль-Рашида – не должен представлять трудностей». Тот факт, что пришлось объяснять значение Хаиля, показывает, как мало она рассказала отцу. Хью, как всегда, в библиотеке в Раунтоне задумывался над картой, держа в руке письмо от дочери, и знал только то, что хотела довести до него Гертруда.

Как обычно, она открыла душу своему другу Домнулу, одному из немногих, которому могла написать о своих отношениях с Даути-Уайли: «Я не знаю, будет ли это решительным выходом из ситуации, но попробовать стоит. Как я вам уже говорила, случившееся – в основном моя вина, но от этого оно не перестает быть неисправимым невезением для нас обоих. Однако сейчас я ухожу в другую сторону, а время притупляет даже самую острую боль».

Заявляя, что за несчастье своей жизни ответственна она, Гертруда могла быть неискренней. Вероятнее всего, зная привязанность и уважение к ней Домнула, она чуть-чуть подкручивала факты. Ей неловко было бы объяснять, что ее любимый предпочитает жить с собственной женой. Она могла предпочесть подчеркнуть то, что все же было чистой правдой: адюльтер оказался для нее невозможен.

Между тем Гертруда обсуждала маршрут с Мухаммадом. Как

начальник ее штаба и лидер команды, он поведет экспедицию через пустыню Хамад в район Нефуда, на который нет карт. На фотографии, сделанной Гертрудой, он с усами и синдбадовской курчавой бородой сидит по-турецки на земле, держа сложенную подзорную трубу, и острым взглядом смотрит в камеру из-под куфии. Это «человек, которого я бы выбрала среди всех прочих», решила Гертруда. В этот вечер Мухаммад сопровождал ее на обед в Майдан – местный базарный квартал – для встречи с агентом рашидидов, который должен был получить от Гертруды 200 фунтов. В ее описании почти предполагается дурное предзнаменование. Будто бы мелькнуло предчувствие опасности, ждущей ее в Хаиле.

«Любопытная фигура. Молодой, очень высокий и худощавый, завернутый в золотой вышитый плащ, голова покрыта огромной отороченной золотом мантией верблюжьей шерсти, затенявшей хитроватое узкое лицо. Он откинулся на подушки и едва ли поднимал глаза, говоря тихо и медленно… рассказывал чудесные сказки о скрытом сокровище, древнем богатстве и загадочных письменах… Сидящие по обе стороны от меня мужчины только повторяли время от времени полушепотом: “О благословенный! О вездесущий!”… Наконец мы все вместе поели, а потом – а потом мы вернулись на электрическом трамвае!»

В ожидании денег из дома Гертруда купила верблюдов и наняла погонщиков вместе с Мухаммадом, добавив к своему персоналу улыбающегося черного африканца Феллаха и первого в поездке рафика – сопровождающего из племени гийяд. Нанимая рафика, путешественник получал союзника, чье оплаченное общество обеспечивает защиту от нападения этого конкретного племени. Ей придется еще набирать их десятки, по одному, встречая на пути различные племена.

Гертруда обходила базары в поисках подарков, облегчающих путь через пустыню, и волновалась по поводу Фаттуха, с которым, как она начинала понимать, что-то не в порядке. Идея выходить без него ей совершенно не нравилась, но было подозрение, что у него малярия. Подождав несколько дней, за которые ему стало только хуже, она уже опасалась тифа. Оставив Фаттуха на попечение жены, Гертруда решила выходить без него. Он сможет догнать ее по пути. Именно желание встретиться с Фаттухом заставило ее изменить запланированный маршрут. Сейчас она собиралась обойти друзские горы по северо-востоку Мертвого моря и двинуться к станции у Азиза, где, как надеялась, он ее встретит. У него будет три недели на поправку здоровья.

Перед выступлением Гертруда получила письмо от Дика. «Интересно, где ты сейчас в великой пустыне можешь быть? –

спрашивал он, не зная, что ей пришлось задержаться. – Мне будет недоставать тебя куда больше обычного, когда я вернусь в Лондон… я навещу леди Белл». Как всегда, Дик бросал ее то в жар, то в холод, высказываясь в своей велеречивой и уклончивой манере, что наверняка было для нее мукой. «Неужто мы не могли бы быть мужчиной и женщиной, какими создал нас Господь, и быть счастливы? Я знаю, что ты чувствовала, что ты сделала бы и почему нет, – но все же и все-таки ты не знаешь: на том пути ждет великое и прекрасное, но для тебя – все виды опасностей». Дик ей говорил, что сожжет все ее письма – «человек смертен, и всякое бывает», – и Гертруда знала, что он так и сделал. Но она все его письма сохранила.

Итак, она выступила во вторник, 16 декабря 1913 года, мимо абрикосовых и оливковых садов, навстречу своей партии к месту ее сбора. Закончив погрузку – весь багаж, снаряжение и шатры навьючили на верблюдов и ослов, – солидная процессия двинулась в направлении Адры. В первый день переход был короткий, только до границы оазиса Дамаска. Следующий день принес потоки дождя, колючие ветры и переход по заледенелой вулканической земле – весьма не похоже на жгучие желтые пески и дрожащие миражи, которые принято себе представлять. Гертруда писала: «Мы пробивались… сквозь грязь и оросительные каналы – страшное дело, когда верблюды скользят и падают… ночью было ужасно холодно… постель не сохраняла тепла. Я не готова к исследованиям Арктики. У мужчин замерз шатер, и чтобы его сложить, пришлось размораживать парусину, разжигая костры».

Начало было необнадеживающим. Выйдя в 9.15 двадцать первого числа, отряд вскоре заметил дым, поднимающийся на горизонте тонкой струйкой. Погонщики верблюдов занервничали. Хамад, новый рафик, заметил: «В пустыне каждый араб боится другого». Полная своей обычной уверенности, Гертруда подняла его на смех и направилась к вершине ближайшего скалистого холма, на ходу раскрывая подзорную трубу. Она увидела собрание шатров в окружении овец и решила, что это всего лишь пастухи. Но Гертруда ошиблась, и ее заметили. Не прошло и получаса, как вихрем прилетел друзский всадник, стреляя на ходу.

Хамад двинулся вперед, подняв руки. Всадник нацелил на него винтовку. Вперед вышел Мухаммад и крикнул: «Постой! Да вразумит тебя Бог! Мы из шавама, агайла и канасила!» Он назвал три племени, которые не должны были восприниматься как враждебные. Всадник с гривой спутанных волос объехал караван галопом, вертя винтовкой над головой. Наехав на полной

скорости на Али, одного из погонщиков, он потребовал его ружье и меховой плащ. Али, пятясь от наступающего коня, бросил их на землю. К одинокому всаднику присоединилась большая группа столь же дикого вида бедуинов, кто верхом, кто пешком, все палили куда придется. Один из них, направив ствол на Мухаммада, схватил саблю проводника и хлестнул его плашмя поперек груди. Потом он устремился к к верблюду Гертруды и ударил его по голове. Ухватив поводья, он заставил испуганное животное лечь, а пара мальчишек, отпихнув Гертруду, шарила в седельных сумках. В то же время другие дикари, все полуодетые, а один «совершенно голый, если не считать носового платка», с жуткими криками стали отбирать у ее людей оружие и патроны, а она лишь беспомощно наблюдала за этим. И тут положение спас Феллах – черный парнишка, присматривавший за шатром слуг. Разразившись театральными слезами, он заорал, что знает их, а они знают его, он был у них гостем всего год назад, покупая верблюдов. Наступило внезапное молчание, напряженную секунду воины колебались, а потом традиционный этикет пустыни начал вступать в свои права. Награбленное вещь за вещью возвращали. В это время пара шейхов, на конях, оценили ситуацию и приветствовали Гертруду и ее отряд. Но вести себя продолжали зловеще. Гертруда последовала в их лагерь и выполнила обычай, заплатив за местного рафика. Однако шейхи оставались недвижимы, пока она с видимой неохотой не добавила еще денег. Ночью она со своими людьми возвратилась в свой лагерь, вопя и распевая.

На самом деле могло случиться все, что угодно: если бы отобрали ее оружие и имущество, пришлось бы вернуться обратно в Дамаск. Не прошло и недели с начала пути, как ей пришлось увидеть собственную уязвимость. Но она не призналась в этом даже себе, не говоря уж о письме родителям. Гертруда написала только: «Сегодня нас задержал дурацкий и досадный эпизод».

На следующей день, ведя за собой мрачного нового рафика, караван двинулся в пустыню, превратившуюся от ночного ливня в «липкую мякоть». Над головой нависали зазубренные черные вулканические скалы, а над ними – черное небо. Гертруда писала: «Каменные холмы смыкаются перед нами, как врата покинутого ада. Заброшенный мир, холодный и серый… Ибрагим разжег костер. Он мерзко дымил, и Али упрекнул Ибрагима: “Дым по утрам далеко виден, а звук далеко слышен”».

Завернувшись в мех, Гертруда сидела у огня, пила кофе пинтами и слушала, как мужчины говорят о кражах, набегах и убийствах, привидениях и предрассудках. От нескольких племен, представленных в ее отряде, она услышала о старой вражде,

несведенных счетах и стала мысленно прикидывать схему связей и вендетт, которая потом станет для нее весьма важной. «Враги сухурцев – феданы, сба и все джебенийцы, кроме иса и сердийех», – написала она однажды вечером перед тем, как ложиться спать. В другой раз она отметила слух, что османское правительство для борьбы с Ибн Саудом послало Ибн Рашиду семьдесят вьючных верблюдов с оружием.

К Рождеству они оказались в Бурку – практически нагромождение скал, на которых стоят развалины римского форта. Воздух был ледяной. Гертруда шла сквозь замерзающий туман скопировать куфическую надпись, осторожно обходя полусъеденное человеческое тело. Она думала о Раунтоне, о том, какой совершенно другой день сейчас у ее родных. А она и ее люди идут среди бушующих ветров, верблюды оскальзываются на заледенелых камнях, стонут на ходу. Отряд остановился на месте стоянки рувалла, одного из ваххабитских племен, предводительствуемых Ибн Саудом, – одной из самых больших пустынных группировок в Аравии, где-то пять-шесть тысяч шатров. Постоянно оглядываясь, ее люди разбили лагерь, где его было бы не видно. Волею случая они встретили группу из племени бени-сахр, враждебного рувалле, и Гертруда обедала в шатре некоего шейха Ибн Митаба. Домой она написала: «Крайне противный обед… баранина и хлеб в жирном вареве, которое он перемешивал для меня пальцами, приговаривая: “Отличная еда. Я ее сделал своими руками”».

Гертруда завершила формальности, поменявшись с ним винтовками и преподнеся ему подарок – шелковое белье, кофе и сахар. Вода, которую им удалось найти, была чистый ил, у мужчин бороды покрывались коркой, когда она высыхала. Гертруде пришлось отказаться от умывания, а также от роскоши садиться за ужин чистой и свежей. Сидя рядом с палаткой, она слушала тишину. Ночью мерцали вдалеке арабские костры, перемигиваясь со звездами.

Путешествие продолжалось, полное тревог и предвестий. Однажды толпа агрессивных селян не позволила Гертруде снимать планы крепости, в другой раз она напоролась на мертвеца, чье «страшное присутствие нелегко будет забыть». В одной деревне жители требовали, чтобы она вылечила больного от гангрены. Ее люди у костра говорили о джиннах, о ведьмах, которые идут рядом с путешественниками, и глаза у них на лице не поперек, а вдоль. Иногда приходилось пить воду, кишащую красными насекомыми, однажды треснул и сломался опорный шест ее шатра, обрушив на кровать мокрую парусину. В дневнике, который писался для Дика, Гертруда отметила, что ей настолько

не нравилась эта часть путешествия, что она едва не повернула назад. Это была какая-то «гора зла… и я совсем не чувствую себя дочерью королей, которой мне полагается здесь быть. В Аравии быть женщиной – это бремя».

Восьмого января отряд прибыл в Зизу, где заканчивалась железная дорога и где ожидалась встреча с Фаттухом и прибытие дополнительного багажа. Гертруда была рада увидеть Фаттуха – все еще не до конца выздоровевший, он привез ей восхитительные продукты и давно ожидаемую почту. Дик только что получил экземпляр «Дворца и мечети в Ухайдире». «Книгу эту я читал целый день, – писал он. – Она совершенно чудесная, и я полюбил ее и люблю тебя. Я не могу об этом пока написать – потребуется целая книга моей души, чтобы на нее ответить. Целую руки, целую ноги, любимая женщина моего сердца».

Сейчас надо было остерегаться турецких военных патрулей. Султан, глава Османской империи, не поощрял странствий иноверцев по своим провинциям, а его генерал-губернаторы имели право дать разрешение или отказать в нем. Пока Гертруда ускользала от бюрократии и, не имея разрешения ни от британцев, ни от турок, намеревалась ехать дальше быстро. Но тем не менее она решила немного отклониться от маршрута, чтобы сфотографировать древнюю каменную нишу, украшенную резьбой, которая, по слухам, существует в развалинах на месте, называемом Мшетта. На обратном пути Гертруда заметила вдали три быстро приближающиеся к ее шатру фигуры, и сердце у нее упало. Она поняла, что ее обнаружили.

Когда она добралась обратно, турецкие солдаты уже устроились вокруг ее костра, крича, смеясь и ведя себя грубо и угрожающе. Скоро к ним присоединились другие – всего их стало десять – под командованием сердитого капитана и его штаб-сержанта. Оказалось, власти насторожились, когда Фаттух попросил разрешения присоединиться к ним, и послали телеграмму в Константинополь. И солдаты получили приказ прекратить экспедицию и доставить Гертруду в Амман. «Идиотка я была, что так близко подошла к железной дороге, – отмечает Гертруда, – …но я была как страус, спрятавший голову в песок, и понятия не имела, какой вокруг меня поднялся шум».

Она попала в беду. И первым делом послала погонщика Абдуллу в Мадебу, милях в двадцати от лагеря, телеграфировать консулам в Бейруте и Дамаске. Абдулла тихо выбрался из лагеря, но его заметили, перехватили на пути и к ночи посадили в тюрьму в Зизе. Гертруда с высоко поднятой головой держалась своего обычного высокомерия. Но пришел момент, когда ей пришлось немного отойти от лагеря, чтобы облегчиться. Когда за

ней последовал назойливый солдат, Фаттух встал между ними и потребовал от турка, чтобы дал даме возможность соблюсти приличия. Как ни возражала Гертруда, Фаттуха арестовали и увели под конвоем туда же, где был Абдулла. Ночь выдалась бурная. Небо потемнело, ветер гремел, вокруг лагеря стояли часовые. «Ночь была ледяная – как и моя манера поведения».

Багаж Гертруды вывернули на землю, все оружие конфисковали. Солдаты ждали прибытия местного правителя, вали, чей правильный титул звучал как каиммаккам города Ас-Сальт. От него многое зависело: он мог дать ей разрешение. Если он этого не сделает, Гертруду почти наверняка отправят под вооруженной охраной на турецкую территорию. Пригласив эту важную персону, капитан стал тревожиться, правильно ли поступил, и его бравада немного уменьшилась.

Ледяная сдержанность Гертруды вместе с ее впечатляющим богатством вскоре обеспечили возвращение Фаттуха и Абдуллы. Однако ситуация сложилась неловкая и патовая. Гертруда смогла разрядить обстановку, попросив своих людей починить сломанный шест шатра. Даже солдаты приняли в этом участие. Укрывшись за столом во втором шатре, она спокойно достала карту разрушенного города Харане, про себя решив, что если разрешения ей не дадут, она вернется в Дамаск и начнет путь снова по маршруту через Пальмиру. После этого она записала события последних двух дней с несколько ироническими интонациями в дневнике и для родителей: «Все это довольно комично, и я не особо обращаю внимание. Смешной эпизод в моем приключении, но я не думаю, что оно закончено, просто нужен новый поворот». Прибегая к языку детской в Раунтоне («И не выдумывайте ерунды, мисс!»), она заключает настоящим йоркширским выводом: «В общем, надо сказать, все это ерунда».

Конечно, в этих затруднениях не было ничего комического, но Гертруда все же закончила день на светлой ноте, которая – если они слышали ее смех – не могла не удивить часовых, мерзнущих возле ее палатки. Засмеялась она в ответ на шутку Фаттуха: «Первую ночь путешествия я провел на вокзале, вторую в тюрьме – где следующую?»

Утро заявило о себе секущей снежной крупой. Гертруда в сопровождении штаб-сержанта и четырех его солдат поехала на станцию забрать остаток своего багажа. По дороге они заметили вдалеке группу солдат – это, похоже, наконец прибыл глава района со свитой. Гертруда поменяла своего верблюда на лошадь штаб-сержанта и, поскакав навстречу легким галопом, спрыгнула на землю, чтобы обменяться рукопожатием. Она всегда предпочитала иметь дело с главным человеком и немедленно

составила себе образ каиммакама, впоследствии описав его в письме как «человека очаровательного, образованного, христианина, с охотой готового дать мне разрешение ехать куда хочу любой дорогой… но тут возникает вопрос совести». Гертруда не хотела подставлять этого доброго человека под неприятности, объяснила она Хью и Флоренс. Только поэтому она телеграфировала в Дамаск с просьбой о разрешении на посещение некоторых местных развалин – чтобы снять с него ответственность после своего отъезда. Она явно старается оградить родителей от волнений, как поступала всегда. Совсем иное описание событий она заносит в свой дневник, и становится ясно, что ей было велено телеграфировать с просьбой о разрешении. Сейчас ей приходилось день за днем ждать ответа из Дамаска, да и из Константинополя, догадываясь, каким он будет.

Во время своей вынужденной остановки Гертруда встречалась с теми, с кем подружилась в предыдущие экспедиции, в том числе и с племянником Абу-Намруда – проводника, помогавшего ей в путешествии в Джебель-Друз в 1905 году. Обедая с каиммакамом в доме Мухаммад-Бега, богатейшего из жителей Аммана, она услышала слух о русской графине, недавно ушедшей из Дамаска с двадцатью верблюдами. Среди бурного смеха все трое решили, что если учесть обычные искажения при словесной коммуникации через пустыню, эта графиня наверняка должна быть самой Гертрудой. Она вернулась к себе в шатер с букетом бархатцев и гранатово-красных гвоздик.

Вскоре период ожидания увеличился до четырех дней, и Гертруда уже не находила себе места. Она занялась местными делами, побывала на черкесской свадьбе. Перед ней открыли лицо невесты. «Она стояла, как образ, в комнате, набитой женщинами и очень жаркой. Стояла, опустив глаза, с виду очень усталая… мучнистый цвет лица, а в остальном очень хорошенькая». И сама Гертруда стала объектом общего любопытства. Она без комментариев приводит замечание человека, с которым встретилась в тот же день позже, по поводу собравшихся мужчин: «Они любят нюхать, как вы пахнете». Лавандовая вода с Бонд-стрит была для них внове.

Наконец она получила ожидаемую весть от раздраженного посла Маллета, предупреждавшего, что не стоит пускаться в это путешествие. Он кратко сообщил, что правительство ее величества снимает с себя всякую ответственность за судьбу Гертруды, если она сделает еще хоть шаг дальше. От турецкой стороны ответа до сих пор не было. Гертруда написала в дневнике 14 января: «Решила сбежать».

Она теперь вела параллельные дневниковые записи. Один

дневник представлял собой беглый обзор и должен был писаться ежедневно, по свежим следам. Чтение этих фактологических кратких и плохо организованных записок, набитых арабскими словами и фразами, дает нам живой портрет Гертруды, усталой и грязной после дневного перехода, с растрепанными волосами: она поспешно пишет на складном столе, пока Фаттух устраивает спальный шатер, распаковывает и раскладывает вещи. В этих записках содержалась информация и позиции, которые она передавала в министерство иностранных дел, и материал для писем домой. Второй дневник[26], в котором записи делались через несколько дней, был вдумчивым и отшлифованным отчетом о путешествии и ощущениях и велся только для Дика. Хотя совершенно не столь эвфемистичный, как письма к родителям, он рисует ее чуть-чуть более бесстрастной в отношении опасности, чем, вероятно, она была на самом деле.

В тот вечер Гертруда сообщила своей команде, что дальше ждать разрешения не будет. Послышался ропот, некоторое возмущение. В то время как ее верные слуги готовы были идти за ней куда угодно, трое погонщиков из племени агайл очень боялись последствий. Однако Гертруда знала, что, если ждать, ситуация только ухудшится и в разрешении будет отказано окончательно. Она сказала турецкому капитану, что хочет посетить некоторые интересные для археологии места. Он ей то ли поверил, то ли нет, но Гертруда в конце концов дала ему подписанное письмо, освобождающее турецкие власти от какой-либо за нее ответственности, и заявила, что у Англии не будет причин для претензий, если с ней что-то случится. Пряча документ в карман, капитан заявил, в свою очередь, что она может поступать как хочет. И Гертруда ушла спать, не оглянувшись, однако в своем шатре долго жалела о том, что подписала, и всю ночь переживала по этому поводу. В другом дневнике, для Дика, она написала:

«Есть что-то такое в писаных словах, что действует на воображение, и я провела всю ночь без сна в мыслях об этом… Пустыня снаружи выглядит страшно, и даже у меня бывают моменты, когда сердце бьется быстрее и глаза напрягаются, стараясь уловить хоть тень будущего».

На следующий день она первым делом попыталась получить свое письмо обратно. Но ей сказали, что оно уже ушло к начальству. «Вранье, – записала она в дневнике раздраженно, – но так или иначе, а мне его не получить». Вернувшись в лагерь, Гертруда написала Флоренс живое письмо, в котором крайне экономно использовала правду. «Неприятности закончились, у меня есть разрешение от вали ехать куда хочется. Разрешение

пришло как раз вовремя для всех моих планов, потому что я уже собиралась завтра вечером удирать. Меня бы не поймали. Но в любом случае теперь я избавлена от хлопот – но и веселья! – связанных с этим последним способом».

Как Гертруда сама понимала, любое «разрешение» ничего бы не стоило. Кроме того, весьма недвусмысленно ее не одобрял британский консул. Отправляется она на собственный страх и риск.

Трое агайльцев получили расчет и уехали, понося «проклятую дорогу» до Хаиля. Пятнадцатого января Гертруда выслала большую часть своей команды вперед и пошла искать замену трем погонщикам среди дружественных христианских крестьян, которым доверяла. На секунду она остановилась на станции в Зизе, справиться о пропавшем письме, адресованном Дику, но не нашла его и решила, что в данный момент с любимыми людьми связь отсутствует. Она будет и дальше писать письма, которые неоткуда отправить, и складывать их до тех пор, пока не дойдет до новой железной дороги на другой стороне Сирийской пустыни.

Прошло уже пятьдесят четыре дня с начала путешествия, но одолела она лишь пятую часть пути до Хаиля. Перед ней лежала долгая и неизвестная дорога, но так как Гертруда стала свободна, к ней вернулись безмятежность и очарованность пустыней. Ужасная и прекрасная, с ревущей тишиной и бриллиантами ночных звезд, она стала для Гертруды чем-то большим, нежели просто почвой для испытания себя в экстремальных условиях. Это была символическая альтернатива божеству, в которое Гертруда никогда не верила. При ее потребности в любви и поддержке пустыня стала возможностью перехода к другой точке зрения. Правду Гертруда говорила в своих более редких и поэтических письмах к другу Чиролу:

«Я теперь узнала одиночество в уединении, впервые, и… мои мысли блуждали далеко от лагерного костра, уходили в такие области, от которых я бы предпочла не иметь такого полного и острого ощущения… иногда я ухожу спать с таким тяжелым сердцем, что, думалось, не смогу пронести его сквозь следующий день. Но потом приходит рассвет, приятный и благословенный, незаметно накрывает широкую равнину и спускается по длинным склонам ложбинок, и в конце концов прокрадывается и в мое темное сердце… Вот все, что я могу из этого извлечь, наученная своим одиночеством хотя бы какой-то мудрости, наученная смирению и умению выносить боль, не плача вслух».

В другом дневнике она пишет 16 января:

«Я обрезала нить… Луис Маллет меня проинформировал, что если я двинусь в сторону Неджда, моя страна умывает руки, и я

сама дала полное оправдание османскому правительству, сказав, что иду на свой страх и риск… Мы сворачиваем к Неджду, иншалла, от нас отказались все власти, которые тут есть, и единственная нить, еще не обрезанная, разматывается в этой книжечке, моем путевом дневнике, который ведется для тебя.

Я – вне закона!»

Жребий был брошен, и политически Гертруда миновала точку невозврата. Она уже прошла из Дамаска почти двести миль к югу до Зизы, а сейчас направляла свой караван на юго-восток, в Хаиль. Оттуда она собиралась направиться на северо-восток в Багдад, перед тем как совершить бросок через Сирийскую пустыню с востока на запад, обратно к точке старта, в Дамаск.

Лежащие впереди дикие земли бесконечно различались по видам и условиям. Лето приносило крайнюю жару, до 140[27] градусов в полдень, но сейчас, в самые холодные месяцы, январь и февраль, в пустыне властвовали воющие ветры, лед, туман и снежная крупа. Возделанные поля попадались клочками, их расположение зависело от непредсказуемых зимних дождей. На равнинах и в пустынях бывали случайные подземные потоки, рождающие озерца, и небольшие клочки плодородной почвы, потом сменяющиеся уступами скал и гальки, где попадались кочки растительности, выжженные добела солнцем и ветрами. В местах, где выпадал дождь, наполняя водой ключи, жителям оазиса представлялась возможность выращивать какие-то посевы, но Гертруда оставляла поселян за спиной, путешествуя там, где кочуют скотоводы, совершающие сезонные миграции на сотни миль. Они гонят огромные стада верблюдиц и молодняка на пастбища, направляясь потом на северо-запад в Сирию или на северо-восток в Ирак на ежегодную верблюжью ярмарку. «Этот мир полон верблюдов… они бредут поперек нашего пути тысячами, пасясь на ходу. Это как огромная медленная река шириной в несколько часов».

Гертруда разделяла с Лоуренсом доходящее почти до мании восхищение бедуинами, их загадочностью, от которой веяло мощью. Они оба восхищались независимостью, подвижностью и стойкостью, превращавшими этих кочевников в аристократию пустыни. В этом восхищении – возможно, для них обоих – содержалась физическая привлекательность типа воина-аскета. Лоуренс в своем введении к «Аравийской пустыне» написал:

«Бедуин рождается и воспитывается в пустыне и всей душой любит эту пустую землю, слишком суровую для волонтеров, по той причине… что здесь он, без всякого сомнения, свободен. Он отбрасывает все естественные связи, все излишества и сложности комфорта, чтобы достичь этой личной свободы, хорошо знакомой

с голодом и смертью… Он находит роскошь в отречении, отказе, самоограничении. И проживает свою собственную жизнь в суровом эгоизме».

Бедуины отрицали все власти, и их правила поведения были их собственными правилами. На турецкую настойчивость они поддавались не более, чем на британское влияние. Существовала, как пишет исследователь Ближнего Востока Альберт Гурани, «определенная иерархическая концепция… [Арабские пастухи] считали, что обладают свободой, благородством и честью, которых нет у крестьян, купцов и ремесленников». Гертруда, которая на это чувство чести у племен поставила свою жизнь, с энтузиазмом подписывалась под данной точкой зрения.

Члены каждого племени были связаны предположительно общим предком. Понятие родства через этого предка – зачастую некое идеальное понятие, а не доказуемый факт – пропагандировалось шейхами как наследственными вождями, защитниками и судьями. В то время как пастбищные земли и вода считались среди кочевников общей собственностью, между племенными группировками все время происходили стычки и газзу, набеги, целью которых обычно бывал угон верблюдов, овец и коз – а иногда и убийство, когда еще и похищали женщин. В «Пустыне и плодородной земле» Гертруда писала о фаталистическом отношении кочевников к этой жизни:

«Араб никогда не бывает вне опасности, и все же он ведет себя так, будто ему никогда ничего не грозит. Он раскидывает свой жалкий маленький лагерь, десять – пятнадцать шатров, на широкой полосе незащищенной и незащитимой земли… Потеряв все до нитки, он бредет по пустыне и жалуется всем, и кто-нибудь даст ему кусок-другой материи из козьей шерсти, кто-нибудь еще – кофейник, третий – верблюда, четвертый – несколько овец, пока наконец не появится у него крыша и достаточно скота, чтобы не дать семье помереть с голоду».

Ссоры и обиды порождали вражду, которая могла тянуться через поколения, как самоподдерживающаяся кровная месть в итальянской мафии. По чтимой традиции, тем не менее шейхи распространяли защиту и гостеприимство на тех путешественников, которые строго придерживались этикета. Такой кодекс поведения, без которого Гертруда никогда не смогла бы странствовать по Ближнему Востоку, был на самом деле вопросом не столько этикета, сколько обязательности. Он был внесен в Коран – Слово Божие, явленное пророку Мухаммеду на арабском языке, и Завет Господень миру Ислама. И Третьим столпом этого Завета являлся долг благотворительности закят – сбор в пользу бедных и нуждающихся, для освобождения

должников, выкупа рабов и – что наиболее важно в пустыне – помощи путешествующим. «Я снова в пустыне, с настоящими людьми пустыни, беду, не знающими даже вкуса оседлой жизни… я должна быть сама своим голосом и языком. Мне это нравится, мне интересно самой быть режиссером своего спектакля», – писала Гертруда родителям.

В своих странствиях она подъезжала прямо к шатру любого окрестного шейха, приветствовала его на беглом арабском со всеми полагающимися почтительными эпитетами. Гертруда платила за обычного рафика, как поступил бы любой путешественник-мужчина, но она, женщина, должна была убедить шейха, что она ему равная, – просто ради собственной жизни. Она должна была произвести на него впечатление своим весом и богатством – для начала поднеся подарки. Эти подарки тщательно подбирались по степеням важности шейха, но иногда Гертруде случалось ошибаться. Однажды, подарив какому-то малому шейху шелковое белье, она отметила в дневнике: «Боюсь, он подумал, что этого недостаточно». В запасе ее подарков были кипы шелка, хлопчатобумажные головные уборы, кофе и сахар, а еще очень ценные вещи: винтовки и складные цейсовские подзорные трубы, закупленные в Лондоне в больших количествах. Учитывая положение шейха в племенной иерархии, Гертруда должна была ясно дать понять, что она – член семьи ничуть не меньшей. В ее рассказе Хью из богатого фабриканта превращался в высшего шейха Северной Англии.

«Самый безопасный способ поведения в пустыне – дать понять, что ты происходишь из большой и почтенной семьи».

При всей своей женственности Гертруда не была из тех женщин, которых привык видеть шейх. Прежде всего она сидела в седле как мужчина, а не как женщины из его гарема, ездившие на подставке из подушек. Шейх анализировал увиденное и приходил к выводу, что Гертруда загадочно независима, богата, сильна и, видимо, королевской крови. Она определенно ему не враг и, возможно, при своих связях окажется даже союзником. Она говорит на его языке и знает наизусть больше мистических арабских стихов, чем он сам. В устной культуре кочевников, где пропадают все стихи, кроме тех, что есть в памяти, ее долгое изучение этого предмета и работа над переводом «Дивана Хафиза» весьма пригодились. Часто случалось, что после ужина в пустынном шатре Гертруда завораживала общество чтением целого стихотворения, из которого шейх знал не больше пары строк. Некоторые из од, или касид, которые она цитировала по памяти, были написаны до шестисотого года: ее хозяева, замечает она в «Пустыне и плодородной земле», понятия не имели, что

арабская культура существовала еще до Пророка. Не менее важно, что Гертруда знала свежие слухи, которыми могла поделиться, – сведения о передвижениях племен и об источниках воды, которые она узнавала на пути. Только Гертруда с ее царственной манерой держать себя и непреклонной уверенностью, защищавшими ее как доспехи, могла выжить в пустыне в одиночку, будучи женщиной, но опасность всегда была рядом. Любой промах в поведении, или встреча с шейхом, пренебрегающим кораническим долгом, или любой другой несчастный случай могли оказаться фатальными.

Надежно удалившись от Зизы, Гертруда со своим караваном ехала по холмистой земле племени шаммар. Она постепенно узнавала участников своей экспедиции. Вот начальник над ее людьми, старик Мухаммад аль-Марави, который знает Неджд и помнит рашидидов из Хаиля по дням молодости, когда сражался с ними бок о бок. Став в пожилые годы торговцем верблюдами, он последнее время с трудом сводил концы с концами и брался за любые разовые работы, которые ему попадались. «Бывали у него, думаю, работы и более необычные, чем у меня», – сухо замечает Гертруда. Вот его вежливый и образованный племянник Селим, «отличный парень», помощник Фаттуха. Али она знала еще по прежним путешествиям через Сирийскую пустыню. Он называл себя «старым псом», как писала Гертруда Дику, но был храбрым как лев. Саид, главный погонщик верблюдов, тоже племянник Мустафы и «настоящий клад». Были у них новичок из племени агайль – «но он еще научится» – и Мустафа, батрак, посланный с ней ее друзьями-христианами из окрестностей Зизы. Был Феллах, черный пастух верблюдов, чье театральное представление спасло отряд от друзских всадников, погонщики верблюдов и два рафика; иногда к каравану приставал путник. Первый из них, юный шейх племени сухур, «хороший мальчик», прибыл со своим рабом и ночевал вместе с караваном.

Пустыня к югу была необитаема. Ее люди держали караул от грабителей, которые могли бы угнать верблюдов. В здешнем ландшафте не находилось ориентиров и ощущалась нехватка воды. Гертруда шла за караваном, сверяя направление цепочки верблюдов по стрелкам компаса в руке. Команда время от времени оглядывалась, и она жестами показывала изменение направления. Три дня они шли по голой неприветливой земле, усеянной кремнием, потом по равнине с выступами ржавого вулканического камня. Здесь ее люди заметили свежий верблюжий след в пыли и испугались худшего. Они свернули в расселину и вытянулись там молча рядом с верблюдами, а Гертруда и двое ее людей с винтовками поднялись на телль и выглянули из-за гребня, лежа на животе. На этот раз

предупредительных выстрелов не было, и через некоторое время экспедиция осторожно двинулась дальше. Гертруда писала Дику:

«В детстве у нас с Морисом была любимая игра: бродить по дому, подниматься и спускаться по лестницам так, чтобы служанки не увидели. У меня появилось точно такое чувство – будто мы играем в любимую игру, – когда мы ползли на телль. Но тщательное наблюдение в подзорную трубу “служанок” не обнаружило, и мы смело двинулись дальше».

В ночь на 23 января прошел небольшой дождь, и верблюды стали жадно пить уходящую в кремнистую почву воду из лужиц. Перспектив добыть новую воду не было еще как минимум день. «Нет слов, чтобы передать, как гола и негостеприимна эта земля… миля за милей черная плоская равнина без растительности… мне попалась храбрая маленькая герань – единственный цветок, который я здесь видела».

Гертруде нравилась чахлая жизнь пустынных мест, и она замечала каждый съедобный гриб, каждую дикую герань или бархатец, антилопу или облачко мотыльков. Небольшие заметки о флоре и фауне смешивались с жуткими историями про убийства и увечья, звучавшими каждый вечер у костра. Причин сомневаться в правдивости этих рассказов у нее не было. Два дня назад, осматривая развалины, встретившиеся на пути, Гертруда нашла мертвое тело. Оно было кое-как прикопано, но на могиле валялась одежда трупа, пропитавшаяся засохшей кровью. Каждый дневной марш уводил ее все дальше от зоны британского влияния, и в дневнике Гертруды все чаще упоминаются опасения ее людей, хотя и не ее собственные, по поводу газзу. Сама она больше думала о бытовых проблемах. Например, не имелось лишней воды для умывания. Идти грязной Гертруде было противно, но вряд ли она на это жаловалась.

В поисках воды экспедиция свернула с кремниевого плато в долину, где обнаружилось множество свежих верблюжьих и человеческих следов. Непонятно было, оставили эти следы враги или друзья и где вообще находится экспедиция, но в любом случае требовалось найти воду до заката. Гертруда задумалась над картой и нашла в восточных холмах колодец. Но если даже они туда доберутся, не вычерпали ли его эти неизвестные люди? После двух часов пути на восток она увидела курящийся над теллями дымок и решила посоветоваться с командой по поводу следующего шага. Если это газзу, не лучше ли заявить о себе? Ее команда считала так. Все равно их обнаружат и выследят, и в конце концов эти люди могут оказаться друзьями. Так что караван повернул в сторону дыма и поднялся на низкую гряду на юге. Внизу они увидели деревню и поняли, где находятся: возле

зимних пастбищ ховейтата – большого сильного племени, по слухам, очень храброго и жестокого. Верблюды, почуяв воду, перешли на тряскую звонкую рысь и напились досыта. Пастухи сообщили, что множество ховейтатцев куда-то отбыли со своим главным шейхом, Аудой Абу-Тайи, но поблизости, в дне пути, наверное, можно будет найти шатры другого важного шейха ховейтата, Харба.

Ночь прошла в дороге, и наутро показались черные шатры шейха Харба аль-Дараншеха, разбросанные по склонам высокой каменной гряды и уходящие вниз в долину. К счастью, пожилой шейх Харб сердечно приветствовал караван и велел в честь Гертруды заколоть овцу. Это было 29 января, через тринадцать дней после ухода из Зизы, и наконец-то Гертруда смогла искупаться в своей складной ванне, вымыть голову и отдать грязную одежду Фаттуху для стирки. В вечернем платье и меховом манто – служившем еще и одеялом в эти холодные ночи – она вошла в шатер Харба и насладилась великолепной едой. Во время ужина прибыл еще один почетный гость – Мухаммад Абу-Тайи, двоюродный брат шейха Ауды. Воспитанный на героических строках, которыми она восхищалась, он по всем параметрам соответствовал идеалу Гертруды. Она описала его Дику довольно эмоционально: «Замечательная личность с идеальной внешностью, величественный, каменный, с горящими глазами… все было ново и интересно. И он очень красивый… Мухаммад сидел на подушках рядом со мной, его белая куфия спадала на черные брови, а глаза блестели, вопрошая и отвечая».

Если она хотела, чтобы Даути-Уайли слегка встревожился, то кто ее упрекнет?

Когда Гертруда расспрашивала о Мухаммаде своих людей, они рассказали о приступах его гнева и о том, как он отрезает врагам руки и ноги и бросает их умирать. Она предпочла этого не слышать или отнести к легендам. Из шатров Харба Гертруда перешла в шатер Мухаммада, дворец на пяти шестах, обиталище кочевника, и обедала с ним на великолепных коврах под пение певца, вещавшего о великих деяниях арабов. Трапезу заканчивало верблюжье молоко в больших деревянных чашах. Это был самый приятный вечер с начала экспедиции, и Гертруда, глядя на шейха, старалась выбросить из памяти неприятные слухи о нем. «Я видела его правосудие и нашла его справедливым; я слышала его рассказы о пустыне и подружилась с его женщинами, и я подружилась с ним. Он мужчина, он хороший друг, в его шатре можно приклонить голову и спать ночью и ничего не бояться».

Она преподнесла подарки обоим шейхам, и Мухаммад ответил тем же. Первый подарок, присланный им со своими

людьми, был экзотичен, но Гертруда поняла, что ей надлежит за него заплатить: шкура и яйцо страуса, «цену которых я должна деликатно всучить пришедшим». Второй подарок был даже менее желанным – обед из очаровательного черно-белого ягненка, «с которым я так крепко подружилась, что сама мысль принести его в жертву была невыносима, но не могла же я нести его с собой, как байроновского гуся». Видя ее привязанность к животным, Мухаммад преподнес ей арабскую серну, домашнего теленка, который бегал в его шатре и которого она описала как «очаровательнейшую зверушку». Гертруда благоразумно отказалась. Хотя животных она ценила и брала в любимцы, когда жила на одном месте, но не позволяла себе сентиментальности по отношению к ним. Она любила смотреть на «нелепых» верблюжат (сплошные ноги и шея), проходя среди стад, и каждый вечер вместе со своими людьми кормила собственных животных, трое на трое. Такая привычка была усвоена еще в детстве, когда в Раунтоне, после дневной охоты, они с Морисом помогали конюхам чистить и кормить своих пони и только потом сами шли мыться и ужинать. Когда Фаттух сказал ей, что одна верблюдица села и не встает, Гертруда пошла отнести ей воду и корм. Когда они подошли, животное каталось по земле и брыкалось от боли, и Мухаммад, распознав болезнь, которую назвал аль-тайр, спросил, не прикончить ли ее. Гертруда, сжав губы, кивнула, и он вытащил нож и перерезал верблюдице горло. «Я очень привязана к своим верблюдам, – написала она в тот вечер, – и горюю о ее смерти».

Неделю она прожила у гостеприимных шейхов, дав им накануне выхода обед в собственном шатре. Видимо, Мухаммаду Гертруда тоже понравилась. Он задержал ее на пару дней, чтобы показать не слишком интересное с точки зрения археологии место на расстоянии нескольких часов. Гертруда хотела продолжать путешествие, но отказаться было бы невежливо.

Недельное пребывание у племени ховейтат дало ей возможность постичь еще одну сторону арабской жизни – она узнала, как живут жены. Много часов Гертруда провела с фотоаппаратом в шатре гарема и сделала некоторые из лучших своих снимков. На одном из них шейх Харб в полосатых кушаках и в патронташе держит полог шатра, показывая стайку сбившихся в темноте женщин с детьми, прячущих лица. Хотя Гертруда не особенно интересовалась жизнью женщин, на нее не могли не произвести впечатления их истории. Одна из четырех жен Мухаммада, Хила, рассказала, как женщины страдают от тяжелой физической работы и постоянных переездов, особенно во время вынашивания и сразу после родов. «У нас ни часа отдыха», – сказала она. Все четверо рожденных ею младенцев умерли, пока

она надрывалась, ставя и снимая шатры, собирая верблюжий помет для костра и готовя еду. В морозную ночь 30 января Гертруда, сидя у входа своего шатра, записывая историю Хилы и размышляя о разнице их судеб, увидела огромную падающую звезду: «Она пролетела через полнеба».

Мухаммад предупредил, что лучше обойти племя шаммар, которое ее ограбит и убьет ее людей, и идти на восток, а не на юг, с братом Харба Аввадом и Музидом, рафиком из племени шерарат, которые безопасно проведут ее в речную долину за несколько дней. Как бывает в шахматах, стратегия переменилась снова, когда племя ховейтат узнало, что его враги – племя рувалла расположилось лагерем неподалеку. Гертруде было все равно, сотрудничать с руваллой или с ховейтатом, но пришлось найти замену Авваду, который наверняка стал бы первой жертвой руваллийцев. И поэтому 2 февраля Гертруда выступила на юг, как планировала изначально. «Все охвачены страхом, кроме меня, которой нечего тут терять… Иногда я задумываюсь, выйду ли я из этой авантюры живой. Но в этом сомнении нет ни тени тревоги – настолько глубоко это мне безразлично».

Как обычно бывает в пустыне, на ходу ее караван вырос. Гертруда теперь стала шейхом самой большой экспедиции, которую ей приходилось водить: около тридцати кочевников, замотанных и закутанных плащами до глаз, ее люди с винтовками, все безмолвной цепочкой двигались по пустынному ландшафту в сопровождении нескольких овец и коз. Она соединилась с некоторой шаммарской семьей, которая просила ее защиты на пути через страну ховейтата. Выгода была взаимная, поскольку они не решились бы двинуться в путь одни, а с другой стороны, станут ценными союзниками в случае набега шаммарцев. Еще Гертруда подобрала два жалких шатра шераратцев с маленьким стадом коз. Обитатели этих драных шатров «были так близки к голоду, как это только может быть». Они каждый вечер приходили к ее палатке с трогательным даром – мисочкой козьего молока, которое она не любила, но считала себя обязанной выпить, и в ответ давала им мясо и муку.

К счастью, в ноябре прошли обильные дожди по тем местам, которые караван миновал в марте, и на пути встречались озерца, кустарники и приятно пахнущая зелень. Верблюды могли есть на ходу – дополнительное преимущество, позволяющее везти сухую траву всего на пять дней. Вскоре пришлось решать, заходить ли в город Джоф, где можно было докупить провизии, – но Гертруда начинала опасаться, что если будет постоянно уклоняться от маршрута, то никогда не доберется до Хаиля. Поэтому караван шел вперед, через красный песчаник и песчаные гряды размером с

холм. «Забытая Богом и людьми земля, – писала Гертруда Дику. – Нельзя пройти по ней и вернуться таким, как был. Она наложит на тебя свою печать, к добру или к худу».

Еще одно событие их задержало 9 февраля, приняв вид компании ховейтатцев, охотившихся на антилопу. Охотники предупредили Гертруду, что в пяти часах езды на восток появились арабы вади-сулайман. Поскольку не оставалось сомнений, что племя сулайман уже знает о ее караване, следовало посетить их шатры и взять нового рафика. Караван Гертруды вошел в горный проход, где свирепствовал ветер, и она, вздохнув, сменила одежду и направление и двинулась к шатрам сулаймана. После встречи с их шейхом она охарактеризовала одноглазого Саида ибн Муртеда как «проклятого обоими родителями».

За первой же чашкой кофе он стал напирать, чтобы Гертруда сообщила свой маршрут и назначение. Когда она ушла, шейх отправился следом за ней. Прибыв в ее лагерь, стал ворошить и осматривать ее имущество, а ее люди беспомощно стояли, не в силах ему помешать. Найдя подзорную трубу, шейх потребовал, чтобы ее подарили ему. Гертруда отказалась, но к закату, после долгих громких споров, договорились, что она подарит шейху револьвер, а взамен его племянник пойдет платным рафиком.

Но неприятности только начинались. Утром, когда Гертруда еще не встала, шейх снова явился и злобно заявил Фаттуху и Саиду, погонщику ее верблюда, что ни одна христианка еще не ездила по этой стране и сейчас тоже не будет. Быстро одеваясь, Гертруда слышала, как он подстрекает ее людей к мятежу, и задумались, как же от него избавиться. Она вышла и заговорила с ним в самой ледяной своей манере. Через час постепенно возрастающих угроз шейх сообщил, что если не получит револьвер и цейсовскую трубу, то пойдет за ней ночью и возьмет все, что захочет. Ее люди отозвали ее в сторону и шепотом посоветовали отдать ему требуемое, чтобы избежать репрессий. Гертруда, кипя от ярости, капитулировала. Саид ибн-Муртед схватил оба предмета и потребовал еще денег от шаммарской семьи. Шераратцы были слишком бедны, чтобы возиться с ними. Наконец избавившись от него, Гертруда возместила шаммарцам убыток и вернула их собственный драгоценный ковер, который они вручили ей для хранения.

Приближаясь к Хаилю, она задумалась о проблемах, связанных с приездом в этот самый политический из городов. Какой прием окажут ей Рашиды – правящее семейство племени шаммар? Примут ли как гостью или ей грозит ограбление или того хуже? Ведь британцы, как ни крути, помогают врагу

рашидидов, Ибн Сауду. Благополучие Гертруды будет полностью зависеть от того, добьется ли она благосклонности правящей семьи, а сейчас до нее дошли тревожные новости о молодом правителе.

«Эмир, кажется, сейчас не в Хаиле, но стоит лагерем к северу от него со своими стадами верблюдов. Боюсь, мне это может быть досадно: предпочла бы иметь дело с ним, а не с его представителем. Также сообщают, что он предупредил своих людей о моем прибытии, но чтобы встретить меня или остановить, я не знаю. Не знаю я также, правдиво это сообщение или нет».

11 февраля, почти через два месяца после выхода из Дамаска, караван выехал на открытую галечную равнину, и вдали наконец блеснули первые высокие холмы Нефуда. Огромные дюны, не нанесенные на карту, уходили к горизонту подобно горной цепи. Здесь Гертруда день за днем выполняла тщательные топографические съемки и по дороге наносила на карту водные источники.

В Нефуд они вошли на следующий день и тут же начали вязнуть в глубоком мягком песке. Верблюды барахтались и замедляли шаг. По глубоким впадинам и крутым подъемам они мучительно двигались вперед не быстрее мили в час. Непрестанный ветер выдул огромные полости, с полмили шириной, так что время от времени караван с трудом поднимался на склон и оказывался на краю стофутового песчаного обрыва, обточенного ветром до остроты ножа. У команды хватало историй о верблюдах, камнем провалившихся сквозь такие песчаные гребни и сломавших ноги внизу в расселинах. Приходилось обходить эту песчаную подкову, только чтобы оказаться перед подъемом на следующий склон. Караван медленно брел вперед, сгорая под полуденным солнцем и дрожа от ночных морозов. Забираясь пешком на какую-нибудь особо высокую дюну, Гертруда стояла на вершине, как моряк на носу высокого корабля, разглядывая окаменевшие волны буйного океана и видя все еще вдалеке песчаниковые горы Джебел-Мисма.

Через пять дней такого деморализующего ландшафта постоянная нагрузка стала брать свое. Верблюды выдохлись, люди молчали, а Гертруда впала в совершенно несвойственный ей припадок депрессии. Она писала Дику:

«Депрессия возникает из глубокого сомнения: стоит ли вся эта авантюра свеч в конечном счете. Не из-за опасности – это мне все равно, но… ничего не дает этот поход в Неджд в смысле каких-то реальных преимуществ или реального обретения новых знаний… Здесь если и есть что-нибудь, что стоит записать, то

велика вероятность это не найти и до него не добраться, потому что на пути у тебя враждебные племена или безводный путь… боюсь, что потом я скажу, оглядываясь назад: потерянное время».

Теперь добавилась еще трудность – проливной дождь, скрывающий ландшафт и все ориентиры. Двигаться было нельзя, чтобы не заблудиться в Неджде. Промокшая Гертруда пыталась высушить волосы и одежду вместе со всеми, закрывая ими костер от дождя. Неподалеку сгрудились возле своих костерков шаммарцы и шераратцы, почти невидимые в серой водянистой ночи. Фаттух бегал между шатрами, пытаясь сохранить постель Гертруды, жесткую теперь от грязи, как можно более сухой. Шатры были забиты багажом, который обычно оставляли снаружи, а деморализованные погонщики спешили накормить животных и скрыться в промокающих шатрах. Среди грома и града Гертруда завернулась в меха и дрожала под пологом, перечитывая «Гамлета». Как всегда, Шекспир несколько поднял ее дух.

«Принцы и власти Аравии сошли на свое истинное место. Поднялась над ними душа человека, сознательная и ответственная перед самой собой, созданная с великой разумностью, заглядывающая вперед и назад».

20 февраля они вышли на край Нефуда, где увидели собрание шатров. Еще один рафик, пожилой и потрепанный мхаилам, был нанят Гертрудой за два фунта стерлингов и новую одежду, чтобы проводить экспедицию на последнем этапе путешествия до Хаиля. Вопреки его и Мухаммада совету Гертруда решила срезать последний участок пути, оставив в стороне сравнительную безопасность дюн и пустыни, и направиться напрямик через равнину, где ее караван будет виден любым разбойникам. Газзу и голод, решила Гертруда, «ничто по сравнению с возможностью идти по прямой и твердой дороге». Она встала над последним обрывом зыбучего песка, посмотрела – и у нее перехватило дыхание. Перед ней лежала черная враждебная земля, и башни камней торчали, как скелет города, опустошенного огнем. Домой она писала:

«Сегодня утром мы дошли до голых песчаниковых скал Джебел-Мисма, ограничивающих с этой стороны Нефуд, и прошли мимо них в Неджд… Ландшафт, который перед нами открылся, был настолько мертв и пуст, что я никогда такого не видела. Почерневшие скалы Мисма круто обрываются с В. стороны в пустыню зазубренных пиков… и дальше, и дальше еще тянется мертвенно-бледная безжизненная равнина, и снова утесы песчаника поднимаются резко из нее. А над этим всем пронзительный ветер хлещет тени облаков».

За спиной прозвучал голос Мухаммада: «Мы пришли к адовым вратам». Гертруда вышла из Нефуда, отдав шаммарцам и шераратцам последние дары денег и провизии, и спустилась на почерневшую равнину.

Это было 22 февраля, спустя одиннадцать дней после входа в Нефуд. Через два дня караван наконец-то остановился на отдых в паре часов пути от Хаиля. Рано утром двадцать шестого Гертруда послала Мухаммада и Али объявить о ее прибытии, а потом проехала последнюю часть чистой гранитной и базальтовой равнины до живописных башен сахарного города так медленно и легко, будто «бродила по Пикадилли». Она это сделала, и после всех испытаний на последних шестистах милях это показалось настоящей разрядкой. Впереди, видимый уже невооруженным глазом, находился прекрасный город-крепость, омытый утренним светом, и его белые глинобитные стены венчали выложенные «песьим клыком» парапеты с бойницами, над которыми ласково покачивались кроны пальм, а окружающие сады сияли розовым цветом миндаля и белым – сливы. За линией высоких башен, окруженных навесными бойницами, поднимались далекие пики голубых гор, парившие над горизонтом, как облака. Погруженная в мир «Аравийской пустыни» Гертруда чувствовала себя будто в паломничестве к святым местам.

Глава 9
Бегство

Примерно в миле от Хаиля Гертруду встретили три посланца рашидидов, сопровождаемые ее погонщиком Али, и еще трое верховых (один с копьем) на великолепных лошадях. Остановившись со звоном колокольцев, под развевающимися вымпелами и раскачивающимися кистями, они приветствовали ее, окружили караван и провели его к южным воротам города. Гертруда, окруженная собственными вооруженными людьми, а вокруг них – еще и хаильскими сабленосцами, въехала в город, чувствуя себя «дочерью королей».

Огибая стены из глиняных кирпичей, она взглянула на башни и увидела их в точности такими, как описывал Чарльз Даути тридцать семь лет назад – будто ветряные мельницы без крыльев в боевом строю. Процессия свернула внутрь, прошла простые прямые ворота. Гертруда, спешившись, оказалась сразу в мире «Тысячи и одной ночи». Возле белой двери в глухой внутренней стене ждал ее проводник Мухаммад аль-Марави. Внутри по темному крутому пандусу она поднялась во внутренний двор и в темный зал с колоннами, укрытый коврами. Колоннами были побеленные стволы пальм, а потолок образовывали их кроны. Выбеленные стены украшала высоко расположенная полоса сложных геометрических узоров синего и красного цветов. Это летнее обиталище королевской семьи, отводимое важным гостям, и было местом, где ей предстояло жить. Здесь, в передней зале, ее приветствовали две поклонившиеся женщины – невольницы, которых выделили в ее распоряжение. Гертруда заглянула в кофейные комнаты, во двор с его деревцами – айва, лимон и яблоня – и взбежала по другому пандусу на крышу посмотреть сверху на город. Внизу ее люди развьючивали верблюдов и раскидывали шатры на большом открытом дворе, где каждый год останавливался хадж в своем семисотмильном пути на юг. По другую сторону дома будто висела в синем воздухе белая башня крепости. Но Гертруду тут же позвали вниз встречать первых посетителей.

Ее ждали две женщины. Лулуа, старуха в малиновом и черном, была смотрительницей дома. Вторая, с красивым широким лицом, с черненными кохлем глазами, накрытая черно-золотым вышитым шарфом, была одета в черное, с разрезами платье поверх сиреневых и фиолетовых хлопчатобумажных юбок. В переднем разрезе спускались к талии четыре толстых косы,

вокруг шеи висели «нити грубых жемчужин», перепутанные с отделанным бахромой ожерельем из изумрудов и рубинов. Это была Туркийе – словоохотливая черкешенка, посланная Ибрагимом, помощником эмира Хаиля, ее приветствовать.

Невольница принесла кофе, и Туркийе с Гертрудой сели на подушки беседовать. История черкешенки была необычайна. Султан в Константинополе подарил ее Мухаммаду ибн Рашиду, впоследствии ставшему эмиром, и она быстро стала любимой женой. Нынешний эмир родился у него от одной из жен, Муди. Туркийе начала объяснять Гертруде хаильскую иерархию. Теперешний эмир, шестнадцати лет от роду, отсутствует уже два месяца – ушел в набег на лагеря племени рувалла с отрядом из восьмисот человек. У него уже есть четыре жены и два маленьких сына. Высшей властью в отсутствие эмира является его помощник Ибрагим, брат главного советника и регента – Замиля ибн Субханга. Но сам Ибрагим благоговеет перед властной бабкой эмира Фатимой. Эта почтенная старушка умеет читать и писать, как объяснила Туркийе, и завязки королевского кошелька у нее в руках. Эмир к ней прислушивается, и люди с ужасом думают, что она может ему сказать, когда он вернется. У нее есть фавориты – но да смилуется Аллах над теми, кто вызовет ее недовольство! Гертруда мысленно отметила, что следует как можно скорее посетить Фатиму, и поощрила собеседницу к дальнейшим откровениям. Драгоценности, надетые на ней, объяснила Туркийе, принадлежат всему гарему и даются любимым женам или одалживаются для особых случаев. Как тиара Беллов, подумала Гертруда. Туркийе пообещала познакомить ее с Муди и другими женщинами гарема.

О королевском гареме, представительницы которого до конца своих дней обитают в стенах дворца, Гертруда знала намного меньше, чем о жизни бедуинских воинов. Она задавала вопросы, на которые Туркийе охотно отвечала. Согласно правилу, установленному с четырнадцатого века, женщина может выйти из дома только в трех случаях: когда ее ведут в дом жениха, когда умирают ее родители или когда ее хоронят. Обычная женщина в Хаиле выходила на улицу только ночью, полностью закутанная, и лишь для того, чтобы навестить родственниц. Чем богаче и знатнее семья, тем строже она толкует правила. Каждая женщина должна иметь при себе опекуна-мужчину, даже если это мальчик вдвое ее моложе, и это он будет заключать ее брак. Мужчина может иметь до четырех жен – при условии, что проявляет одинаковую щедрость ко всем ним, – и сколько угодно наложниц. Он может развестись с женой без указания причин, только произнеся простую словесную формулу при свидетелях.

За гаремом присматривают евнухи, привезенные из Мекки или Константинополя. У некоторых есть и серьезные внешние обязанности. Например, евнух Салих служит ночным дозорным в Хаиле. Еще есть рабы. Эти люди, захваченные в набегах наряду с лошадьми и верблюдами, делятся на две категории. Если их сочтут уродливыми или глупыми, остаток жизни они проведут, доказывая владельцам свою полезность. Если же они разумны, красивы и презентабельны, то их возьмут в самые богатые дома и сделают доверенными лицами. Чарльз Даути называл их «рабы-братья». Избранные из избранных попадают в королевский дом и живут во дворце. Им разрешено носить оружие. Туркийе намекнула, что хорошо бы при возможности найти союзников среди этих людей. Главный над рабами-братьями – Саид, тоже евнух, прямой канал связи с эмиром или его помощником Ибрагимом. Таков был замкнутый политический мир, в который попала Гертруда. Куря и слушая эти сплетни, она подумала, что никогда не разговаривала с подобной женщиной до сих пор. Она заключила, что Туркийе – «веселая дама», и в ее обществе будет приятно находиться, а ее советы весьма пригодятся. За полуденной трапезой одна из рабынь Туркийе доложила о прибытии еще более важного гостя. Гертруда огладила юбку, заколола волосы и поспешила в гостиную, где в ожидании села на диван, а ее проводник Мухаммад остановился на почтительном расстоянии. В дверях появился раб, шагнул в сторону, комнату наполнил сильный запах розового масла, и стремительно вошел Ибрагим в ярко окрашенной куфие, перевязанной золотым шнуром, или агалом, и с саблей в серебряных ножнах. Гертруда отметила это узкое лицо, лихорадочный блеск черных глаз, обрамленных кохлем, клочковатую имперскую бороду и обесцвеченные зубы, а также «нервозную манеру и беспокойный взгляд». Он произнес обычные приветствия и произвел впечатление человека хорошо образованного – «для Аравии». Она его поблагодарила, поделилась первыми впечатлениями от Хаиля и кратко описала свое путешествие. Ибрагим пробыл до призыва к дневной молитве, но когда вышел, появился первый предупреждающий знак. Остановившись около двери, он шепнул Мухаммаду, что среди мусульманского духовенства есть некоторые разногласия по поводу прибытия женщины в одиночку, и Гертруде лучше всего будет проявить некоторую осмотрительность… «Короче, мне не положено было больше выходить в город до особого приглашения».

На следующий день она с сожалением продала часть своих верблюдов, ослабевших после перехода через пустыню Нефуд, а лучших отослала к воде и зелени, где они смогут поправить

здоровье. К ней привели в гости двух маленьких рашидовских принцев в драгоценностях и парче. Они держались за ручки, и их сопровождала пара мальчиков-рабов. Принцы сидели, глядя на Гертруду яркими подведенными кохлем глазами, и ели яблоки и печенье, которыми она их угостила. Это были, сухо замечает Гертруда, «двое из шести наследников, оставшиеся от всех рашидидов – так безжалостно они истребляют друг друга». Как ей сообщила Туркийе, за последние восемь лет были убиты три эмира. Гертруда заключила: «В Хаиле убийство – это как пролитое молоко».

Она рвалась исследовать город, но ее просили оставаться в доме. Она не могла выйти дальше двора, навестить своих людей – и чувствовала досаду. Обычно на новом месте она повсюду расхаживала, заводила знакомства, узнавала последние новости и пробивала дорогу в те слои общества, которые могли быть ей полезны.

Настало время преподносить дары Ибрагиму, и Гертруда попросила Мухаммада отнести ему послание вместе с халатами, рулонами шелка и коробками конфет. И вежливо спросила у Ибрагима: можно ли ей нанести ответный визит? Он ответил приглашением, но просил не выходить до темноты: он пошлет за ней кобылу и рабов для сопровождения. Гертруда с беспокойством ожидала ночи, и наконец прибыла лошадь и пара человек: один – вести кобылу под уздцы, другой – идти впереди с фонарем. Гертруда надела вечернее платье, сунула в сумочку портсигар и мундштук слоновой кости и поехала в дамском седле по извилистым улицам между глухими стенами. Копыта лошади беззвучно ступали по земляным дорогам. В свете фонаря мелькали, дрожа, водостоки и двери, снова скрываясь в бархатной черноте. Гертруда ни за что бы не нашла снова путь сквозь этот лабиринт при свете дня. Ночь выдалась звездная, но вместо широкого сверкающего неба открытой пустыни здесь был узкий канал звезд между крышами. Гертруда разминулась с парой женщин, которые пробирались вдоль стен, не глядя по сторонам.

Процессия остановилась перед крепкими деревянными воротами, которые со скрипом и стоном открылись внутрь. Гертруду провели мимо фонтана и мечети, попросили спешиться перед вторыми запертыми воротами и наконец ввели в затененную приемную. Услышав приглушенный разговор из покоев, Гертруда вошла туда. Мигая в свете десятка висячих ламп, она увидела, что стоит в большом зале с колоннами и центральным очагом, окруженным подушками и коврами. «[Это были] великолепные покои с большими каменными колоннами, поддерживающими невообразимо высокий потолок, выбеленные

стены, пол из белого джасса [sic!], утоптанный до твердости и сияющий, как полированный».

В комнате находилось много мужчин, при виде ее замолчавших. Они встали, глядя на Гертруду с любопытством. Ибрагим вышел ей навстречу и церемонно усадил на подушку справа от себя. Разговор был официальный и безличный. Он рассказывал ей об истории шаммара – племени, которое возглавляли рашидиды, потом о королевской семье. Гертруда слушала и отвечала описаниями археологических мест, которые повидала по пути, а рабы тем временем подавали стаканы чая и маленькие сладкие лимоны, а затем – «совершенно превосходный» крепкий кофе. Потом, размахивая приятно пахнущими кадилами перед каждым гостем, рабы дали понять – Гертруде показалось, довольно скоро, – что прием окончен. Она встала и вышла.

Такой прием вызвал у нее досаду. Краткость встречи не позволила ей затронуть ни один вопрос, который хотелось обсудить, в частности, собственную нужду в деньгах. В Дамаске она дала двести фунтов агенту рашидидов и ожидала немедленной выплаты по прибытии в Хаиль. Агент выдал ей обычный аккредитив, и Гертруда привезла его, чтобы предъявить рашидидам. Этот проверенный временем метод позволял путешественникам не возить большие деньги, которые могли бы украсть по дороге. Сейчас же Гертруда осталась почти без средств. Сколько же времени ей придется ждать возможности предъявить аккредитив?

«И потянулись утомительно дни за днями, когда делать было нечего», – писала она в своем втором дневнике. Новизна исчерпалась, и Гертруда, лишенная возможности обычной активной жизни, почувствовала, что время движется медленно. Каждый день она просыпалась до восхода от назойливого пения привратника, Чесба: «Велик Аллах! Нет бога, кроме Аллаха!», а в полдень и по вечерам поднималась на крышу слушать призывы муэдзина из мечети. Утро тянулось долго, Гертруда ела слишком много сластей и яростно писала в дневнике, что женщины Хаиля «целый день не делают абсолютно ничего». Она составила карту маршрута до Багдада, а затем отшлифовала свои археологические зарисовки.

Как у арабского царя, который каждый день ждал новой сказки Шахерезады, у нее единственным развлечением было слушать необычайную и живую историю жизни Туркийе. Девочку продали в детстве и разлучили с любимым младшим братом, которого она все еще пыталась найти. Когда она вошла в брачный возраст, ее снова продали и увезли на переполненном корабле,

кишащем болезнями. Пассажиры умирали один за другим. Матросы выносили умершего на палубу, пинали как следует, удостоверяясь в его смерти, потом бросали за борт. Гертруда взяла фотоаппарат и сделала несколько снимков разговаривающей Туркийе. Оказавшись в Мекке, рассказывала она дальше, играя рубинами, она вышла замуж за молодого перса, которого потом полюбила, но очень скоро снова была похищена, на этот раз агентом эмира рашидидов, и ее увезли, несмотря на ее крики, а молодой муж бежал следом с воем. Сперва Туркийе на Мухаммада и смотреть не хотела, но он был терпелив и ласков, и вскоре ей стало приятно делать его счастливым. Когда Мухаммад захотел жену помоложе, он по обычаю выдал Туркийе замуж за уважаемого человека. Но сейчас она вдова. Ее самое большое горе, сообщила она Гертруде со слезами, это что у нее не осталось живых детей. Из семи младенцев, рожденных ею, шестеро умерли сразу после рождения, а седьмой прожил год. «Туркийе говорит, что здешние жители ставят женщин не выше собак и обращаются с ними соответственно», – писала Гертруда.

Время от времени заходили ее люди и передавали базарные слухи. Весь город ждет вестей об исходе последнего набега эмира. Делать, кроме разговора, было нечего, а сплетнями Гертруда никогда особо не увлекалась. Она не могла придумать никакой работы своим невольницам, так что они сидели на подушках, жуя кончики кос, и пересказывали домашние драмы, пока она не потеряла терпение и не отослала их совсем. У нее было несколько мигреней, к тому же доставлял неудобство теплый ветер, гулявший во дворе и поднимавший песчаные вихри. Спала Гертруда беспокойно. «Ветер, пыль, слабые дожди… ночью тихо кричат маленькие совы».

В растущем нетерпении она послала Ибрагиму письмо по поводу своего аккредитива, но ответ разрушил ее надежды. Он в момент получения ее письма был с Фатимой, тугой на уплату бабкой эмира, и в ответе было сказано, что им ничего про эту сделку не известно. «Ясно, что они не отдадут», – писала она с горечью. В любом случае не отдадут ее денег до прибытия эмира, а кто знает, когда это будет? Ей что, ждать здесь бесконечно? Гертруда всеми доступными способами пыталась установить контакт с Фатимой, но, не имея возможности найти полезных посредников, ответа не получила. В странном и старинном обществе этого города на краю света нужно ли было трактовать молчание как личное пренебрежение к ней? Когда люди Ибрагима вернули ее подарки, она еще больше встревожилась. Это оскорбление или, как объяснили ее люди, утонченная

любезность?

Гертруда делала что могла. Пересчитала оставшиеся деньги, послала за оставшимися верблюдами, продала их столько, сколько могла себе позволить. Выход из Хаиля планировался с намного меньшим караваном. Она рассчитала всех людей, которых наняла в Дамаске. Они уйдут, когда появятся попутные караваны, и оставят ее с командой из трех человек: Фаттух, Али – проводник из Хамада, и Феллах. Ей предстояло пройти дальней стороной укрепленного Нефуда, и тревожила мысль о том, как же обойтись с таким малым караваном. «У меня осталось всего 40 фунтов, этого хватит, если Ибрагим нас отпустит. Сегодня вечером должна состояться встреча с ним. Беспокойный день».

И оставался только один луч надежды – Али. Его дядья, в настоящий момент гости в Хаиле, были шейхами из племени аназех. Рашидидам они нужны были как союзники: с их помощью рашидиды собирались захватить город Джоф, куда направлялся эмир. Эти дядья, как сказал Али Гертруде, уже торгуются по ее поводу и резко возражают против отношения, проявленного Ибрагимом к ее аккредитиву. Между собой они, добавил Али, называют Фатиму келбех – сука.

Наконец настала ночь, и снова на той же кобыле Гертруда поехала на решающую встречу с Ибрагимом. На улице поднимался горячий ветер. Пыльный песок вертелся во дворе, песчинки жалили лицо. Гертруду провели в комнату поменьше прежней, и там она некоторое время ожидала появления Ибрагима. Она принесла с собой те же подарки и, как только поздоровалась с ним, сразу же попросила оставить их у себя. И снова подняла вопрос денег, на этот раз не став ходить вокруг да около. Она больше не останется в Хаиле, заявила Гертруда. Удержание ее денег причиняет ей огромное неудобство, и она вынуждена просить, чтобы ей дали рафика для следующего этапа путешествия. Ибрагим ответил вежливо: он улыбнулся и заверил, что готов предоставить ей рафика, но при этом не смотрел ей в глаза, и сомнения Гертруды не были развеяны. В дневнике для Дика она написала в ту ночь, что впервые оказалась близка к тому, чтобы признать в себе страх, и, убежденная атеистка, закончила письмо молитвой о спасении:

«Я провела долгую ночь, строя планы побега, если дело обернется плохо… В духовном смысле в этом месте пахнет кровью… рассказы возле моего костра все только об убийствах, и убийством дышит воздух. Действует на нервы – вот так сидеть целый день за высокими глинобитными стенами, и я благодарю небеса, что нервы у меня не очень чувствительные… И пусть все будет хорошо, Господи! Боже мой, пусть будет хорошо!»

Ее худшие страхи сбылись на следующее утро, 3 марта, с появлением раба – брата Саида. Нарядно одетый и пришедший в сопровождении слуг, он повторил то, что она уже слышала: ехать ей нельзя, не могут они также и выдать ей денег, пока не придет гонец с разрешением от эмира. Это было первое подтверждение, что Гертруду фактически задерживают в Хаиле. Она глубоко вздохнула, резко развернулась, сбежала во двор и вернулась с Мухаммадом и Али. И сказала Саиду, чтобы он перед ними повторил свои слова.

В настоящий момент интересы Гертруды очень мало значили для рашидидов. Она приехала в самый неподходящий момент. Чего она не знала – и сам Ибрагим тоже не знал, – что как раз сейчас эмир, шестнадцатилетний глава семьи, намеревался убить брата Ибрагима Замиля ибн Субхана. Как регент, советник и дядя, Замиль сопровождал его в пустыне в качестве главы армии соплеменников. Он уговаривал эмира заключить мир с Ибн Саудом, но эмир хотел абсолютной власти без всякого вмешательства. Через небольшое время, на форпосте в пустыне под названием Абу-Гхар эмир велит одному из рабов застрелить регента в спину. Когда Замиль упадет наземь, его братья и рабы тоже будут перебиты. Эмир и его сообщники, согласно сообщениям, проедут мимо места бойни, даже не повернув головы. Ибрагим, вероятно, хорошо знал, что его родные не в фаворе у эмира, и совершенно не хотел его провоцировать – ни выдачей Гертруде денег, ни взятием на себя ответственности за ее отъезд.

А между тем Туркийе выполнила свое обещание пригласить Гертруду на встречу с королевским гаремом. Мать эмира, Муди, послала Гертруде приглашение посетить ее вечером после наступления темноты. Гертруде было очень интересно увидеть сцены, так часто воссоздаваемые художниками-ориенталистами и карикатуристами «Нью-Йорк таймс», с роскошными красавицами на подушках, окруженными рабынями и евнухами. Муди произвела на нее сильное впечатление. Несмотря на то что она была женой трех эмиров по очереди, она все еще оставалась молодой: Гертруда описала ее очень красивой и очаровательной, а также умной и восприимчивой.

«Я провела два часа, взятые прямо из “Тысячи и одной ночи”, с женщинами дворца. Думаю, мало осталось мест, где можно увидеть подлинный Восток в его обычаях, как он живет уже сотни и сотни лет, и одно из таких мест – Хаиль. Вот они были передо мной, эти женщины, одетые в индийскую парчу, увешанные драгоценностями, обслуживаемые рабынями. Они передаются из рук в руки, их берет себе победитель… подумать только! У него

руки красны от крови их мужей и детей. У меня это все никак в голове не укладывается».

И Гертруда тоже представляла для Муди предмет уникального интереса. Эти женщины смотрели друг на друга в восторге, и каждая встретила в лице другой совершенно новое для себя явление. Жаждущие объяснений, полные вопросов, они разговаривали все живее, а другие жены смотрели завороженно, потрясенные как внешностью Гертруды – бледная кожа, зеленые глаза, рыжие без хны волосы, вечернее кружевное платье, туфли на пуговицах, – так и ее головокружительной мужской свободой. Перед ними, несомненно, была женщина, живущая жизнью шейха и воина. Гертруда объяснила свои текущие затруднения. Муди, не имеющая опыта независимости, поняла, что сидящая перед ней путешественница поймана, как птица в клетке. Два часа пролетели как одна минута. Они посмотрели друг на друга в последний раз – представительницы противоположных миров, великолепно понявшие друг друга, – и настало время расставаться.

К 6 марта Гертруда фактически находилась под домашним арестом, и уже не было смысла скрывать это от себя. Без разрешения на отъезд и без рафика для гарантии неприкосновенности она стала пленницей. У нее заканчивались ресурсы. И она сидела, закусив губу, вполуха слушая, как Туркийе и домоправительница жалуются на дороговизну рабынь: «Раньше можно было хорошую девочку купить за двести испанских реалов, – говорила Лулуа, – а теперь не достанешь и за пятьсот», – и тут пришел гонец с королевским приглашением навестить двоюродных братьев эмира у них в саду после полудня. При свете дня.

Хозяевами оказались пять маленьких детей, одетые в вышитые золотые халаты и с раскрашенными лицами. Гертруда сидела с ними в летнем доме на ковре «как на рисунке из персидской книжки с картинками». Рабы и евнухи подавали фрукты на подносе, чай и кофе, и мальчики провели ее по саду, называя ей каждое дерево и каждый цветок. Присутствовали и взрослые, и вскоре Гертруда узнала сидящего среди них Саида. Она села с ним рядом и, заговорив без вежливых предисловий, сухо и коротко сообщила о своем желании срочно покинуть Хаиль.

Когда Саид ответил: «Приезд и отъезд – не в нашей власти», – Гертруда вышла из себя. «Я говорила с ним очень энергично и закончила беседу, резко встав и покинув его… правду сказать, мне все это очень надоело», – написала она в другом дневнике.

Через час, когда она сидела в кофейной, которую

использовала как спальню, рабыня пригласила ее в приемный зал. На этот раз Гертруда не дала себе труда оправлять одежду или причесываться. В дверях стоял Саид, бесстрастный, как обычно, с мешком в руке. Он сообщил, что ей дано полное разрешение уходить куда захочется и когда вздумается. Она с удивлением приняла от него мешок, и оказалось, что внутри золото. «Почему мне сейчас дали разрешение или почему его не давали раньше, я понятия не имею, – написала она. – Но как бы там ни было, я свободна, и на сердце у меня спокойно. Отпустило».

Гертруда так никогда и не узнала причины своего неожиданного освобождения, и всегда будет гадать. Когда она обдумывала это в очередной раз, у нее возникла новая мысль. Там, где дядья Али потерпели неудачу, где Ибрагим лгал, а Фатима не хотела отдавать денег, не заступилась ли за нее более благородная душа? Несомненно, есть способы, которыми женщины гарема могут влиять на поступки и события в мире мужчин. Не Муди ли, фактическая королева Хаиля, открыла дверцы клетки и вернула Гертруде свободу, которой у нее самой никогда не было?

Любой другой быстро собрался бы и сбежал, пока не передумали, лучше даже до рассвета. И что характерно для Гертруды, она, столько раз просившая об отъезде, теперь попросила разрешения остаться еще на день, испытывая свою удачу и восемь часов потратив на то, чтобы заглянуть во все уголки Хаиля и сделать снимки. Можно себе представить, как отреагировал Ибрагим. Он, пивший кофе с рабами или совещавшийся с Фатимой, сперва просто издал удивленный возглас, а потом наверняка развеселился от чистой наглости такой просьбы. Казалось, Хаиля коснулось более светлое настроение. И Гертруда, шатаясь под солнцем с открытым лицом вопреки неодобрению духовенства, оказывалась объектом дружественного любопытства, куда бы ни направилась. «Все улыбались и были приветливы… люди толпились, чтобы увидеть меня, но вроде бы мои действия вызывали у них только благожелательный интерес».

Она обошла башни дворца, увенчанные массивными укреплениями, прошла мединскими воротами, охраняемыми рабами, углубилась в кухни дворца, залезала на крыши, спускалась вниз и фотографировала укрепления. Когда она вернулась, ей передали приглашение на чай от Туркийе. «Я пошла, и мы с ней чувствительно попрощались. Мы с ней, думаю, расстались теперь навеки и не увидимся больше, кроме как в воспоминаниях. И вот так закончился мой странный визит в

Хаиль. После одиннадцати дней плена это был в каком-то смысле апофеоз!»

На следующий день, 7 марта, Гертруда встала до рассвета и удивилась, увидев во время сборов еще одного посетителя. Это был дворцовый раб, человек со странным лицом, крашенной хной бородой и черненными глазами. Он посоветовал ей уезжать из Хаиля западной дорогой, поскольку так будет безопаснее. Она знала, что придется последовать этому совету, поскольку за ней будут следить, но тут же заподозрила подвох. «Я вообразила, что они хотят послать меня к эмиру и думают, что он наверняка будет на западной дороге, потому и отдали такой приказ», – замечает она. Интрига сработала совсем наоборот, потому что, когда Гертруда достигла места, где ожидалась встреча с эмиром, он, к счастью, уже прошел мимо с востока. Но Гертруда еще не отряхнула прах Хаиля от ног своих: на второй день пути к ее шатру прибыли посланцы рашидидов и сообщили, что эмир ее ожидает. Они добавили, что он взял Джоф и выгнал оттуда руваллийцев, не скрыв от нее и подробностей взятия. Посланцы уехали, и она снова пустилась в путь. Строго держась своей дороги, Гертруда шла по девять-десять часов в день, свернув на северо-запад к Багдаду дорогой на Хайанью и Неджеф. «[Путешествие] так изматывает душу своей полной монотонностью, что я каждый день прихожу в лагерь, шатаясь от усталости… Начинаю ощущать действие суровой походной жизни; в общем, я буду рада снова добраться до цивилизации».

Ей было забавно услышать совершенно иную версию «взятия» Джофа от нового рафика, который пришел к ней прямо с кампании эмира. Эта невинная душа, совершенно не зная официальной версии, изложенной посланцами эмира, сообщил, что рашидиды остановились перед самым городом и отступили под натиском руваллийцев, даже не увидев Джофа. Гертруда по дороге осмысливала пережитый опыт, и эта последняя ложь убедила ее, что «рашидиды приближаются к собственному концу».

«В их роду не остается взрослых мужчин – эмиру всего 16 или 17, а все остальные едва ли не младенцы – так смертоносна семейная вражда… Их история – длинная цепь предательства и убийства. Я бы сказала, что будущее принадлежит Ибн Сауду. Он блестящий противник… Я думаю, что его звезда – восходящая, и если он соединится с Ибн Ша'ланом [из племени рувалла-аназех], то Ибн Рашид окажется между молотом и наковальней… Решено! Следующее мое путешествие по Аравии будет к нему».

Гертруда понимала, что в этой поездке отправиться на юг из Хаиля для сбора информации о Риаде, саудовской столице, невозможно. Как ни обидно было, она сознавала, что для путника,

идущего прямо от рашидидов, эта дорога непроходима. Устав душой и телом, она не могла понять, чего же все-таки достигла, и желчно писала в дневнике для Дика: «Боюсь, что, оглядываясь назад, я скажу: это была потеря времени».

В марте четырнадцатого года Гертруда еще не знала и не могла знать очень многого. Исследование жизни племен, которое она выполнила, картографирование территорий, сеть союзов и вражды племен, которую она открыла, оказались уникальной информацией. Ее беглое владение языком племен дало ей ясную картину многовековой арабской системы правления, политических интриг избранных семейств и племен. В последующие годы знания, приобретенные в этой последней ее экспедиции, окажутся бесценными. Сейчас же, устало плетясь к Багдаду, Гертруда проводила границу между будущим Ираком и будущей Саудовской Аравией. Долгие подготовительные годы закончились, и началась карьера, которой предназначено было стать ее судьбой.

Понимание ею того, что будущее центральной Аравии принадлежит Ибн Сауду, приобретет огромный вес, когда она это сообщит британскому послу в Константинополе, подтвердив свое мнение открытыми фактами. Гертруда объявит, что саудовцы сильны и более заслуживают британской помощи. У нее не получилось встретиться с Ибн Саудом, и это ее разочаровало. Как же придется ей удивиться, когда через два года он, совершив беспрецедентный шаг – в поисках оружия посетив британскую администрацию, – предпримет специальное путешествие для встречи с ней.

Оставив за спиной Хаиль в десяти днях пути, Гертруда достигла пограничных земель Евфрата и прошла на территорию бедуинов. Теперь ее караван еще больше бросался в глаза на этой земле разъезжающих на ослах шиитских пастухов племени риу. Начались обычные заботы: приближаться к лагерям, шейхи которых могли с равной вероятностью их приветствовать или ограбить, прятаться в расселинах с винтовками наготове, находить по пути замены перепуганным рафикам. В какой-то момент закончилась вода, и караван пошел прямо на шайку воров, расположившихся возле грязного колодца: тут рафик Газалат выступил с непроницаемым лицом и отвел опасность. Несколько раз по каравану стреляли. Гертруда подумала, не страхом ли называется испытанное ею при этом чувство, и решила, что теперь может его опознать. Хаиль ее этому научил. В втором дневнике она писала:

«При тщательном анализе своих чувств я пришла к выводу, что в этих случаях я пугаюсь. Наверное, это страх – некоторая

нервность разума, когда он, как очень свежий конь, натягивает поводья и резко их отдает – ты знаешь это чувство в руках, как неровный пульс. У меня одна лошадь дома все время это делает, совершенно бешеная. А потом – глубокое желание, чтобы в следующий час тебе ничего не грозило! Да, это страх».

Гертруда была измотана. В Неджефе Фаттух нанял ей повозку. Впереди лежала большая дорога на Багдад, которую куда быстрее было бы проехать на коне. Со своим личным багажом Гертруда перешла в повозку и пронеслась за шесть часов до Кербелы, два раза сменив лошадей на почтовых станциях. Прибыв после наступления темноты, она оставила багаж в почтовой гостинице и поехала в гости к старому другу, Мухаммаду Хуссейну Хану. За ужином они разговаривали по-английски – впервые за десять недель у нее выдалась такая возможность. Ей было весело сообщить Дику слова Хана о его предстоящем отпуске в Британии. На ее вопрос, что Хан будет делать там с семьей, он ответил, что оставит семью дома, перед отъездом разведясь с женой. Свои чувства Гертруда выразила строчкой восклицательных знаков.

Чтобы отправиться дальше и начать последний этап путешествия, пришлось сесть в почтовую карету уже в три часа утра. Поспать удалось только пару часов. Сейчас до писем из дома было уже рукой подать, и Гертруда с волнением гадала, что там с ее родными. За десять недель могло случиться что угодно. Она быстренько проехала последний участок дороги до Багдада, миновала новую железную дорогу и прибыла в город к обеду. Усталая и встревоженная, она поймала себя на том, что накричала на верного Фаттуха, и тут же попросила у него прощения. Она всегда старалась быть терпеливой, вспоминая слова одного из своих рафиков в Нефуде:

«Во все последующие годы, приходя сюда, мы скажем: “С ней мы пришли сюда, здесь она стояла лагерем”. Надеюсь, так они и скажут, и мне ужасно хочется, чтобы они говорили только хорошее, потому что по мне они будут судить обо всей расе. Эта мысль часто заставляет меня сдержать поспешное слово, когда я устала, или злюсь, или скучаю – о небо! Как же иногда я устаю, злюсь и скучаю!»

Гертруда направилась прямо в британское представительство и взяла свои письма у нового представителя, некоего полковника Эрскина. Характеристика, которую она ему дает, острее ножа:

«Он встает не раньше двенадцати и после обеда раскладывает у себя в комнате пасьянс. Не знает ни одного языка, даже французского, и в голове у него сплошное белое пятно в отношении Турции вообще и Турецкой Аравии в частности. И

этого человека мы послали сюда в момент, когда с одной стороны строится Багдадская железная дорога, а с другой – осуществляются наши ирригационные схемы. Странная мы страна».

Гертруда вернулась в гостиницу, стала курить сигарету за сигаретой и день и ночь читала свои письма. И узнала, что ничего не изменилось. Родные в добром здравии, а жестокая и раздражающая способность Дика, профильтрованная через страницы красноречия, будить у нее надежды и тут же их разрушать, осталась неизменной. Чем дальше она от него, тем сильнее его чувство к ней – на бумаге. Изголодавшаяся по его любви, Гертруда не нашла ничего утешительного, и все же он настолько усыплял ее разумность, что она могла почти заставить себя поверить в возможность их совместного будущего. И мука началась снова, стоило ей прочесть его слова: «Я тебя люблю – есть тебе от этого какая-то польза там, в пустыне? Пустыня становится не такой широкой, не такой одинокой, не такой похожей на край жизни и смерти?» Или взять его письмо из Аддис-Абебы в Абиссинии, где он был сейчас в качестве представителя Британии в Международной комиссии по границам: «Чего бы я не отдал за то, чтобы ты сидела напротив меня в этом доме одиночества». И в конце концов Гертруда почувствовала себя уставшей и разочаровавшейся в своих надеждах. Она попыталась напомнить себе, что это ощущение «праха и пепла в руках» всегда появлялось у нее в конце приключения. И спросила себя, зачем было подвергаться испытаниям последних трех месяцев, если ничего от этого не изменилось ни в ее чувствах, ни в мире вообще.

Дик написал о посещении Слоун-стрит, где встречался с ее отцом. Капитана индустрии он назвал «очень милым стариком». У Хью было полно своих дел, он собирался уезжать для встречи с лордом Китченером, потом с резидентом в Хартуме и, наконец, с сэром Реджинальдом Уингейтом, верховным комиссаром в Каире. Также в письме Дик попросил Гертруду об одной вещи: телеграфировать ему в Аддис-Абебу. Послать только два слова: «Благополучно Багдаде» – и оставить без подписи. Она на следующее утро послала телеграмму с почты и вслед за ней отправила пакет – свой второй дневник, который вела только для него и который должен был рассказать ему все в подробностях. Перед этим быстро его перечитала – и нашла необъяснимо безличным.

«Я думаю, единственное, что стоит говорить, – это то, чего я не могу сказать: о том, как я сама вижу глаза этого человеческого существа, слабого, невежественного и заблудшего, усталого и

разочарованного, побывавшего в передрягах. Этого я не могу сказать, потому что это слишком интимно, а еще потому, что не хватит умения… Такие вещи не пишут в дневнике, потому что не надо для себя рисовать картину – она перед глазами».

Старые друзья обрадовались возвращению Гертруды, не могли поверить в такое путешествие, удивлялись, как она выжила, и поздравляли ее так, «что сердце согревалось». Поздравлял в том числе человек, ставший ключевой фигурой для будущего Ирака, – сэр Саид Абдул Рахман. Его знали по титулу, накиб – главный среди суннитов, – и он был религиозным лидером настолько важным, что ни одной женщине, кроме Гертруды, не позволялось находиться в его августейшем присутствии. «Он слишком свят, чтобы обмениваться со мной рукопожатием, – отмечает она, – но… мне был очень интересен, как всегда, разговор с ним». Среди новых ее друзей был Артур Тод, директор «Линч бразерс», который управлял компанией паромов, переправляющих пассажиров через Тигр, и его «милая маленькая итальянская жена», которая, увидев, насколько Гертруда устала, немедленно пригласила ее у них остановиться. Аурелия Тод, ставшая одной из лучших подруг Гертруды, проследила, чтобы одежду путешественницы выстирали и прогладили, пока она спит. Этот отдых был очень нужен Гертруде, и она его провела за осмотром достопримечательностей, как любой турист, несмотря на 140 градусов по Фаренгейту. Она посетила новую железную дорогу турецко-немецкой постройки, которая вскоре стала угрозой контролю Британии над Персидским заливом. С берегов Тигра Гертруда смотрела на деревянные шпалы, прибывающие из Гамбурга, – их выбрасывали на берег с флотилии старинных лодок с латинскими парусами. Дочь сталепромышленника не могли не потрясти эффективность и масштабность проекта. Начальник строительства – знаменитый инженер Генрих Август Мейсснер рассказал про трудности. Приходится не только импортировать шпалы. Для изготовления бетона нужно еще опреснить воду, потом перемолоть тонны гальки в связи с нехваткой камня и песка, а еще добавлять необходимое дерево. «Илистые воды разлива Тигра, пальмы, изнуренные поющие арабы – весь этот древний Восток, – замечает Гертруда, – и посреди всего этого стоят сверкающие безупречные паровозы, стриженные под ежик немцы с синими глазами и ловкой военной выправкой; солдаты Запада, прибывшие завоевывать…»

Ее приглашали на обеды и слушали рассказы о Хаиле, а ее восхищение Ибн Саудом возросло, когда ей сообщили о том, как он взял Эль-Хасу. Он выгнал турок из города без единого

выстрела, отконвоировал их гарнизон на берег и разоружил. Гертруда на судне Тодов приплыла вверх по реке, миновав один из городских дворцов, потом пила чай под тамарисками, бродила в розариях и наблюдала закат. «Багдад переливался в жаркой дымке, как город из волшебной сказки».

Несомненно, это был ее любимый город, выстроенный в персидском стиле, и еще она любила Евфрат. Багдад олицетворял для нее романтику «Тысячи и одной ночи» – знаменитый цикл сказок, появившихся в XI веке. Создание династии Аббасидов, он единственный выжил из трех городов, построенных на слиянии Евфрата и Тигра. Вавилон и Ктесифон сгинули, а Багдад уцелел во всей своей богатой и разнообразной культуре, вопреки монгольскому вторжению 1258 года и чередованию двух Османских империй. Он был построен на обширной аллювиальной равнине, где существовала система каналов, ныне пришедшая в запустение. Каналы эти собирали воды от таяния снегов Анатолии и позволяли возделывать землю. Город лежал на скрещении древних важных маршрутов в Иран и оттуда в Китай, через Ирак, Сирию и Египет, через Анатолию в Константинополь и Трабзон. Гертруда наверняка читала воспоминания о его славе, оставленные историком II века аль-Хатибом аль-Багдади и его же описание двора халифа аль-Муктадира в 917 году. Этот блестящий двор с залами и парками, книгохранилищами и сокровищницами, евнухами и солдатами, управителями и пажами славился по всему миру. Однажды византийским послам показали принадлежащее халифу знаменитое дерево в натуральную величину: ветки были покрыты листьями и птицами, все из золота и серебра. Листья дерева шевелились на ветру, а драгоценные птицы посвистывали и пели. Когда послы предстали перед халифом, то увидели его на троне между восемнадцатью нитями драгоценностей, а рядом с ним среди придворных стоял личный палач, готовый свершить скорый суд.

Гертруда осудила круглосуточные бары, игорные притоны, проституцию и коррупцию 1914 года, но увидела в них некоторое продолжение экзотического прошлого. «Багдад перешел к цивилизации этого типа так быстро и искренне, поскольку это было в каком-то смысле возвращением к тому, что он знал в славные дни халифата», – пишет она во втором дневнике.

Закончились эти каникулы, и Гертруда повернула к Дамаску. Ей предстояло пройти еще 350 миль Сирийской пустыни. В ее заново собранном караване было сейчас восемь верблюдов и четыре человека: она сама, Фаттух, Феллах и Саид из племени шерари. Им предстояло пройти севером Плодородного полумесяца, мимо областей, куда разошлись кочевые пастухи из

Неджда. Это должно было стать захватывающим путешествием через историю, от истоков ислама на востоке до краев греческой и римской цивилизаций на западе. Но Гертруда уже хотела, чтобы это путешествие подошло к концу. Она пойдет налегке и упираться будет изо всех сил. Большую часть багажа она оставила для отправки морем, взяла только новый местного производства шатер, поменьше и полегче тех, что привезла из Лондона, и свой складной стул; один чемодан с одеждой, провизию на три недели и минимум кухонной утвари. Она лишь сохранила свою «единственную роскошь», парусиновую ванну, но приговорила себя к двум неделям на тонком матрасе, заменившем в Багдаде объемную складную кровать. «Там под открытым небом снова и сразу мое сердце потянулось к ней. Очень скоро меня измотает эта постель на земле, не сомневаюсь! Ох, Дик! Ох, наши бедные косточки! Когда мы наконец уложим их в могилу, как же они будут ныть… Пыль, которая никому нравиться не может. Не знаю, отмою ли я когда-нибудь волосы… Те, кто сидит дома и думает, что исследовать огромные пространства интересно и весело, не знают цены, которую нужно платить за такие дни, как вот эти. Ай, как не стыдно! Столько шуму подняла из-за одной ночи без удобств!»

Несмотря на пыльную бурю на третий день, завалившую новый шатер песком, отряд продвинулся до разрушенного форта возле Визефа. Там путешественники нашли «огромную скалистую дыру» в земле. Гертруда, казалось, приключениями на одну поездку была уже сыта по горло. Но эта дыра захватила ее так же, как захватывали в прошлые годы непокоренные вершины. Ничего не удовлетворило бы ее, кроме спуска в черный туннель, и потому она сняла с себя большую часть одежды, сунула в карманы горсть свечей и спичек и спустилась на двести футов, сопровождаемая наверняка лишенным энтузиазма Фаттухом. Она вспоминала:

«Мы храбро лезли в эту странную щель в камнях. Иногда она открывалась в огромные залы, иногда становилась такой низкой, что через нее приходилось ползти по песку. В конце мы нашли чистое холодное озерцо, питаемое ключом в скалах. Мы в него вошли, наполнили фляжки… мы оставили свет в разных точках, чтобы возвращаться по огонькам, но здесь все было так странно и так похоже на врата бездны, что я не слишком сожалела, когда увидела снова свет».

Эффект короткого отдыха в Багдаде скоро прошел, и дневник рисует портрет женщины такой усталой, что нормальная реакция пробуждения почти не действовала. Она впервые смогла заснуть на верблюде и не упала. Что важнее, Сирийская пустыня уже не

была так безопасна, как Гертруда рассчитывала. Всюду вокруг происходили газзу – набеги, – и вскоре появились слухи о телах, брошенных в пустыне и сожранных собаками. От усталости ритуальное посещение шатров шейхов и приглашение рафиков стали восприниматься как повторяющийся сон. Запоминалось только необычное, вроде встречи с детенышем газели в шатре одного шейха.

«Его подвели и положили мне на колени, где он и заснул. Лежал свернувшись, как микенская статуэтка слоновой кости, над ухом торчал нелепый рог, и газеленок проспал все время разговора. А я смотрела на резкие внимательные лица мужчин, собравшихся вокруг очага, где варился кофе, понимала, что у меня лицо, вероятно, тоже озабоченное, да и никто в компании не был полностью свободен от напряженной осторожности, но детеныш спал у меня на коленях. И это беспечное спокойствие маленького существа внушало уверенность».

Через десять дней после выхода из Багдада Гертруда оказалась возле крупного лагеря племени аназех и с неохотой задержалась там ради вежливости и взятия очередного рафика. Аназехцы были многочисленны и распространены так широко, что Гертруда отзывалась о них как о «нации». Южные аназехцы подчинялись Ибн Сауду, в то время как северные делились на две группы: одной правил Ибн Шлан, второй – Фахад-Бег ибн Хадхбал, чьи три сотни шатров раскинулись сейчас по травянистым склонам Гараха. Он был «такой большой человек, что я испугалась, как бы не пришлось ставить рядом с ним лагерь». Но когда Гертруда его увидела, ее отношение стало более теплым: «Он принял меня с сердечностью почти отцовской, и мне понравилось быть в его обществе. Он разложил красивые ковры, на которых мы сидели, прислонясь к верблюжьему седлу. Над нами на насесте сидел ястреб шейха, а рядом с ним лежала гончая».

Этой встрече предстояло стать одной из самых важных в жизни Гертруды, и она имела огромное значение для ее последующей работы.

Фахад-Бег, лет семидесяти, был человеком предвидения. Он одним из первых великих бедуинских шейхов понял значение собственности. Он понимал, что приход железной дороги положит конец разведению верблюдов как средства транспорта. Шейх купил землю в оседлой зоне канала Хусейния к западу от Кербелы и выращивал пальмы, но на полгода возвращался к кочевьям со своими верблюдами и своим родом, а тем временем обязательные набеги выполнял его старший сын Митаб. Намного позже, уже в послевоенную пору, Гертруда с удовольствием взяла

Фахад-Бега в первый полет на самолете – как человека, рано оценившего значение механического транспорта.

Этот день она провела, исследуя руины первобытного селения в часе езды от лагеря, делая тщательные заметки, и вернулась в ответ на послание Фахад-Бега, хотевшего провести вечер в ее обществе. Он пришел в ее шатер в сопровождении свиты, несущей множество чаш и кухонных котлов, и устроил то, что для Гертруды было истинной роскошью пустыни: восхитительный ужин. Во время еды между ними установилось отличное взаимопонимание. «Мы ели. Наступили сумерки, и снова пошел дождь, а мы все разговаривали о государстве Ирак, и о будущем Турции, и о наших друзьях в Багдаде, пока он в восемь часов не ушел и я отправилась спать… среди дождя благословений». На следующий день, борясь с яростным холодным ветром, Гертруда подумала: закончится ли когда-нибудь это путешествие? У нее было нечто вроде привычного растяжения, потянутая мышца от езды на верблюде, стреляющая болью от бедра до стопы. Она хромала по лагерю и писала в своем втором дневнике, что ей нужно год поспать. Гертруда уже начинала терять счет дням: «Вчера – что было вчера? Переходили высокие плато и широкие долины», – и устала зарисовывать на карту безликий ландшафт. А потом вдруг посреди безлюдья появился одинокий человек, пеший. Отряд к нему подъехал, попытались заговорить с ним по-арабски, по-персидски и по-турецки, но он молчал. Ему дали хлеба, который он принял, и поехали дальше. Гертруда оборачивалась и смотрела на него, медленно направляющегося к сердцу необитаемой пустыни. Потом она почти всерьез задумалась, а не было ли это галлюцинацией. Усталость была такая, что могло случиться все, что угодно.

«В холмах над нами стоят лагерем какие-то люди, и мне все равно, что они с нами будут делать… впереди нас ждал такой долгий дневной переход, что душа сжималась при мысли о нем. Я подумала, не заплачу ли просто от усталости, и что они подумают, если я уроню слезу в огонь очага, где варят кофе! Моя репутация путешественника таких откровений не перенесет».

В некотором смысле столь продолжительный недосып освобождает мысль от стресса, снимает остроту неминуемых трудностей и в то же время усиливает впечатлительность. В ее ежедневных записях просматривается более глобальная, более духовная точка зрения. Гертруда записывает по памяти строчки стихотворения Шелли «Дух восторга»:

Снег люблю, мороз трескучий

И другое, вроде
Волн, ветров. И шторм могучий…
Я люблю в Природе
Все, что не таит следы
Человеческой беды[28].

Ее собственное описание бури поэтично настолько, насколько может быть вообще поэтична проза.

«Мощная буря перешла нам дорогу. И мы, проезжая по миру, потемневшему от ее августейшего присутствия, смотрели и слушали. Сверкали молнии в скоплениях туч, говорил из них гром, и невидимый нам ветер хлестал потоками града, изгибая их и закручивая, выстраивая цепью, как солдат, идущих в атаку через равнину и захватывающих горы».

Потом тучи рассеялись и открылась красивая золотистая бухта пустыни с башнями средневековой крепости в центре. Отряд увидел Пальмиру. Еще три дня десяти– и двенадцатичасовых переходов, и экспедиция спустилась от снегов Хермона к тому самому месту возле Дамаска, где Гертруда приняла своих верблюдов и раскинула первый лагерь путешествия. Первого мая она ехала через окружающие город сады и виноградники. Четыре с половиной месяца она не видела зеленого пейзажа, и текучая вода, свежие всходы посевов, обильные оливы, шелест листьев каштана, пение птиц и горящие на солнце розы – все это радовало глаза и слух. Первым домом на Думайрской дороге при въезде в Дамаск оказался английский госпиталь, где она встретилась с другом, доктором Маккинноном. Гертруда слезла с верблюда и чуть не упала, ввалившись в дверь. Через несколько минут около нее оказался доктор Маккиннон, потом его жена. Они взглянули на нее – и взялись за работу. На следующий день она писала:

«Итак, я в саду, который весь – беседка из роз, и в тихом доме, где никто меня не побеспокоит и можно лежать тихо и отдыхать. Но это не очень помогает, потому что во сне я еще еду на верблюдах… Теперь все позади, и я постараюсь забыть это до момента, когда буду не такая усталая. Все это еще слишком близко, слишком нависает надо мной, непропорционально размеру в мире, и слишком темное, невероятно зловещее».

Она отдыхала несколько дней, потом стали приходить посетители. В том числе явился и агент рашидидов, чья «хитрая узкая физиономия» и «тихий медленный голос» вызвали у нее неясную тревогу, когда она вручила ему двести фунтов в обмен на аккредитив. Агент спросил, слышала ли она вести об

Ибрагиме. Гертруда уточнила, что он имеет в виду. «Он молча посмотрел на меня и провел пальцами себе по горлу».

Предполагалось, что Ибрагим был убит за то, что выпустил Гертруду из Хаиля. На самом деле примерно в то же время, когда Гертруда прибыла в Багдад, юный эмир уже убрал своего дядю, регента Замиля ибн Субхана, возле Абу-Гара – отчасти потому, что Замиль состоял в секретных сношениях с Ибн Саудом в надежде достичь мирного соглашения. Эмиру теперь нужно было убить Ибрагима, брата Замиля, со всеми его субханскими родичами и их рабами, поскольку иначе они были бы честью и кровью обязаны убить эмира с его сыновьями. Таким образом, началась новая кровная вражда. И немного прошло времени, пока, в свою очередь, не был убит эмир. Вот так в сутолоке кровной мести и интриг двинулись рашидиды к своему закату, как и предсказывала Гертруда.

Хотя это стало вполне подходящим эпилогом к ужасам Хаиля, не о смерти Ибрагима задумалась Гертруда, погрузившись в размышления, располагая события последних четырех месяцев в каком-то подобии порядка. Назойливый призыв муэдзина, преследовавший ее в плену, преследовал ее и сейчас, оставляя в душе неизгладимое впечатление от фатализма и духовности арабов:

«”Велик Аллах, велик Аллах. Нет бога, кроме Аллаха. И Мохаммед пророк его. Велик Аллах. Велик Аллах”. Тихий и медленный, рожденный ароматным дыханием пустыни, мощный напев, который есть альфа и омега ислама, звучит у меня в памяти, когда я вспоминаю Хаиль».

Глава 10
Работа на войну

Не в мундире только я и кошка.

Гертруда вернулась из Хаиля совсем другой и в совсем другой мир. Она поехала в Раунтон восстанавливаться, и было это как раз, когда грянула война, а Гертруда писала горестные письма Дику Даути-Уайли в Аддис-Абебу. Когда объявили войну, 4 августа 1914 года, Гертруда уехала в имение и стала там пропагандировать, залезая на стога и телеги, обращаясь к работникам, уговаривая их сделать то, что сделала бы сама, если бы родилась мужчиной, – вступить в армию. Она ходила к шахтерам на рудники, носилась по полям на машине, побуждая людей идти воевать.

Войну ожидали уже четыре месяца, если не четыре года. После ярости тотальных наполеоновских войн Европа построила договоры, связывающие страны друг с другом сетью обязательств. Британия придет на помощь Франции, Франция вмешается ради России, Германия встанет за Австрию, Россия за Сербию, Польшу и Италию, Турция пойдет в одном строю с Германией.

Немецкий кайзер Вильгельм, самоуверенный агрессор из военного сословия, усиленно строил суперлинкоры для флота и наращивал мощь армии. Но опасность пришла с наименее вероятного направления – от старой и усталой империи Австро-Венгрии. Император осуждал перемены и правил твердой рукой, а его разделенные подданные добивались самоопределения. Сербы, в частности, считали, что мириться с тиранией – позор, и вооруженные группы не желали ждать обещанных реформ от благонамеренного наследника императора, эрцгерцога Фердинанда. И однажды в летний день, когда Фердинанд ехал по Сараеву в открытой коляске, из толпы грянул выстрел, и эрцгерцог упал замертво.

Это вызвало эффект домино. Австрия пошла на Сербию, Россия мобилизовалась в поддержку Сербии, пригрозила Турции и позвала на помощь Францию. Германия, видя, как вся Европа выстраивается против нее, решила нанести упреждающий удар. К отчаянию Франции, немцы рванулись через Бельгию и через несколько недель встали лагерем в переходе от Парижа. Британия не могла поступиться честью и не объявить войну и потому послала на помощь Франции экспедиционный корпус в сто тысяч человек. Эти соединенные силы приняли на себя весь удар

наступления на севере, а тем временем два миллиона французов выстроились живым барьером аж до самой Швейцарии. Тем временем Канада, Австралия, Новая Зеландия и африканские колонии пришли Британии на помощь.

Вскоре Япония вторглась в Китай. Страна за страной земной шар проваливался в войну. Единственный выстрел в далекой европейской столице дал старт мобилизации шестидесяти пяти миллионов человек и привел впоследствии к тридцати восьми миллионам жертв.

Еще не закончился четырнадцатый год, как бюро британской разведки в Каире уже задавало вопросы об арабских провинциях Османской империи. Россия оказалась воюющей на два фронта и попросила британской помощи в Средиземноморье. Британия, рассматривая новую стратегию, была вполне готова ее оказать. Прошло всего три месяца, и окопная война в северной Франции достигла патовой ситуации. Была надежда, что, если Британия откроет юго-восточный фронт в Дарданеллах, Германии придется разделить силы и прийти на защиту Турции. Вопрос стоял так: если открывать юго-восточный фронт, если Турция вступит в войну против Великобритании на стороне Германии, чью сторону примут арабы? Уиндхэм Дидс в Каире запрашивал военное министерство, не могут ли там найти Гертруду Белл, известную путешественницу, как раз недавно проходившую по этим территориям, и узнать ее мнение.

Гертруда в Раунтоне взяла это письмо с обеденного стола за завтраком, отнесла в свой кабинет, очистила стол – как обычно, сгребя все книги и бумаги на пол, – и села писать ответ. Доклад, который она сочинила по просьбе военного министерства, свидетельствовал о ее понимании сложной политической ситуации. Расклад был таков: Сирия настроена проанглийски, и ей не нравится растущее влияние Франции в регионе. В данных обстоятельствах Сирия вполне могла бы перейти под британскую юрисдикцию:

«На стороне Багдада наша чаша весов намного тяжелее немецкой из-за важности отношений с Индией – главным образом торговли. Присутствие в Багдаде большого корпуса немецких инженеров, занятых строительством дороги, для Германии преимуществом не будет, потому что их не любят. В целом я сказала бы, что Ирак не особенно хочет видеть Турцию в войне против нас и не примет в ней активного участия. Но Турция, вероятно, обратится… к арабским вождям, которые находятся под нашей защитой. Такие действия будут крайне непопулярны у арабских юнионистов, глядящих в сторону Саид-Талиба из Басры и Кувейта и Ибн Сауда и видящих в них сильных защитников

своих интересов. Саид-Талиб – дикарь-одиночка, от него нам никакой пользы, но наши люди (коммерсанты) с ним поддерживают превосходные отношения…»

Суть ее доклада была полностью подтверждена на месте инспекторами военного министерства, которые знали собственные арабские вилайеты[29], хотя не видели картину в целом, которую легко могла теперь, после эпического путешествия в Хаиль, описать Гертруда. Это в первый раз Уайтхолл признавал ее замечательные знания и пользовался ими. С этого дня ее будущее было связано с британским правительством.

«Доклад Белл» быстро переправили в Каир, а также министру иностранных дел сэру Эдуарду Грею. Грей, как многие тогдашние чиновники и политики из либеральной партии, был Беллам хорошо известен. Хью сидел с ним в совете Лондонской и Северо-Восточной железной дороги, а скромный трактат Грея о ловле рыбы на муху был в числе книг, которые Гертруда брала с собой в пустыню как напоминание об умеренной природе Англии – она сказала ему об этом по возвращении из Хаиля, когда Грей одним из первых посетил Слоун-стрит.

Жизнь менялась повсюду – для одних меньше, для других больше. Журналы были полны фотографий светских красавиц в военной форме: графиня Бэтхерст в форме Красного Креста, маркиза Лондондерри в мундире Женского легиона. Новый британский «Вог», который Гертруда в последнее время иногда читала, показал портрет герцогини Веллингтон, вяжущей солдатский носок. Миссис Винсент Астор, сфотографированная в изумительной летней шляпке, сообщала, что хочет открыть дом для выздоравливающих вблизи Парижа. Леди Рэндольф Черчилль «организовала очень красивые живые картины». Гертруда, отлично понимавшая глупость всего этого, желала найти работу, соразмерную своим способностям. «Я просила кое-кого из моих друзей в Красном Кресте взять меня на первую же подходящую работу, – сообщала она в дружеском письме, – и написала друзьям в Париж, могу ли я им чем-нибудь там помочь… Аравия подождет».

В данный момент все, что она могла сделать, – это влиться в поток благородных дам на рабочие места и взяться за аристократическую работу клерка в госпитале в доме лорда Онслоу в Клэндон-Парке в Суррее – одном из многих больших домов, теперь занятых ранеными. В отделениях лечилась сотня бельгийских солдат, но, к горькому разочарованию Гертруды, ее поставили на рутинную секретарскую работу, а к настоящей сестринской не допускали. Она жаловалась Флоренс, что ей

совершенно нечего делать. Особенно скучны были воскресенья. В одно из них она пошла погулять и зашла выпить чаю к своим суррейским друзьям, семье Джона Сент-Лоу Стрейчи, которые тоже спальни своего большого дома заселили выздоравливающими. В Раунтоне Флоренс готовилась к тому же. Она сказала Гертруде, что вначале их будет двадцать, потом больше, и Гертруда подумала, как же они все разместятся. Она сообщила Флоренс об одном из первых пациентов у Стрейчи – конголезском солдате, который с трудом расстался со своим большим ножом – он привык класть этот нож рядом с кроватью. Он объяснил, что в его районе Африки пленников убивают и едят.

«Сент-Лоу заметил: “Это любопытно неожиданный результат войны: что у человека лучшая комната оказывается занятой каннибалом”».

Прошло всего три недели в Клэндоне, и 21 ноября Гертруду попросили переехать в Булонь для работы в новом департаменте Красного Креста: по раненым и пропавшим без вести.

Департамент открыли в Париже в начале войны – отвечать на запросы родственников, чьи мужья, отцы и братья ушли на войну и перестали писать. Родственники не знали, ранены они, убиты или пропали без вести. Известия доходили только в виде так называемых телеграмм страха, которые посылало военное министерство с извещением о гибели военнослужащего, или же в виде списков потерь, публикуемых в «Таймс». Военное министерство не могло справиться с потоком запросов, и единственной возможностью для родственников оставалось писать в Красный Крест. Задачей отдела раненых и пропавших без вести было отслеживать три категории военнослужащих: убитых, о которых еще неизвестно, что они убиты, раненных настолько тяжело, что они не могли написать домой, и плененных. Сперва отдел занимался только офицерами. И лишь в декабре был открыт его подотдел для работы с письмами от родственников унтер-офицеров и солдат, отследить которых было труднее.

На ранних стадиях конфликта важнейшим делом являлась связь с французскими госпиталями. Поскольку британцы воевали на севере Франции, новое отделение Красного Креста расположили к ним как можно ближе, бок о бок с британскими госпиталями, развернутыми в Булони. Когда прибыла Гертруда, отделению было всего три недели от роду. Немецкая армия недавно прошла по Фландрии, и британский экспедиционный корпус, посланный остановить ее на Ипре, потерял около пятнадцати тысяч человек. Завязшие в окопах, разделенные колючей проволокой и пулеметным огнем, обе стороны влипли в войну на изнурение, изредка прерываемую попеременными

попытками прорваться. Эти наступательные действия уложили в землю от пятидесяти до ста тысяч человек, не дав никому долговременного успеха. Ситуация стала по-настоящему патовой; отвоеванные сегодня сто ярдов отбирали обратно через день или неделю. Все попытки союзников наступать приводили к ужасным цифрам убитых и новой волне потерь, поэтому с каждым санитарным поездом, прибывали новые раненые, и их складывали на станции для перевозки в госпиталь.

Гертруда должна была занять место в отделе рядом со своей подругой детства Флорой Рассел, которая уже там работала, и Дианой, сестрой Флоры. Сестры работали по очереди, так что все время одна была в офисе, другая свободна. Флора сейчас находилась в Лондоне, и Гертруда смогла с ней встретиться и услышать рассказ о жутком хаосе и грязи, с которыми ей предстоит столкнуться. Флора набросала список одежды, которая Гертруде понадобится, и ушла наслаждаться своим отпуском. Имея три дня на то, чтобы добраться до Булони, Гертруда послала ворох писем через Флоренс своей многострадальной камеристке Мари Делэр, требуя белье, часы, жакеты и обязательно – свои сапоги для верховой езды, чтобы справиться с грязью. Письма к Мари были коротки и резки, хотя и смягчены тактичным вмешательством Флоренс. Но преданность и привязанность Мари к Гертруде не знали границ: она оставалась с ней в беде и в радости всю ее жизнь.

В естественном нетерпении Гертруда, как всегда, страдала от отсутствия Дика. Он уже признал, что любит ее, но в своей Аддис-Абебе был невообразимо далеко. Когда она его увидит? Гертруда знала, что если он вернется домой, то наверняка снова предложит свои услуги армии, а тогда снова уедет. Запертую шкатулку с его письмами она положила на дно чемодана.

На пароходе из Фолкстона Гертруда была почти единственной женщиной среди угрюмых мужчин в военной форме, возвращающихся на фронт после четырех суток отпуска. На набережную Булони она ступила под проливным ноябрьским дождем, едва узнав в этом сером городе отправную точку всех путешествий Беллов. Когда-то здесь приезжающих встречала толпа жадных носильщиков, сейчас не было ни одного. Подняв воротник, Гертруда взяла чемодан и пошла за солдатами, которые, взвалив на плечо свое снаряжение, двигались к станции. Там они забрались на флотилию лондонских омнибусов, мобилизованных для перевозки войск на фронт. Пробыв во Франции всего четыре-пять недель, эти экипажи настолько покрылись грязью, что лишь кое-где проглядывал их исходный цвет. Совсем вышедшие из строя были превращены в

импровизированные убежища от дождя. Под коркой грязи Гертруде удалось прочесть пару исходных мест назначения омнибусов – Путни и Килберн. Она прошла мимо ряда машин Красного Креста к добротным сараям, теперь превращенным в госпиталь, где твердо правила армейская медслужба. Кроме Гертруды, на улицах из женщин были только медсестры, идущие на работу или уходящие со смены, одетые в серую форму.

Машина отдела ждала ее возле станции ожидания, где «Скорые» выгружали раненых. Ходячие выглядели так, будто их вылепили из глины, лица и шинели были покрыты слоем грязи. Они хромали и шаркали, как старики, и не смотрели по сторонам. Других несли на носилках, только кто-то лежал и курил, ожидая следующего этапа репатриации. Машина расплескивала лужи, через заляпанные стекла видна была только грязь. Остановились возле полуразрушенного дома, где Гертруде отвели комнату на чердаке, куда пришлось карабкаться по длинной крутой лестнице, вонявшей прокисшей едой. Диана, жившая с Флорой в комнате внизу, навестила Гертруду и согласилась, что это жуткая дыра. Гертруда переобулась, и они вдвоем сразу пошли добывать ей паспорт. Дику она рассказала в письме: «У меня была очень противная беседа с паспортистками в Красном Кресте… возраст 46, рост 5 футов 5,5 дюйма… без профессии… зубы в норме… лицо так… Я посмотрела на паспортистку. “Кругом!” – сказала она».

Гертруде предоставили стол и представили волонтерам – группе энтузиасток, но очень неорганизованных, которые и составляли весь персонал отдела. Узкая комната с высоким потолком казалась еще темнее, чем серый вид из окна. Четыре из пяти столов и пол вокруг них были завалены документами с затрепанными углами. Несколько раз в день прибывал рассыльный с новыми коробками писем и списков, которые тут же пробуждали всех к лихорадочной деятельности. Иногда имя на письме вызывало воспоминание и вдохновляло на перерывание еще пяти-шести стопок. Гертруда заметила, что вскоре дамы выдыхались и снова садились над свежей стопкой писем-запросов от родственников и газетных вырезок.

Все старались ей объяснить, что они делают, но эти объяснения так друг от друга отличались, да и сами дамы-волонтеры так путались, что в конце концов она сама разобралась. Когда прибывали письма, сотрудницы отмечали фамилии и пытались найти их в различных списках. Гертруда сразу же увидела, что у них нет системы: они начинали работать, когда писем была еще тонкая струйка, и они продолжали работать так же, когда струйка превратилась в ревущий поток.

Они пытались сопоставить свежие запросы с именами в списках, зачастую на месяц-другой устаревших: списки поступивших в госпиталь, доклады первичного осмотра в лазаретах, списки пленных, списки раненых и пропавших без вести из газет. Когда им удавалось сверить имя, что бывало редко, они писали семьям, что их родственник ранен, пропал без вести, в плену или убит. Работая по заметкам на бумаге и по памяти, путаясь в документах из множества источников, приближаясь к передовой, где никто не побеждал, дамы-волонтеры падали духом и с каждым днем все больше теряли чувство цели. Поскольку в недавней битве при Монсе было убито, ранено или пропало без вести пятнадцать тысяч британцев, крошечный отдел просто захлебнулся в потоке информации.

Гертруда понимала, что для создания работоспособной системы ей придется начать с самого начала. Она сосредоточилась на этой задаче и приступила к ее решению со всей присущей ей энергией. Наследница, всю жизнь занимавшаяся приключениями и самообразованием, теперь посвятила свое время скромной конторской работе так, будто от этого зависела ее жизнь. «Наверное, любовь к офисной работе у меня наследственная! Клерк – вот кем мне надо было стать… Такое чувство, будто я набрасываюсь на эту работу, как другие начинают пить, – чтобы забыться».

Гертруда оказалась замечательным администратором. Переполненные благими намерениями волонтеры вскоре поняли, что новенькая начала ими командовать, сперва расспросив об их способах работы, а потом показав другой образ действий, которому они почувствовали себя обязанными следовать. Первой ее целью было создать базу данных, по которой сможет работать весь офис. Она создала алфавитную картотеку всех офицеров, принятых в базовые госпитали Франции, где указывалась дата госпитализации, перевод между госпиталями, эвакуация в Британию или возвращение на фронт. Теперь фамилии из запросов можно было легко сверить с картотекой. Закончив построение этой базы, Гертруда начала сортировать запросы и находить имена в списках поступивших в госпитали. Потом она создала другую картотеку для классификации запросов – эта была разделена на раненых или пропавших без вести, со всеми возможными деталями. Гертруда работала со стопками карт у себя на столе в обеденный перерыв и вечером, когда офису полагалось быть закрытым. После окончания работы появилась возможность находить перекрестные ссылки, и, таким образом, новую информацию, приходящую из любого источника, можно было сравнить, сверить и подтвердить. Результатом своих усилий

она осталась довольна: «Я практически исправила гору неверных подходов, которую обнаружила по приезде. Ничего никогда не выверялось, и мы громоздили ошибку на ошибку, совершенно не представляя, какая создается путаница… Тут если не быть скрупулезно точным, толку от тебя будет просто ноль».

Гертруда проредила те фамилии, что находились в книгах пять или более месяцев. Эти люди оставались «на ничейной земле», названной: «Пропавшие, предположительно убитые», пока не приходило подтверждение смерти, и тогда несчастные родственники могли в конце концов оставить надежду. Они получали эту страшную бумагу из военного министерства, и имя военнослужащего появлялось в официальном списке потерь.

Теперь, рассказывала Гертруда Флоренс, ей оставалось только уговорить отдел раненых и пропавших без вести в Лондоне и Париже принять эту систему и следить, чтобы информация постоянно обновлялась. Когда у нее находилось время на ленч, она ходила с Дианой или Флорой в ресторанчик, набитый военными, где все друг друга воспринимали как должное. Как говорила Гертруда родственникам, такого странного мира она еще не видала.

Ее рабочие часы, хотя и короче, чем у среднего офисного работника за среднюю неделю, были ощутимы для женщины, не работавшей прежде в офисе. «Здесь ужасающее количество офисной работы. Мы тут весь день, с 10 до 12.30 и потом с 2 до 5 регистрируем запросы, заносим в картотеку и отвечаем на них. Чем больше мы делаем, тем важнее поддерживать правильное распределение информации по таблицам…И нет необходимости говорить, что я готова взять всю работу на себя. Чем больше мне ее дают, тем больше она мне нравится». Не могла бы Флоренс, добавляет Гертруда, запросить от ее имени полный список территориальных батальонов? И еще добыть для офиса адресную книгу – вполне подойдет старый телефонный справочник.

Вскоре булонские списки признали настолько полными, насколько это вообще возможно, и Париж начал присылать собственные списки госпитализированных и выписанных, хотя должно было быть наоборот. Флора и Диана уехали в Руан налаживать работу нового офиса по правилам Гертруды. С ее подачи также создали «список наблюдения» из примерно полутора тысяч фамилий, зарегистрированных как «запросы», чтобы сами госпитали могли при приеме раненых сверять с ними списки поступивших.

В свое время, думала она, у них будет самый образцовый офис во всей Франции. Но эту работу никак не облегчало высшее начальство. Глава отдела раненых и пропавших без вести лорд

Роберт Сесил попросил, чтобы представитель отдела все время присутствовал на фронте, но армия в этом отказала. Красный Крест также просил Совет армии допустить своих поисковиков на фронт после каждого наступления и на раннем этапе наводить справки об убитых и пропавших без вести среди раненых в полевых госпиталях и лазаретах. Военные власти и это не сочли целесообразным и приказали, чтобы отдел держался подальше в тылу. Гертруда не унималась и придумала план: создать собственные каналы информации через армейских капелланов. Вскоре стало ясно, что военные хотели скрыть от штатских не только катастрофический ход войны в траншеях, но и просчеты командиров, которые продолжали приказывать усилить наступление, когда давно должны были понять: эта стратегия не действует. По каким-то еще более непонятным причинам Красный Крест решил вообще запретить женщинам наводить справки в госпиталях. «Очень глупо», – фыркнула Гертруда, настроенная завести дружбу с сестрами и проникать, пусть неофициально, куда ей захочется.

Она гуляла вдоль набережной с 8.30 до 9 утра. В пять вечера, закончив работу в офисе, она посещала лазареты и госпитали, разговаривая с лежащими в отделениях. Гертруда специально на офисной машине съездила в Ле Туке в Секундарабадский госпиталь для индийских полков. Ее тепло встретили медики, рассказавшие, как им тут одиноко. Ей этот краткий визит напомнил дом. Ее напоили чаем и провели по отделениям, знакомя с сикхами, гурками, джатами и африди – в основном они сидели по-турецки на койках и играли в карты. «Повара готовили индуистские и мусульманские обеды на разных очагах, и приятный запах топленого масла и плесневелые ароматы Востока заполняли все… У каждого над кроватью висела рождественская открытка от короля, а на тумбочке рядом лежала коробочка пряностей от принцессы Мэри».

В центре самой Булони казино с его буйством яркого света и позолоченной краски было реквизировано военным министерством и переоборудовано в военный госпиталь. Американский бар, как с интересом отметила Гертруда, превратили в рентген-кабинет, а кафе теперь служило складом бинтов и карболки. Любопытно было обнаружить, что британские солдаты, лежащие в общих отделениях с ранеными немцами, отлично ладят с бывшими врагами. Гертруда написала Чиролу 11 декабря:

«Недавно получен приказ прямо от Китченера, чтобы ни один посетитель не мог пройти в госпиталь без пропуска. Это несказанно глупо. Официальная причина – чтобы в госпитали не

проникли шпионы, расспрашивая раненых и добывая ценную информацию о позициях наших полков! Любой, кому случалось говорить с людьми в госпиталях, понимает, как это смехотворно. Раненые обычно очень смутно помнят, где они были и что делали».

В ноябре и декабре – а в декабре Гертруда только начала работать – пришло 1838 запросов от родственников. В новой картотеке числилось 5000 фамилий, и она смогла выяснить судьбу 127 человек. Почти все они были прослежены тремя мужчинами-«поисковиками», приданными булонскому офису. Работа этих людей состояла в том, чтобы ходить по госпиталям и задавать раненым вопросы по поводу их пропавших товарищей. Если эти оглушенные стрельбой и искалеченные люди могли пролить какой-то свет на их судьбу, информация регистрировалась в офисе. Когда смерть бывала точно установлена, информировали военное министерство. Булонская секция доклада объединенного военного комитета, вероятно, составленная самой Гертрудой, гласит:

«Там, на родине, следовало бы понимать, что эти расспросы раненых об их пропавших товарищах – наиболее трудная часть нашей работы. Люди попадают в госпиталь из окопов с такими растрепанными нервами, что их свидетельства надо проверять и перепроверять показаниями других свидетелей, и таким образом, каждая такая “работа по запросу” может потребовать опроса четырех-пяти человек».

Когда британцы отступали, их раненых захватывали немцы и либо убивали их, либо брали в плен. Больше о них ничего не было известно, если только они не попадали в списки пленных, получаемые из Германии через Красный Крест в Женеве. Эти списки, когда доходили до Булони, позволяли отделу выяснить судьбу хотя бы некоторых из пропавших.

Такой войны раньше не знали. Неизвестный солдат, как предстояло написать А. Дж. П. Тейлору, был истинным героем войны, в которой примерно 192 тысяч солдат Британской империи пропали без вести или попали в плен. Один снаряд может разорвать на части пятьдесят человек так, что их уже не опознать. Одна из самых мрачных сторон работы, начатой Гертрудой в Булони, состояла в отыскании могил людей, наскоро похороненных на поле боя, чьи родственники хотели знать, есть ли какое-то подтверждение смерти, и если да, то где похоронены их родные. Эксгумацией занимались поисковики Красного Креста – те самые люди, что обычно ходили по госпиталям расспрашивать раненых. Часто могила, где лежал полковник или капитан, которого они пытались найти, оказывалась ямой, куда

бросили еще и другие тела. Самая недавняя, которую Гертруда описала в середине декабря, содержала останки 98 человек. Из них только у 66 еще был опознавательный медальон – но хотя бы эти смерти могли быть подтверждены и могилы убитых указаны. После проверки могилу расширили, тела положили рядом и над ними отслужили заупокойную службу. Гертруда написала Валентайну Чиролу:

«Когда мы попадали под перекрестный огонь артиллерии, теряли около пятидесяти человек в сутки… Сейчас здесь очень неприятно – постоянный дождь. Дороги за Сент-Омером в ужасном состоянии. Булыжная мостовая выбивается… а по обе стороны от нее грязевые ванны. Если тяжелая машина туда съезжает, ее ничем не вытащить, и она остается там навсегда».

Не всегда ей удавалось удерживаться от мыслей о Дике, а теперь появился еще один повод для беспокойства: в новом году Мориса должны были послать на фронт. Она с ужасом думала, что может когда-нибудь обнаружить его имя в списке на своем столе. Как всегда, душу она открывала только Чиролу, скрывая от родных мрачные мысли:

«Я могу работать весь день с утра до вечера – работа создает мостик через бездну подавленности, по которому я иду давно-давно. Но иногда даже он подходит к точке слома… Мне не надо бы этого писать, простите меня. Бывают дни, когда все становится уже невыносимо, и сегодня как раз такой, вот я и плачу вам в жилетку… Дорогой мой Домнул, самый дорогой и лучший из друзей».

В начале войны офицеры, будучи профессиональными военными, были старше большинства солдат, и у них чаще бывали жены, пишущие в Красный Крест в случае их исчезновения, чтобы начать поиск. Поскольку военное министерство присваивало офицерские звания и регистрировало повышения, оно имело на руках списки офицеров, в то время как фамилии нижних чинов были известны только у них в полках. Как говорилось в докладе объединенного военного комитета, «из-за малой численности имеющегося в его распоряжении персонала совершенно невозможно вести точный учет всех, и эта работа сперва была ограничена только офицерами». Хотя в этом подходе была некая прискорбная сторона, тем не менее число солдат действительно оказалось астрономическим. Офицеры-рекрутеры были завалены потоком заявлений от двух с половиной миллионов человек, ставших добровольцами в ответ на призыв Китченера «Ты нужен своей стране».

Вскоре после того, как открылся отдел запросов, работающий по унтер-офицерам и рядовым, армия прекратила снабжать

Красный Крест списками из госпиталей, потому что госпитали были переполнены и сбивались с ног от перегрузки. Без этого спасательного круга и без поисковиков в небольшом штате новый офис просуществовал всего несколько недель. И новые запросы от родственников шли вместо него к Гертруде, у которой работа и без того удвоилась из-за корреспонденции, направляемой теперь из Парижа. Она со своими сотрудниками с готовностью приняла новое бремя запросов об унтер-офицерах и рядовых: «Это довольно сложное дело удалось наладить, и в результате мы стали заниматься не только офицерами, но и рядовыми, чему я очень рада», – и принесла вести, хорошие или плохие, хотя бы в некоторые британские семьи.

Гертруда попросила Флоренс переправить ей последние распоряжения по выплатам для армейцев и моряков. В семье Белл всегда прекрасно понимали, насколько для семей рабочих вроде тех, что работают на заводах у отца, важна денежная сторона и что значит для них потеря кормильца. И Гертруда хотела, чтобы, когда чья-то семья получит известие об инвалидности или смерти мужа и отца, родные знали, что им полагается и куда с этим обратиться.

Приближалось Рождество. Хью спросил Гертруду, не хочет ли она автомобиль для помощи в работе, но она отказалась, ответив, что в случае необходимости всегда может одолжить машину. Тогда он послал ей пятьдесят фунтов и выразил надежду, что на праздники дочь вернется домой. В ответном письме она поблагодарила, но объяснила, что хочет остаться в Булони из опасения, что без нее система развалится. Ее большое преимущество перед Флорой и Дианой, объяснила Гертруда, в том, что она может постоянно здесь находиться, и пока она изо всех сил занимается работой, ей некогда думать о своих тревогах.

Она рассказала Хью, как потратит его пятьдесят фунтов. Радуясь, что нашел в Гертруде отличного помощника, Сесил сообщил ей, как ценит проведенную ею реорганизацию работы. Она была очевидным кандидатом на должность начальника отдела, и ей предложили занять комнату под свой личный кабинет. Она выбрала одну из пустых комнат в здании, довольно мрачную, велела в ней прибрать и переклеить обои, постелила половики и повесила новые ситцевые занавески. Комната получилась милая, насколько это было возможно, спасибо Хью. «Хоть там было грязно и мрачно, но я как-то сделала довольно веселый кабинет, расставив в вазах цветы, которые покупаю на рынке. Удивляюсь, что во время войны в Булонь все-таки привозят цветы, и благословляю того, кто это делает», – написала она Чиролу. И у нее еще осталось достаточно денег, чтобы

потратить на книги, папки и гроссбухи. Приятно было, сообщала она отцу, знать, что Красному Кресту они обошлись даром.

Рождество у нее прошло почти незамеченным. 27 декабря Гертруда написала домой об одном любопытном явлении, которое стало предметом городского интереса:

«Я слышала, что на Рождество воцарился почти мир Божий. Едва ли хоть один выстрел был слышен. Люди выходили из окопов и общались, в одном месте даже в футбол сыграли с противником… Странно, не правда ли… Иногда мы отвоевываем потерянную территорию и находим наших раненых перевязанными и в укрытии, а иногда они заколоты штыками – зависит от полка или от характера момента – как знать? Но день за днем мысли становятся все мрачнее».

Сесил наконец сумел добиться от военного министерства разрешения установить связь с фронтом. Майора Фабиана Вейра и его группу назначили новыми получателями списков запросов от Красного Креста: была надежда, что они смогут добыть информацию, отделу раненых и пропавших без вести недоступную. Один из членов группы, некто мистер Казалет, прибыл в Булонь накануне Нового года и привез с собой пачку списков и смятых писем, вынутых из карманов мертвецов. На некоторых были пятна крови.

Свежая информация, прибывающая с фронта, оказалась очень ценной, с оговоркой, что все проверки должны быть выполнены в течение суток, после чего Казалет вернется на фронт. Там он отдаст эти письма для возврата родным вместе с прочим личным имуществом. В офисе накануне Нового года находились только Гертруда и Диана. Они тут же сели разбирать и проверять письма, занося результаты в гроссбух. Работали они весь день, после ужина снова вернулись в офис и продолжали работу до двух часов ночи. «Ночью мы на несколько минут прервались, пожелали друг другу, чтобы новый год оказался лучше прошедшего, и съели по паре шоколадок».

Гертруда вернулась в офис в 8.15 утра, и работа была закончена к 12.30, еще час оставался в запасе. На майора Вейра это произвело впечатление, и через некоторое время он снова навестил офис. Он долго разговаривал с Гертрудой и обещал ей, что в будущем станет присылать ей все подробности, которые только сможет выяснить. Потом, в январе, Сесил впервые прислал ей ежемесячный список пропавших без вести, чтобы она его прокомментировала. «Там было полно ошибок, и лишние, и пропущенные», – сообщала она Чиролу. Поскольку отдел знал о пропавших без вести намного больше военного министерства, она написала в ответ: почему бы просто не поручить эту работу ей?

Но при всей своей неограниченной работоспособности она почти выдохлась. Теперь Морис был на фронте и Дик склонялся к тому, чтобы вернуться на войну, поэтому на Гертруду навалилась депрессия. Мерзкая погода стала метафорой постоянно кровоточащей жизни и бесполезного хода войны. Что необычно, Гертруда призналась Чиролу в душевной подавленности: «Ощущение усталости… слишком я близко к этой жуткой борьбе в грязи. Инфернальная страна, она вся под водой… грязь не дает двинуться с места».

Число раненых и пропавших без вести росло, и военное министерство передало свои обязанности эффективно действующему Красному Кресту в Булони. Гертруда впряглась в лямку – и все аспекты работы теперь стекались в ее умелые руки. Она попросила и получила согласие на то, чтобы составление ответов на запросы, где надо было извещать семьи о смерти их родственника, доверили ей. Ее стиль резко контрастировал с этим пугалом – формой B101-82, рассылаемой военным министерством.

«Мадам,

мой печальный долг – информировать Вас, что в сегодняшнем докладе военного министерства сообщается о смерти рядового Вильямса Дж. Д., личный номер 15296, произошедшей в неуказанном пункте 13 ноября 1915 года. Причина смерти – гибель в бою».

«Телеграмма страха» была еще более лаконичной:

«С глубоким прискорбием извещаю Вас, что Е. Р. Кук из полка Британских гренадеров был убит в бою 26 апреля. Лорд Китченер выражает свое сочувствие. Секретарь военного министерства».

Гертруда изо всех сил старалась сообщать это известие как можно мягче и сочувственнее. Разбив на этой грустной работе пишущую машинку, она получила новую модель в качестве награды. Объединенный военный комитет в отчете отметил работу Гертруды, не назвав ее, но описав ее подход:

«От официальных форм и методов следует по возможности отказываться, чтобы автор каждого запроса ощущал, что к нему относятся с определенным личным интересом… И многократно было доказано: не бывает напрасным труд, затраченный на то, чтобы убедить родственников пропавшего без вести, что по их запросу проводился широкий и тщательный поиск».

12 января Гертруда написала Чиролу:

«Они всю корреспонденцию поручили мне – в Париж, Булонь и Руан. Я рада, поскольку форма, в которой мы передаем страшные известия – а это в основном нам и приходится передавать, – имеет огромное значение, и когда мне приходится это делать, я хотя бы понимаю, что это не делается спустя рукава… Я веду уединенное существование и ни о чем не думаю, кроме как о тех бедных людях, за чьей судьбой так болезненно следую…

Письма, которые я ежедневно получаю и на которые отвечаю, рвут сердце. Но даже если мы мало можем сообщить этим людям хорошего, их, я думаю, немного утешает, что было что-то сделано для выяснения судьбы их любимых. Часто я сама знаю, что никакого шанса для них нет, и стараюсь тогда отвечать как можно мягче и тщательно скрывать от них жуткие подробности, которые мне довелось узнать. И это ежедневная работа».

И тут, в момент самого глубокого упадка духа, Гертруда получила письмо, вернувшее ее к жизни. Она все время ждала его сообщения и поехала прямо туда его встречать.

Для коллег по офису это стало полной неожиданностью: начальница, никогда не бравшая выходных, даже на обед редко выходившая и остававшаяся в офисе после работы, вдруг уезжает, ни слова не сказав.

Эти четыре ночи и три дня Гертруда провела с любимым мужчиной перед его отъездом в Галлиполи. Она знала, что может никогда его больше не увидеть. Когда он уехал, она в проливной дождь села на пароход «Фолькстоуна», идущий в Булонь, и на сердце было тяжелее, чем когда бы то ни было. И без того угнетенная, она вступала в самый темный период своей жизни.

Иногда Гертруда, сидя в одиночестве за столом в пустом здании после ужина, рядом с переполненной пепельницей и вазой с весенними цветами из далекого солнечного мира, опускала голову на руки и плакала. Теперь в каждом списке убитых или раненых мог оказаться Дик или Морис. Она была твердо уверена, что никогда не будет знать счастья. В ее письмах домой звучит нота долгого страдания.

«Моя работа продолжается – постоянная, всепоглощающая и такая печальная, что иногда мне едва удается ее выносить. Как будто самое сокровенное досье войны проходит через мои руки. Рассказы, которые до меня доходят, незабываемы. Простые цифры, которые в них живут, населяют мои мысли, а их слова, возвращенные мне, звенят в моих в ушах. Все эти потери, вся эта скорбь…

Вот мы сидим, а жизнь утекает, как вода, и ничего не сделано. В то, что происходит на переднем крае, невозможно

поверить. Люди в окопах по колено в воде, грязь непроходимая. Они вязнут по колена, по бедра. Из положения лежа невозможно стрелять, потому что локти уходят в грязь по запястья. Половина поступлений в госпитали – ревматизм и обморожения. И в траншеях они сидят по три недели, иногда по тридцать шесть дней – подумать страшно».

Идя по пляжу под проливным дождем, Гертруда думала об этих солдатах, брошенных в неразбериху войны, а ведь каждый из них – чей-то возлюбленный, брат, муж или сын. Еще она думала об энтузиазме начала войны, о возможной судьбе тех молодых йоркширцев, которых она побудила идти воевать. За эти три месяца в Булони Гертруда постигла окопную войну так, как мало кто из штатских. Каждый день в ее голове звучала артподготовка, предшествующая атаке пехоты, мелькали картины, как выскакивают из окопов люди, бегут по полю и ныряют в воронки от снарядов, устанавливают пулеметы, а за ними еще три-четыре человеческих волны перелезают через бруствер и бегут в сторону немецких позиций. Гертруда видела, как они быстрым шагом движутся вперед, а потом вспыхивают сигнальные ракеты, и цепи прорываются сквозь ураган снарядов немецкой артиллерии. Она видела, как взлетают в воздух тела, разлетаются в разные стороны конечности. Видела упавших неподвижно на землю, слышала вскрики раненых, бьющихся в агонии. Видела, как перестраиваются смешавшиеся цепи и снова короткими перебежками подступают к немецким траншеям. Слышала командные выкрики, пронзительный клич наступающих британцев, взрывы гранат и треск пулеметов. И слышала стоны и крики оставшихся, когда снова откатывались отбитые британские цепи. Убитые, раненые, пропавшие без вести – все они, вся эта грязь и кровь ужимались до фамилий в списках на письменном столе в Булони. «Среднее время пребывания офицера на фронте до ранения оценивается примерно в месяц, – писала она Чиролу 2 февраля. – Захват, потеря и повторный захват траншеи дают именно такой результат, и за последние шесть недель потеряно 4000 жизней. Горькая и напрасная утрата».

24 апреля Морис отличился на фронте. Подполковник Гринховардского полка, он сыграл одну из главных ролей в атаке на деревню Фортейн, за бельгийской границей к северо-западу от Лилля, где немцы прорвали фронт. Когда был убит подполковник Г. Х. Шоу, командовавший четвертым батальоном Восточно-Йоркширского полка, сражавшегося рядом, Морис принял на себя командование обоими батальонами и атаковал немцев, отогнав их больше чем на милю. Его ранили в марте следующего года, он долго оправлялся от последующей операции, но через несколько

месяцев вернулся на фронт. Снова был выведен из строя в июне семнадцатого года, оглохнув почти полностью.

Британская общественность в основном не подозревала об истинных цифрах потерь, в то время как у Гертруды была ясная картина реальности и продолжающейся лжи. Она знала, что целые батальоны до последнего человека могут быть истреблены за день, подчиняясь приказам штабных офицеров, никогда, возможно, не бывавших на переднем крае. Это было начало разочарования в правительстве и власти вообще, для открытого выражения которого она все же оставалась слишком лояльной. Сформировавшееся отношение ей предстояло пронести через всю жизнь. «Пиррова победа при Нев-Шапель показала еще яснее прежнего, что прорвать фронт мы не можем. Почему скрывают наши потери – трудно догадаться. Они близки к 20 тысячам, а немецкие потери – от 8 до 10 тысяч».

К концу марта Гертруда вернулась в Лондон. Сесил открыл новый офис отдела раненых и пропавших без вести на Пэлл-Мэлл – из-за огромного числа незарегистрированных раненых, лежавших в британских госпиталях по всей стране. Главный офис должен был служить распределительным центром для всех запросов от родственников, пересылать эти запросы в соответствующие заграничные представительства Красного Креста – включая Юго-Восточный фронт. Теперь должна была существовать одна центральная запись, одна точка сбора информации от всех источников и один офис, из которого расходятся ответы родственникам. Не оставалось причин располагать этот центр операций где-либо вне Лондона – кроме той, что женщина, управляющая всей этой системой, находилась в Булони. Видя, чего Гертруда достигла во Франции, Сесил сказал ей, что она нужна для управления новым офисом. У нее появится штат из двадцати человек плюс четыре машинистки, и он будет под рукой, в том же офисе, всегда доступный для обсуждения и совета.

Последнее письмо Гертруды из Булони было адресовано Флоренс. Ее мысли были заняты Диком и работой, и она чувствовала себя слишком ранимой для какой-либо светской жизни. «Никому не надо знать, что я приезжаю. У меня не будет времени, и я не хочу, чтобы мне докучали».

Но это была хотя бы перемена. Гертруда выбралась из грязи и неуюта Булони и вернулась в девяносто пятый дом по Слоун-стрит, к заботам Мари Делэр. Она четыре раза в день проходила через Гайд-парк, возвращаясь на ленч и потом снова на Арлингтон-стрит, где вскоре разместился расширяющийся офис. Эта физическая нагрузка и вернувшийся уют домашней жизни

несколько улучшили состояние ее духа, но неразбериха в офисе превосходила даже ту, что Гертруда застала в Булони. К ней отчасти возвратилось чувство юмора, и письма к Чиролу стали менее мрачными:

«Лорд Роберт – просто прелесть. Он похож на очень большого эльфа, а эльфы, как знает любой читатель волшебных сказок, отличные коллеги для трудной работы… но это работа для Геркулеса. Я до сих пор не знала значения слова “хаос”.

Никуда не хожу, никого не вижу, потому что сижу в офисе с девяти утра до семи вечера. У меня под началом 20 дам, 4 машинистки (и близко недостаточно) и 2 бойскаута – неисчерпаемые источники веселья».

Вопреки изматывающим часам работы Гертруда очень старалась держаться стоически и сохранять хорошее настроение, каково бы ни было внешнее напряжение. Под давлением она всегда демонстрировала непринужденность – по крайней мере своим родным. Но тут ее миру пришел конец.

Исполнилось мучительное предчувствие – она услышала о геройской гибели Дика в Галлиполи. Ее сестра Молли писала: «Это был конец ее жизни – ей стало незачем продолжать то, что ранее было дорого».

На какое-то время она исчезла из виду, а потом, худая и бледная, вернулась на работу. Гертруда всегда работала дольше и усерднее, чем все остальные, но сейчас у нее просто не было другой жизни. «Я к концу недели сильно устаю. Но воскресное затишье в офисе помогает восстановиться».

Напрасно Флоренс старалась заманить ее на отдых, боясь последствий личной трагедии в сочетании со страшной нагрузкой. Ее спонтанный юмор и привычка быстро сходиться с людьми полностью исчезли под этими тяжкими ударами, и недоумевающий персонал уже наверняка начал относиться к ней настороженно, если не со страхом. Но Гертруда не сломалась, а продолжала работу – ради таких людей, как ее возлюбленный и ее брат. Она стала вспыльчива и нетерпелива даже с Флоренс, с необычным для себя раздражением возражая на попытки мачехи отвлечь ее: «Я вряд ли смогу выбраться на следующей неделе. У меня жуткое время, полно новых людей, всех надо обучать и все время ловить за ними ошибки. Мне не на кого оставить офис даже на один день. Все вместе это становится невыносимым. Терпеть не могу процесс перемен и их результат».

Страдая так, что часто забывая щадить чужие чувства, Гертруда грустно признавала свои недостатки. Через три месяца после гибели Даути-Уайли Флоренс написала ей из Раунтона и

спросила, не приехать ли ей, чтобы в это грустное время побыть с падчерицей. Гертруда ответила: «Ты меня очень тронула… но не надо. Никто мне лучше сделать не может… ничто мне лучше сделать не может». А сейчас еще больше работы обрушилось на нее из министерства иностранных дел, попросившего отдел справок по раненым и пропавшим без вести взять на себя сбор и занесение в таблицы всех сведений по лагерям военнопленных в Германии. Гертруда написала домой 20 августа:

«Жизненно важно, чтобы эти сведения у нас были правильно организованы, потому что тогда мы увидим, как лучше помочь нашим солдатам в плену, которым это больше всего нужно. Но это значит получить новые папки, новые архивы и новых работников, этим занимающихся.

Я весь этот месяц горько одинока. Невыносимо – быть одной так долго, как я, но не могу отвлечься от своих мыслей, а они пока еще более невыносимы».

Джанет Кортни – Джанет Хогарт ее оксфордских дней – среди прочих пришла помогать в ее лондонский офис. Джанет потом написала об этом периоде: «Я была весьма поражена ее умственной усталостью и унынием, хотя она практически не позволяла ни тому, ни другому мешать работе. Но отдыхать она не будет – сказала, не может. Гертруда была одержима войной до исключения из рассмотрения всего прочего… Она не давала личному горю испортить себе работоспособность. Скорбь она встретила лицом к лицу – и оставила за спиной».

Брат Джанет Дэвид повидал Гертруду незадолго до отъезда в Каир, где помогал организовать филиал разведки Адмиралтейства, занимающийся арабскими народами. Он предложил ей поехать вслед за ним, но она едва ли его слушала, поглощенная работой на Красный Крест. Из Каира Дэвид написал ей снова. На этот раз он фактически настаивал, чтобы она приехала с ним работать.

Как-то раз Джанет, как обычно, пришла на работу в Норфолк-Хаус на Сент-Джеймс-сквер (здание предоставил постоянно расширяющемуся отделу герцог Норфолкский), и тут же Гертруда схватила ее за руку – в своем прежнем, импульсивном стиле – и отвела в сторону. «Я получила весть от Дэвида. Он говорит, что разыскивать пропавших может кто угодно, но начертить карту северной Аравии способна только я. На следующей неделе я еду».

Закрывая эту главу своей жизни со всеми ее трудами и горестями, Гертруда могла с удовлетворением оглянуться на тот вклад в военные труды, который внесла лично она. Сотням тысяч семей она сумела помочь и осветить для них тьму. Ее работа в отделе была официально признана неоценимой ее королевским

высочеством принцессой Кристиан и другими членами военного исполнительного комитета.

Сейчас же начиналась самая интересная и самая благодарная часть ее жизни.

Глава 11
Каир, Дели, Басра

В десятых годах XX века Ближний Восток бурлил сбором разведданных и тайной дипломатией. До 1908 года, когда у Британии появились подозрения по поводу амбиций Германии в этом регионе, международного бюро секретной службы в Лондоне еще не существовало. Министерство иностранных дел рутинно использовало бесплатных любителей и авантюристов, которые докладывали о своих экспедициях. Таких немного было на Ближнем Востоке, где рискованное путешествие требовало лингвистических способностей и знания этикета пустыни, где на ненаселенные места зачастую не имелось карт, где не было дорог и где в случае аварийной ситуации ни на какую помощь рассчитывать не приходилось. Гертруда же отличалась наблюдательностью, и ее тянуло к горячим точкам – достаточные условия для того, чтобы стать добровольным информатором. Она состояла на службе, хотя и бесплатной, у разведотдела Адмиралтейства, а в ноябре пятнадцатого года директор военно-морской разведки капитан Хилл послал за ней в Лондон и сообщил, что Каир вызывает ее телеграммой.

Гертруда хорошо изучила просторы Аравии и различные ее народы, и таких знаний не имелось больше ни у кого – они были не только энциклопедические, но еще и совсем свежие. Только год и четыре месяца прошло с тех пор, как она вернулась из Хаиля, а в общем провела в аравийских пустынях почти два года. В своих семи экспедициях она отмечала слабости Османской империи – сперва как богатая туристка, потом как исследователь, археолог и собиратель информации для британского правительства.

Некоторые ее доклады были сделаны по запросам, некоторые по своей инициативе. Сперва Гертруда, видимо, передавала их через Чирола, впоследствии – лично заинтересованным чиновникам и дипломатам, с которыми была знакома. Вероятно, первым ее службой воспользовался министр иностранных дел сэр Эдуард Грей. Министерство попросило ее исследовать, насколько в турецкую империю проникло немецкое влияние в северной и восточной Аравии, и Гертруда нашла ответы с помощью многих путей, открытых для женщины, которую в шпионаже не подозревают. Она в дороге за чашкой кофе обменивалась сплетнями со всеми встреченными шейхами. Она надевала вечерние платья, присутствовала на торжественных обедах в

городах и селениях и через свои многочисленные контакты выходила на каждого, кто имел социальный или политический вес. Гертруда фотографировала множество археологических раскопок и отмечала военные сооружения. Когда вход был затруднен, как в марте 1900 года в крепости крестоносцев у Керака, где немецкие офицеры переобучали турецких солдат, она призывала на помощь дерзость и просто входила – «с самым дружеским видом, вежливо здороваясь со всеми встреченными военными». Ее постоянно растущий список контактов, искусство ориентироваться на местности и составлять карты, тщательная методичность записей теперь принесли ей официальное звание.

Майор мисс Белл прибыла в Каир – первая женщина-офицер в истории британской военной разведки. Звание майора ей присвоили из любезности, но в официальной иерархии она сразу же заняла место офицера оперативно-разведывательной части штаба второго ранга. Если бы тогда существовала женская вспомогательная служба ВМФ, Гертруда носила бы ее бело-синий мундир с белыми звездочками политической службы. А так она надевала бело-синие полосатые хлопчатобумажные платья с цветами у пояса и большие соломенные шляпы, которые вешала рядом с остроконечными кепи и шлемами в офисном гардеробе. По вечерам она переодевалась в шелковые платья и подобранные под них кардиганы. «Военные очень беспокоились по поводу того, как с ней надо обращаться и к чему ей должен быть предоставлен доступ, – писал Хогарт, ныне лейтенант-коммандер в Королевском военно-морском добровольном резерве в Каире, своей жене как раз перед приездом Гертруды. – Я им сказал, что она сама все это определит и им не о чем волноваться!»

Гертруда написала домой 3 января 1916 года: «Начинаю себя чувствовать вполне в своей тарелке в роли штаб-офицера! Комично, правда?»

Сэр Гилберт Клейтон был главой военной разведки египетской армии до перевода в штат сэра Генри Макмагона, нового верховного комиссара и фактического правителя Египта. Лейтенант-коммандер Хогарт сменил галстук-бабочку и мятую полотняную куртку археолога на отутюженную морскую форму и вместе с Клейтоном создал «арабское бюро» – новую разведывательную организацию по арабским делам. Для своих сотрудников – обычно их было пятнадцать – Хогарт стал наставником и судьей, управлявшим громогласными дебатами и спорами, а Клейтон – спокойным центром, тихо излучавшим мощное влияние. Оно, по словам Лоуренса, было как масло, «бесшумно расползающееся и настойчиво проникающее всюду».

Штат бюро удачно расположился в каирском отеле

«Континенталь», а его офисы – рядом с еще более шикарным «Савоем». В потолке гудели вентиляторы, звонили звонки, служители в длинных халатах до пола приносили кофе и мятный чай. Хогарт и майор Лоуренс – его мундир был сильно помят и вымазан машинным маслом от любимого мопеда «Триумф» – уже уставили стены полками со справочниками по всем темам, относящимся к Ближнему Востоку. Несмотря на веранды с плетеными стульями и купающиеся в полуденном солнце пальмовые рощи, атмосфера, пропитанная трубочным дымом, скорее напоминала обшитые панелями комнаты на Оксфорд-стрит, нежели североафриканскую роскошь. Для Гертруды, после ее тяжелой утраты и отхода от социальной жизни, в здешней атмосфере было слишком много общения. День, проведенный у леди Анны Блант, стал «оазисом мира и тишины после шума и толп Каира. Как я ненавижу отели и неизбежную в них жизнь на публике! Они становятся еще отвратительнее после месяцев отшельничества».

Каир был безопасным сердцем британского протектората, которым тогда являлся Египет, центром управления. Номинально хедив, или король, все еще подчинялся туркам, но когда он обанкротился в 1875 году, британцы его выкупили и потребовали взамен своего представительства. После этого они внедрились в администрацию примерно так, как это делали турки по всему Ближнему Востоку.

Письма Гертруды из Каира стали короче и тусклее прежних. Она не описывала умных людей, которые ее теперь окружали, – офис, в конце концов, был секретный. С военной точки зрения это было элитарное и, возможно, занимающееся подрывной деятельностью отделение, персонал которого имел экстраординарную свободу преследовать свои собственные цели. Обсуждаемые этими людьми далеко идущие международные интриги и аура закрытости вокруг их размышлений рождали многочисленные подозрения, исходящие от персонала разведки в Индии и передаваемые в Лондон самим вице-королем.

Оправившись от первого потрясения по прибытии, Гертруда быстро втянулась в этот новый и увлекательный мир. По должности и на обедах она познакомилась с важными персонами этого мира, элементом которого сейчас стала сама. «Гертруда, – замечает Хогарт перед короткой поездкой в Лондон, – начинает заполнять это место собой». У нее было очень много общего с археологом Леонардом Вулли, заменившим Хогарта как директора по работам в Каркемише, который был раскопан в 1911 году, когда Гертруда познакомилась с Лоуренсом. Сейчас Вулли был главой разведки в Порт-Саиде и человеком, первым

приветствовавшим Гертруду в Египте. Он сидел у себя в офисе и писал, говоря словами Лоуренса, «многословные сокрытия истины для прессы».

Для сэра Марка Сайкса этот первый год оказался прост. Помпезный католик-землевладелец и почти сосед Беллов в Йоркшире, он был легковозбудимым и самоуверенным путешественником, публиковавшим книжки о своих экспедициях по Ближнему Востоку. Гертруда познакомилась с ним в Хайфе в 1905 году, но они поссорились на обеде, на котором он назвал арабов «животными» и охарактеризовал их как «трусливых», «больных» и «ленивых». В это время и она, и Сайкс были намерены посетить Джебел-Друз, и позже Сайкс обвинял ее, что она ввела его в заблуждение с целью добраться туда первой. Он писал своей жене Эдит: «Будь проклята эта глупая пустая трещотка, надутый самодовольный пузырь, фонтан чепухи, плоскогрудая баба-мужик, топчущая земной шар и виляющая курдюком болтливая задница!» Вероятно, его злость была оправданна. Гертруда все-таки добралась туда первой и вполне могла проделать какой-нибудь трюк, чтобы его задержать. Предполагается, что она для верности, чтобы Сайксу не дали разрешения идти в пустыню, солгала вали в Дамаске (сделав вид, что проговорилась), будто Сайкс – «зять премьер-министра Египта».

Как-то они смогли наладить свои непростые отношения, и Гертруда написала Флоренс: «Мне приходится много с ним видеться». Поскольку Сайкс теперь был главным советником британского правительства по отношениям с арабами во время войны, его груз предрассудков не мог не омрачать их будущее и портить шансы и перспективы всюду, где он вмешивался.

Также пробегал там Джордж Ллойд из известной банкирской семьи. Это был нахальный тип, эксперт по финансам, политике и торговле, твердо веривший в доблесть британского империализма. В Каире он оставался недолго.

Близорукий и богемный Обри Герберт в 1907 году пересек Синай. Его идеальное владение турецким стало для бюро полезным инструментом. Потом был восточный секретарь сэр Рональд Сторрс, который служил по очереди сэру Элдону Горсту и Китченеру, бывшим резидентами до Макмагона. Насмешливый эрудит Сторрс казался самой забавной личностью во всем блестящем кругу арабского бюро. До Лоуренса он был самым блестящим англичанином на Ближнем Востоке, несравненным лингвистом, способным любого человека за несколько минут довести до состояния беспомощного хихиканья. Еще он являлся знатоком и завзятым коллекционером восточных древностей.

Т. Э. Лоуренс был сам себе закон, что случается нечасто, и постоянной досадой для военных. Блестящий и самодостаточный, он вел себя одновременно и приветливо, и вызывающе – точно такой, каким его впервые увидела Гертруда в Каркемише, и тогда он ей понравился. Его привычка усмехаться про себя будто одному ему известной шутке все так же смущала окружающих, но Гертруда, или «Герти», как он ее называл, смущалась редко. Его собственные долгие странствия сосредоточились вокруг замков крестоносцев Сирии и северной Месопотамии. У него была привычка вне службы носить вышитые жилеты и плащи или одеваться в арабскую одежду, но по-арабски Лоуренс и близко не говорил так хорошо, как она. Лишенный ее богатства, а потому и того статуса среди шейхов пустыни, он не был принят ими как равный. Лоуренс к моменту приезда Гертруды уже прослужил в бюро несколько месяцев, собирая «клочки информации» и снисходительно относясь к составлению карт. Как он признал в одном письме, посвященном своей карте дорог и колодцев Синая: «Что-то точно, а остальное я взял из головы». Он опасался, что когда-нибудь Немезида его подстережет: ему будет велено найти путь через пустыню, имея лишь экземпляр собственной карты.

Таковы были люди, с которыми теперь работала Гертруда. За первым же обедом с участием Хогарта и Лоуренса она ознакомилась с вопросом, который сейчас раскалывал общество британских сотрудников в Каире: не может ли восстание арабов – возможно, поддерживаемое Англией – добиться того, чего не сумело сделать трехтысячное войско в Дарданеллах? И военные, и старомодные колониалисты были твердо уверены, что все, что в принципе могло быть сделано, уже сделали. По их мнению, воины племен – удостоенные в офицерских собраниях общего названия «халаты» – не способны на дисциплинированную современную войну. На этот аргумент бюро язвительно отвечало, что «дисциплинированная современная война» провалилась уже на трех фронтах.

Год 1914-й стал первым годом, когда проявились определенные признаки арабского восстания, сперва в поведении сообразительного хашимитского шерифа Мекки, святейшего из городов Хиджаза – региона, протянувшегося вдоль восточного берега Красного моря. Титул «шериф» подразумевал потомка Мухаммада от его дочери Фатимы. Нынешний шериф, семидесятилетний Хусейн, был «почетным» пленником в Константинополе в течение восемнадцати лет, до свержения старой султанской бюрократии в 1908 году, после чего новое правительство, известное под именем младотурок, опрометчиво отправило его в Мекку эмиром, как самого старшего из шерифов.

Двое из его сыновей, образованные и опытные Абдулла и Фейсал, оставались в Константинополе и держали его в курсе политических событий до 1914 года, когда порвали с турками и двинулись в Мекку. Разразившаяся война изолировала Хиджаз. Паломничество прекратилось, и поставки продовольствия в этот засушливый регион стали зависеть от доброй воли турок и их жизненно важной железной дороги. В случае восстания ключевую роль играли бы британские суда с продовольствием.

Накануне мировой войны Абдулла как посланник своего отца нанес неожиданный визит восточному секретарю. Сэр Рональд Сторрс в тот момент исполнял обязанности генерального консула в Каире. Макиавеллист Абдулла, любитель доисламской поэзии и мастер шутливых игр, стал рассказывать древние легенды и читать «Семь од и плачей». Восхищенно слушающий Сторрс был тронут и поражен глубиной и количеством стихов, которые держал в памяти Абдулла, и впечатление оказалось настолько сильным, что он уже задумался, не совершает ли ошибку, но тут пробудился от мечты из-за диссонансного слова «пулеметы». Абдулла, перешедший наконец к цели своего визита, хотел знать, поставит ли британская армия пулеметы для «защиты» от нападения турок, если отец Абдуллы бросит им вызов.

Вопрос был передан наверх, тогдашнему британскому резиденту лорду Китченеру. Имея в перспективе вступление в войну османской Турции, он начал переписку Абдуллой, которая, когда Китченер вернулся в Лондон с военным министром, продолжалась его преемником Макмагоном. Китченер спрашивал, будут ли Абдулла «и его отец и арабы Хиджаза с нами или против нас». В следующих телеграммах он обещал британскую защиту в обмен на помощь «арабской нации». Он также намекал: «Может быть, араб истинного рода возглавит халифат Мекки и Медины» – и продолжал говорить о «хороших вестях о свободе арабов и восходе солнца над Аравией».

Намеки Китченера сменились такими же хитрыми и туманными фразами Макмагона. С тщательным соблюдением тайны передаваемые эмиру Хусейну в рукоятях кинжалов и подошвах туфель письма продолжали прощупывать вероятность и возможные направления арабского восстания против турок. Ничего определенного обещано не было, но тем не менее Хусейн ухватился за идею, что может стать правителем арабской нации.

«Арабский вопрос», как его назвали, касался Гертруды в особенности в том, что ее начальная работа состояла в изучении тонкостей арабской политики и персоналий Хиджаза от Иерусалима и до Мекки на юге, где, как надеялись, должно было начаться восстание. Ей предстояло изложить всю информацию о

племенах и заполнить все пробелы, определить племена и их союзы и вражду – что она всегда оживляла увлекательными набросками характеров многих известных ей шейхов. В то же время она должна была составлять карты пустынных дорог, возможных проходов через горы и безводные пространства, указывать транспортные возможности и природные ресурсы, равно как и положение и влияние различных расовых и религиозных групп и меньшинств. «Мое знание о племенах начинает оформляться… мне нравится этим заниматься… и едва могу оторваться от этой работы», – писала она.

Вторая часть работы Гертруды касалась Месопотамии, которая с началом войны приобрела первостепенную важность. Со времен самой ранней цивилизации этот регион, заключенный в естественных пределах между Евфратом и Тигром, был плодородным обрамлением с востока пустынь северной Аравии и являлся путем к Индийскому океану через Персидский залив на юго-востоке. Месопотамская кампания, начавшаяся в 1914 году, своим истоком имела принятое в 1911 году решение первого морского лорд-адмирала Джона «Джеки» Фишера и первого лорда Адмиралтейства мистера Уинстона Черчилля придать британскому флоту быстроходность, переведя его корабли с угля на нефть. И приоритетом стало нахождение надежного источника сырой нефти, принадлежащего Британии.

Двумя самыми большими поставщиками нефти до 1908 года были Америка и Россия, но добыча в Азербайджане стала падать и к тому же не находилась под британским контролем. А в том году «Берма ойл» удачно пробурила скважину в горах Загрос, на границе Месопотамии и Персии. Компания снабжала нефтяным топливом новую Англо-персидскую нефтяную компанию (АПОК) по трубопроводу длиной 138 миль в Абадан, качая нефть на новый нефтеперегонный завод на восточном берегу Шатт-эль-Араб, большого водного пути у южного конца Месопотамии, несущего воды Тигра и Евфрата в Персидский залив. Британское правительство предоставило 2,2 миллиона фунтов стерлингов и получило 51 процент акций АПОК вместе с двадцатилетним контрактом на снабжение военно-морского флота.

Так что ключевые соображения, почему Британия должна воевать с турками в Месопотамии, заключались в том, чтобы оттянуть поставки зерна из долины Евфрата и не дать туркам использовать железную дорогу Багдад – Басра для переброски и снабжения войск на театре военных действий.

Пока египетская армия бездействовала, штаб-офицеры играли в сквош в Каире, младшие вели обреченные кампании против турок на Синае, а британское правительство завязло в

Европе, Уайтхолл решил послать команды в Индию, чтобы защитить британские интересы на Ближнем Востоке. Индия, предвидя проявления враждебности турок, уже выслала к Персидскому заливу Пунскую бригаду, которая впоследствии заняла Фао, турецкий форт, и телеграфную станцию возле устья реки Басра, отогнав противника за Тигр. Вскоре два дивизиона индийской армии продвинулись еще глубже в Месопотамию под командованием генерала Никсона и наконец взяли Насирию.

Британское правительство в Индии имело свои причины отстраняться от Вестминстера. В мемуарах «Мои индийские годы» тогдашний вице-король лорд Хардинг пишет о своем убеждении, что судьба войны решалась во Фландрии, и Лондону следовало сосредоточить там свои усилия и добиться решающей победы. Он описывает постоянные требования правительства метрополии к правительству Индии на присылку войск, военных материалов и запасов во Францию, Восточную Африку, в Дарданеллы, Салоники и куда-то еще. Перечисляя усилия, предпринятые в Индии для удовлетворения растущих требований военного министерства, лорд Хардинг приводит данные о наборе трехсоттысячного войска и поставке 70 миллионов патронов к стрелковому оружию, 60 тысяч винтовок, 550 пушек и еще палаток, сапог, одежды и лошадиной сбруи. Когда война дошла до Месопотамии, Индия была, по его словам, «обескровлена добела» и вряд ли могла дать еще что-то. Намек на возможность арабского восстания вызвал у Хардинга головную боль. Это было совершенно невозможно, а если бы и получилось, то отозвалось бы в Индии хаосом. Вице-король никогда не поддерживал амбиции суннитского шерифа Мекки – со всеми проблемами, которые его дальнейшее возвышение вызвало бы в отношениях с шиитскими шейхами и эмиратами Персидского залива, поддерживаемыми Индией. В Индии под властью вице-короля находилась самая большая группа мусульман в мире, и требования, выдвигаемые военным министерством, и без того вызывали заметные трудности. Турецкая армия являлась почти полностью мусульманской – турки и арабы набирали солдат из пустыни. Посылать индийские войска, где было много мусульман, драться с турками в Месопотамии означало, что британцы будут стравливать мусульманских солдат с мусульманскими солдатами. Дело это осложнялось лояльностью индийских мусульман по отношению к традиционному правителю османской Турции, калифу. Лорду Хардингу сложно было понять, зачем Британии усугублять межмусульманские противоречия, поддерживая арабское восстание против турецкого мусульманского режима. Самые заметные панисламистские институты Индии – Худдам-и-

Каабах и Центральный комитет всех мусульман Индии – были настроены протурецки. На северо-западной границе арабское восстание также вызвало бы общее неодобрение. В настоящий момент, как указывали британские шифровки из Симлы в Лондон, удалось установить неустойчивый мир и тишину по этим горячим точкам гражданских волнений и религиозных лихорадок. Министерство по делам колоний согласилось с вице-королем, что арабское восстание не станет полезным; Лондон и Дели были убеждены, что в любом случае оно не материализуется, а если даже и возникнет, то обречено на поражение.

Тем не менее к весне пятнадцатого года Лоуренсу очень хотелось бросить картографирование и вернуться к активным действиям. Он придумал план: «Напасть на Сирию с помощью Хиджаза от имени шерифа… можем ударить прямо по Дамаску и выбить из французов все надежды на Сирию». Для него «это ощущалось как утро, и свежесть будущего мира пьянила нас». Для Гертруды с ее ноющим сердцем все было совсем иначе. Опустошенная смертью любимого, измотанная реорганизацией отдела раненых и пропавших без вести и руководством его офисами, в Каир она приехала раненым зверьком. На исходе года Гертруда думала о той эмоциональной буре, которую принес для нее 1915-й, и впервые написала Флоренс, а потом отцу горькое признание о Даути-Уайли. Иногда она молилась, чтобы ей никогда больше не выпадал на долю такой год, а иногда ловила себя на мысли, что все окупалось теми несколькими днями счастья.

«Я думаю: если бы мне выбирать, не повторила ли бы я снова прошедший год ради того чуда, которое он принес, и не вытерпела ли опять всю эту скорбь. И, дорогие мои, далеко не последними в этом чуде стали ваша доброта и ваша любовь… я не говорю о таких вещах теперь, лучше промолчать. Но вы знаете, что я всегда о них помню.

Милый, милый папа… никогда не найти слов, которыми я могла бы сказать, чем ты всегда для меня был. Никто никому не помог так, как помог ты мне, и рассказать, что для меня значили твоя любовь и сочувствие, – задача выше моих сил… я все еще не могу об этом написать, но ты ведь знаешь?»

Недавняя депрессия и переутомление вызвали у Гертруды к концу января недомогание. Что особенно необычно – она пожаловалась на усталость и для излечения от нее начала рано вставать по утрам, чтобы прокатиться по пустыне галопом. Это в последний раз, когда она признала, что оглядывается назад. Работа, как всегда, стала для нее возрождением, и, как всегда, Гертруда отодвинула чувства в сторону, чтобы не мешали делу.

При всем этом молчании более чем вероятно, что о своей потере и печали она говорила с Лоуренсом, тоже оплакивавшим любимого брата Билла – пилота, который поступил на службу в Королевские ВВС и был сбит в сентябре, как раз перед приездом Гертруды. Лоуренс, возможно с Хогартом и Вулли, мог ей помочь отдать последние почести могиле Даути-Уайли. В любом случае теперь она не могла не узнать и не оценить прекрасные качества, как и недостатки, своего необычного коллеги. Гертруда и этот «отличный парень» стали друзьями. Им было суждено оказаться самыми знаменитыми работниками бюро, следовать за своей мечтой и осуществлять ее вопреки всему. Лоуренс первым прожил свою легенду, и когда Гертруда слышала о его похождениях, то замирала над своей бумажной работой и рвалась душой к свободе и действию.

Будучи ведомством британского правительства, бюро ставило своей сверхзадачей победу в войне. Его сотрудники понимали, что восстание арабов против турок – их единственная надежда, и знали, что такая возможность есть. К 1914 году недовольство среди арабских субъектов Османской империи было обычным делом. Гертруда в разговорах с жителями Джебел-Друз еще в 1905 году отметила начало движения в сторону независимости. Народ Неджефа и Кербелы повернулся против турок в Месопотамии, и началось Арабское движение за независимость в Басре, хотя оно и было создано нещепетильным Саидом Талибом ради собственных целей. И в то же время бюро точно знало, что панарабская независимость невозможна. Лояльность среди всех племен Ближнего Востока? Да нельзя усадить двух шейхов в одном шатре! Гертруда изложила причины этого в одной из своих кристально ясных докладных записок.

Политический союз – незнакомое понятие для общества, все еще окрашенного своими племенными началами и сохраняющего множество разрушительных элементов племенной организации… Условия жизни кочевника не похожи на условия жизни в возделанных землях, и не так уж редко прямые интересы племен несовместимы с интересами оседлых зон… Хорошо бы с самого начала отмести ожидание, что найдется одна личность, которую можно было бы поставить главой или номинальным главой арабских провинций в целом… Единственный, кого стоило бы рассматривать как вероятного номинального главу, это король Хиджаза, но, хотя он и мог бы стать представителем религиозного объединения среди арабов, политического веса у него не будет никогда. Месопотамия по преимуществу шиитская, и его имя там ничего не будет значить. Его религиозная позиция – актив, и это, вероятно, единственный объединяющий элемент, который мы

можем найти. Но превратить его в политическое превосходство невозможно.

По-прежнему фактически существовал единственный стимул для объединения племен против турок и противовеса их призыву к антибританскому джихаду – так называется долг отвечать на призыв воевать за Бога – это понятие арабской свободы и независимости… или что-то в этом роде. Существовало уже полуобещание такого исхода, данное Китченером, которое нельзя было не признавать. Вопрос еще больше усложнился из-за переписки Хусейна с Макмагоном. Каждый сотрудник арабского бюро знал, что все их усилия поднять восстание будут предприниматься в атмосфере полуправды-полулжи. Лоуренс писал пояснения к карте Хиджаза с мучительным чувством, что предает своих арабских друзей, и неоднократно признал это в «Семи столпах мудрости».

«Арабское восстание начиналось с притворства и лжи. Чтобы получить помощь шерифа, наш кабинет через Генри Макмагона предложил поддержку туземным правительствам…арабы… просили меня, как свободного агента, поручиться за обещания британского правительства… Я понимал, что если мы выиграем войну, то обещания, данные арабам, станут клочками бумаги… и все же энтузиазм арабов был нашим основным средством выиграть войну на Востоке… Но, конечно, вместо того, чтобы гордиться тем, что мы сделали, я испытывал постоянный и горький стыд».

Гертруда же не намеревалась предпринимать никаких действий, которых ей пришлось бы стыдиться. Она свой блестящий интеллект и удивительную работоспособность использовала, чтобы довести это обещание до арабов. Она умела изменить настроение и убеждение своих контрагентов, объясняла все аспекты и ответвления вопроса и находила наилучшие способы решения, соединяла британское административное искусство с арабской целеустремленностью и гордостью и делала все, чтобы организовать эффективное правление. Она находила способы основать арабское государство, существующее параллельно с благожелательной к нему британской администрацией в настоящем политическом союзе.

Гертруда и Лоуренс были не одиноки в своем желании самоопределения для арабов, поддерживаемого и стабилизируемого британскими советниками. Веря, что многообразие рас, племен и верований делает невозможным формирование единой сплоченной нации с эффективными политическими институтами, сотрудники «мозгового центра», который назывался арабским бюро, были людьми прагматичными

и цельными. Они сопротивлялись всем попыткам Индии аннексировать Месопотамию и заменить Османскую империю раджем. В Индии британцы сумели встроиться в систему правления магараджей и занять в ней господствующую позицию; на Ближнем Востоке не было возможности так легко вписаться. Арабская система происходила от Пророка и других выдающихся религиозных фигур, на этой основе главные семьи строили свою духовную и светскую власть. Власть над источниками богатства была для них достаточна, чтобы брать под свое покровительство лидеров поменьше и их племена. Гертруда знала ситуацию до тонкостей, и это знание вместе с ее политической проницательностью и умением убедительно и ясно излагать вопросы необозримой сложности были самым ценным вкладом в коллективное намерение бюро найти решение поставленной перед ним задачи.

Но ясность мысли – это не такая вещь, которую легко найти. Как замечает один комментатор, было около двадцати отдельных правительственных и военных департаментов, одновременно занимавшихся выработкой британской политики на Ближнем Востоке в период Первой мировой войны: военный кабинет, Адмиралтейство и военное министерство – у всех была своя точка зрения, и с ними соперничали министерство по делам Индии и министерство иностранных дел, потом бюрократические структуры в Индии, Египте и Судане, у которых тоже было множество мнений по разным вопросам. В Месопотамии, Исмаилии и Александрии стояли три крупных экспедиционных корпуса, и во всех четырех основных областях имелись свои военно-морские и политические учреждения. Неудивительно, что было очень много пересекающихся линий коммуникации, и обещания, даваемые арабам, не могли не отличаться по содержанию и намерениям. И действительно, англо-арабское взаимопонимание омрачалось недоразумениями, происходящими в основном от изначальной переписки Макмагона и шерифа Хусейна и отставшего от времени англо-французского соглашения, сляпанного несдержанным Сайксом и французским дипломатом Жорж-Пико в мае шестнадцатого года, о котором Гертруду и ее тогдашнего начальника в течение двух лет не информировали.

В бюро создавалось ощущение таинственной деятельности. Сотрудники даже сами себе дали прозвище: «Пронырливые». Лоуренс писал о подрывном намерении внедриться в коридоры власти, «чтобы создать новый арабский мир». Первым обращенным в новую веру оказался сам верховный комиссар – умелый, лояльный, но обладающий бурным воображением сэр

Генри Макмагон. Под влиянием постоянного убеждающего воздействия от Гилберта Клейтона и уже лишившийся иллюзий после поражения, которое потерпели на Синае военные с их самодовольством и косностью, он был первым, кто понял и одобрил их план.

«Пронырливые» в вопросе арабского самоопределения придерживались взглядов, противоположных точке зрения администрации в Дели. Они вряд ли могли бы осуществлять свои планы арабского восстания без поддержки из Индии, а таковая им не светила. Вице-король и его правительство твердо верили, что над арабами нужно установить британское правление, и оно будет таким же успешным, как и в индийском регионе. В конце концов, Индией удавалось управлять, имея всего лишь пятьдесят тысяч британского войска. В Каире смотрели более реалистично. По мере того как развивалась война, у Британии оставалось все меньше надежд финансировать империалистические правительства на новом континенте. Бюро эту карту разыгрывало изо всех сил, подчеркивая, что влияние обходится намного дешевле прямого управления.

В бурных и продолжительных обсуждениях, в которых теперь участвовала и Гертруда, они рассматривали возможность победить турок другими, «не британскими» методами ведения войны: финансируя восстания, перерезая железнодорожные линии, перехватывая снабжение, поддерживая терроризм, ведя партизанскую войну. Участие Гертруды, ее знание арабских методов и обычаев помогли эти идеи выкристаллизовать. В конце концов, вероятно, она одна среди них, путешественников и исследователей пустыни, принимала участие в газзу. Она говорила, что возможно собрать арабскую армию против турок, если гордость этих людей, побуждающая их к самоопределению, будет достаточно сильна. Понадобятся заметные финансовые средства. Деньги потребуются по двум причинам: потому что невозможно передвигаться по территории шейхов без платы и потому что ни бедуины, ни оседлые жители пустынь не бросят верблюдов или дома, чтобы идти на войну, если при этом утерянный доход семьи не восполнят из другого источника. Арабский боец – не доброволец, а наемник.

Индийское правительство не отказывалось от намерения расширить свою власть на Аравию и аннексировать Месопотамию. Вице-король ясно выразил свои чувства в язвительном письме в министерство иностранных дел:

«От всей души надеюсь, что это предполагаемое арабское государство тут же развалится, если вообще будет создано. Никто не смог бы предложить плана, более пагубного для британских

интересов на Ближнем Востоке, нежели этот. Он просто означает безвластие, хаос и коррупцию, поскольку никогда не было и не может быть никакого согласия или сотрудничества между арабскими племенами… У меня нет слов, чтобы передать, насколько пагубным я считаю это вмешательство и влияние из Каира».

Этим письмом он породил оппозицию к бюро еще и в Лондоне.

К тому времени Гертруда закончила свой первоначальный доклад по племенам, который был воспринят в Ставке с большим уважением за знание дела и подробности. Сделав то, что от нее просили, Гертруда теперь могла вполне респектабельно вернуться в угнетенную войной Англию, в офис отдела раненых и пропавших без вести, в полный печальных воспоминаний Лондон. Вместо этого она задумалась над приносящей вред враждой Каира и Дели и целеустремленностью вице-короля. Лорд Хардинг, великий и многократно награжденный бывший посол в Санкт-Петербурге и Париже, лично выбранный и официально утвержденный советник короля по иностранным делам, был не кем иным, как старым другом Гертруды по снежным прогулкам в Бухаресте, Чарльзом Хардингом. Зная его так, как знала она, понимая проблемы так, как только она могла понять, могла ли Гертруда что-то сделать, чтобы улучшить отношения между Индией и Каиром? «Жизненно важно, чтобы Индия и Каир работали в теснейшем контакте, потому что они имеют дело с двумя сторонами одной и той же проблемы», – писала она капитану Холлу, директору военно-морской разведки, в Лондон 20 февраля 1916 года. Гертруда спросила у Клейтона: можно ли ей поехать в Дели? Формальной причиной поездки стало бы пополнение данных по племенам информацией, которую можно было получить лишь в индийском департаменте иностранных дел. Понимая, как и все «Пронырливые», что никакой панарабской нации быть не может, но не имея возможности широко объявить об этом, поскольку Китченер говорил Хусейну о такой возможности, на самом деле Гертруда хотела уверить Хардинга, что Каир не хуже Дели осознает, что такой нации нет и быть не может, но следует притвориться (как бы ни было неудобно), будто это не так, ведь это единственная причина, способная объединить арабские племена против турок. Она собиралась отстаивать использование против турок новой тактики и пытаться показать правителям Индии возможности, которые откроет арабская партизанская война. Гертруда создавала уже про себя сложный план – вопреки всему пестовать арабское самоопределение.

Если у Хардинга был близкий друг в этот момент в Индии, то это достойный корреспондент «Таймс» сэр Валентайн Игнатий Чирол, «дорогой Домнул» Гертруды, кому она сейчас и послала телеграмму.

Лучше всех понимая, как сильно она любила Даути-Уайли, и тревожась о ней, Чирол сообщил Хардингу, что она была больна и угнетена и теперь работает в Каире в официальном качестве. Благодаря покровительству Домнула Гертруда получила теплое приглашение от вице-короля.

В письме, написанном в конце января, Клейтон высказал ее плану безоговорочную поддержку и веру в ее способности выполнить это сложное и ключевое дипломатическое действие. Он намекает на истинную цель ее поездки:

«…В Индии люди так крепко держатся не за тот конец палки, что с ними трудно иметь дело. Мисс Гертруда Белл едет сегодня в Индию – частично по моему настоянию и с полного одобрения верховного комиссара. Она, как вы знаете, один из величайших авторитетов по Аравии и Сирии и работала со мной несколько месяцев. Она полностью в курсе арабских вопросов и целиком согласна с нашей политикой. Поскольку она близкий друг вице-короля и сэра Валентайна Чирола (имеющего немалый вес) и собирается остановиться у вице-короля, я думаю, ее ждет успех, в том числе ей удастся разъяснить истинное значение арабского вопроса».

Хардинг позже написал в своих мемуарах:

«Именно в это время я услышал, что мисс Гертруда Белл, которую я знал много лет до того как племянницу сэра Фрэнка Лasселса и которая работала в отделе военной разведки в Каире, больна и тяжело переживает гибель в Галлиполийской операции очень близкого друга. Я попросил ее приехать навестить меня в Дели, где у нее будет возможность изучить информацию по арабскому вопросу, имеющуюся в распоряжении департамента иностранных дел».

Гертруда написала письмо отцу, в котором слегка изменила порядок событий. При ее желании, чтобы Хью всегда думал о ней хорошо, и ввиду масштабов политики, в которой она предполагала действовать, в том числе с помощью манипулирования, она хотела заранее рассеять впечатление, будто у нее слишком развилось честолюбие и чувство собственной важности.

«Получив письмо лорда Х. через Домнула, я подумала, что это может быть хороший план: если я, лицо маловажное и неофициальное, воспользуюсь приглашением вице-короля и поеду посмотреть, что может получиться, если изложить перед

ним эту сторону вопроса… Мое начальство одобрило… так что я еду. Мне несколько тревожно по этому поводу, но я надеюсь на собственную крайнюю незаметность и общую доброту, с которой ко мне всюду относятся. Преимущество в такой сугубо неофициальной позиции то, что в случае неуспеха никому ничем хуже не будет. В Дели меня ждет Домнул, отчего все становится простым, а в ином случае не думаю, чтобы меня послали с политическим заданием».

Радостное возбуждение вскоре превозмогло тревогу. Собирая чемодан 28 января, Гертруда черкнула другое письмо: «Наконец уезжаю по сигналу в последний момент ловить воинский транспортный корабль в Суэце. В три часа дня мне сказали, что я еще на него успею, если выеду в шесть, и это не много времени оставляет на раздумья. Мне доверено вести переговоры, и я надеюсь, что смогу это сделать хорошо».

Офицер, который был в то время в Каире, потом рассказал Флоренс, что никогда не видел, чтобы кто-нибудь мобилизовался так быстро, как мисс Белл.

Новое прозвище «Пронырливая» отлично ей подходило. Вот такой Гертруда была всю жизнь. Она достигала своей цели в пустыне, проникая в бедуинские лагеря, она пробиралась в коридоры власти, прямо выходя на чиновников, которых знала, и давая им информацию, которую они просили. Теперь она планировала самое важное свое приключение: проникнуть туда, где принимаются ключевые решения Британской империи.

Пять дней на корабле дали ей время собраться с мыслями. В арабском вопросе было очень много слоев и не меньше двойственностей. Бюро продолжало осуществлять политику Китченера по организации арабского восстания – быть может, единственного оставшегося способа переменить ход войны. Следовало поддерживать среди арабов уверенность в обещании независимости, которое будет невозможно выполнить. Даже те представители британской администрации, которые считали попытку поднять бунт стоящей, не рассматривали ни причины, зачем племенам брать на себя этот риск, ни приз, который они могли получить. То, что арабы хотели, британцы не могли дать и не дали бы, даже если могли. «Пронырливые» должны были убедить арабов, что независимость возможна, в то же время разделяя уверенность правительств британцев и союзников, что это не так. Бюро не могло действовать в одиночку, хотя Лоуренс настаивал на форсировании вопроса: для поддержки арабов требовались средства, провизия, оружие, боеприпасы и военная сила.

Гертруда поехала уверять вице-короля, что всеарабское

государство не возникнет никогда, что Каир это знает, и Хардинг может на эту тему не волноваться. Она укажет, что в последние месяцы шериф и его сыновья заняты попытками помирить враждующие племена у северного края Хиджазской железной дороги, как предисловие к тому, что она называла «маленьким намеком на комбинацию». Гертруда готова была согласиться, что арабское движение за независимость – мираж, если его рассматривать как фактор единения арабских провинций. Она набросает возможную модель административного объединения после поражения турок, в зависимости от того, продержится ли полноценное сотрудничество британцев и французов к концу войны и насколько будут включены в их построения арабские представители. Хардинг, несомненно, расскажет ей, что арабское восстание вызовет хаос в Индии, а она в ответ должна будет найти способ сказать непроизносимое. Только Китченер, не смущающийся никакими нюансами, мог бы выразить эту мысль самым прямолинейным образом: «Лучше потерять Индию, чем проиграть войну».

Она продумала и записала свои мысли, работая все утро и потом после обеда в каюте, которая была комнатой матери и ребенка, когда транспортный корабль являлся лайнером. На борту судна нашелся капеллан, знакомый с ее сводным братом Хьюго, и Гертруда согласилась по его просьбе выступить перед солдатами двадцать третьего и двадцать четвертого стрелковых корпусов. «Им так скучно, – писала она домой 1 февраля. – Мне будет очень приятно хоть как-то их развлечь. Адъютант еще попросил меня выступить по Месопотамии перед офицерами, что мне нравится несколько меньше».

Высадившись в Карачи, Гертруда села в душный вагон поезда до Дели и приехала белая от пыли. Домнул встретил ее на станции, и пока они разговаривали и смеялись, багаж уложили в сверкающий штабной автомобиль с флажками, который отвез их в резиденцию вице-короля. В точности как было для важных гостей на коронации 1903 года, покои ей отвели из трех прохладных парусиновых комнат в роскошной палатке, одной из поставленных в ряд в садах вице-короля. В ней имелись гостиная, спальня и ванная – все покрытые коврами и великолепно обставленные, с вазами цветов и чайным столиком, а прислуживали гостье несколько слуг. Гертруда и Домнул беседовали после долгой разлуки, когда откинулся полог и вошел Чарльз Хардинг с приветственным визитом и приглашением к ужину. Гертруда сделала реверанс и не забыла назвать Хардинга «ваше превосходительство».

В следующие дни Гертруда втиснулась в расписание

Хардинга с несколькими долгими разговорами. Ей было позволено читать материалы, к которым она выразила интерес, и она занялась тем, что считала своей настоящей работой. По мемуарам Хардинга создается впечатление, будто он так до конца и не понял, что его с виду беззаботные беседы с Гертрудой и были истинной целью ее визита.

В перерывах между этими разговорами ее развлекал и сопровождал Домнул, а еще она присутствовала на колоритном заседании Законодательного совета. В один памятный день ей вместе с Хардингом и гостями показывал Нью-Дели его архитектор Эдвин Лаченс. «Чудесно было смотреть город именно с ним, который это придумал, и хотя я видела планы… не представляла себе, как это огромно. Снесли холмы и засыпали долины… проложили дороги, ведущие сюда с четырех сторон Индии, и в каждой перспективе видны руины старого имперского Дели».

Гертруда разговаривала с чиновниками департамента иностранных дел, изучала материалы, которые были формальной причиной ее приезда в Дели, и для нее открывали секретные досье. Ей требовалось еще съездить на несколько дней в Симлу, встретиться и поговорить с тамошними сотрудниками разведки. Изначально настороженные, они быстро оценили ее умение схватывать суть дела и после ее возвращения в резиденцию вице-короля за ней послали офицера – обсудить, как лучше скоординировать работу между Египтом и Индией. Она создала для этого план и послала его на утверждение в Каир. В то же время ее пригласили редактировать газету «Газеттир оф Арабиа». Гертруда считала, что ее визит был полезен, о чем сообщила отцу, не вдаваясь в детали. «Я говорила об Аравии до тех пор, пока уже самого этого слова слышать не могла… думаю, что немножко упростила отношения между Дели и Каиром».

Вернувшись в старый Дели, Гертруда оказалась почетным гостем на официальном обеде, даваемом для махараджи Майсура и его свиты – человека настолько благородной касты, что для его приема вице-королю пришлось построить шестикомнатный дом. Как объяснил Хардинг Гертруде, махараджа может есть или молиться только в комнатах определенного размера, обставленных определенным образом.

На Хардинга Гертруда произвела глубокое впечатление. Упрямая девчонка, обществом которой он наслаждался в Бухаресте, прямо выкладывающая, что у нее на уме, стала искусным дипломатом, способным в одно и то же время пропагандировать некоторую точку зрения и воспринимать вихрь контраргументов. Его приятно удивили ее деловитость и

владение ситуацией, которую она изучала всего полтора месяца. Хардинг чувствовал, что ее работа для Британии далеко еще не окончена. Сейчас он составил план, которому предстояло изменить ее жизнь – и уж точно изменить облик Ближнего Востока. Он предложил Гертруде поехать в текущую горячую точку войны, в Басру на реке Шатт-эль-Араб, на стыке Месопотамии, Кувейта, Аравии и Персии. Ей придется стать связующим звеном между разведками Каира и Дели и при этом приготовить детальный доклад по месопотамским племенам и их взаимосвязям. В наиболее трудный момент месопотамского наступления она должна будет сделать все, чтобы убедить местных арабов помочь Британии.

Хардинг предупредил, что это очень неудобная работа для женщины, тем более не имеющей официального положения. Гертруда будет работать из военного штаба генерала сэра Перси Лейка. Политическим агентом при нем был сэр Перси Кокс, наиболее выдающийся официальный эксперт Британии по Ближнему Востоку, находящийся на службе индийского правительства. Если и когда Багдад будет взят (Хардингу не требовалось делать для Гертруды эту оговорку), Кокс туда переедет и организует администрацию. Гертруда знала сэра Перси и леди Кокс по паре встреч у общих друзей, сэра Ричмонда и леди Ритчи. Кокс был резидентом в зоне Персидского залива, когда на каникулах в Лондоне как-то обедал с Гертрудой и очень отговаривал ее от опасной экспедиции в Хаиль, особенно из каких-нибудь портов Залива, находящихся под его юрисдикцией. Будет ли Кокс негодовать по поводу того, что она совершила свой прославленный поход в Хаиль через четыре года, но с северо-запада? Она писала родителям: «В. К. очень хочет, чтобы я осталась в Басре и помогала там развед. департаменту, но все зависит от того, каковы взгляды тамошних работников и будет ли от меня какая-то польза. Видимо, важно, как я смогу себя поставить – как мы часто говорим: все, что можно сделать для человека, – это дать ему возможность самому устроиться. В.К. в этом смысле щедр».

Предстояло, как всегда, заметное противодействие со стороны разведчиков и военных появлению среди них женщины на равных правах. Как сказал Хогарт в каирском офисе, когда его спросили, как с ней обращаться и к каким делам допускать: «Она сама разберется». Хардинг предупреждал ее о вероятных трудностях в Басре, указывая, что ей самой решать, может ли она сделать эту работу для себя постоянной. Потом он написал Коксу, советуя ему принимать Гертруду всерьез. Слова, которые он выбрал, могли бы быть внесены в анналы шовинизма и вызвали

бы у Гертруды ироническую улыбку, если бы она их знала. «Замечательно умная женщина, – сообщал он, – с мозгами мужчины». А в мемуарах писал о ней так: «Я ее предупредил, что сэру Перси не понравится ее присутствие, поскольку она женщина, но ее такт и знания позволяют ей себя утвердить. Как я предвидел, в Басре была серьезная ей оппозиция, но, как известно, она своим умением, своим очевидным здравым смыслом и тактом ее преодолела».

Когда Гертруду иногда называют неженственной – и ничто не может быть дальше от истины, – не следует забывать, что она имела дело с исключительно мужскими политическими и военными кругами. Вынужденные соревноваться на своей территории с женщиной, которая слишком часто оказывалась права, некоторые из старых хрычей, с которыми ей приходилось работать, бурчали по поводу ее малой сексуальности. Часто это были те же самые патриоты и колониалисты, которые, как генерал-лейтенант сэр Джордж Макманн, генерал-инспектор путей сообщения в Месопотамии, в частных разговорах называли арабов «халатами». Макманн сперва был к Гертруде дружелюбен, потом критичен. Он вообще так мало разбирался в людях, что блестящего и хитроумного Т. Э. Лоуренса называл человеком «простого пустынного ума», неспособного словом «араб» обозначить что-нибудь более сложное, чем «патриархальные племена пустыни, шейха во всем его тираническом разврате, его чистокровных лошадей, его груженых верблюдов… и прочее в этом роде». С точки зрения Макманна, Лоуренс не постигал «трудные ситуации», возникающие в Дамаске и в Багдаде, а Гертруда – «обмылок человека, говорят, что женщина», которой придают важности больше, чем следовало бы. Гертруда, в свою очередь, нисколько не интересовалась, кто там гей или не гей, эксцентричен или руководствуется странными побуждениями, имеет шестьдесят четыре жены, почитает дьявола, – она просто из каждой личной встречи извлекала все возможное и шла дальше. Она не унижалась до описания этих мелких предрассудков в письмах домой – потому что всегда было что-то поинтереснее, – но иногда роняла мимолетное замечание, позволявшее догадываться, как ей надоело иметь дело с такой мизогинией и утверждать себя снова и снова. «Здесь нелегко – когда-нибудь расскажу, – писала она Хью. – Я думаю, что преодолела большинство трудностей, и растущая сердечность моих коллег – источник беспримесной радости».

Таким образом, Гертруда приехала в разведывательный отдел Ставки в Басре без звания, работы или жалованья, не зная, оставит ли ее при себе департамент, в который она прибыла, или

тут же отошлет прочь. Городу – безобразному нагромождению глинобитных домов и пальмовых рощ, прочерченному оросительными каналами, – предстояло развернуться в огромную армейскую базу практически за одну ночь. Все комнаты и офисы были набиты военными, и в атмосфере висело напряжение надвигающегося дела. Сэр Перси Кокс отбыл на несколько дней, но леди Кокс оказалась гостеприимной и поместила Гертруду в запасной спальне, пока гостья не подыщет себе дом. Но кабинета для нее не нашлось. Гертруда должна была работать в жилой комнате полковника Бича, начальника военной разведки. В рабочие часы это пространство приходилось делить с симпатичным помощником Бича Кэмпбеллом Томпсоном, который также когда-то работал с Хогартом и Лоуренсом в Каркемише.

Она стала читать выданные ей папки, давая задания арабскому юноше Михаилу, назначенному к ней слугой, и на время подчинилась, хотя и подняв брови, правилам: ее почта цензурируется, она ограничена в том, куда ходить и что делать, и при посещении арабов в их домах с ней должен находиться офицер или компаньонка. Гертруда старалась создавать леди Кокс как можно меньше трудностей, обедая в офицерской столовой и заняв комнату в Ставке. Такая жизнь очень отличалась от жизни в Бюро, и Гертруде уже хотелось вернуться в Каир, где, как она знала, ее ждут. Дни шли монотонно: «Желала бы я знать, сколько еще мне оставаться в тех или иных местах и что делать дальше. Я уже начинаю себя спрашивать, что на самом деле здесь делаю, – писала она. – В конце недели я оглядываюсь и думаю, что, наверно, это можно выразить одним полезным словом… И если я уйду, это ничего не изменит, и если останусь, это тоже не будет важно».

Сэр Перси вернулся, и Гертруде больше не пришлось скучать. Он тут же поздравил ее, несколько наслаждаясь иронией ситуации, с успешной экспедицией в Хаиль и сообщил, что больше не будет ее недооценивать. Это был высокий мужчина, с серебристыми волосами и орлиным носом, пятидесяти одного года от роду, на четыре года старше Гертруды. Он был весьма уважаем, изысканно вежлив, убедителен и цивилизован. И разделял беспокойство Каира по поводу того, что Бюро пестует арабское восстание. В этом регионе он служил агентом правительства Индии почти десять лет. Какова бы ни была его непосредственная реакция на прибытие Гертруды на военную базу в этих обстоятельствах, он был слишком разумным человеком, чтобы проявлять свои предубеждения. Помня о письме Хардинга, он решил бросить Гертруду в воду на глубоком месте и

9 марта назначил для нее обед с четырьмя генералами, ответственными за военные действия в Месопотамии. Считалось, что Гертруда работает на военную разведку. Если у нее «мужские мозги», мог сказать он леди Кокс за утренним кофе, так пусть объяснится с ними и убедит генералов в своей полезности и профессионализме.

Это было испытание, почти что проба на роль. Местная команда была предубеждена против сующих свой нос в их дела бездельников, которые иногда тут появлялись без всякого видимого смысла. Сейчас ожидалось, что они найдут ей работу. Генералы Лейк, Коупер Мани и Оффли Шоу из индийских экспедиционных сил предпочли бы и дальше ее игнорировать. Когда их попросили развлечь ее за обедом в офицерской столовой, они были готовы оценить ее как женщину и как кандидата на должность. Эта маленькая женщина, понимали они, знаменитый путешественник. Генералы видели, как качается ее шляпа, когда она идет на работу или с работы – в чем бы эта работа ни заключалась. Они знали, что она дружит с этим женоподобным и недисциплинированным позорищем офицерского звания, Лоуренсом. Они, откидываясь в креслах, хохотали над собственными шуточками по поводу старых дев. Арабское восстание! Будто эти халаты могут представлять военную угрозу! Подразумевалось, что они будут вести себя покровительственно, галантно, слегка посмеиваться над ее взглядами и продолжать ее в упор не видеть.

Эта задача мобилизовала все силы Гертруды. Она оказалась в своей стихии. Быстро вошла – все встали, потом сели и не успели собраться с мыслями, как она заговорила. И сумев, как обычно, найти правильный тон. Она говорила на их военном языке, рассматривала факты стратегически, держалась уверенно, а главное – знала свое дело. Лекцию Гертруда расцвечивала юмором и господствовала за столом. Потом она слушала, проявляла дальновидность, как бы между прочим упомянула несколько имен, чуть-чуть польстила генералам и обрисовала несколько критически важных административных и тактических отличий индийских мусульман от бедуинов Ближнего Востока. Генералы были поражены и слегка покорены. Они послали за сигарами, а Гертруда вставила сигарету в мундштук. До военных начинало доходить, почему эту женщину послали в Каир и в Дели, а потом по личному желанию вице-короля – в Басру.

Гертруда решила не затягивать обед. У нее, как она заметила, полно работы. Тепло улыбаясь, она чистосердечно поблагодарила за внимание и вышла, оставив едва уловимый аромат лаванды в прокуренной комнате. После обеденного перерыва она снова

пошла на работу.

Подходя к своему «офису», она едва не оцепенела от неожиданного ужаса, увидев, что все ее папки выносят из дома и грузят в повозку. Озадаченный капитан Томпсон стоял на крыльце, пытаясь протестовать. Слуги объяснили, что выполняют приказ из Ставки. Гертруда рванулась в бой. Они с Томпсоном вместе двинулись в Главный штаб выяснять, почему их отстранили. Их встретил штабной офицер, сама любезность, и провел через весь дом на просторную деревянную веранду, выходящую на реку и затененную стенкой листьев и цветов. Рядом с этим широким пространством, где стояли плетеные стулья и журнальные столики, располагалась просторная прохладная комната с парой больших столов, над которыми жужжали вентиляторы. Полки вдоль стен уже были заполнены книгами, которые отобрали Гертруда с Томпсоном. Мимо проходили слуги, нагруженные папками, бумагами и книгами. Это был новый офис для Гертруды. Она написала домой:

«Сегодня я обедала со всеми генералами… и меня тут же пересадили со всеми картами и книгами на прекрасную веранду с прохладной комнатой, где я теперь весь день работаю. Мой компаньон в этом деле – капитан Кэмпбелл Томпсон… очень приятный и обязательный, и радуется вместе со мной смене помещения».

Она прошла испытание и была принята. И готова была стать офицером индийского военного штаба на жалованье.

Генералы решили, что Гертруда им нравится, и вскоре она стала фаворитом у всех военных. В душной жаре середины лета, когда пришли наводнения и вся страна оказалась под водой, генералы Коупер и Макманн – ставший в 1919 году главнокомандующим в Месопотамии – взяли Гертруду с собой на несколько дней на речной пароход, идущий к северу по Шатт-эль-Араб – посетить край болотных арабов. На палубе парохода были подобия кают, сооруженные из деревянных ширм; Гертруда взяла с собой служанку и свою походную мебель. Якорь бросили в озере Хор-эль-Хаммар, где сливаются воды Тигра и Евфрата. Гертруду заворожили водные просторы и непривычная архитектурная красота камышовых плавучих жилищ и мадхифов, деревенских центров, – впечатляющие сооружения пятидесяти футов в длину и пятнадцати в ширину. Это была древняя, рожденная на воде культура, которой будет одержим Уилфрид Тесайджер в ранние пятидесятые и которую впоследствии уничтожит Саддам Хусейн. Гертруда писала Чиролу 12 июня:

«К югу виден высокий край пустыни и огромная гряда холмов, которая есть Ур Халдейский… Деревни не стационарные,

они перемещаются по мере подъема и спада воды. Многие построены на плавучих основаниях – камышовых матах, с плавающими скотными дворами, где стоят коровы – вполне довольные, что их заякорили за пальмы, следует думать… Над каждой камышовой деревней возвышается глиняная башня форта шейха, как приземистые церковные колокольни в краю затопляемых болот. Свет и цвет здесь совершенно невероятные – никогда не видела пейзажа такой чуждой красоты… Меня выжгло до углей».

Выяснилось, что Насирия, только что взятая британцами, превратилась в остров длиной в три мили. Там Гертруда встретила генерала Брукинга – «пылкого маленького человечка с разбитым сердцем, четыре месяца назад потерявшего во Франции единственного сына», – и некоего майора Гамильтона, оказавшегося двоюродным братом Стэнли. Как бы ни была очаровательна эта интерлюдия, Гертруду продолжали волновать некоторые вещи. Как только местная телеграфная линия оказывалась перерезанной, вспыльчивый маленький генерал без разбора наказывал друзей и врагов. В письме к Чиролу она продолжает:

«Нет нужды говорить, что это называется штрафными санкциями. Ущерб, который можно причинить обстрелом с воды, практически ничтожен, и за ним всегда следуют репрессии, которые все больше и больше людей втягивают в беду – и постоянно расширяют круг волнений и враждебности. Вот что я думаю, и я набралась дерзости ему это сказать. “Политикой занимаетесь”, – сказал он, фыркнул и слегка подмигнул. Я согласилась, что да, всю жизнь занимаюсь именно политикой».

По возвращении в Басру нашлись и другие проблемы. Тяжелый труд требовал большего количества людей, и военные их мобилизовывали, не думая о родственниках и оставляя семьи без мужчин, способных заниматься земледелием и кормить семью. Гертруда решила об их трудностях написать Хардингу. Дело было не только в том, что эти факты тревожили ее совесть, но и в вопросе, как будущая администрация Месопотамии завоюет доверие и помощь арабов после такого пренебрежения человечностью?

«Мне многое не нравится, и первое и главное – это тяжесть работы. Существует очень тонкая – иногда она мне кажется невидимой – граница между тем, что делаем мы тут и что немцы делали в Бельгии. Я бы предпочла импортировать рабочую силу для целей войны, нежели мобилизовывать ее здесь, как ни против я импорта индийцев. Это нелегко, Домнул, вы просто не знаете, какая у меня тут трудная работа».

До сих пор месопотамская кампания шла с безоговорочным успехом, но теперь серьезно забуксовала. После того как ведомые британцами силы под командованием генерала Никсона выбили турок из Насирии, генерал-майор Чарльз Таунсенд и шестая дивизия в количестве около десяти тысяч человек выдвинулись захватить город-крепость Эль-Кут. Они хотели перегруппироваться и подождать подкрепление, но Никсон – получая, в свою очередь, приказы из Индии – велел наступать. С флотилии речных пароходов они бросились в битву при Ктесифоне, чьи массивные арки, много раз снятые Гертрудой, почти были видны из Багдада. Там окопалось двадцатитысячное турецкое войско и ждало. Наступление захлебнулось, и цифра потерь оказалось так велика, что Таунсенд и его люди вынуждены были поспешно отступать к Эль-Куту. Это случилось в начале декабря. Окруженные турками, невезучие остатки шестой дивизии были обречены на самую долгую в британской истории осаду. Неделю за неделей, месяц за месяцем, вопреки трем серьезным попыткам снятия осады, солдаты и горожане были заперты за стенами, и вскоре им пришлось есть кошек и собак, потом крыс. «В Эль-Куте ничего не происходит и не похоже, что будет происходить – положение отчаянное, и только небо знает, чем все это закончится», – писала Гертруда в апреле.

В середине апреля в Басру приехали Лоуренс и Обри Герберт по каким-то загадочным делам от каирского бюро разведки. Они пошли прямо в офис Гертруды и расположились на веранде, чтобы выслушать рассказ хозяйки о положении дел. Из-за их непонятного поручения и невоенного вида в офицерской столовой их бойкотировали. Лоуренс и Герберт были уполномочены предложить два миллиона фунтов стерлингов, чтобы откупиться от турок и освободить гарнизон Эль-Кута. В самом крайнем случае они собирались обсудить обмен ранеными и воззвать к милосердию по отношению к арабскому населению Эль-Кута. Занятие унизительное, но это было последней попыткой предотвратить ужасную катастрофу для англичан. Лоуренс впоследствии описывал яростные возражения британцев в Басре против его поручения и упоминал, как два генерала хватали его за грудки, объясняя, насколько позорным будет этот поступок. Лоуренс и Герберт сидели за столом с Гертрудой и разговаривали с ней. Для нее было огромным облегчением снова общаться с этими быстро соображающими, талантливыми людьми из Каира: она не могла не сравнивать их с тупыми старыми генералами, которые обычно составляли ей компанию за обедом. «Эта неделя была очень оживлена появлением мистера Лоуренса, посланного в качестве офицера связи из Египта. Мы вели серьезные разговоры

и строили обширные планы для мирового правительства. Завтра он уплывает вверх по реке, туда, где сейчас бушуют бои».

На самом деле было уже поздно, и попытка подкупа встретила унизительный отказ от турецкого военачальника Халиль-паши. 29 апреля, после 147 дней осады, турки все-таки вошли в Эль-Кут и взяли британцев в плен. Четыре тысячи британских солдат, истощенные голодом, впоследствии умерли от тяжкого труда и вынужденных переходов. Арабские горожане, также беспомощные жертвы ситуации, подверглись жестокому обращению со стороны победителей – исход, который понятным образом настроил многие слои арабского общества против альянса с британцами. Лоуренс и Герберт вернулись в Басру. Теперь они в еще большей степени стали персонами нон грата, но Лоуренс задержался здесь на несколько дней, чтобы пообщаться с Гертрудой. Полный беспокойства по поводу неудач в Месопотамии Хью написал ей, что в Англии говорят, как руководство в Басре и Дели «прет не глядя». Она ответила довольно страстно, но продемонстрировав при этом очень широкий взгляд и объективность, неожиданную для опытного государственного деятеля, каким уже наполовину стала:

«…Мы с разбегу влетели в это дело с обычным нашим пренебрежением к политическому планированию в целом. Мы рассматривали Месопотамию как отдельную территорию, а не часть Аравии, политически неотделимую от огромного и имеющего далекие последствия арабского вопроса, а он поворачивается разными гранями, если его рассматривать под разными углами, но все же всегда и во всем является единой неделимой сущностью. Координация политики по отношению к арабам и организация правления в Аравии должны быть выполнены как домашнее задание… нет никого, кто делал бы это, нет даже никого, кто хотя бы подумал об этом, и нашим людям в Египте приходится, имея сильную оппозицию в Индии и Лондоне, строить некоторую широкую схему, которая, как я убеждена, в результате ляжет в основу наших отношений с арабами… Ладно, хватит о политике. Но когда говорят насчет того, что мы тут “прем не глядя”, я не могу оставаться спокойной. Прем не глядя! Да, прем, через кровь и непролитые слезы».

Гертруда закончила работу по сбору информации о племенах со стороны Месопотамии. Сэр Перси Кокс, с которым у нее установилось взаимное уважение, писал:

«Военные власти решили, что эта конкретная служба, для которой мисс Белл была командирована в Басру, закончена, насколько это возможно, и, найдя, что женщину несколько затруднительно устроить на постоянной основе в военный штаб

действующей армии, предложили ей служить у меня как у главного политического комиссара. Она эту службу приняла с радостью».

Гертруда дважды утвердила себя в его глазах – экспедиция в Хаиль и обед с генералами, – и теперь сэр Кокс начал считать ее незаменимой. Она была не только неутомима, но и экономила ему много времени, отсматривая и развлекая многочисленных гостей-шейхов со всей Месопотамии. Она отфильтровывала не имеющих веса, а остальных отсылала в офис Кокса с короткой запиской, где указывалось название племени, откуда гость приехал и чего хочет. Перси Кокс дал ей официальный ранг помощника политкомиссара и звание восточного секретаря. Гертруда написала об этом Чиролу между прочим, но совершенно очевидно, что ей это было приятно.

«Мне просто в голову не пришло вам сообщать, что я теперь П. П. К. (помощник политического комиссара), потому что это совершенно не важно… Сэр Перси дал мне это звание, поскольку иметь официальное положение гораздо удобнее, хотя я думаю, что в тот момент у него был другой главный мотив: получить куда более сильный рычаг воздействия на меня! Нельзя было бы ничем не выделяться, не имея определенной должности. А так я офицер И.Э.К. Д (Индийский экспедиционный корпус Д), имею право на жилье, питание и уход в случае болезни. Я официально прикреплена… и знаете, у меня приличное жалованье – 300 рупий в месяц, что куда больше, чем я когда-либо рассчитывала заработать в своей жизни».

Гертруда работала не только на Кокса, но и на его трудоголика-заместителя, сперва капитана, а потом подполковника сэра Арнольда Уилсона, рыцаря-командора ордена Индийской империи, одного из самых замечательных и эксцентричных строителей империи на Ближнем Востоке. Массивного телосложения, с густыми черными усами, он культивировал стиль жизни спартанского самоотвержения. В путешествиях он предпочитал спать на земле без палатки или постели и ежедневно читал Библию. Он делал верховые переходы по сотне миль в день, а если приходил к реке, то предпочитал пересекать ее вплавь, а не по мосту. В одной поездке в Англию он сэкономил плату за проезд, нанявшись на пароход кочегаром, и кидал уголь в топку по шестнадцать часов в день. Выйдя в Марселе, он купил себе велосипед и проехал на нем последние девятьсот миль до фамильного дома в Ворчестере. Сперва они с Гертрудой отлично поладили. Она писала: «Совершенно замечательная личность, 34 года, блестящие способности, соединение умственной и физической мощи, что бывает редко. Я

просто предана ему – он лучший из своих коллег, и его ждет поразительная карьера. Мне кажется, я никогда не видела человека такой экстраординарной силы».

Но его империалистические догматические взгляды не могли рано или поздно не встать между ними.

В начале 1916 года военное министерство наконец взяло на себя управление операциями в Месопотамии и вывело на сцену войска, авиацию, артиллерию и транспорт. Это случилось слишком поздно, чтобы предотвратить агонию Эль-Кута, но произвело впечатление на очередного важного гостя в Басре, приехавшего в ноябре эмира и хакима Южного Неджда, Абдул-Азиза Ибн Сауда. Его посещение казалось почти королевским визитом, и он осмотрел современный научный центр военного дела, которым стала Басра. Если и существовал на свете арабский лидер, с которым Гертруда хотела бы познакомиться, но не получалось, – то это был именно он, харизматичный и замечательный воин, наследственный имам, судья, правитель и губернатор в одном лице. Он был непререкаемым лидером фундаменталистской секты ваххабитов, ставящей своей целью обращение к изначальному исламу Пророка под строгим руководством законов шариата. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, рашидиды изгнали племя саудитов и захватили Риад, его столицу. В двадцать два года Ибн Сауд во главе восьмидесяти верховых воинов на верблюдах, предоставленных ему шейхом Кувейта, союзником против рашидидов, подъехал ночью к Риаду, всего с восемью отобранными соратниками перелез через стену дворца, заколол спящих рашидидов и, лишь порозовело небо на рассвете, распахнул ворота города.

Следующие десять лет Ибн Сауд посвятил постепенному отвоевыванию территорий своих отцов. В 1913 году он захватил турецкую провинцию Хаса, ранее подчинявшуюся Риаду, обратил в бегство османский гарнизон и утвердился на берегах Персидского залива. Ибн Сауд стал другом британского политического агента в Кувейте, капитана Вильяма Шекспира, который неоднократно пытался убедить британское правительство в растущей значимости этого князя пустыни. Вскоре после объявления Первой мировой войны Шекспир поехал в Неджд и отправился на север с черными шатрами Ибн Сауда, идущего мстить за последнее нападение рашидидов, поддержанное турками. В этой битве Шекспир погиб, хотя и был некомбатантом. Вскоре после этого Ибн Сауд познакомился с сэром Перси Коксом, в то время главным политическим агентом в зоне Персидского залива, и заключил с Британией формальное соглашение, в котором также приняли участие шейхи городов

Кувейта и Мухаммара.

В течение нескольких часов 27 ноября 1916 года будущий основатель Саудовской Аравии был принят Коксом и Гертрудой, потом торжественно проехал по Басре, где ему показали самое последнее наступательное оружие. Держась величественно и с достоинством, он теребил четки и смотрел, как срабатывает мощная взрывчатка в импровизированных окопах и как стреляют зенитки. Говоря редко и мало, он проехал впервые в жизни по железной дороге и на скоростном автомобиле был отвезен в ближний город Шейбу инспектировать британскую пехоту и индийскую кавалерию. Он наблюдал за артиллерийской батареей в действии, смотрел на летящий в небе самолет. В базовом госпитале Гертруда сунула руку под рентгеновский аппарат, Ибн Сауд последовал ее примеру и увидел рисунок костей своей руки. Гертруда дала его портрет в статье для «Арабского бюллетеня» Лоуренса – газеты секретной информации для правительственных учреждений Британии, издаваемой в Каире.

«Ибн Сауду едва исполнилось сорок лет, хотя выглядит он старше. У него запоминающая внешность: блестящие глаза, заплетенные в косы волосы, рост выше шести футов и осанка человека, привыкшего повелевать. Хотя он сложен массивнее, чем типичный арабский шейх, черты лица характерны для арабов знатного рода: резкий орлиный профиль, хорошо сформированные ноздри, выступающие губы и длинный узкий подбородок, подчеркнутый остроконечной бородкой. У него изящные руки с тонкими пальцами – черта почти универсальная для племен чистой арабской крови. Несмотря на высокий рост и ширину плеч, он производит впечатление, достаточно частое для народов пустыни, некоторой неопределенной усталости, не индивидуальной, а расовой вековой усталости древнего изолированного народа, живущего с тяжелым напряжением всех своих сил… Его рассчитанные движения, медленная приятная улыбка и задумчивый взгляд из-под тяжелых век, хотя и придают ему достоинства и обаяния, не согласуются с западным представлением об энергичной личности. Но, судя по рассказам, его физическая выносливость необычайна даже для привычной к трудностям Аравии. Среди людей, выросших в верблюжьем седле, у него репутация неутомимого всадника, с которым мало кто может соперничать… Всем известна его отвага, и с качествами солдата в нем сочетается мудрость государственного мужа, которая в племенах ценится еще больше».

Впечатление, которое Гертруда произвела на Ибн Сауда, было более неоднозначным. Кокс уже говорил с ним о ее предвоенной экспедиции в Хаиль, но никогда раньше Ибн Сауд не видел

европейской женщины. Про него знали, что он был женат и потом разведен примерно шестьдесят пять раз, передавая женщин после пары ночей своим шейхам и соратникам. И необходимость видеться с этой нагло открытолицей женщиной на каких-то равных основаниях стала для него оскорблением его мужского достоинства, и он был просто ошеломлен, видя, как важные люди отступают, пропуская ее вперед. Более того, Гертруда не только приветствовала Ибн Сауда в самых дружеских выражениях, но еще и была назначена его сопровождающим и гидом. Кокс писал в дипломатическом тоне:

«…Тот феноменальный факт, что представительница прекрасного пола занимает официальное положение в Британском экспедиционном корпусе, не укладывался в его бедуинские понятия. И все же, когда надо было, он встретился с мисс Белл с полной искренностью и совершенно хладнокровно, будто всю жизнь общался с европейскими дамами».

В то время Ибн Сауд действительно мог вести себя вполне дипломатично, но впоследствии не стеснялся в выражении чувств. Политический комиссар Гарри Сент-Джон Филби, другом Гертруды к моменту написания письма не являвшийся, отмечал, что «многие из делегации Неджда корчились от хохота, когда он изображал ее пронзительный голос с женскими интонациями: “Абдул-Азиз [Ибн Сауд]! Посмотрите вот на это, что вы об этом думаете?” – и тому подобное». Наверное, Ибн Сауд единственный из арабских шейхов ее передразнивал. Дело, видимо, в том, что он был единственным из влиятельных шейхов, с которыми она виделась в обстановке западной, а не бедуинской. Если бы Гертруда явилась в его шатер в пустыне в вечернем платье, преподнесла бы ему бинокль и пистолеты, ела бы с ним на ковре и на его родном языке бегло и свободно стала бы обсуждать культуру, поэзию и политику пустыни, то наверняка произвела бы на него не меньшее впечатление, чем на Яхья-Бега, Мухаммада Абу-Тайи, Фахад-Бега и прочих.

Визит закончился. Гертруда продолжала работать в жутких погодных условиях, не зная, что предпочтительнее: зима, когда все дороги превращаются в грязь и через канавы перебрасываются доски, или лето, когда для уроженки Йоркшира жара нестерпима. «Ночью я проснулась и обнаружила, что температура все так же выше 100°[30] и я лежу в луже. Утром моя шелковая ночная рубашка идет вместе со мной в ванную, там я ее выжимаю, и можно о ней больше не думать… вода для ванны, набранная из бака на крыше, никогда не бывает холоднее 100°, но пар от нее не идет: воздух горячее», – писала она родителям. От постоянной стирки одежда рассыпалась. Вставать приходилось в полшестого

или в шесть утра, чтобы ее чинить – в Англии этим всегда занималась ее горничная Мари. Отчаянные просьбы об одежде иногда приносили свои плоды:

«К счастью, почти ничего не приходится на себя надевать, но все же важно, чтобы это “ничего” было без дырок… Подумать только, что когда-то я ходила чистой и аккуратной! Спасибо вам большое – у меня теперь есть кружевное вечернее платье, белое креповое платье, синее муслиновое в полосочку, две блузки и полосатое шелковое платье, все более чем подходит… и коробка и зонтик тоже пришли!»

Но часто у Гертруды бывали разочарования, как видно из письма от 20 января 1917 года:

«Прибыла коробка от Мари – в ней должно было быть черное атласное платье, но ее вскрывали, и платье оттуда извлекли. Я просто в ярости. Осталась только картонная коробочка с маленькой черной атласной накидкой, которую Мари послала с платьем, сетки и золотой цветок…»

Еще сильнее ощущалась нехватка близких сейчас, в почти исключительно мужском мире, где она жила. Ей не хватало подруги, но женское общество здесь было представлено леди Кокс, женой ее начальника, случайными временными учительницами или миссионершами и «замечательной мисс Джонс» – приятной, но очень занятой экономкой офицерского госпиталя и дома отдыха ниже по реке. Гертруда оказалась ее благодарной пациенткой, когда, измотанная температурой воздуха 107[31] градусов и дефицитом приличной еды в Басре, свалилась в сентябре того же года с приступом желтухи. Она писала Флоренс: «Знаешь, никогда я так тяжело не болела. Даже не представляла себе, что бывает такая слабость, когда тело совершенно не слушается, и ум тоже уплывает».

После выздоровления Гертруда снова стала писать доклады. Она сообщила Хью и Флоренс:

«Объем написанного мной за прошлый год пугает. Кое-что из этого сляпано из отчетов, что-то из головы и прежних знаний, а что-то – попытки привести в порядок дальние углы нового мира, который мы сейчас открываем, и сухие, как порох, анализы жизни племен – скучные, но, вероятно, полезные более всего прочего… Но иногда становится несносной обязанность сидеть за письменным столом, когда рвешься в пустыню – посмотреть места, о которых слышала, и понять их для себя… Но человеку трудно делать что-либо большее, чем сидеть и записывать, если человек принадлежит к тому же полу, что и я, черт бы его побрал».

«Сляпано… сухие, как порох… скучные» – никогда не была

Гертруда столь неискренней. Она знала, что ее доклады превозносит высшее руководство в Индии, Египте, Судане и Лондоне за живое и зачастую не без юмора разъяснение политической ситуации и за яркие занимательные портреты персонажей. В другом письме домой она это признает: «Счастлива вам сообщить, что слышала: к моим речениям в Лондоне проявляют поистине несообразное внимание».

Некоторые доклады Гертруда писала в рамках своих обязанностей для арабского бюро или как статьи в «Арабский бюллетень». Они увеличивали ее славу как самой, возможно, выдающейся личности среди англичан на Ближнем Востоке. Некоторые из ее статей, собранные вместе под заглавием «Арабы Месопотамии», выдавались как инструктивные материалы прибывающим в Басру британским офицерам. Эти материалы с отпугивающими заглавиями «Pax Britannica на оккупированных территориях Месопотамии» или «Основы правления в Турецкой Аравии» оказывались на удивление приятными и простыми для восприятия, одновременно сообщая офицеру-новичку все, что ему необходимо было знать. Обратившись к эссе «Звездопоклонники», можно было узнать, что догматы этой странной секты требуют жить возле текучей воды, придерживаться полигамии и верить, будто на самом деле мир есть гигантское яйцо. Кроме того, в этой секте придумали книгу, которую могли читать одновременно два жреца, сидящие по разные стороны водного потока. «Интересно, как это любопытное растение будет произрастать на почве британской администрации», – замечала Гертруда. «Никакая официальность, – писал сэр Кинахан Корнуоллис, директор арабского бюро с 1916 года, – не могла испортить свежесть и живость ее стиля или точность ее описаний. Сквозь них всегда была видна широта ее знаний, ее сочувствие и понимание тех людей, которых она так любила». Усталые политики и захлопотавшиеся политические агенты, просматривая входящую почту, с облегчением и предвкушением разворачивали отшлифованные резюме, подписанные «Г. Л. Б.». Гертруда не имела себе равных, когда описывала правительство Турецкой Аравии как фикцию: «Ни одна страна, представлявшаяся миру как воплощение установленного закона и централизованного правительства, не была в большей степени видимостью, чем Османская империя», или когда вдавалась в тонкости внутренней политики Маската: «Султан Сеид Фейсал ибн Турки увидел в британском подавлении торговли оружием отчетливое для себя преимущество, поскольку его бунтующие подданные сами себя снабдить оружием против него не могут», – или когда разъясняла, что битвы между племенами – это стремление «застать

противника врасплох набегом… жертв бывает больше, чем на футбольном матче, бывает меньше». Письма Гертруды к Флоренс, Хью и другим родственникам написаны красиво, более интимно, но иногда с такими же далеко идущими выводами. Писать домой два-три раза в неделю было священной обязанностью, заменой проведенного вместе времени, а впоследствии почти извинением за вряд ли вероятное возвращение домой. Стало еще сложнее планировать даже поездку на родину, учитывая трудность путешествия и время, которое придется на него потратить, не говоря уже обо всем том, что пройдет мимо нее на этом восточном театре войны.

Поддерживание связи с любимыми людьми, более всего с отцом, было бегством от этого засушливого, одинокого, мужского мира войны и работы. Письма ей помогали не рассыпаться, напоминали, кто она и откуда. Гертруда всегда интересовалась делами своего отца, политическими или коммерческими, но иногда замечала, что интересы у Флоренс, Эльзы и Молли и даже у Мориса и Хьюго совсем не того масштаба, что у нее. Мы знаем, что она часто смягчала или опускала факты, чтобы не волновать родных, и старалась не писать слишком много о делах Месопотамии из страха им наскучить. Как и во время работы в отделе раненых и пропавших без вести, Гертруде иногда приходилось слышать и читать о зверствах и резне, и не было никого, с кем можно было поделиться, кто отвлек бы ее от этих кошмаров, которые события перед ней разворачивали. Отсутствие мужа сейчас ощущалось более, чем когда-либо. Дома Молли и в меньшей степени Эльза с их растущими семьями и неотложными домашними заботами улыбались важности ее дел и называли ее, пусть даже и любя, «Гертруда Великая». Тем временем она писала ответные письма о том, что занимало их, словно это было для нее не менее важно, чем дела ее страны. И только перед Чиролом Гертруда была близка к тому, чтобы признать правду: «Интересные письма – кроме ваших – приходят только из арабского бюро в Каире. Я им пишу еженедельно, и они отлично меня информируют о делах в Сирии и Хиджазе… Мои родные не пишут ничего, кроме как о своих делах, что мне очень приятно читать, благослови их Господь».

Кокс и Гертруда, работая теперь рука об руку и вместе с Уилсоном и прочим персоналом, много сделали для наведения порядка в вилайете Басры, проводя политику, способствующую развитию земледелия, финансов, права и образования. Они привлекли к процессу правления местных шейхов и платили им за управление их традиционными районами. К сожалению, эта первая попытка арабского самоопределения рассыпалась из-за

коррупции и неразберихи. Пришлось в более дальние районы посылать британских администраторов, чтобы работали вместе с шейхами.

Зимняя кампания под началом генерала Мода дала результат в виде отвоевания Эль-Кута и наступления на Багдад, который и был занят британскими силами 11 марта 1917 года. Центр тяжести сместился на север, и Гертруда стала ждать приглашения сэра Перси присоединиться к нему в Багдаде, чтобы создать ядро его нового секретариата. Она писала домой:

«Сегодня пришло письмо от сэра Перси с фронта, полное ликования и уверенности… Это первый крупный успех в войне, и я думаю, что у него будут разнообразные и замечательные последствия. Мы, я верю, создадим огромный центр арабской цивилизации, процветания, и это станет моей рабочей задачей, надеюсь, и я никогда не упускаю это из виду… не могу передать, как чудесно быть участником рождения, так сказать, новой администрации».

Приглашение пришло, и Гертруда поднялась вверх по реке на полном пассажиров пароходе: девять дней во влажной жаре с парой медсестер и шестьюстами солдатами. Беллам в Раунтоне была доставлена телеграмма из двух слов: «Адрес Багдад».

Очень многие, как Арнольд Уилсон, оставались в убеждении, что лишь полный британский контроль может гарантировать поставки нефти для английского флота и империи. Некоторые, как Хардинг, считали, что партнерство с арабами в любом виде приведет к хаосу на Ближнем Востоке и лишит империю связей между Европой, Индией и остальным Востоком. Но они ошибались. Соединением британской администрации с арабским самоопределением и арабской гордостью вскоре было установлено эффективное управление. И эта стабильность нерушимо держалась до 1920 года, нефть продолжала поступать, британские интересы соблюдались. Чуткость, умение учитывать образ мыслей и подходы народов Ближнего Востока, привнесенные в администрацию Гертрудой, позволяли ей достичь того, что никто не считал возможным. В Багдаде ее ждала огромная масштабная работа.

Глава 12
Правление посредством Гертруды

Гертруда несколько недель уже мысленно была в Багдаде, рвалась снова оказаться в этом городе, где ждало ее множество друзей. С большим облегчением она сошла с перегруженного корабля и сквозь парной воздух людной набережной прошла к ожидающему ее автомобилю Кокса.

В офисе ее тепло встретили начальник и весь немногочисленный персонал. Она не знала, где будет ночевать, но после года в комнатушке штаба в Басре надеялась на что-нибудь более просторное – и прохладное. И приятно было услышать, что для нее отведен дом, и снова оказаться в автомобиле, узнав адрес.

Машина остановилась возле грязного и шумного базарчика. Появился льстивый хозяин и провел ее в душную коробку, называемую домом, где не было ни воды, ни намека на мебель. Кое-что она привезла с собой из Басры, но это еще не разгрузили, и ее слуга Михаил остался у судна. Но Гертруда, как опытный путешественник, не расставалась со старой парусиновой кроватью и ванной, которые сейчас и поставила в грязных комнатах. «Я распаковала ящик, который уронили в Тигр, и развесила все сушиться на перилах… Жара такая, что дышать трудно. У меня тут не было даже стула, на который сложить вещи, и когда понадобилась вода для умывания, пришлось открыть входную дверь и позвать на помощь людей с базара».

Гертруда ужинала с сэром Перси, потом вернулась домой спать. Разбудил ее энергичный стук в дверь. Это прибыл Михаил с остальным багажом. Утро принесло с собой жару и шум центра Багдада: «Сознаюсь, что после причесывания и необходимости завтракать на полу я была несколько обескуражена».

Она не стала беспокоить Кокса: находилась она в тех же условиях, что и прочие сотрудники, а у него были более важные дела. Надев соломенную шляпу, Гертруда двинулась в пеший путь в поисках лучшего дома, направляясь к более прохладным, затененным деревьями улицам у реки, поближе к политическому представительству в довоенном австрийском посольстве. Почти сразу она вышла к старой стене, окружающей большой разросшийся сад с прохладными деревьями и обилием красных роз. Заглянув сквозь решетку железных ворот, Гертруда увидела каменный бак для воды в конце короткой дорожки, а за ним не дом, но три обветшалых летних дома и сидящих на крышах птиц.

Часть территории занимал обширный финиковый сад – здесь было бы прохладно гулять по вечерам.

Иногда места, где мы проживаем значимые отрезки жизни, будто сами нас находят, и так случилось с Гертрудой в апреле семнадцатого года. Здесь было прекрасное место, чтобы провести остаток жизни. Наведя справки у соседей, она выяснила, что сад принадлежит богатому владельцу, ее хорошему знакомому, – Мусе Чалаби. Визит к нему домой решил все необходимые вопросы, и следующие десять дней были заняты лихорадочной перестройкой и ремонтом. В начале мая Гертруда переехала в первый из летних домов, а потом перемещалась из одного в другой, когда пристраивали современную кухню и ванную. Она велела перекрасить все в белый цвет, наняла садовника, повара и знакомого старика, которому доверяла, чтобы вел дом. На все окна установили жалюзи, на глубоких деревянных верандах поставили растения и плетеную мебель. Самый дальний дом она превратила в жилище для слуг, и очень скоро там женщины развешивали белье и в траве у их ног играл младенец. Наконец-то у Гертруды появился свой собственный дом и сад. Она высаживала клумбы садовых цветов – ирис, вербену, хризантемы, фиалки в горшках, семена желтой штокрозы, присланные из Дарлингтона, и капусту. Через некоторые время она могла уже похвастаться, что у нее зацвели желтые нарциссы – ранее в Месопотамии не виданные. Она написала домой семнадцатого числа:

«Дорогие мои, тут так чудесно – не могу вам передать, как мне нравится… интересно, какая наследственность кембрийских фермеров вдруг так неожиданно развилась в такую мою домовитость на Востоке?

Я полюбила эту землю, ее виды, ее звуки. Никогда не устаю от Востока и никогда не ощущаю его чуждым. Если бы мои родные не жили в Англии, у меня бы не было желания вернуться».

Гертруда вряд ли пропустила хоть один рабочий день. В ней нуждались, как никогда раньше, но ей все равно приходилось снова себя утверждать. В очерке того периода, когда учреждалось правление в Ираке, Кокс пишет:

«Когда я сказал [главнокомандующему], что часть моего штата приедет из Басры, в том числе мисс Белл, [он] выразил заметное неодобрение такому повороту событий, будто опасался, что ее прибытие может оказаться ненужным прецедентом для заявлений от других леди. Но я напомнил ему, что его предшественник особо предложил мне сделать ее официальным сотрудником моего секретариата, что я обращаюсь с ней точно так же, как с любым своим сотрудником-мужчиной, что именно ее

квалификация может быть мне очень полезной в данный момент. В свое время она приехала и через очень недолгое время установила хорошие личные отношения с сэром Стэнли Модом».

Создание этих «хороших личных отношений», упомянутых Коксом, идеальным дипломатом, было, несомненно, заслугой Гертруды, но свои истинные чувства она ясно открыла родным после смерти Мода от холеры через несколько месяцев, когда Хью спросил в письме, что она о нем думает. Это блестящей военной кампанией Мода был взят Багдад, что почти стерло из памяти общественности трагедию Эль-Кута, но был он человеком ограниченного кругозора и работу администрации затруднял. Его возражение против присутствия женщины в мире мужчин – даже в том редком случае, когда эта женщина более чем подходит для этого мира, – иногда оформлялось как уступка необходимости считаться с некоторой «чудовищной властью». Гертруду это не могло не злить. Ее краткий портрет Мода язвителен и, невзирая на его недавнюю смерть, проникнут нескрываемым презрением – не столько к нему самому, сколько к тому типу военного мышления, с которым ей так часто приходилось воевать и как женщине, и как администратору.

«Генерал Мод был по сути своей солдатом: он совершенно не знал государственной политики и считал ее полностью ненужной… Целеустремленность у него давно перешла в упрямство, узкий интеллект ограничен был одним каналом и от такого сосредоточения еще более привержен к силовым методам. Я его очень мало знала… Если бы он остался жив, случилась бы отчаянная драка, когда административные проблемы стали бы важнее военных. Уже близилось время, когда решение проблем, которые он упрямо считал чисто административными и потому совершенно не срочными, уже нельзя было бы откладывать или осуществлять чисто военными методами».

Армия завоевывает территории, администрация берет их под свое управление, но в Месопотамии борьба за установление условий, ведущих к миру и в конечном счете к процветанию, не менее трудна, чем война на передовой. Перспектива иметь ядро британской администрации в Багдаде была унылой, будущее – туманно. Примерно половина Месопотамии находилась под неустойчивым британским контролем, но на севере война с турками продолжалась. Арабы говорили на одном языке, но не составляли одного народа. Месопотамия – не страна, а провинция обветшалой империи. Ирак – не нация. Сами названия порождали путаницу. Месопотамия, греческое слово «междуречье», – западный исторический и археологический термин для областей, которые арабы называли «аль-Ирак». Арабский термин восходил к

области вилайета Басры и Кувейта на юге, но когда они были взяты, британцы воспользовались термином для описания территории трех вилайетов: Басры, Багдада и Мосула. В 1932 году, после получения полной независимости, страна получила официально признанное название «Ирак».

В 1917 году англичан поджидали практические трудности на всех направлениях. Самой неотложной стала нехватка продовольствия, потому что большинство оросительных систем, необходимых для земледелия, пришли в запустение, а из оставшихся многое было разрушено войной. Две противостоящие армии потребили все возможные излишки продовольствия, а турки, отступая на север, осуществляли политику выжженной земли, унося все ценное и уничтожая посевы, которые не могли использовать. Даже климат проявил себя с худшей стороны, и знаменитый своей плодородностью бассейн Евфрата встречал третий сезон произрастания без дождя. Население начинало голодать, распространялись болезни. В городах системы санитарии пришли в упадок, а единственный госпиталь в Багдаде, бывшее британское представительство, оказался в плачевном состоянии, и лишь несколько человек с ужасными ранами боролись там за жизнь. В деревне крестьяне съедали семенное зерно, вместо того чтобы его сеять, поскольку все выращенное периодически конфисковывалось. Никто не знал, кому теперь перейдет земля и кто должен будет платить налоги. Прямо за углом могли поджидать голод, неприятие властей и беззаконие. Если бы администрация не сумела собрать страну и наладить в ней жизнь, если бы Басра и Багдад впали в анархию, то армия в несколько сотен тысяч не смогла бы поддержать порядок. Административные проблемы усложнялись из-за недостатка средств, получаемых от правительства его величества, и отсутствия всякого сотрудничества со стороны военных – до долгожданного прибытия преемника Мода, более понятливого генерал-лейтенанта сэра Уильяма Маршалла.

Вопреки всем трудностям со стороны Кокса и его штата имелось благородное стремление все наладить. Эти люди были преданы идее учреждения благожелательного и умелого правления и честного служения народам вилайетов Басры и Багдада с их многообразными сущностями и проблемами. Эта идея вдохновляла и волновала Гертруду:

«Нигде в разрушенной войной вселенной не могли бы мы начать быстрее исцелять огромные потери, понесенные человечеством… Возможность колоссальная, как раз в это время, когда атмосфера столь эмоциональна, когда можно понять людей так, как никогда после не будет, и установить отношения,

которые не разрушатся. Это не ради себя, но потому что это смазывает колеса управления, действительно смазывает, и я хочу внимательно за этим наблюдать чуть ли не изо дня в день, чтобы иметь возможность, надеюсь, принять решающее участие в определении финальной диспозиции. Я должна смочь и действительно смогу – при тех знаниях, которые я приобретаю. Это такая близость, такая откровенность; они со мной открыты так, что словами не передать. Такая великая задача – что может сравниться с ней? Ничего подобного не бывало раньше, поймите – это поразительно».

Это создание нового мира.

После поражения под Эль-Кутом британская армия, усиленная и возглавленная генералом Модом, снова стала откатывать турецкую мантию. Как срывают крышу с обветшалого дома, она обнажила гнилые бревна, крысиные гнезда в комнатах и антисанитарные углы умирающей империи. Почти пятьсот лет турки эксплуатировали Месопотамию: их чиновники в синекурах багдадских кабинетов поддерживали свою комфортабельную жизнь, хороня реальность под ворохом бумаг. Хорошее управление, отраженное в документах, являлось не более чем фикцией. Коррупцией была пронизана вся империя, почти все ее действующие лица, либо без жалованья, либо с мизерной платой, жили взятками и вымогательством. Строительство и поддержание муниципальных и провинциальных общественных зданий и служб, дороги и мосты, санитария и освещение, дома, больницы, школы – все это отражалось на бумаге и оставалось на ней же. Детская смертность не снижалась.

Турецкая бюрократия распространила свою темную империю на всю длину и ширину Месопотамии с помощью политики «разделяй и властвуй». Языком закона, деловой жизни, управления и образования являлся турецкий, а не арабский. Крестьяне были вынуждены платить вместо налогов ренту новым городским владельцам их земель, избранным турками, и очень мало от этой ренты возвращалось к ним в виде улучшения их хозяйств. Торговцы в городах должны были покупать разрешение для каждой покупки или продажи, для ввоза и вывоза. Избранные накапливали богатства за счет привилегий. Судебное дело в Багдаде можно было выиграть, лишь заплатив судье, который порой даже не имел необходимых для его должности знаний. Апелляция против его решения могла на годы и десятилетия пропадать в кафкианских судах Константинополя, после чего направлялась для принятия решения в тот же Багдад.

Отступая, турки уничтожили документы, а их привилегированные избранники ушли с ними, изъяв свои записи

и вообще все следы системы. Оставили они лишь вражду, которую так долго пестовали. В пустыне, в частности по обе стороны долины Евфрата, где турки делили земли примерно пятидесяти племен, они натравливали шейхов друг на друга и строили свою власть на развалинах местных элементов порядка.

Вакуум, оставленный уходящей властью, осложнялся еще и тем, что турки были суннитами. Почти во всех аспектах государственной жизни отдавая предпочтение суннитскому персоналу и суннитской культуре, они контролировали невероятно богатые магометанские благотворительные трасты, или Вакуф, в виде собственности, выделенной навечно на благочестивые цели. Игнорируя тех, для кого эти трасты были предназначены, турки весь доход от них направляли на строительство новых суннитских мечетей и на жалованье тем, кто в них служил. Главная цель такой деятельности заключалась в том, чтобы как можно больше денег перевести в Константинополь. В результате этой политики шиитские мечети и прочая недвижимость приходили в запустение, историческая вражда между шиитским большинством населения и суннитами углублялась.

Британская администрация могла учредить правительство любого рода лишь в том случае, если бы завоевала достаточно сильную поддержку. В землях, где рас, вер и союзов было больше, чем где-либо в мире, следовало определить и привлечь на свою сторону каждого выдающегося человека, способного уговорить своих приверженцев на сотрудничество. Для этого таких людей надо было убедить в благотворности новых экономических инициатив и правил. Различные по характеру и образованию, традиционно подверженные коррупции всевозможных видов, охраняющие свое положение ревниво, до вражды с каждым соседом, подобные лидеры приходили в секретариат как из дырявых шатров, так и из багдадских дворцов. Власть при Османской империи они держали из-за богатства, или из-за многочисленности своих последователей, или из-за владения землей, полученной от турок или захваченной в племенных войнах, или по наследству и происхождению от Пророка. Выбирая среди этих людей самых многообещающих, Кокс и Гертруда надеялись вопреки всему найти будущих правителей и политических лидеров Ирака.

Весной и летом 1917 года армия Британской Индии была полностью занята консолидацией своей позиции вокруг Багдада, что не оставляло возможности заниматься прилегающими территориями, турки распространяли ядовитую антибританскую пропаганду и не жалели денег на возможных диссидентов.

Племенам трудно было поверить, что новые оккупанты Багдада удержат свои завоевания и что турки не вернутся в конце концов, готовые страшно покарать тех, кто связал свою судьбу с британцами.

Первые попытки завязать отношения со стороны шейхов и других важных людей Месопотамии предпринимались в качестве страховки – на случай если англичане останутся. Стимулом для соединения сил с британцами по-прежнему был приз арабского самоопределения – пока что совершенно неясная концепция. Для шиитских муджтахидов, религиозных представителей большинства населения, это означало теократическое правление по закону шариата; для суннитов и свободомыслящих в Багдаде это значило независимое арабское государство под властью эмира; для племен пустынь и гор это означало отсутствие всякого правительства.

Но более всего привлекал племена к английской администрации, распоряжающейся теперь централизованным транспортом и распределением, дефицит продовольствия. Представители племен были тепло встречаемы Гертрудой, невзирая на их политическое или личное прошлое. «Сегодня приехала целая банда шейхов с Евфрата. Большинство из них я никогда не видела, хотя по именам и подвигам хорошо знала всех. Бесшабашные дикари – но как привлекательны! Все это к лучшему, особенно если мы нынешней зимой научим их сеять пшеницу и ячмень», – писала она 2 февраля.

Сперва Гертруде, потом Коксу следовало убедить их на аудиенции, что британская администрация станет действовать им на благо, что их права будут поддержаны, а англичане готовы на большие расходы и сил, и денег, чтобы гарантировать сохранение их разнообразного образа жизни. Их приветствовали и слушали, их ситуацию понимали. Весть об этом расходилась, и все больше людей стекались теперь в новый секретариат Кокса отстаивать свои отдельные интересы – кочевники, торговцы, крестьяне, землевладельцы, владельцы колодцев и ручьев, импортеры табака и других товаров, экспортеры, дельцы, религиозные деятели, подставные лица, и всех нужно было убедить поддержать новый режим. Каждого из них следовало встретить соответствующими традиционными любезностями, приятными подарками, а после вести долгие обсуждения. Если они не появлялись сами, их надо было приглашать, а наиболее достойных, в частности религиозных лидеров, требовалось посетить.

И кто, кроме Гертруды, мог бы признать и получить их признание, кто мог бы определить их социальный статус и интересы и начать беседу на их родном языке или диалекте, кто

мог бы попасть к ним и уговорить их?

Вряд ли какой-нибудь другой человек с Запада так детально и глубоко разбирался в истории этого народа. Гертруда была экспертом по бедуинам, которые еще до Пророка столетиями уходили из скудных земель Йемена в пустыню, беря с собой несколько фиников, одежду и оружие, которыми можно торговать. Она описала их странствия от деревни к деревне, от оазиса к оазису, к городам, продажи верблюдов на рынках севера, когда они туда доходили. Достигнув плодородных земель возле Евфрата и Тигра, они стали разводить овец на травяных клочках. Гертруда следила, как становились оседлыми те, кто, заработав немного денег, мог перебраться на поливные земли и начать заниматься сельским хозяйством. Она знала новые поколения бедуинов, которые стали торговать зерном и товарами, доставленными через пустыню, числя среди своих друзей и кочевников и оседлых, и росло число тех, кто часть года жил оседлым, часть кочевником. Гертруда смотрела, как более крупные торговцы, привлеченные рынками, постигали экономику, как росли города и их значение. Среди ее друзей были специалисты-христиане, клерки и учителя, приехавшие из южной России и из Средиземноморья. Она путешествовала среди горных племен севера, переходящих от жизни воинов к жизни крестьян.

Гертруда оценила гостеприимство курдов и отметила взрывную смесь рас и вер на не отмеченной на картах территории, которую они делили с историческими народами Армении, Ассирии, Турции и северной Персии. Она помнила родословные арабских семей. Она знала, как говорить с муджтахидом, с клерком-суннитом, с муллой, с мухтаром или мутавалли.

Для людей, стоящих в очереди в ее кабинет, Гертруда была больше чем администратором: она была человеком, которому можно доверять. Она никогда им не лгала и уважала их образ жизни до такой степени, что вверяла им свою жизнь, странствуя в их землях. Арабоязычные посетители, требующие аудиенции, сэра Перси Кокса называли «Кокус», а Гертруду приветствовали как «Хатун» – королева пустыни – или «Умм аль-Муминин» – Мать Верных, как называли Айшу, жену Пророка. Именно с ней каждый хотел установить первый контакт, именно ее одобрения искали. Она использовала эти инициативы не только чтобы завоевать доверие к администрации, но и ради мира и процветания, улучшения отношений между людьми. Она занималась самой важной работой из всех, за которые когда-либо бралась.

В Багдад прибыл обладатель бурного характера и большой обожатель Гертруды, Фахад-Бег ибн Хадхбар. Верховный шейх

конфедерации племен аназех на северо-западе Амары, он был «чертовский щеголь» и серьезно вознамерился приобрести набор искусственных зубов. Рональд Сторрс, ныне верный друг Гертруды, приехал на две недели в Багдад и как раз застал в столице эту магнетическую фигуру. Сторрс был свидетелем встречи Фахад-Бега с Гертрудой и рассказал Коксу, что проявляемая шейхом нежность «на грани компрометации». Как писала Гертруда: «Наша встреча с Фахад-Бегом была самой сердечной… NB: Фахад-Бегу семьдесят пять bien sonné[32] – но он так мил и так мудро разбирается в политике пустынь».

Этот шейх был из тех бедуинов, что принимали современную жизнь. У него был обширный пальмовый сад возле Кербелы, приносящий ему хороший доход, но на шесть месяцев в году шейх возвращался к кочевой жизни. Гертруда засвидетельствовала ему свое почтение в пустыне на обратном пути в Дамаск из Хаиля в 1914 году, едва разминувшись с одним из многочисленных газзу протурецкого племени шаммар. Фахад-Бег принял ее «с добротой почти отцовской», и ей «очень у него понравилось». Они сидели в его шатре на красивых коврах, Гертруда восхищалась его ястребом и великолепной гончей, растянувшейся у ног хозяина, а также была представлена его последней жене и младенцу. На следующий вечер шейх пришел к ней в шатер с ответным визитом, сопровождаемый рабами, несущими ужин, какого она уже много месяцев не видела, и они сидели под звездами, обсуждая вопросы политики.

Сейчас Фахад-Бег рассказал, что к нему приходят партии турецких и немецких офицеров, неся мешки золота, и хотят купить преданность племени аназех. По ее просьбе он послал в пустыню сыну указание – не пропускать через свою территорию вражеские караваны и прекратить с ними всякую торговлю. Гертруда устроила для него совещание с Коксом и Уилсоном, и шейх сообщил им, какое серьезное впечатление произвело на него одно из ее писем.

«“Я позвал своих шейхов, – рассказывал он (а я чувствовала себя все более и более Персоной), – прочел им твое письмо и сказал им: “О шейхи! – Тут он сделал паузу. – Вот эта женщина – вот такими должны быть мужчины!”

Это восторженное заключение в мгновение ока вернуло меня на мое истинное место».

Укомплектованный новыми зубами, Фахад-Бег готовился вернуться в пустыню. Но до его отъезда Гертруда отвезла его на багдадскую авиабазу, где он впервые увидел самолеты и посмотрел на демонстрацию полетов. Потом она подвела его к стоящему на земле самолету, и шейх осмотрел кабину.

Изрубленный старый воин сделал нерешительный шаг-другой внутрь и попросил Гертруду: «Не выпускай эту штуку!»

Но как бы ни любила Гертруда Ирак и его народ, здешний климат был для нее неподходящим, и ее здоровье страдало. Иногда летом температура поднималась выше 120[33] градусов, а зимой бывало так холодно и сыро, что приходилось весь день ходить в меховой одежде. Соответственно у секретариата имелись зимние и летние помещения. Гертруда особенно любила переезд на зимние квартиры, из темных холодных комнат в солнечные, открытые воздуху. Она придавала своим офисам уют и очарование не только потому, что ей так больше нравилось, но и из-за постоянного потока посетителей. Она писала:

«Наш офис – чудесное место… два больших дома, построенных вокруг двориков на реке. Мой весь закрыт матами и шторами от солнца, и в нем стоит чудесная прохлада. Письменный стол, большой стол для карт, софа и несколько стульев с белой хлопчатобумажной обивкой и красивой персидской вышивкой, 2–3 очень хороших коврика на каменном полу и пара редких старых персидских стеклянных ваз на книжной полке черного дерева. По всем стенам карты… Карты – моя страсть: люблю видеть мир, с которым работаю, и за географией все приходят ко мне в комнату».

На веранде, идущей вокруг двора, сидели в ряд кавассы – служители офиса в мундирах военного образца, готовые бежать с поручениями. Офис майора Мэя, финансового советника, находился через двор от Гертруды и рядом с шифровальной. Ручной павлин, каким-то образом прикрепившийся к секретариату, любил сидеть у него в кабинете, но иногда навещал Гертруду.

Арнольд Т. Уилсон, заместитель Кокса, – или А. Т., как его всегда называла Гертруда, – занимал соседнюю с ней комнату. Сложно было сказать, кто из них больший трудоголик. В обеих комнатах густо стоял сигаретный дым, обращаемый в призрачные кольца медленными потолочными вентиляторами. Под богатырской фигурой А. Т. частенько потрескивал стул. Иногда Уилсон работал до поздней ночи, прихватывая несколько часов сна на полу перед началом нового рабочего дня на рассвете. Изначально он очень сопротивлялся участию женщины в управлении, которое считал чисто мужским делом. Гертруда написала о нем своим родным небольшое письмо: «Мне с ним, знаете, трудно пришлось, когда я только тут появилась, сейчас мне смешно, когда я об этом думаю… [А. Т.] поначалу считал меня “прирожденной интриганкой”, а я, что естественно, смотрела на него с некоторым подозрением, зная, что он обо мне

думает… Кажется, я смогла несколько расширить его взгляды».

В перерывах между приемами посетителей Гертруда писала всеобъемлющие доклады и меморандумы, теперь признанные как самые ясные и наиболее удобочитаемые документы, выходившие из арабского бюро.

С полдюжины британцев, правивших вместе с Коксом, арабистами не были и об Ираке знали мало. Незнакомые с местными обычаями и нуждами жителей, они сперва подчинялись начальнику штаба армии в Месопотамии, потом министерству по делам Индии в Лондоне. От британских правительств в Дели, Каире, Хартуме и Лондоне требовалась поддержка людскими ресурсами, снабжением и деньгами. Следовало сохранять дружественные отношения с возникающим королевством Ибн Сауда и с шейхами Кувейта и Мухаммара. На восточной границе с Персией неустойчивое правительство района трясли измены племен, а на западе англичане старались провести разграничения с территорией Сирии. Каждый департамент нового правительства занимался подгонкой своей политики под местные обычаи и обстоятельства, одновременно защищая ее перед Дели, Лондоном и местным военным командованием.

Гертруда была гением общения. Иногда она писала по семь статей одновременно и при всякой возможности искала способ напомнить военному министерству о данных арабам обещаниях и обязательстве учитывать их благополучие. Она все больше времени посвящала поиску способов выполнить эти обещания с честью и пользой для Британии, Запада и всего остального мира.

В октябре 1917-го ее сделали командором нового ордена Британской империи – награда, которую могли получать женщины наравне с мужчинами. Впервые она об этом узнала из письма от Хью и Флоренс. Потом пришло поздравление от сэра Реджинальда Уингейта, нового верховного комиссара Египта, а также добрые пожелания от друзей и коллег. Реакция Гертруды была весьма сдержанной. При всей ее любви к признаниям с неожиданной стороны (и чем неожиданнее, тем лучше) она была полностью самодостаточна в своей мотивации и преследовала выбранные цели, не радуясь одобрению и не опуская руки из-за критики. Предположение, будто ее мотив – честолюбие или любовь к титулу, было бы для нее отвратительно. Воспитанная в традиции служения обществу, она даже школьницей сожалела, что дед счел возможным для себя принять баронетство. Гертруда посмотрела имена других удостоенных звания командора Британской империи, и впечатления они на нее не произвели. «На самом деле мне глубоко безразлично… Это просто абсурдно, и, насколько я могу судить по списку, на этот новый орден до черта

заслуг не нужно».

Вероятно, Гертруда видела слишком много дурацкой официальщины в Европе и на Ближнем Востоке, чтобы с каким-либо почтением отнестись к этому формальному признанию ее способностей. И тот факт, что она женщина, по ее мнению, никакого отношения к делу не имеет. Столь же мало интереса она проявила, когда в марте 1918 года ее наградили медалью основателя Королевского географического общества за путешествие в Хаиль, но в этом случае признание было за действительно опасное достижение, и потому Гертруда ответила более любезно: «Это слишком большая честь». Произошло это всего четыре года назад, но ей уже казалось, что событие принадлежит давнему прошлому, почти другой жизни. Хью вместо нее посетил обед Географического общества в Лондоне, принял медаль и очень живо описал этот вечер в письме дочери. Эти две почетные награды вызвали новый всплеск интереса к Гертруде и тому, что она делает на Ближнем Востоке, и Беллов начали просить об интервью о ней. Она же все еще отвергала лесть общественности и проклинала «всю эту рекламу». Гертруда в недвусмысленных выражениях объяснила Хью и Флоренс, что не нужно иметь дело с прессой: «Пожалуйста, пожалуйста, не рассказывайте ничего про меня и не давайте моих фотографий газетным репортерам! Я это так часто говорила, что думала, будто вы поняли… Письма, где просят интервью или фотографии, я всегда выбрасываю в корзину, и покорнейше прошу вас поступать точно так же от моего имени».

Традиционно там, где устанавливала свое правление Британская империя, она вводила собственные концепции юстиции, администрации, языка и военного управления, и в том числе британское понятие общественного служения, свободного от коррупции. К моменту, когда англичане пришли в Ирак, у них уже не было ни денег, ни воли, ни людей, чтобы установить жесткую имперскую структуру, поскольку ресурсы истощились в мировой войне. Основной целью было победить турок и их немецких союзников и защитить нефтяные интересы Британии.

Уничтожив турецкую армию, англичане могли бы отступить в укрепленную Басру, чтобы устранить угрозу своим поставкам нефти, а население оставить на произвол анархии и голода. Этот экономически здравый подход горячо отстаивали влиятельные политики в Лондоне и Дели, в том числе Уинстон Черчилль, тогда министр вооружений, а впоследствии государственный секретарь по делам колоний. Но в то же самое время среди британской администрации и в секретариате возникло серьезное чувство ответственности за жителей и гордость за учреждение

для них хорошего правления после злоупотреблений, происходивших при власти Османской империи. По мере того как англичане забирали себе все больше и больше Месопотамии, отношение к ним менялось. Мало-помалу население начинало видеть улучшение условий своей жизни и понимать, что британцы желают местным жителям добра. Они видели, что налоги возвращаются в общины, а не проматываются на платежи оккупационной армии и не улетают в Лондон.

Америка вступила в войну незадолго до того, намереваясь положить конец бойне и ограничить опустошающее влияние цепной реакции, поразившей такую большую часть мира. Президент Вудро Вильсон пользовался поддержкой своего электората при предоставлении средств и войск, чтобы закончить войну, но мандата подпирать старые колониальные режимы не имел. Многие американцы сами сбежали от старых дискриминирующих тираний и отстаивали дух самоопределения, сторонником которого был президент. Этот дух пронизывал все дискуссии о будущем Ближнего Востока.

Предстояла жизненно важная реконструкция. Во многих городах была необходима перестройка общественных зданий и рынков. Ирригационные системы, дороги, мосты, железные дороги требовалось чинить и расширять, проводить телеграфную связь.

Образование и правосудие должны были стать доступными всем. Следовало набирать и обучать полицию, бороться с преступностью и определять закон – и все это с должным учетом местной религии и убеждений. Надо было собирать оружие: Гертруда описывает сбор пятидесяти тысяч винтовок как «положенное начало».

Однако специалистов-администраторов, способных все это делать, катастрофически не хватало. В армии, Индии и Египте искали наиболее подходящих и способных людей на каждый пост, и такие люди могли быть экспертами в своем деле, но наверняка ничего не знали про Ирак. Наконец такого человека находили в пыльном суданском офисе или далекой индийской провинции, он выходил на причал или на перрон в пропотевшем от жары полотняном костюме, его встречали с распростертыми объятиями и тут же, лишь дав распаковать вещи, везли в офис Гертруды. И там он проводил несколько часов, пока она разъясняла ему его работу, которую нужно выполнять на местах на территории, где каждый округ совершенно отличается от соседних этнически, религиозно, экономически и социально. Какова бы ни была общая политика, проводить ее следует осторожно и разумно, так как она должна соответствовать подходам и умениям – или отсутствию

умений – местных жителей. Гертруда объясняла статус-кво, проблемы конкретной общины и кто есть кто. Новичок затевал дебаты, рассуждая в терминах британских приоритетов, но всегда бывал переубежден и начинал мыслить в терминах местных нужд. В результате политика, разработанная в столице, не рухнула, как это часто бывает, когда ее применяют к реальному миру. В конфликты интересов администрации и местного населения Гертруда вносила согласие, зная, какими льготами можно склонить аборигенов к сотрудничеству. Поскольку она была восточным секретарем, добрая часть ее дня проходила в торговле льготами правительства для сглаживания административных путей.

Неудивительно, что она так часто писала родным о том, что не может взять отпуск. Гертруда не давала администрации развалиться. Как говорит о ней Перси Кокс: «Весь персонал и вся политика местных общин были у нее на кончиках пальцев». Новый специалист в любой области, которому предстояло создавать порядок из вакуума, получал от нее заряд вдохновения к построению нового мира – будущего Ирака. Впоследствии Гертруда писала:

«Любая администрация должна подходить к своей задаче с исключительной честностью и усердием в сочетании со справедливым пониманием противоречивых требований всех слоев населения. Она должна также пользоваться доверием народа, чтобы общественное мнение было на ее стороне – иначе ни за что не развязать столь сложный узел».

Администраторы принялись постепенно перестраивать общественную жизнь центральной и южной Месопотамии, половина которой была под контролем Британии. Начали они с перестройки заброшенных развалин на месте Эль-Кута – в память тех, кто отдал жизнь за его защиту, как солдат, так и жителей, умерших от голода или убитых после взятия города турками. Отремонтировали и восстановили мечети и общественные здания, на берегу появился красивый базар с аркадами, и снова стало можно покупать и продавать. Родственникам погибших выдали субсидии для восстановления разрушенных домов. Это была удачно придуманная рекламная акция, и через пару месяцев население Эль-Кута уже насчитывало двести тысяч человек.

Приоритетом стала общественная гигиена. Войдя в Багдад, армия обнаружила заваленный трупами и кишащий крысами город, с забитыми стоками и зараженной водой. Бушевала холера. Были построены уборные и мусоросжигательные печи, проверены мясные лавки и рынки, налажено хлорирование воды и начата борьба с эпидемиями. К середине года при каждом значимом

гарнизоне имелась гражданская больница или аптека. В первый год небольшую группу санитарных рабочих возглавляли чиновник-медик и его военный помощник, но уже к 1919 году существовал секретарь по здравоохранению, управлявший больницами и аптеками. В тот год произошла вспышка чумы. Нашелся запас вакцины, достаточный для прививки около восьмидесяти тысяч человек, и эпидемию удалось остановить – триумф, равный успеху санитарных просветителей, убедивших народ в необходимости прививок. Построили новую инфекционную больницу, рентген-кабинет, консультацию для женщин и стоматологический институт, но департамент здравоохранения был нагружен еще и проблемой «паломнических трупов» – иностранцев, ввезенных в страну для захоронения в священных городах Кербела и Неджеф. По сложившейся турецкой практике эти трупы должны пролежать в земле не меньше трех месяцев до того, как их осмотрят на границе. Даже Гертруда отшатнулась от этой проблемы и быстренько ее обошла. «Вопрос о регулировании потока паломников и трупов труден и деликатен, связан со множеством побочных вопросов и потребует очень большой тщательности и продуманности».

В вилайетах Багдада и Басры наблюдался дефицит продовольствия. На севере, вокруг Мосула, где еще держались турки, зимой 1917/18 года умерло от голода десять тысяч человек. Летних дождей не случилось, а закрытие мосульской дороги до британской оккупации в октябре перерезало все пути снабжения Багдада зерном и фруктами. На берегах Тигра все сельское хозяйство было в буквальном смысле разрушено. В момент созревания посевов вокруг Багдада и Истабулата происходили военные действия, и что не съели турки, то сгорело. Повсюду перекрывали водные потоки для облегчения строительства шоссейных и железных дорог для армии. Существовавшие каналы затянуло илом. Кербелу залило, а прорыв Саклавияхской плотины так снизил воды Евфрата, что посевная оказалась нерезультативной. В других местах не имелось горючего для насосов, закачивающих воду в ирригационные системы.

Человеком, который должен был предотвратить голод и поставить страну снова на ноги, экспертом, прибывшим в Басру в пропотевшем полотняном костюме, оказался Генри Доббс, комиссар по доходам из финансового департамента индийской гражданской службы. «Департамент доходов, – писала Гертруда, – вернее было бы рассматривать как управляющего имением, которое в данном случае называется Ираком, а владелец – правительство. Следовало поднять налоги, чтобы

профинансировать все, что необходимо сделать. Без сельского хозяйства не будет дохода. Поскольку фактически в 1917 году вся торговля прекратилась и голод стал неминуем, единственным способом собрать нужные средства был налог на землевладельцев, крестьян и в конечном счете на продукцию. Так как ни землевладельцы, ни земледельцы не имели наличности на семена овощей, посевное зерно, корм для скота или плуги, систему следовало запустить. Требовалось заставить возделывать землю, предоставить заранее семена и деньги, а налоги собрать, когда будет собран и продан урожай. Тем не менее было решено снизить налоги для некоторых хозяйств, а для особо бедных вообще приостановить их действие».

Для начала надо было определить и зарегистрировать землевладение: ни один крестьянин не станет ничего выращивать, если ему не гарантировано владение или аренда. Под владычеством турок провинции Басра и Багдад облагались налогами со стороны пяти разных правительственных департаментов, которые вмешивались в обыденную жизнь на каждом шагу, – система, прямо призывающая к казнокрадству и коррупции, и этот призыв, как сухо предупреждала Гертруда преемников Гоббса в Багдаде, редко встречал отказ.

Эта турецкая неразбериха была не единственным источником путаницы. Землевладельцы, регистрируя свои земли, обычно описывали границы в терминах столь зыбких, что оценить площадь становилось просто невозможно, и указывались имена несуществующих людей. «Восток, север, запад и юг, сад Хаджи Хасан-Бега», например. Шариатский закон наследования тоже порождал курьезные оценки земли и налога. «Он приводил к такому дроблению земельных участков, что зарегистрирован случай, когда одна финиковая пальма и участок, едва лишь достаточный для ее роста, принадлежали партнерству в составе двадцати одного человека», – отмечает Гертруда.

Доббсу выпало на долю разобраться и постараться извлечь смысл из отдельных клочков бумаги, валявшихся на полу после эвакуации турецких учреждений, ответственных за регистрацию земельных сделок, чтобы создать новую систему регистрации земли. Еще он должен был создать возможность возделывать землю путем расширения и управления оросительной сетью, очистки каналов и распределения воды из рек, поднимающихся весной на двадцать и более футов.

Даже администраторы сидели на жестких пайках. Еда в офицерской столовой, где питалась Гертруда, была рационирована и однообразна. Как бы мало Гертруда ни жаловалась, как бы ни привыкла мириться с лишениями в

путешествиях, но хорошей еды ей не хватало. Друг семьи, полковник Фрэнк Бальфур, ставший впоследствии военным губернатором Багдада, «Милый Фрэнк» Гертруды, рассказывает, как однажды подсел к ней за ужином. Когда оказалось, что трапеза состоит из отварной солонины – уже четырнадцатый день подряд, – Гертруда его поразила, отбросив с отвращением нож и вилку и разразившись слезами. Она написала Чиролу 9 ноября 1918 года:

«Нам приходится самих себя кормить, и трудно на сухарях чувствовать себя Геркулесом. Масла у нас не было все лето, а когда бывает, то очень нежирное. Я забыла вкус картошки. Мясо едва можно прожевать, курятина такая же, молоко разбавленное – как же от него тошнит! Когда так плохо себя чувствуешь, начинаешь все это ненавидеть… да пошлет нам Небо хороший урожай в будущем году».

Обязанность внедрять новую сельскохозяйственную политику лежала на политических агентах окружающих провинций. Проводились собрания землевладельцев, объявляли новую схему развития сельского хозяйства. Британская помощь должна была поступить в виде семян, денег и орошения, но если землевладельцы не пойдут на сотрудничество, они свою долю в будущем урожае утратят. Если земля не будет обработана в течение определенного периода времени, ее могут изъять. Местным политическим агентам дано было право раздавать небольшие наказания за такие, например, проступки, как нарушение правил ирригации. Гертруда постоянно напоминала об осторожности и терпимости, и ее слушали. В 1919 году ирригация и сельское хозяйство без потрясений были переданы в ведение гражданских органов власти, укомплектованных местными жителями, которые теперь могли принять на себя такие обязанности. Естественно, план наиболее успешно проводился в жизнь там, где управление было лучше, но весенние посевы 1918 года поддержали гражданское население и еще обеспечили примерно 55 тысяч тонн зерна для армии. Предусмотрительно был заложен дополнительный семенной фонд на случай неурожайного года, но сейчас его стало возможным распределить бедуинам и курдам по обе стороны границы. Голод Месопотамии больше не грозил.

Из юридического департамента Судана прибыл Эдгар Бонэм-Картер, впоследствии сэр Эдгар, и был назначен на должность старшего судебного офицера и затем судебного секретаря в Багдаде. Гертруда считала его человеком вежливым и официальным, «слегка суховатым», но искренне его приветствовала. Когда британцы пришли в Багдад, суды не

функционировали, помещения их были ограблены, турецкие судьи и служащие судов сбежали, записей не осталось. Обычно оккупационная администрация старается сохранять, насколько возможно, системы, с которыми население привыкло иметь дело. Скрывшись в своем кабинете на восемь недель ради тщательного изучения головоломно сложной системы османского правосудия с целью сохранить от нее все, что возможно, консультируясь с Гертрудой по поводу племенного и религиозного права, Бонэм-Картер пришел к выводу: система ни на одном уровне работать не может.

Первым шагом стало объявление арабского языком всех юридических процессов: гражданских споров, уголовных дел и семейного права со всеми его религиозными последствиями. Суд малых дел и суд магометанского права были открыты сразу же в качестве гражданских судов параллельно традиционной системе, основанной на Коране и следующем из него шариатском законе. Позже были открыты, работали и использовались суннитами еще тридцать судов магометанского права, но проблему представляли шииты, которые предпочитали со спорами обращаться к собственным религиозным лидерам – муджтахидам. С этого момента дела шиитов передавались в новые суды в качестве первой инстанции, как дела иудеев и христиан, и там решались судьями, выбранными соответствующими общинами.

Цель заключалась в том, чтобы создать сессионные суды, состоящие из британских и арабских судей, совместно работающих в отправлении правосудия. Трудность была в том, чтобы найти британских судей, говорящих по-арабски, или арабов с юридическим образованием. Почти никто из турецких судей не знал закона лучше, чем средний клерк, а поскольку и жалованье их было примерно как у клерков, они проявляли большую склонность к взяткам. Говорилось, что в Месопотамии есть только два честных судьи, и взятка оставалась единственным способом для гражданина добиться судебного решения. До войны была одна приличная школа права в Багдаде, и сейчас она снова открылась с оговоркой, что все преподавание должно вестись исключительно на арабском. Студенты, которым не удалось закончить четырехлетний курс, были приглашены обратно, и человек пятьдесят вернулись завершить свое образование.

Многочисленные недостатки турецкого права являли собой справочник, чего не надо делать. Теперь же число судей было по необходимости ограничено количеством специалистов достаточной квалификации, а их жалованье подняли до респектабельного уровня. Новый уголовно-процессуальный кодекс построили по суданской модели, которая проявила себя

ясной и работоспособной. Организованы были уголовные суды четырех классов с апелляционным судом, приговор которого являлся окончательным. Красота новой юридической системы заключалась в деталях и в учете местных условий. Уголовные дела должны были рассматриваться на месте – и не Гертруда ли настояла, чтобы процесс происходил в пределах поездки на верблюде или осле от обвиняемого и свидетелей? Дела требовалось решать быстро: при турках закон был так сложен, что дело о каких-нибудь червивых финиках могло тянуться годами. Наказания смягчили, а в отдаленных районах, где позволялось сохранять законы деревни или племени, главам общин запретили выносить смертный приговор.

Удивительно, что «сухой» администратор из Судана Бонэм-Картер в своих писаниях демонстрирует необычайное понимание средневековых норм иракского племенного права – снова Гертруда? Например, он объясняет тонкости семейного обычая убивать дочь за добрачную связь или жену за измену, притом что любовник остается безнаказанным, или традиционную компенсацию за межплеменное убийство, когда в дополнение к выкупу за кровь платится одна девственница. Мало кто из британских юридических экспертов того времени мог понять, насколько искренне свидетели из кочевых племен не различают, что они видели своими глазами, что слышали от других, а что домыслили. В случае убийств, где мотивом была месть или кровная вражда, считалось, что цель оправдывает средства. Родственники и друзья жертвы собирались вместе и определяли убийцу. «Для людей, воспитанных на обычае, что за убийство, совершенное одним человеком, отвечает все его племя, – пишет Бонэм-Картер, – вряд ли казалось важным, кто именно из племени совершил его: долг племени – отомстить, жизнь за жизнь». Закон племен, замечает Гертруда, для преступления не ограничитель.

Новые администраторы такой территории не могли не сталкиваться с аномалиями, иногда почти комическими, как указывает Гертруда в «Обзоре гражданской администрации Месопотамии»:

«Турецкая образовательная программа в том виде, в котором она указана в официальном турецком образовательном ежегоднике, полная карт и статистики, могла бы вызвать зависть у британцев… если бы не то, что, если школа указана точкой на карте, всем уже не важно, какая в ней система образования – Арнольда из Регби или двоюродной бабушки мистера Уопсла».

В вопросе женского образования учителя-мужчины (а других быть не могло) в школах для девочек казались подозрительными

общественности. Первоначальное сочувствие британцев к этим учителям испарилось, когда выяснилось, что они именно настолько похотливы, насколько это подозревалось. Их быстро заменили женщинами и открыли пять женских школ. В далеких провинциях работники часто сталкивались с необычными проблемами. Единственный учитель, найденный в Дивании, не умел ни читать, ни писать, а осуществление курдского образовательного проекта было приостановлено в связи с отсутствием четко сформулированных правил грамматики и орфографии. Пришлось политическому агенту и куратору образования в Сулеймании, майору Соану и капитану Фаррелу сесть и составить элементарный букварь. В противовес турецкому обычаю, по которому в учебные заведения старались брать только суннитов, департамент образования приглашал в правительственные школы, где преподавали на арабском языке, мальчиков всех религий. Общины суннитов, шиитов, иудеев и христиан просили присылать в школы собственных религиозных учителей, чтобы включить в программу религиозное образование.

Оказалось, что крупнейшим в Месопотамии землевладельцем является Вакуф, или департамент благочестивых наследств, хотя турки оставили его казну пустой. Теперь под эгидой судебного департамента его заброшенные имения и мечети проинспектировали, зарегистрировали и отремонтировали, а затем – к изумлению жителей – исполнили его обязательства перед бедняками – то, для чего он и создавался. Оставленные наследства начали использоваться ради заявленных целей, финансовые нарушения пресекались, а всеми религиозными и академическими вопросами стал распоряжаться суннитский комитет. Приличная часть наследства Оуза – большой суммы денег, подаренных «заслуживающим лицам» в Кербеле и Неджефе королем Оузом в середине XIX века, – тоже находила дорогу в Константинополь, а сейчас перенаправлялась администрацией тем, кому была предназначена.

Директор департамента образования Хэмфри Боумен набросал в это время портрет Гертруды в Багдаде, оставляющий неизгладимое впечатление о ее социальном положении в арабском обществе. Это был «домашний прием» для примерно пятидесяти знатных арабов в доме сэра Эдгара Бонэм-Картера. Британских гостей было один-два человека. Боумен пишет:

«Мы все сидели на стульях вокруг комнаты, как делается на Востоке, вставая, когда приезжал какой-нибудь особый гость. Наконец открылась дверь и вошла Гертруда. Она была красиво одета, как всегда, и вид у нее был очень царственный. Все встали, а она обошла комнату, обмениваясь рукопожатием со всеми

арабами по очереди и говоря каждому несколько подходящих слов. Она не только помнила все их имена… но и знала, кому что сказать».

Быть красиво одетой становилось все труднее. Часто приходилось вставать на рассвете и пришивать пуговицы и чинить часто стираемую одежду, но Гертруде удавалось выглядеть как следует – и это при неустанной работе, приеме многих людей у себя дома и парадных ужинах несколько раз в неделю. В то время как Кокс, А. Т. и вообще все мужчины ходили в мундирах, которые ежедневно чистили и гладили слуги, Гертруде приходилось интенсивно использовать тонкие летние платья по три в день в самую жаркую погоду. Она писала Флоренс, что уже четыре года обходится без прислуги: ей нужен кто-то следить за одеждой, прибирать в доме, чтобы туда приятно было войти, – все это она не могла делать, потому что всегда была занята работой. «Жена мне нужна!» – говорила она, как говорили потом многие бизнесвумен, и причин для того было у нее больше, чем у них.

Флоренс читала, сочувствовала и начинала вырабатывать решение. Ей, вероятно, тоже слегка надоело покупать одежду для падчерицы, тем более что просьбы Гертруды становились все более несовместимы с тем, что можно было купить в магазинах. Каждая поездка в центр Лондона у Флоренс, Эльзы или Молли отчасти предпринималась для покупки платьев Гертруде: в одном письме она попросила пять полосатых муслиновых платьев, новый полотняный костюм для верховой езды, туфли от Яппа, черепаховые гребни, шифоновые вуали, шелковые блузки – бледно-розовые или цвета слоновой кости, дюжину пар нитяных чулок, соломенные шляпки с цветами, атласные вечерние платья, сапоги для верховой езды, шелковые халаты, и все это упаковать и отправить морем. Очень многое будет разворовано по пути или вообще погибнет вместе с людьми на торпедированном судне. Даже когда обещанная одежда прибывала, она могла вызвать разочарование. В одном таком случае, в письме от 26 мая 1917 года, Гертруда не стала смягчать выражений: «С сожалением отмечаю, что одно платье, которое я, по замыслу Молли, должна надевать вечером, на самом деле такое же вечернее платье, как и меховое манто, и вообще не подойдет… Это серьезный удар, потому что я уже представляла себе красивые муслиновые платья со шлейфом и воздушными рукавами… Придется мне просто не ходить на званые ужины, когда станет жарко».

Бедная Молли была в этом не виновата. Как сообщает Флоренс в ответе на этот упрек, после отъезда Гертруды из Англии мода переменилась. Уже не было «платьев со шлейфом и

воздушными рукавами», потому что женщины в предвидении ревущих двадцатых стали предпочитать платья более узкие и короткие и силуэты не столь объемные. Гертруда частично нашла решение своих проблем во французском монастыре, который проезжала по утрам на верховых прогулках. Однажды она спрыгнула с коня и позвонила в ворота, чтобы спросить, есть ли у них портнихи.

Портнихи нашлись.

«Монахини мне делают муслиновое платье – это будет памятник любви и заботы, потому что я искренне верую, что они не спят по ночам, думая, какие новые стежки на него положить. Их essayages [примерки] не похожи ни на что, мне известное. Я приезжаю после верховой прогулки перед завтраком и стою почти нагая, если не считать бриджей и сапог (потому что жарко), а мать настоятельница и милая сестра-портниха, сестра Renée… прикалывают куски муслина. Мы часто прерываемся, когда мать настоятельница и сестра Renée очень серьезно обсуждают, каков же на самом деле фасон. Результат весьма удовлетворителен. Сестра Renée не зря француженка».

Нелюбовь к «флэпперской» моде была не единственным для Гертруды пунктом расхождения с лондонским светом. В письме к отцу, написанном на третью годовщину расставания с Диком Даути-Уайли, она снова переживала четыре дня с ним минуту за минутой и не находила в себе желания вернуться к жизни, которая для нее закончилась: «Дорогой мой отец… эта скорбь, присутствующая во всем, делает меня мертвой для всего прочего, вернусь ли я на родину или останусь здесь… У Англии тот недостаток, что мне не хочется видеть никого из моих добрых друзей». Чиролу она, как всегда, пишет нелакированную правду, на Рождество 1917 года: «Хотелось мне оказаться на это Рождество в Иерусалиме… да, я, в общем, тоскую по серым холмам Иудеи – а по Англии, знаете ли, нет. Моей Англии уже нет на свете».

Жизнь на Слоун-стрит и в Раунтоне стала к концу войны трудной и для Хью с Флоренс. Морис вернулся с фронта домой негодным к службе – благо сомнительное, потому что он почти оглох. Он всегда плоховато слышал, но сейчас в разговоре с ним приходилось кричать. Он все больше и больше уходил в свои занятия сельского джентльмена – охота, стрельба, рыбалка. Последним трагическим событием, огорчившим Гертруду, стала смерть сэра Сесила Спринг-Райса, мужа Флоренс Ласселс, двоюродной сестры Гертруды. Смерть застигла его на посту посла Британии в Вашингтоне. Гертруда написала обеим Флоренс, найдя для мачехи особенно трогательные выражения нежности и

восхищения. Терпение Флоренс, ее постоянство и умение не жаловаться наконец были замечены падчерицей. 28 марта Гертруда писала:

Милая мамочка!

Кажется, я никогда тебе не говорила, хотя все время думаю об этом, как я восхищаюсь твоей силой и твоей целеустремленной решительностью вынести все, что приходится выносить, и не сдаваться, пока не будет достигнута победа. Ты никогда не говоришь красивых фраз, и при этом среди нас нет никого, кто проявлял бы бóльшую утонченность духа. В твоих письмах никогда нет ни намека на усталость от долгого напряжения, о котором я догадываюсь. Все дело в твоем мужестве, таком выдающемся, и у меня нет слов тебе передать, как я им восхищаюсь и люблю тебя».

В 1918 году Флоренс сделали Дамой Британской империи за работу в Красном Кресте. Гертруда тут же написала ей поздравление. В ее письмах нет ни намека, что она хотела бы сама удостоиться такой чести, а после ее реакции на присвоение ей звания командора ордена ее взгляды на такие награждения стали известны всем. Но не менее очевидно, что она тоже заслужила звания Дамы, тогда или несколько позже.

Гертруда все больше получала удовольствия от своего дома в саду и постоянно его улучшала. Владелец его Муса Чалаби стал ее близким другом, с которым она могла обсуждать садовые растения или вести откровенные политические споры. Иногда в выходные дни она брала штабной автомобиль и вывозила Чалаби с семьей на пикник, а в один прекрасный день он подарил ей сад насовсем. Гертруда внесла в договор пункт, что этот сад всегда будет принадлежать им двоим.

Настало время, когда она смогла завести живность – то, чего раньше не могла себе позволить. Она купила петуха и четырех несушек и переживала, что они так мало несут яиц. Ее старый друг Фахад-Бег, чьими гончими она так восхищалась при первой встрече, прислал ей двух таких: подарок, совершенно определенно не взятка. Гертруда назвала их Ришан и Наджма – Оперенный и Звезда. 30 ноября 1919 года она писала Хью и Флоренс:

«…две красивейшие арабские гончие… они шли десять дней вдоль Евфрата с двумя проводниками из племени и пришли изголодавшиеся. Я пишу это письмо, а они сидят рядом со мной на диване, поболтавшись сперва по комнате полчаса со скулежем. Очень милые и дружелюбные и вскоре, надеюсь, привыкнут к

жизни в саду, а не в шатре».

Ришан был особенно проказлив. В письмах Гертруды попадаются описания его фокусов: как он может убежать на несколько дней, вскочить на кухонный стол и перебить посуду или поваляться на клумбе и загубить настурции.

Не один шейх, встречавшийся с Гертрудой по работе, пытался снискать ее начальственную благосклонность подарком – согласно традициям, заложенным в дни турецкого владычества. Когда однажды ей подарили арабского коня, она вернула его дарителю, покачав головой и улыбнувшись, но Коксу призналась, что животное было прекрасно и ей очень хотелось его оставить. Не успела закончиться неделя, как секретариат «выделил» ей прекрасную кобылу. В 1920 году Гертруда добавила к ней пони, маленького серого араба: «Он совсем молод, и его нужно дрессировать, так что мы предпринимаем приятные конфиденциальные прогулки с собаками перед завтраком, и он уже обучается. Умный, насколько возможно, исключительно хорошо прыгает и любит воду. Его копытца не делают ошибок».

Шейхи, поняв, что Хатун не принимает ценных подарков, стали искать обходные пути. Двое из них, чьи проблемы уже решились, подарили ей молодую газель. Ничего более приятного нельзя было придумать. Газель прыгала по саду, ела финики, упавшие с деревьев, и брала огурцы из рук. Ночью она спала, свернувшись в клубок, на веранде рядом со спальней Гертруды. «Очень милый зверь. Я теперь ищу мангуста», – писала Гертруда. Вскоре прибыл и мангуст – его принес юноша, сын мэра Багдада. «Обаятельнейшая зверушка. Сегодня утром сидел у меня на руке и ел яичницу, как христианин».

Еще с Каира Гертруда жила на Востоке на свое жалованье – 20 фунтов в месяц, – а щедрые годовые отчисления, накапливающиеся дома, не трогала. Хью в письмах задавал ей вопрос, что она хочет делать с этими деньгами.

Поскольку две вещи, которых она хотела – хорошая еда и отлично сшитая европейская одежда, – в Ираке были недоступны, Гертруда не проявила интереса к финансам, что является прерогативой очень богатых: «Ты на прошлой неделе говорил о богатстве, лежащем в моем банке. Это просто нелепо. Всегда делай с любыми моими деньгами все, что ты сочтешь подходящим, в том числе присвой их, если надо. Мне, как уже было сказано выше, плевать. Этой темой я никогда не интересовалась… Если когда-нибудь мне понадобятся деньги, я всегда могу их попросить, храни тебя Господь!»

Климат продолжал ее донимать, и ей приходилось спасаться в офицерском госпитале: в холодную погоду ее мучили холод и

бронхиты, летом – изнуряющая жара и повторяющаяся малярия. При температуре выше 120°[34] даже ночью Гертруда стелила постель на крыше, макала простыню в ведро с водой и заворачивалась в нее. Когда простыня высыхала, надо было вставать и повторять эту процедуру. Комнаты в офисе промывались два-три раза в день. Зимой иногда приходилось надевать два платья, одно на другое, и сверху еще меховое манто. От постоянной перегрузки на работе, непрерывных сигарет и жары Гертруда сильно похудела. Когда болезнь загоняла ее в госпиталь, она злилась и рвалась обратно на работу. Выяснилось, что, если вернуться домой слишком рано, все равно придется возвращаться долечиваться. Однако Гертруда не прекращала полностью работу: она продолжала писать меморандумы, набрасывала черновой вариант выходящего раз в две недели правительственного вестника, а в ноябре 1917 года взялась за редактирование местной газеты «Аль-Араб». Она думала, что достаточно уже перенесла тропических болезней, как сказала своим родителям, и готова была перевернуть новую страницу. В письме с больничной койки Гертруда благодарит Хью за баснословный подарок на сорокадевятилетие: «Одно из немногих моих утешений – твой изумительный изумруд – вделан в брошь-заколку ночной рубашки, и я смотрю на него с огромным удовольствием и думаю, какой же ты любимый отец». Примерно через месяц она получила с дипломатической почтой письмо от Флоренс, сопровождаемое большой коробкой: «Приехал целый ювелирный магазин брошек и подвесок – прекраснейших. Как это вы уговорили собственную совесть позволить себе такое расточительство? Спасибо вам обоим; они превосходны, и я представляю, в какой безграничный восторг придет весь индийский экспедиционный корпус Д».

Индийский экспедиционный корпус Д выгнал турок из Багдада и южной Месопотамии, но к середине 1917 года еще осталось двести квадратных миль поля боя на севере, и стояла задача выбить турок из мосульского вилайета и с сирийской границы. Еще год турки вели арьергардные бои, опустошая местность, забирая с собой провизию и все, что можно было забрать, отступая через историческую житницу Ирака. Наступающие британцы подвергались атакам на коммуникации и оросительные системы, а турки были готовы хлынуть снова в любую провинцию, где британская армия не справится с поддержанием порядка.

В Кербеле местные шейхи, временно управляющие администрацией, были пойманы на «живой торговле поставками» с врагом через пустыню. Этих лиц низложили или убедили так не

делать, а друг Гертруды Фахад-Бег и его бедуинская конфедерация племен аназех стали следить за торговцами. В другом священном городе, Неджефе, дефицит продовольствия привел к местным возмущениям, вызванным турецкой провокацией. События обернулись на пользу британцам благодаря шиитам, у которых вызывало гнев то, как турецкая администрация обращалась с их святынями. Один из политических агентов, капитан Маршалл, был убит, но англичане среагировали разумно: по городу не было сделано ни единого выстрела, а гробница и святые места остались неприкосновенными. Мир восстановили, но Кербела и Неджеф продолжали оставаться центрами политического неблагополучия.

Повсюду в центральной и южной Месопотамии британская армия создавала неограниченный рынок труда и местной продукции – и в отличие от своих предшественников за это платила. Два южных вилайета с центрами в Багдаде и Басре наслаждались процветанием, неизвестным во времена Османской империи.

Среди всего багдадского штата только Гертруда могла разобраться во множестве рас и вер на севере, востоке и западе от Мосула. В горах арабские племена сменялись курдскими, к западу в пустынях жили езиды – дьяволопоклонники, странная секта, которую Гертруда особенно любила. У их шейхов была уникальная способность брать в руки гадюк, а их прорицатели, как считалось, умели предсказывать будущее. «Дьяволопоклонники сговорчивы и уступчивы, хотя моральные нормы у них свободные», – писала она о встречах с ними, замечая, что в 1915 году они приютили значительное число армянских беженцев. Помимо курдских племен, существовало приличное количество христианских сект (среди которых основными были халдеи, якобиты, несторианцы), а также туркмены, объявлявшие себя потомками Тамерлана. На левом берегу Тигра среди прочих экзотических групп, шабак и сарли, владеющих тайным знанием, жили али-илахи, таи и еврейская община. Преобладающим было племя шаммаров, наследственных врагов аназехов. Шаммары состояли на жалованье у турецкой армии и готовы были нападать на караваны, взрывать каналы, совершать набеги и грабить все, до чего могли дотянуться.

Столь тщательно составленное и управляемое, столь успешное в своих занятиях до конца войны, британское правительство Месопотамии грозило развалиться от непрестанных проволочек, пока ждало решения не только о своем будущем в Ираке, но и более серьезного – где будут границы Ирака. Только когда победители собрались, чтобы установить

мир, можно было заложить основы для того, чтобы народ Ирака сам управлял собой с ясными перспективами самоопределения. Без такой перспективы многочисленные ростки недовольства меньшинств, часто разжигаемого турками, переросли бы в открытый бунт, угрожающий достижениям трех предыдущих лет. Как писала Гертруда в 1920 году:

«Истина, лежащая в основе всей критики – и потому на эту критику так трудно отвечать, – в том, что мы обещали внедрять самоуправление и не только ни шагу в эту сторону не сделали, но деловито устанавливаем нечто совсем другое. В одной газете говорится, и справедливо, что мы обещали арабское правление с британскими советниками, а построили британское правление с арабскими советниками. И это так и есть».

В сентябре 1918 года Кокс, самый умелый из администраторов, был переведен из Багдада в Тегеран. В этот взрывоопаснейший момент истории Ирака Гертруда оказалась в одной упряжке с его бывшим заместителем А. Т. Уилсоном, исполняющим обязанности гражданского комиссара, – начальником, чье самодурство, карательная политика против диссидентов и предпочтение империалистических методов вернули ее через два года к неприятной правде: он совершенно не сочувствовал самоопределению и был готов на все, чтобы его подорвать и не допустить. И что же теперь будет с мечтой Гертруды?

Глава 13
Гнев

Прозорливый Т. Э. Лоуренс заметил, что один из недостатков Гертруды – склонность восхищаться людьми, которые ей нравятся, лишь затем, чтобы разочароваться в них после ссоры. У нее были приятные рабочие отношения с А. Т. Уилсоном, пока они оба работали под ненавязчивым руководством непредубежденного Кокса. Будучи заместителем, А. Т. занимался текущими вопросами и развитием правительства, а она дополняла его в части обязательств администрации по отношению к местному населению и подгонки нового режима к здешним реалиям. Но А. Т. всегда хотел сам быть руководителем. И теперь не привлекал Гертруду к политике, как это делал Кокс, и не консультировался с ней, принимая решения. Более того, их отношение к арабам в корне различалось. А. Т. с их представителями обращался бесцеремонно, а их лидерам, сколь бы они ни были достойны, уважение оказывал скупо. Гертруде было за него очень стыдно, и, что намного серьезнее, стало ясно, что ее позиция резко отличается от позиции этого «колониального динозавра», как окрестил его Лоуренс. Само слово «самоопределение» выводило А. Т. из себя, а для Гертруды этот принцип являлся священным. «Я могла бы сделать все как надо – если бы мне дали… У нас тут очень смутное время насчет самоопределения… как мне жаль, что сейчас здесь нет сэра Перси», – писала она в январе 1919 года.

Первая мировая война наконец-то закончилась, и Гертруда, выбравшись из очередного приступа малярии, позволила себе некоторое развлечение в своем духе. Она спустилась по Тигру на роскошном пароходе, принадлежавшем одному генералу, побывала на лекции по истории аббасидов и в сопровождении тридцати трех всадников из племени бани-тамим проехалась по пустыне посмотреть на развалины. Еще она впервые в жизни полетела на самолете: «В первые четверть часа мне казалось, что ничего такого волнующего еще никогда со мной не было… День выдался ветреный, аэроплан сильно мотало. Однако вскоре я привыкла, и мне было очень интересно. Буду теперь взлетать при всякой возможности, чтобы лучше к этому привыкнуть».

Весь последний год Хью и Флоренс настоятельно звали Гертруду домой в отпуск ради поправления ее здоровья и избавления от палящего багдадского лета. Она часто отвечала, что не может уехать, поскольку очень нужна здесь. Сейчас,

отстраненная от самых важных совещаний, она вынуждена была посмотреть правде в глаза: А. Т. от нее не зависит. И все же, писала она своим родным, в ней нуждаются арабы, и, возможно, более чем когда-либо. Хью тогда сообщил, что мог бы сам посетить ее в Багдаде, и мысль показать ему свой мир стала для нее огромным удовольствием. Но когда уже приближалась дата приезда Хью, вмешался долг в виде Парижской мирной конференции. Выяснилось, что А. Т. хочет отправить туда Гертруду до своего прибытия – чтобы она ходила на заседания, представляла месопотамские интересы и держала его в курсе. Было решено, что Гертруда сперва отправится в Англию, потом в Париж, и там на несколько дней к ней приедет Хью. Мысль о возвращении в Лондон ее не грела. Не было никакого желания встречаться с большинством старых друзей или посещать старые места: все будет напоминать о Дике Даути-Уайли, об остроте их последних дней вместе и о последовавшем долгом страдании. А настоящие друзья поймут, она это знала. Гертруда написала одной из таких подруг, дочери лорда Алсуотера Милли Лоутер – одной из немногих, с кем хотела бы встретиться. Они с Милли подружились в отделе раненых и пропавших без вести в Лондоне, после гибели Даути-Уайли. «Когда я приеду, мне очень понадобится твоя помощь и понимание. Трудно будет вписаться в английскую жизнь, и мне заранее страшно. Тебе придется помочь мне, как ты это раньше делала».

Отец полностью понимал ее чувства и придумал план, позволявший аккуратно обойти все светские обязанности в Лондоне. Он знал, что большую часть времени Гертруда потратит на магазины, покупая одежду. Когда они проведут несколько дней в Париже, почему бы им вдвоем не покататься на автомобиле по Бельгии и Франции и не съездить морем в Алжир? Гертруда с колоссальным облегчением стала ждать этого путешествия. Но больше всего, писала она, хочется ей встречи с родными. А второе желание – баранья нога по-йоркширски.

В марте 1919 года она написала из Парижа Флоренс, что для нее значило оказаться снова с Хью: «Не могу тебе передать, как это было прекрасно, что он последние два дня провел со мной. Он был милее, чем можно передать словами, и настроение у него было отличное, и выглядел чудесно. Я едва могу поверить, что три года войны промчались над его головой с нашей последней встречи».

Отец и дочь всегда умели продолжать с того места, на котором расстались, и время не могло уменьшить их взаимную преданность. Встреча их была восторженной. Потом они повидались с Домнулом и пообедали с лордом Робертом Сесилом

– ее бывшим начальником в отделе раненых и пропавших без вести. Через несколько дней Хью уехал, а Гертруда взялась за работу.

В марте 1918 года революционная Россия под властью большевиков подписала с Германией договор, оставив союзников – Францию, Британию, Италию и Америку – продолжать войну в Западной Европе. Англичане продолжали теснить турок на север в Аравии, надеясь открыть новый фронт на северо-западе через Австрию и ударить по Германии через незащищенную южную границу – эту надежду пришлось оставить после катастрофы 1915 года в Дарданеллах. Сперва освободившаяся от конфликта с Россией Германия смогла сосредоточить усилия на этих фронтах и организовать шесть месяцев яростных атак против позиций союзников от побережья Северного моря в Бельгии до швейцарской границы на юге. Союзники держались, пока немецкая армия не выдохлась, испытывая дефицит техники, сапог и провизии. К августу боевой дух немцев сильно упал. Британцы собрали тайную армию примерно из ста тысяч свежей пехоты, сопровождаемой сотней недавно изобретенных танков Черчилля. Они ударили в слабый центр немецких линий, выбивая войска из траншей и гоня их милю за милей по территории, которую не могли добыть четыре года боев. Тут же французы на севере и американцы на юге ударили по немецким траншеям. Немецкий главнокомандующий признал поражение, и через несколько дней Германия запросила мира.

И когда мир был уже совсем рядом, союзники стали бороться друг с другом – эта борьба задержала Гертруду еще на три года и едва не загубила все ее дело в Аравии. Сперва союзники не могли договориться, гнать ли немцев до самого Берлина – это опустошило бы страну, но дало бы незабываемый урок. Маршал Фош – француз, главнокомандующий союзными войсками – заявил, что дальнейшие смерть и разрушение никому не нужны. Союзники создали документ о перемирии, который признавал немцев побежденными, им предстояло смириться с полной демобилизацией своей армии и передачей военного флота англичанам. Немцы подписали этот документ в одиннадцатый день одиннадцатого месяца, и огонь прекратился. Тем временем британцы вышли на турецкую границу. Турки очистили Аравию, но созданные ими проблемы оставались.

Перемирие закончило военные действия, но армии союзников готовы были продолжать битву, если бы Германия, Австро-Венгрия и Турция не согласились на условия мирного договора. Какими должны были стать эти условия? Америка хотела возврата денег, которые одалживала Англии и Франции,

Британия хотела выплаты своих займов Франции, но обе эти европейские страны были банкротами. Франция хотела защититься в будущем от нападения Германии, а также возвратить находящуюся под властью немцев Эльзас-Лотарингию. Италия после тяжелых боев на стороне союзников хотела отрезать себе территорий от побежденных стран. Британия хотела укрепить империю и вернуть своему флоту господство на океанах. Все хотели видеть Германию усмиренной, разоруженной и платящей огромные деньги, хотя никто не мог назвать приемлемые цифры.

Этих проблем вполне хватало, чтобы полностью занять усталых лидеров, прибывших в Париж на новый 1919 год. Тремя главными участниками конференции стали президент Вильсон от Америки, премьер-министр Британской империи Ллойд-Джордж и самый старший – премьер-министр Франции Клемансо. Вне поля зрения этих людей, но в круге их ответственности было будущее тех народов, что не имели сейчас ни правительства, ни определенных границ, ни признанной идентичности как государства. При крахе таких огромных империй, как Германская, Российская, Австрийская и Турецкая, сотни покоренных ими племен и рас в Европе, Африке и на Ближнем Востоке остались без администрации, без полиции, без армии и без денег.

Парижская мирная конференция собиралась разрешить все эти вопросы, даже если проблемы начнутся с выяснения вопроса о том, на каком языке вести дискуссии. Было приглашено тридцать семь союзных стран. Каждой стране, затронутой войной, дали шанс высказать претензии к побежденному врагу и сделать заявку на свое место в послевоенном мире. Делегации сильных государств вроде Британии или Америки прибыли заранее, до конца 1918 года, заняв своими представителями огромные отели. Послы малых стран с другого конца света добирались не один месяц. Среди них были народы, о которых великие союзные державы вряд ли слышали, в том числе несколько из Аравии и оставленной турками Турецкой империи, за будущее которых предстояло сражаться Гертруде.

Президент Вильсон прибыл в Париж объявить свои четырнадцать пунктов принципов будущих отношений между нациями, в том числе право каждой нации выбирать собственную форму правления. Чтобы державы вроде Великобритании или Франции могли научить новые нации, как установить хорошее правление, требовалась новая модель с финансовой помощью и грамотными администраторами, подготавливающая переход к независимости.

Решением этого вопроса должен был стать «мандат» –

юридический документ, определяющий страну, которая будет управлять молодым государством до тех пор, пока оно не станет самостоятельным, – в течение, возможно, лет двадцати. Взамен надзирающая держава получала непосредственные торговые возможности и сильное дипломатическое влияние в регионе своего протектората.

Считая, что Первая мировая война должна оказаться последней, президент Вильсон также предложил создать новый форум, где государства смогут решать свои споры путем дискуссий и даже налагать санкции на страны, демонстрирующие агрессивные намерения. Он предложил создать Лигу Наций, к которой будут принадлежать все независимые страны и через посредство которой станут осуществляться все правовые отношения между нациями. В то время как Парижская мирная конференция собиралась для выработки условий договоров между союзными державами и их противниками, Лига Наций будет утверждать границы новых государств, предоставлять им выбор форм правления и путем выдачи мандатов назначать державы, опекающие более слабые страны. Мысль о некоторой общей власти, управляющей отношениями между странами, была невероятно грандиозной. Дальше последовал год работы для выработки устава Лиги Наций и собирания ее членов-государств в орган представителей. Только тогда Лига Наций начала рассматривать состояние каждой новой страны и решать, готова ли она к самоуправлению или же должна стать подмандатной. Этот орган также утверждал договоры, регулирующие споры о границах.

Тем временем споры о границах продолжали перерастать в прямые конфликты, слабые правительства по-прежнему вступали в гражданские битвы, а неуверенность в будущем обостряла зарождающиеся революционные тенденции. Турция отказывалась подписывать мирный договор с союзниками и продолжала разжигать восстания в своих бывших колониях. Теперь еще Аравия узнала о секретном соглашении Сайкса – Пико 1916 года, которое делило Ближний Восток между Британией, Францией и Россией. Эти известия грянули, как раз когда арабы думали, что заработали себе будущую независимость благодаря поддержке Британии против турок. Конец войны принес франко-британскую декларацию по Ираку и Сирии, написанную неутомимым Марком Сайксом, в качестве доказательства для Соединенных Штатов, что союзники поддерживают намерения президента Вильсона по поводу самоопределения ранее колонизированных народов. В декларации содержалось обещание, что с поддержкой Британии и Франции «коренное население сможет осуществить право на

самоопределение относительно выбора формы национального правления, под которым оно будет жить».

Но чего на самом деле хотели коренные народы Ирака? Незадолго до отъезда из Багдада Гертруда написала статью от имени А. Т., озаглавленную «Самоопределение в Месопотамии», во многом в ответ на запросы Уайтхолла о консультации с арабскими лидерами. Этот с виду неискренний ход, явно игнорировавший путаницу возникающих вопросов, выяснял предпочтения жителей: должно ли существовать единое арабское государство, должен ли его возглавлять арабский эмир и есть ли у иракцев кандидат на этот пост? А. Т. попытался, наполовину искренне и довольно нетерпеливо, ответить на этот вопрос. Ответы, как они оба предсказывали, оказались до нелепости неубедительны и непредставительны, они только провоцировали хлопоты и мешали правительству.

«Пронырливые» выиграли в связи с неявкой противника. Самоопределение должно было реализоваться: на нем настаивала Америка, Черчилль собирался минимизировать британские финансовые обязательства как на Ближнем Востоке, так и в других местах, а воля к расширению империй испарилась. С другой стороны, А. Т. полагал, что Ирак может управляться только как колония, подобно Индии, и франко-британская декларация приводила его в ярость. Он попросил Гертруду к грядущей конференции в Париже создать документ о перспективах самоуправления, объяснив, какие непреодолимые трудности стоят на его пути. Ключевым для Гертруды вопросом этого конфиденциального анализа ситуации и перспектив ее развития был следующий: «Если мы пожелаем применить на оккупированных территориях ценный принцип самоопределения, как это следует сделать?»

Документ должен был осветить имеющиеся проблемы так, чтобы, какую бы политику ни выбрали в далеких столицах для определения будущего Ирака, у нее бы нашлась какая-то база в местных реалиях. Начав с невозможности установления всеарабского правительства, Гертруда перешла к невозможности демократической республики. Поскольку 90 процентов населения совершенно не имеют никаких политических взглядов и в основном неграмотны, не может возникнуть ничего похожего на арабское национальное движение. Понятие самоопределения вызывает не интерес, а замешательство. В обществе, по сути индивидуалистическом, каждый род и каждое племя дерутся за свои интересы. Гертруду ежедневно осаждали озабоченные арабы, приходившие к ней требовать объяснения франко-британской декларации. Росли страхи, что англичане уйдут, возникнет

беззаконие, а то и гражданская война, что вернутся турки и станут мстить всем, кто сотрудничал с британцами.

При отсутствии чувства нации, номинального главы и понимания демократии как можно создать конституцию или найти лидера, который удержит страну единой ради арабов? На самом деле в Аравии было только два рода с традициями правления: сауditы и хашимиты. Ибн Сауд был уже слишком силен, по мнению Запада, а его ваххабитский пуританизм опоры в Месопотамии не получил. О хашимитах, не имевших никакой истории к востоку от Хиджаза, вообще мало знали в Ираке. Если мирная конференция остановится на хашимитах, понадобится очень много подготовительной работы.

Вопреки всем трудностям, Гертруда считала, что время настало. Для Ирака самоуправление должно было стать британским решением, британцами созданным и британцами поддерживаемым. Другие члены прежнего арабского бюро тоже были очарованы арабами и цивилизацией, которую они создали и которая процветала до пяти столетий турецкого гнета. Честолюбивая цель восстановить свою древнюю культуру казалась эмоциональной, но при этом отличалась и прагматичностью. Ни у какой страны сейчас не могло быть ни воли, ни ресурсов, чтобы колонизировать Аравию или хотя бы какие-то ее части.

Лорд Китченер писал: «Если арабская нация помогла Англии в этой войне, которую нам навязали… Англия даст гарантию, что никакая внешняя интервенция в Аравии не произойдет, и окажет арабам всяческую помощь против внешнего насилия или агрессии». Обещание было дано, и Гертруда считала, что должна делать все возможное для его выполнения. Предложения менее достойных политических действий или империалистические намерения на Западе вызывали у нее страстный и величественный гнев:

«Я предлагаю допустить, что благополучие и процветание Ирака не являются несовместимыми с благополучием и процветанием любой другой территории в мире. Полагаю аксиомой, что если мы отмахнемся от вопроса о будущей администрации Ирака, то сделаем это под влиянием каких-то соображений, не имеющих отношения к благополучию самой страны и ее народа, и будем виновны в бесстыдной намеренной бесчестности, еще более отвратительной и презренной из-за наших неоднократных заявлений о бескорыстной озабоченности судьбой местного населения».

Эта ее ярость защитницы была направлена не только на политиков, но и на военных. Вскоре после оккупации Багдада в

1917 году британские войска вошли в контакт с самыми южными из курдских племен. Те тогда восстали против турецких поборов, отчасти в ответ на циничные действия младотурок, отчасти из-за стремления к национальной автономии в области, исторически служившей горячим плавильным котлом противоречивых интересов. Были два курдских племени – хамаванд и сулеймания на гористой границе с Персией к северо-востоку от Багдада и кочевое племя джеф дальше к северу, рассеянное по западному берегу реки Диала. Была и третья курдская область, сосредоточенная вокруг города Киркука, примерно на полпути между Сулеймание и Диалой. Эти племена ответили отказом на турецкое требование джихада против союзников. И действительно, хамаванд приветствовал британскую армию, считая, что англичане станут благожелательными оккупантами важного города Ханикин, к югу от Сулеймании. Главой Ханикина был Мустафа Баджалан.

В описании ужасной судьбы, постигшей Ханикин и курдские племена, гнев Гертруды виден ясно. Также очевидна причина ее презрения к покойному главнокомандующему генералу Моду. Кокс настаивал на важности оккупации армией Ханикина, пусть даже номинальной, для соблюдения британских интересов и влияния. Мод отказал в связи с недостатком войск. Тем временем к городу подходил казачий полк. Русские были союзниками британцев, прибыли с британского согласия, и курды не считали их противниками. Тем не менее чем ближе они подходили, тем больше появлялось сообщений об эксцессах, происходивших в других местах, сеявших панику и отчаяние. Казаки заняли Ханикин в апреле 1917 года, и тут же пошли слухи о том, что они опустошают город, насилуют и грабят. Мустафа Баджалан, отступивший в Сулейманию, умолял прислать хотя бы политического агента, чтобы наблюдать и сдерживать действия русских, но генерал Мод снова отказал. В «Обзоре гражданской администрации Месопотамии» Гертруда пишет: «[Мод] не видел способа действовать в соответствии с опасениями, что трения между союзниками могут порождаться неустранимой разницей в наших методах обращения с местным населением». У казаков обращение оказалось такое, что курды стали предпочитать турецкую оккупацию, как бы тяжела она ни была. Мустафа-паша, глава Ханикина, прибыл в Багдад лично доложить о разорении, убийствах жителей и угоне скота. Кокс в третий раз обратился к военному командованию с просьбой пересмотреть свою позицию. Ему ответили, что «сомневаются в точности сообщений из Ханикина», и отказались создавать сложности между союзниками. Они даже передали жалобу Мустафы-паши русскому командиру,

который – неудивительно – ответил, что британское вмешательство было бы ненужным и непрошеным. Как только русские ушли, Ханикин снова заняли турки, захватив головные узлы каналов и перекрыв потоки воды на юг, где она была необходима для посевов. И лишь в декабре британцы смогли выбить оттуда турок. Гертруда писала: «Нигде в Месопотамии не видели мы такого несчастья, какое встретило нас в Ханикине. Русские сняли урожай, турки тщательно подобрали колоски и, уходя, бросили город в совместное владение голоду и болезням».

Услышав, что будет помощь, курды хлынули с гор обратно в город, пораженный голодом и тифом, умирать или поправляться в английских лагерях и госпиталях. Британская армия раздавала запасные пайки и платила наличными за то, что брала сама, но расположения курдов это уже не вернуло. Когда открылась дорога на северо-восток, Персидская дорога, возникла глубокая неприязнь к союзникам, потому что поведение казаков стало очевидным. К тому же деревня, представлявшая собой постоянную угрозу коммуникациям, была разбомблена британскими самолетами. Тем временем русскую армию охватила революция, она вышла из-под контроля союзников и сражаться рядом с ними больше не хотела.

Курдская трагедия на этом далеко не закончилась. Хотя вожди и знатные курды в Сулеймании собрались на встречу и создали импровизированное курдское правительство, но из-за отхода британских войск от Киркука с целью открыть Персидскую дорогу туркам снова удалось оккупировать территорию. Беженцы из каждого уголка стали объектами мести, беззащитными перед любым племенем или армией. Гертруда писала Чиролу в декабре 1917 года: «Мы взяли Ханикин. Племена спускаются с севера, тащат с собой армянских девушек – татуированных, как бедуинки; я видела некоторых из них в Багдаде. Домнул, какой это ужас! Реки слез, потоки людского горя – вот что такое эти беженцы».

Наконец британцы заняли Мосул в ноябре 1918 года. Теперь снова появилась возможность установить мир в стране, но двумя годами ранее соглашение Сайкса – Пико объявило Мосульский вилайет французской «сферой влияния». После всего, что им пришлось вытерпеть, курды были в волнении. Они не знали, и еще год им не говорили, кто им предоставит – если предоставит – национальную автономию, не знали, где будут границы. Гертруда дымилась от злости. Одинокие политические агенты, невоспетые герои месопотамской администрации, были поставлены командовать неопределенными районами, с парой клерков в качестве помощников и двумя-тремя вооруженными солдатами

охраны, и им велели поддерживать мир. Трое из них были убиты в Амидии, Захо и Бира-Капра вместе со своими отрядами.

Парижская мирная конференция всем и сразу показала, что невежество Запада по отношению к Ближнему Востоку сравнимо только с отсутствием интереса к нему. А. Т. в Париже отметил:

«Здесь было много экспертов по западной Аравии, военных и гражданских, но ни один, кроме мисс Белл, не имел знаний об Ираке или о Неджде из первых рук, и Персии тоже. Само существование шиитского большинства в Ираке тупо отрицалось как игра моего воображения одним “экспертом” с международной репутацией, и мы с мисс Белл нашли невозможным убедить делегации военного министерства или министерства иностранных дел, что курды в Мосульском вилайете многочисленны и могут доставить много хлопот или что Ибн Сауд – сила достаточно серьезная, чтобы с ней считаться».

Путешествуя среди курдов в своих экспедициях, Гертруда писала, что «просто влюбилась» в них, но они были – и сейчас остаются – особой проблемой для любой администрации. Жители северных пределов Месопотамии с доисторических времен, они постоянно воевали со своими соседями, вся эта область – мешанина многих рас и вер, суннитов, шиитов, христиан. Еще они были рассеяны по Турции и северной Персии. Гертруда признавала, что арабский национальный идеал, если бы таковой был возможен, курдам бы не подошел, и она всю оставшуюся жизнь старалась запрячь их нарождающиеся национальные надежды в ярмо службы миру и прогрессу. В данный момент по курдистанскому вопросу иракской администрации приходилось тянуть время – отчасти потому, что не было войск, способных поддерживать порядок на этой территории, отчасти потому, что граница между Турцией и Ираком отсутствовала еще много лет. Так же не были едины друг с другом все три группы месопотамских курдов: курды Киркука отрицали любую связь с курдами Сулеймании. Тем не менее они были едины в требовании «курдского независимого государства под нашей протекцией, – писала Гертруда, – но что это должно значить, не знают ни они сами, ни кто-либо вообще… вот такой вот курдский национализм…» Небольшой курдский контингент присутствовал на Парижской мирной конференции, требуя себе собственную страну, но никто не был готов их слушать, и немногие делегаты вообще знали, кто они такие и откуда приехали.

После тура с отцом весной 1919 года Гертруда снова погрузилась в дело конференции, потом провела остаток лета с родными в Англии, избегая приглашений друзей. «Любимая мама, больше всего мне хочется видеть тебя», – сказала она

Флоренс.

Флоренс, тщательно обдумывавшая домашние проблемы падчерицы – «жена мне нужна!» – уже приготовила почву и могла предложить решение. Ее француженка-горничная Мари Делэр была готова, если Гертруда захочет, поехать с ней в Багдад и стать там ее камеристкой, швеей и экономкой. Гертруда наняла Мари в 1902 году, за семнадцать лет до этого, за «22 фунта стерлингов [в год] и стирка за ее счет». С той поры Мари прижилась у Беллов, обслуживая Гертруду при всех ее возвращениях в Англию. Предыдущий хозяин написал в рекомендации Мари, что у девушки плохой характер, но Гертруда «хорошо с ней поговорила» с самого начала и нашла ее вполне покладистой. Сама Гертруда не была легким человеком, но Мари служила ей преданно и, несомненно, гордилась ее славой. После долгих лет содержания гардероба не менее привередливой Флоренс и будучи всего лишь одной из служанок среди многих, Мари не могла не воспринять поездку с Гертрудой в Ирак как колоссальное приключение. Она будет занимать две новые комнаты, которые Гертруда добавила к одному из летних домиков, и станет всячески помогать своей хозяйке. И вот в конце сентября, после второй поездки на Парижскую конференцию, Гертруда села на пароход, идущий в Порт-Саид, вместе с Мари. Француженка оказалась чудесным путешественником и наслаждалась каждой минутой поездки. «Никогда я не была так хорошо одета на пароходе, – писала Гертруда домой 26 сентября. – Это Мари исследует ящики и каждый день достает свежий наряд».

В прошлые годы Гертруда интересовалась, как там Фаттух, ее верный слуга из Алеппо, сопровождавший ее во многих путешествиях. Она боялась, как бы связи с англичанами не принесли ему неприятностей от турок. «Бог знает, жив ли он еще, – писала она в 1917 году. – Алеппо страшно пострадал и сейчас страдает от рук турецких мстителей, и я боюсь, что его хорошо известные связи с Джорджем [Ллойд-Джорджем], мистером Хогартом и мной будут представлять для него большую опасность». Сейчас, на пути в Багдад, она решила проехать через Алеппо и попытаться найти Фаттуха. Но сперва следовало установить факты. Гертруда хотела иметь ясную и актуальную картину ситуации в Сирии и сионистского движения в Палестине, где евреи были внедрены в страну без особого внимания к арабскому населению. Гертруда предсказывала большие волнения – и не только в Палестине: еще около пятидесяти тысяч евреев поселились в Багдаде. Меньше всего ей нужна была вражда между евреями и арабами.

Мари тем временем морем отправилась в Басру, откуда ей предстояло на поезде ехать в Багдад и прибыть туда примерно в одно время с хозяйкой.

Гертруда задержалась в Каире «узнать что и как» от сэра Гилберта Клейтона, ныне министра внутренних дел нового британского протектората Египет. Поехав в Иерусалим, она остановилась у генерального администратора, сэра Гарри Уотсона, и хорошо пообщалась со своим добрым другом сэром Рональдом Сторрсом. Теперь он стал губернатором Иерусалима – как он сам сказал, «наследником Понтия Пилата по прямой линии», и пребывал в надежно комическом настроении, готовый говорить о политике или вместе с Гертрудой обходить ковровые и антикварные магазины. Она была поражена силой антифранцузских настроений в Дамаске и Бейруте. Переехав в Алеппо, она нашла след Фаттуха и выяснила, что его обстоятельства именно действительно довольно плачевны. В письме от 17 октября 1919 года чувствуется большая нежность по отношению к старому слуге.

«Фаттух выглядит старше, будто пережил тяжелое время, как оно на самом деле и было. Он потерял почти все, что имел, осталась только одна лошадь и маленькая тележка, на которой он возит дрова продавать в Алеппо… У него было два своих больших дома, бедняга Фаттух… В основном он попал под подозрение, поскольку все знали, что он был моим слугой. Мы много хороших дней провели вместе – вспоминаю радостные отбытия из Алеппо, а сейчас я посмотрела в его измученное лицо и сказала: “О, Фаттух, до войны как легко было у нас на сердце, когда мы находились в пути. Сейчас же тяжело так, что верблюд бы нас не выдержал”.

…Мой бедный Фаттух».

Посетив его жену в крошечном съемном доме, где они теперь жили, Гертруда обнаружила, что Фаттух до сих пор бережно хранил ее лагерное снаряжение. Он спросил о ее отце в выражениях, вызвавших у нее улыбку: «Его превосходительство родоначальник». Она помогла ему снять огород, где можно было выращивать овощи, и дала сто фунтов.

Вернувшись в Багдад, Гертруда наконец начала ценить помощь и таланты Мари. Оказалось, что та с одинаковым успехом может сделать к вечернему приему и восхитительный соус, и абажуры на светильники. И с первой минуты Мари стала для Гертруды преданной портнихой. Беллам было проще посылать отрезы материи, чем готовую одежду, и Мари целые дни шила из них платья. Они вдвоем с Гертрудой тихими вечерами погружались в журналы мод, особенно в новый британский «Вог»,

покупаемый Лиззи, горничной Флоренс, и посылаемый в Багдад, чтобы они «были в курсе моды». Мари очень любила животных, и вскоре за ней уже бегала ручная куропатка Гертруды, последнее добавление к садовому зверинцу, а двум гончим она сшила зимние курточки. Во время частых недомоганий Гертруды, вызванных переработкой и тяжелым климатом, Мари варила холодные супы и другие соблазнительные отвары. При всех различиях эти две женщины стали близкими подругами, и служанка оставалась с госпожой до конца ее жизни. Гертруда писала: «Мари неоценима в смысле шитья штор и вообще ведения хозяйства. Она мое величайшее утешение – не знаю, как я без нее обходилась».

Хью не оставил мысли навестить Гертруду в Багдаде, в особенности с тех пор, как Хьюго вернулся из Южной Африки и мог остаться с Флоренс. Ради его визита Гертруда потратила в Лондоне приличную часть своего накопленного дохода в хорошем мебельном магазине «Мейплз». Ей нужны были обеденные столы и стулья, кресла, кровати, гардеробы, комоды и новый обеденный сервиз. Вернувшись в Багдад, она с нетерпением ждала, пока они прибудут по морю.

Весной 1920 года Хью приехал, как обещал, и привез походные предметы, которые она с ним оговорила: походную кровать с бельем в саквояже от «Вулзи», фланелевые и шелковые костюмы, тропический шлем и зонтик от солнца. На фотографии, сделанной в доме Гертруды, Хью спокойно читает газету в одном из новых кресел с полотняным чехлом работы Уильяма Морриса, под начищенными туфлями – персидский ковер, журнальный столик возле локтя. На каминной полке стоят семейные фотографии в рамках. Так могла бы выглядеть гостиная комфортабельного дома на родине, а не садовый павильон в центре большого азиатского города. Однако долго отдыхать ему здесь не пришлось: они с Гертрудой двинулись в тур по стране, останавливаясь у политических агентов и навещая представителей арабской знати. Часть пути они проделали на самолете и обсуждали, помимо Ирака, экономический кризис и его давление на британскую экономику. Впервые Гертруда почувствовала необходимость в экономическом образовании, когда ее отец описал первые признаки надвигающихся на Беллов финансовых неприятностей. После его отъезда она ужасно по нему скучала. Хью для нее остался тем, кем был – если не считать Дика Даути-Уайли: любовью всей жизни.

«Не понимаю, как можно жаловаться на что-либо, имея такого отца, как ты. Не могу тебе передать, как это было прекрасно, когда ты гостил здесь. В отношении тебя

воспринимается как данность, что, как бы сложны и незнакомы ни были те вещи, что ты слышишь или видишь, ты всю фальшь обнаруживаешь сразу… Когда я вернулась, дома было ужасно пусто без тебя. Собаки изо всех сил пытались меня утешить, но этого было недостаточно. Благослови тебя Бог».

Если офисная часть жизни у нее сократилась, то социальная – расширилась. Два года назад Гертруда начала свои «вторники»: чай в саду для жен арабской знати. Это предложил сэр Перси, так как леди Кокс вряд ли хоть слово знала по-арабски, а больше было некому. Подавали безалкогольные напитки, кексы и фрукты, а когда день угасал, среди кустов и деревьев зажигались фонари цветного стекла. Приходило с полсотни женщин, в основном с закрытыми лицами, радовавшиеся перерыву в своей изоляции от мира, знакомились, сплетничали. Гертруда писала Чиролу: «Я провожу чайные приемы для дам, и на них приходят все наши гранд-дамы. Общество избранное – я вычеркнула всех христианок не самого высшего ранга. Наваб… который готовил список приглашенных, счел своим долгом указать: “Сахиб, здесь нет ни одной христианки!” Я расхохоталась и ответила ему: “ Ты забыл, что там буду я!”»

Но больше ей нравились политические суаре – без женщин, – которые она начала проводить для молодых арабских националистов. А. Т. к этим мероприятиям относился с возрастающим раздражением, но Гертруда считала их весьма ценными для поддержания и развития связей и подготовки арабского правительства, которое в конце концов получит власть. На таком приеме, символизирующем ее сочувствие к их делу и пронесенную через всю жизнь убежденность в пользе обмена мнениями, собиралось человек тридцать. Ее мнение об окружающих англичанках, женах коллег, не изменилось. Ее раздражало их неумение выучить арабский, их неотступные приглашения принять участие в общественной и спортивной деятельности, которой они заполняли свои пустые дни. Гертруда сердилась, когда они не появлялись на мероприятиях, которые она считала обязательными, – например, на открытии первой в Багдаде школы для девочек, на котором она произносила официальную речь по-арабски. И, видя ее отношение, англичанки тоже не испытывали к ней теплых чувств.

«Социальные обязанности мне кажутся весьма утомительными. Этим праздным женщинам целый день нечего делать, кроме как ожидать, что я зайду, или заходить ко мне в тот единственный час в день, когда я могу выйти и ни о чем не думать. В результате я вообще не выхожу, но я положу этому конец. Жизнь становится просто невыносима, а я заболеваю от

этого. Так что пусть думают обо мне что хотят, но я о них вообще думать не буду».

Не то чтобы Гертруда не любила женщин, но у нее было мало времени, и она была разборчива. Ее же отношения с арабскими женщинами постоянно улучшались. Она организовала для них лекцию новой женщины-врача по женской гигиене и с радостью увидела все места занятыми. Вскоре она подвигла их организовать комитет и провести сбор среди богатых семейств на новый проект – больницу для женщин. Чиролу она писала:

«Я всерьез начинаю думать, что нашла контакт с местными женщинами… Pas sans peine[35], хотя они более чем идут мне навстречу. Это значит брать на себя множество хлопот… И важнее того факта, что мне нравится с ними видеться и узнавать ту сторону Багдада, которую иначе бы не узнать никак, моя уверенность, что дело того стоит. Входить в дома запросто и завести себе целое войско подруг – значит сильно улучшить собственные отношения с мужчинами».

Ей приятно было общество Ван-Эссеса, миссионера, и его интересной жены, с которыми она познакомилась в Басре. Ей стало недоставать миссис Хэмфри Боумен, жены директора по образованию, когда эта пара отбыла в Египет, Гертруда любила Аурелию, «милую маленькую итальянскую жену» мистера Тода, который работал в Багдаде на «Линч бразерс», – у них она останавливалась в 1914 году. Миссис Тод охотно занималась благотворительностью вместе с Гертрудой и устраивала вечера в пользу госпиталя. Когда ее муж уезжал по делам, женщины обедали вдвоем, и Гертруда писала домой, что рада присутствию Аурелии в Багдаде, поскольку она настоящий друг. Еще была мисс Джонс, во время войны – экономка госпиталя в Басре, сейчас заведующая гражданской больницей в Багдаде; как бы редко ни встречались эти занятые женщины, они стали близкими подругами. Когда чуть позже мисс Джонс умерла, Гертруда вспоминала ее доброту в доме отдыха для офицеров, куда ее положили с желтухой. Она шла за британским флагом, покрывавшим гроб подруги на военных похоронах, и, слушая «Сигнал отбоя», надеялась, что, когда наступит день и люди пойдут за ее собственным гробом, их мысли о ней будут похожи на ее мысли о мисс Джонс.

Визит Хью совпал с критическими для Ирака событиями. Когда он был у Гертруды, в апреле 1920 года, она трезво и провидчески писала Флоренс:

«Я думаю, мы на грани весьма заметной арабской националистической демонстрации, которой я вполне сочувствую. Тем не менее она вынудит нас действовать, и нам

придется посмотреть, удержим ли мы ситуацию настолько, чтобы продолжать то, что делаем. И я твердо уверена в том, что если мы бросим эту страну собакам… то нам придется пересматривать всю нашу позицию в Азии. Если уйдет Месопотамия, неизбежно уйдет и Персия, потом Индия. А место, которое мы оставим, займут семь дьяволов куда худших, чем любые существовавшие до нашего прихода».

Сокращение войск оставило слишком мало солдат, чтобы удерживать страну силой; регулярные просьбы подкреплений от А. Т. игнорировались или получали отказ. Уинстон Черчилль, как государственный секретарь по военным и авиационным вопросам, писал летом 1919 года: «Мы сейчас не наскребем ни единого солдата». От А. Т. требовали управления территорией в 150 тысяч квадратных миль, наполненных повстанцами, с помощью всего лишь семидесяти политических агентов в отдаленных пунктах, и каждого поддерживали только пара жандармов, британский сержант и броневик, плюс еще несколько клерков. Происходили волнения; некоторые стоили жизни этим изолированным агентам. В незащищенных областях единственным средством справиться с такими восстаниями бывали самолеты из Багдада, несущие зажигательные бомбы и горчичный газ. Эта весьма сомнительная тактика была одобрена Черчиллем, который различал газ смертельный и газ, вызывающий временное поражение. Он писал из военного министерства в мае 1919 года:

«Я не понимаю этого чистоплюйства по поводу газа. Мы на мирной конференции решительно заняли позицию в пользу сохранения газа как постоянного метода ведения войны. Это чистейшее лицемерие – раздирать человека ядовитыми фрагментами взорвавшегося снаряда, но не сметь вызывать у него из глаз воду слезоточивым газом.

Я решительный сторонник применения ядовитого газа против нецивилизованных племен… число убитых должно быть сведено к минимуму. Нет необходимости использовать самые смертельные газы: можно применять те, что вызывают лишь сильные телесные расстройства, от которых пойдет волна живого ужаса, но у большинства ими пораженных не останется серьезных постоянных эффектов».

Через пятнадцать месяцев, в самый разгар восстаний, Черчилль санкционировал применение в Ираке еще двух эскадрилий – всего их стало четыре. Он предложил вооружить их бомбами с горчичным газом, «которые накажут непокорных туземцев, не причиняя им серьезных повреждений». Также применялись зажигательные бомбы, но лишь в качестве последнего средства. В августе 1920 года Гертруда писала: «Если

бы [мятежные племена] подняли руки до того, как нам пришлось применить крайние меры, это было бы огромное облегчение. Порядок должен быть восстановлен, но это очень сомнительный триумф – восстановить его ценой стольких арабских жизней».

Между перемирием в ноябре 1918 года, неспешными рассуждениями Парижской мирной конференции, формированием Лиги Наций и опубликованием британского мандата на Ирак в мае 1920 года прошло восемнадцать месяцев территориальной неопределенности, эскалации национализма и злобной антибританской пропаганды, инициированных Турцией восстаний и пробольшевистской подрывной деятельности. С момента перемирия название «Ирак» сменило неопределенное «Месопотамия» для обозначения трех вилайетов – Басры, Багдада и Мосула. Пока иракской нации не существовало и северные и западные границы не были установлены, но впервые сама страна приобрела какую-то идентичность. Эти бесконечные проволочки злили Гертруду, потому что на ее глазах все достижения рассыпались в зубах растущей анархии: конкурирующих амбиций местных лидеров, конъюнктурщиков, старающихся устранить британцев и править Ираком самим, и интриг тайных арабских националистических партий.

Народ Месопотамии видел два серьезных признака, что британцы будут сменены: Кокс говорил о самоопределении, президент Вильсон настаивал, что все «национальности» должны иметь «абсолютно беспрепятственные возможности автономного развития», это же обещала франко-британская декларация и подтверждал мандат. В отличие от тех арабов, которые искали власти для себя, и от племен, которые вообще не хотели никакого правительства, многие трезвомыслящие горожане, бизнесмены, землевладельцы и шейхи, желали преемственности упорядоченной администрации, которая позволила бы им продолжать прежнюю жизнь. Их идеалом было арабское правительство с британской поддержкой.

Для курдов, христиан, евреев и оставшихся турок это означало, что они становятся меньшинствами, какое бы арабское большинство ни пришло к власти. Для арабов самоопределение выводило на первый план фундаментальный раскол между шиитским большинством – духовным и неполитическим – и суннитским меньшинством – образованным, политически сильным и финансово изощренным. Чтобы эти две общины могли создать какое-то правительство, им следовало сначала создать единый религиозный фронт.

Сунниты и шииты стали проводить совместные религиозные встречи. В мае 1920 года в каждой суннитской и шиитской

мечети во время Рамадана собирались собрания, известные как мавлиды, в честь дня рождения Пророка. Там произносились политические речи и читались патриотические стихи, волнение выплескивалось на улицы. В следующем месяце Гертруда замечала: «Растет националистическая пропаганда. Постоянные собрания в мечетях… экстремисты воюют за независимость без мандата. Они играют ва-банк на страстях толпы и производят на нее сильное впечатление лозунгами единства ислама и прав арабской расы. Они создали царство террора».

Достучаться до шиитов, этих угрюмых набожных жителей святых городов, было серьезной проблемой британской администрации. Религиозное руководство в таких цитаделях, как Кербела и Неджеф, никогда не смирилось бы с правлением неверных. В то время как жены политических агентов были отосланы домой в Англию от греха подальше, Гертруда бесстрашно проникала в эти бастионы, управляемые муджтахидами, каждый из которых двадцать лет учился, чтобы достичь статуса святого мудреца. Любое их слово требовало повиновения. Гертруда писала:

«Они живут в атмосфере, которая разит древностью и так густо пропитана пылью веков, что сквозь нее ничего не видно… И по большей части они к нам враждебны – чувство, которое мы переменить не сможем, потому что очень трудно найти с ними контакт… До самого последнего времени я была полностью от них отрезана, поскольку их догматы не позволяют им смотреть на женщину с открытым лицом, а мне мои догматы не позволяют его закрывать».

Наконец Гертруде удалось установить достаточно крепкие связи с садром семьи Казимаин – главным, быть может, шиитским родом, чтобы со всем уважением и вежливыми оборотами договориться о своем визите. Сопровождаемая неким хорошо ей известным свободомыслящим багдадским шиитом она узкими извилистыми улицами прошла к дому муджтахида Саида Хасана и остановилась перед небольшой аркой. Она вошла в длинный сводчатый проход длиной пятьдесят ярдов и вышла в бархатную тишину древнего двора. Ее провели по верандам с затененными окнами к бородатому муджтахиду, сидящему перед ней на ковре в черном халате и огромной чалме. Покончив с формальными приветствиями, он заговорил гладкими фразами книжного ученого. «Я остро осознавала, что никогда ни одна женщина до меня не была приглашена пить кофе с муджтахидом и слушать его рассуждения, – записала Гертруда, – и всерьез волновалась, что не произведу хорошего впечатления».

Они обсуждали арабские библиотеки, намерения французов

на Ближнем Востоке и большевизм. Она пробыла там два часа, после чего муджтахид сделал ей комплимент, назвав самой образованной женщиной своего времени, и пригласил приходить к нему так часто, как ей захочется.

Для Гертруды большая часть девятнадцатого и двадцатого годов отмечена чувством гнева на медлительные и невежественные решения, принимаемые в Европе по Ближнему Востоку. Многие умеренные арабы постоянно заглядывали к ней напомнить, что прошло три года с первых обещаний арабского правления, и ничего реального пока не сделано.

Сомнения в намерениях британцев усугублялись неопределенностью иракско-сирийской границы в верховьях Евфрата. В конце 1919 года, когда численность британских войск была уменьшена, произошел крупный инцидент в Дейр-эз-Зоре. Жители попросили, чтобы им прислали британского офицера для поддержания закона и порядка. Офицер, капитан Чамьер, прибыл и обнаружил арабских представителей из Сирии. Чамьер добился, чтобы их отозвали в Дамаск, и попытался разъяснить свои приказы, когда один местный лидер в отместку поднял против него восстание двух тысяч фанатиков и атаковал город во имя арабской независимости. Этим лидером был Рамадан аль-Шаллах из Месопотамской лиги, экстремистского политического клуба. (Поскольку оппозиционные партии были запрещены и политические собрания приходилось проводить тайно, такие организации называли себя клубами, чтобы отвести подозрения.) Нефтехранилище было взорвано, больница, церковь и все учреждения ограблены, при этом убили девяносто человек. Тем временем большинство городских лидеров, призвавших Шаллаха с его воинами, увидели, что не могут справиться с убийствами и грабежами, и попросили Чамьера навести порядок. Чамьер, имея всего двадцать человек, смело прошел по главной улице рядом с мэром в надежде успокоить население, но на обратном пути был атакован и спасся лишь благодаря одновременному прибытию карательных самолетов из Багдада.

Шаллаха сменил другой член Лиги, который тут же объявил джихад против британских неверных. Граница оставалась спорной и неопределенной, из Лондона приходили приказы отвести британский контроль поближе к Багдаду. Вся область к северу теперь бурлила восстаниями и превратилась в канал проникновения иракских националистов из Сирии. К тому же отступление британцев убедило племена шаммар и дулаим, что сообщения о военной слабости британцев не преувеличены. Налеты на дорогу между Багдадом и Мосулом достигли кульминации в сожжении поезда. Британские офицеры и их

сотрудники, всего четверо, были убиты к западу от Мосула, и не прибудь без промедления британская колонна, Мосул был бы взят и весь вилайет охвачен анархией.

Бесконечные неспешные размышления Парижской мирной конференции вызвали хаос и в сильно разделенных территориях Курдистана. Месопотамские курды не знали, под чьим владычеством они в итоге окажутся: французов, турок или британцев. В области, где каждое племя воюет с соседями, единственным пунктом согласия между ними было неприятие любого вмешательства. Некоторые считали, что правление христиан – худший вариант, потому что они могут начать мстить за армян. На мирной конференции были высказаны сочувственные слова в адрес армян и их трагического прошлого. Этот христианский народ, жертва геноцида, страдал под суровым правлением Турции и Персии еще с конца IV века. В девяностых годах XIX столетия турки при поддержке курдов инициировали целую программу жестокости против них и их растущего национализма. В 1915 году, проиграв русским, турки организовали депортацию армян из восточной Анатолии под предлогом их «предательства». Из тех не успевших скрыться, кого не убили, многие погибли от голода, переутомления и болезней в форсированных маршах на юг. Указывались разные числа погибших – от 300 тысяч до 1,5 миллиона. Турки все еще были сильны и находились достаточно близко, а за Турцией стояли Россия и большевики, готовые прийти на помощь тем, кто боролся против установленного порядка. «Мы делим с Францией и Америкой вину за то, что происходит, – я думаю, редко случается такая серия безнадежных промахов, какую допустил Запад в отношении Востока после перемирия», – писала Гертруда.

Тем временем в Багдаде более образованные молодые люди организовали движение за высшее образование. Поскольку сейчас средним образованием в Месопотамии занималось всего 33 человека, их заявленная цель была недостижимой. Они преуспели в получении финансовой поддержки от богатых семейств города и получили грант от департамента образования. Новая школа была открыта в начале 1920 года, но не прошло и четырех месяцев, как она превратилась в штаб крайних националистических партий. Потом были найдены документы, показывающие, что средства использовались для найма убийц с целью устранения главных фигур у политических оппонентов.

Анархия ширилась, и уже невозможно было поддерживать порядок за пределами линий обороны вокруг Багдада, и даже дружественные вожди предупреждали, что не могут ручаться за свои племена, если британцы не покажут какой-нибудь

разительный успех. К северу, на реке Диала, племена перерезали железнодорожное сообщение и напали на Баакубу, а британцы оказались не способны ее защитить. К югу от Багдада, у Шахрабана и Кифри, перебили всех сотрудников администрации. Поезд сошел с рельсов, и при эвакуации британского гарнизона из Дивании за шестьдесят миль в Хиллу пришлось снимать рельсы за поездом и класть их впереди. Путь к спасению трех рот манчестерского полка занял одиннадцать мучительных дней на голодном водяном пайке. По дороге они собрали паровозы и вагоны, оставшиеся на неповрежденных участках пути, и прибыли в Хиллу на поезде длиной в милю и прошитом пулями из конца в конец.

У более диких племен южного Ирака обнаружилось дополнительное огорчение. Они никогда раньше не платили налогов и не собирались делать это ради британцев, как раньше для турок. Простые крестьяне, управляемые военачальниками, они держали пастбища и растили посевы под защитой собственного предводителя, сидевшего в оборонительной башне. В отличие от турок англичане все собранное расходовали на благо Ирака. Задачей администрации было собрать этот налог, и А. Т. вопреки оппозиции некоторых своих коллег велел разбомбить башни наиболее непокорных предводителей. Гертруда против этой тактики серьезно возражала. Она уговаривала А. Т. начать переговоры о сотрудничестве с племенами, организовав какой-нибудь местный комитет, но он ее просьбы игнорировал. Ее меморандум по этому вопросу был, как она полагала, отправлен прямо в мусорную корзину. А. Т., раздосадованный либеральными тенденциями мандата, в своем всегдашнем убеждении, что страной можно править лишь путем непосредственного колониального режима, считал сопротивление неизбежным. Его очаги следовало быстро изолировать и жестко подавлять. «Здешние племена – из самых беззаконных во всем Ираке, – писала Гертруда в июле 1920 года. – Да, они дикари… Но сомневаюсь, что мы выбрали наилучший способ заставить их оценить блага установленного правительства. И я, и другие месяцами твердили А. Т., что слишком сильно на них давим…»

А. Т. своей позиции не изменил, но, несмотря на бомбежку, британцам не удалось записать на свой счет громкую победу в южном Ираке. Оппозиция англичанам все увеличивалась, и для Гертруды, чье прежнее влияние при Коксе помогло убедить дружественных тогда шейхов сдать оружие в количестве примерно пятидесяти тысяч винтовок, это было особенно болезненно: теперь эти самые племена оказались в невыгодном положении при атаках своих соседей и имели зуб на британцев.

Среди жителей Багдада росла тревога. Два видных суннитских магната, один из которых был радикальным националистом, приходили в офис Гертруды выяснить, можно ли что-то сделать, чтобы усмирить племена. Багдадские видные семьи, инициировавшие и раздувавшие волнения на юге, теперь увидели, что процесс вышел из-под контроля. Толпы уничтожали имения в тех краях, где у многих из них были земли, взрывали шоссейные и железные дороги, перерезали линии снабжения. Интересно, что к А. Т. эти двое магнатов не обращались: слишком хорошо были известны его взгляды, и его манеры тоже были резки до грубости даже с самыми видными арабскими посетителями.

Гертруде они предложили обратиться к духовным лицам Кербелы и Неджефа, попросить тех использовать свое влияние и обуздать племена. Она ответила, что такое предприятие было бы более успешным, если бы они представляли суннитов и шиитов совместно, уместно напомнив об их недавних проповедях о единстве ислама. С некоторой неохотой магнаты согласились с этим предложением. Она написала краткий план с предложением имен и представила его А. Т. «Он был заметно растерян и сказал, что может слушать такие предложения, только если они поступают к нему через капитана Клейтона… Я привела к нему любезного Клейтона, и он сидел, как публика, пока мы заканчивали изложение моего плана… А. Т. пришлось уступить».

Поражения англичан вели к новым неприятностям. Британские сооружения разрушались, оголялись коммуникации. К февралю 1920-го Гертруда писала Флоренс:

«У нас тут вовсю развернулся джихад – это значит, что против нас самые свирепые предрассудки народа в первобытном состоянии цивилизации. То есть теперь это уже не вопрос разума… мы на грани коллапса общества: очень близкая историческая параллель – конец Римской империи… Доверие к европейской цивилизации исчерпано… Как можем мы, так плохо управляющиеся с собственными делами, браться учить других управляться со своими лучше?»

Сейчас, когда коллапс арабского общества казался неминуемым, Гертруда отчаянно хотела того же, что и всегда: процветающего и мирного арабского государства. Даже теперь она была решительно настроена стоять на своем.

«Все висит на волоске: еще один эпизод вроде того, что был с манчестерцами, приведет племена с Тигра в окрестности Багдада. Мы живем одним днем… в любой момент нас могут отрезать от мира, если восстанут племена Тигра. Кажется, это не важно. На самом деле я совершенно не возражаю… Ну а если британцы

эвакуируются из Месопотамии, я мирно останусь здесь и посмотрю, что будет».

Такие небрежные ремарки могли вызвать у А. Т. подозрения насчет того, каковы приоритеты у его политического агента и кому этот агент считает себя обязанным верностью. За последнюю пару лет у этих двоих возник собственный возрастающий кризис. В то время как А. Т. нес весь груз администрации на своих – надо признать, широких – плечах и был вследствие этого «груб как медведь», они не могли избежать столкновения, особенно в отсутствие Кокса. Уилсон, в конце концов, выполнял невозможную работу. Исполнять функции правительства, постоянно ожидая объявления мандата, – это были действия жонглера, а еще он пытался управлять администрацией целой страны, имея штат в пять работников и пятьдесят пять помощников, помимо семидесяти агентов, занимавшихся мониторингом окружающих регионов. Атаки племен на шоссейные и железные дороги препятствовали перемещению войск по стране туда, где они были нужны, главным образом для охраны важных сооружений – нефтяного терминала, причала, складов и правительственных зданий. Более того, в любой момент приличная доля предположительно находящихся в его распоряжении шестидесяти тысяч человек могла оказаться в отпуске, отложенном во время войны, или в госпитале из-за тепловых ударов и малярии. Тем временем Лондон постоянно напоминал, что восстание обходится британскому налогоплательщику в два миллиона фунтов в месяц на военные расходы.

«Довольно хлопотная неделя, – пишет Гертруда, сильно смягчая формулировки. – А. Т. сильно переутомлен – хроническое состояние – и в таком виде, что ему работать не надо бы. От этого он становится груб как дикарь, а в результате нам всем жизнь не мила».

Оба столь жесткие и столь активные, Гертруда и А. Т. практически во всем остальном кардинально различались. Ему в 1920 году исполнилось тридцать четыре, и был он эксцентричен в сугубо британской стоической традиции. Его отец работал директором Клифтон-колледжа возле Бристоля – заведения с имперскими идеалами, – и там А. Т. и получил образование, так что по складу являлся реакционером и шовинистом. Любимой книгой у него была Библия, любимым поэтом – Киплинг, предпочтительные эпитеты – латинские. Он был вылеплен героем, но его воззрения решительно помещали его в прошлое. А Гертруда, хотя и старше его на восемнадцать лет, с ее острым интеллектом и искренней преданностью делу арабов,

принадлежала будущему.

Тем не менее конфликт между ними был не столько личным, сколько профессиональным. А. Т. становился очень подозрительным из-за отношений Гертруды с ее многочисленными высокопоставленными знакомыми и на Западе, и на Востоке, особенно же ему не нравилась ее связь с арабскими националистами, находящимися в оппозиции к его правительству. Она среди обладающих политическим весом иракцев искала лидеров для будущего представительства и их собственные чаяния использовала для продвижения желательных ей конституционных изменений. А. Т. писал одному другу в министерстве по делам Индии: «Придется ей слегка натянуть удила… она, несомненно, популярна в Багдаде среди туземцев, с которыми поддерживает тесный контакт – к своей выгоде, хотя иногда это бывает опасно». Уилсон, быть может, даже завидовал ее влиянию и близости к арабам вообще, потому что Гертруда добывала информацию не только у важных лиц: она постоянно уезжала из города на лошади или на автомобиле, знакомилась со строителями лодок, болотными фермерами, рыбаками и крестьянами, слушала и воспринимала их взгляды. А. Т. начал подозревать, что ее работа мешает его службе. Он был органически не способен вести ежедневную работу по управлению страной и в то же время готовить отстранение британского правительства ради неопределенного будущего. Она же, напротив, неустанно трудилась за обычными пределами своих должностных обязанностей, стараясь показать, что должно быть сделано для подготовки арабского правления при британской помощи. Ей было все равно, согласуются или нет с имперскими обычаями приемы туземцев в ее доме, или посещение тех мест, куда женщинам ходить не полагается, или разговоры с экстремистами с глазу на глаз. В борьбе с общей медлительностью и ее катастрофическими результатами создалась патовая ситуация. «Мои собственные чувства таковы, что если мы, создавая гражданское правительство, это сделаем на по-настоящему либеральных рельсах и не станем бояться, то страна будет с нами… Жаль, что у меня так мало веса. Но правда в том, что я в месопотамской политической службе являюсь меньшинством – или вроде того. Но все равно я уверена, что я права».

Когда в мае 1920 года А. Т. был сделан рыцарем-командором ордена Индийской империи, Гертруда сочла, что награда заслуженна, и порадовалась за него, но заметила: «Сознаюсь, я бы желала, чтобы ему вместе с рыцарским званием присвоили и манеры, которыми традиционно наделяют рыцарей!» Оба они в

это время писали своему отсутствующему начальнику, сэру Перси Коксу.

Гертруда информировала его обо всех поворотах и извивах иракских событий, волнуясь по поводу его отсутствия и веря, что он вернется раньше, чем будет поздно. «Сэр П. К. – очень большой личностный актив, и мне бы хотелось, чтобы правительство позволило ему вернуться сразу же. Здесь куда более важная работа, чем в Персии».

А. Т. начал жаловаться Коксу на Гертруду, пытаясь от нее избавиться. На случай если ей станет известна его переписка, он своего политического представителя упоминал зашифрованно, называя «этот индивидуум» или «он», а их неспокойные отношения – «проблемой». Через шесть месяцев после отъезда Кокса А. Т. расформировал арабское бюро, под чьей эгидой он, строго говоря, был назначен, и конфиденциально сообщил Коксу, что не знает, найдутся ли здесь занятия для Гертруды, если она вернется после Парижской конференции и своего продолжительного отпуска. Кокс разыграл дипломата: он хотел возвратиться обратно в Багдад, и Гертруда будет ему нужна.

Тем временем в секретариате А. Т. не скрывал свою ярость. Было много крика и хлопанья дверьми. На обедах в офисе его мрачная фигура нагоняла уныние, а Гертруда старалась разговаривать с другими агентами, чтобы нарушить это тяжелое молчание. Но в середине июня – после стычки более бурной, чем обычно, была пройдена точка невозврата. Гертруда доверительно написала Хью:

«…Мой путь очень труден. На прошлой неделе у нас с А. Т. произошла безобразная сцена. До этого у нас было что-то вроде медового месяца, а потом я очень неудачно выдала одному из наших арабских друзей информацию, которую, строго говоря, не имела права сообщать. Это было не слишком важно, и мне в голову не пришло, что я поступаю неверно, пока я случайно не обмолвилась об этом А. Т. Он в то утро был в черной ярости и обрушил ее на меня. Он заявил, что подобные нарушения служебной тайны недопустимы и что я в его офисе не увижу больше ни одного документа. Я за это конкретное нарушение извинилась, но он продолжал: “От вас здесь больше вреда, чем от кого бы то ни было. Если бы я сам отсюда не уходил, я бы давно уже попросил, чтобы от вас избавились – от вас и вашего эмира!” Тут он задохнулся от злости».

Фундаментальные различия между ними дошли до точки кипения из-за несогласия по поводу проекта месопотамской конституции, предложенного националистом Ясин-пашой, будущим премьер-министром Ирака. Гертруда нашла его вполне

разумным и сказала об этом. А. Т. ответил своей обычной вспышкой и сообщил, все это совершенно несовместимо с британским контролем, и он никогда ничего подобного не примет. Тем не менее, обязанный следовать указаниям Лондона, он вскоре произнес перед одной делегацией речь, в которой соглашался с возможностью правления в Ираке эмира. Гертруда писала:

«Конечно, мы не можем это предотвратить, и у нас нет никакого интереса это делать. Но я отлично знаю, что если бы такой подход был принят восемь месяцев назад, мы бы сейчас не оказались в столь деликатном положении. И я думаю, что А. Т. тоже это знает. Лично я считаю, что ему сейчас следует уйти, поскольку он никогда не станет искренним сторонником той политики, которую выработали на родине в 1918 году… А пока, быть может, уйти придется мне. Но я сама в отставку не подам. Только если мне будет приказано».

Однако виднелся и свет в конце туннеля. Сэра Перси Кокса попросили наконец вернуться из Тегерана. В июне он по пути в Лондон проехал через Багдад, остановился там для долгого разговора с Гертрудой и оставил под ее присмотром ручного попугая до своего возвращения осенью. За несколько дней до этого А. Т. принимал делегацию багдадцев, обратившихся с просьбой создать учредительное собрание для решения о будущей форме правления. В заявлении Кокс согласился, что Месопотамия будет учреждена как независимое государство под гарантиями Лиги Наций и британским мандатом, который обязывает Британию управлять Ираком до тех пор, пока страна не будет готова к независимости и приему в Лигу Наций. Он объявил, что вернется в Багдад осенью для создания временного арабского правительства.

Отбывая в Лондон, Кокс взял с собой первую половину документа, который потом оказался magnum opus Гертруды. Этот огромный доклад, который она писала месяцами, должен был показать объем подготовительной работы и убедить британское правительство, что деятельность в Месопотамии, несмотря на восстание, в достаточной степени успешна, чтобы оправдать дальнейшее пребывание там англичан. Остальная часть «Обзора гражданской администрации Месопотамии» мисс Гертруды Белл, К. Б. И., была доставлена дипломатической почтой. Гертруда затратила на эту работу девять месяцев, писала в основном в свое свободное время, и когда документ целиком был представлен обеим палатам парламента в виде Белой книги, Гертруде – в ее отсутствие – устроили овацию стоя: признание исключительное. Флоренс тут же написала ей сердечное поздравление от родных,

приложив газетную вырезку, и от себя спросила, писала ли Гертруда этот документ по наказу Уилсона. Гертруда ответила без обиняков:

«Я сейчас получила от мамы письмо с сообщением, что по моему докладу устроили фанданго. Генеральная линия, принятая прессой, вроде бы такова: самое замечательное, что собака может стоять на задних лапах – то есть женщина написала Белую книгу. Надеюсь, они в конце концов оставят этот источник удивления и обратят внимание на сам доклад…. Кстати, маме не надо думать, что это А. Т. просил меня написать его, – это было министерство по делам Индии, и я настояла – во многом вопреки его воле, – что буду делать доклад так, как считаю нужным».

Предстояло еще четыре трудных месяца до возвращения Кокса, но это должны были стать последние месяцы работы с А. Т. Из Лондона шли предупреждения о том, что такое состояние дел в Ираке дальше продолжаться не может. А. Т. проявил неспособность оставить свои деспотические колониальные методы в работе с оппозицией, обычно подстрекаемой и финансируемой турками, и с преждевременными требованиями арабского правительства. Он упускал ситуацию из-под контроля, потом реагировал излишне сурово, провоцируя еще больший бунт. Он также не мог заставить себя использовать способности Гертруды так, как это делал Кокс, – поручая ей торговаться, убеждать, улещать племена к сотрудничеству. Она бы очень многое могла сделать, но А. Т. отодвинул ее в сторону с самого начала. Теперь же Уилсон собирался подать в отставку и знал, что его не будут уговаривать остаться, когда Кокс снова окажется в седле. И это станет последним, опустошительным столкновением между ним и Гертрудой.

Гертруда всегда поддерживала оживленную политическую переписку со своими влиятельными знакомыми в Лондоне, Каире, Иерусалиме и Дели. Кокс не возражал, поскольку был согласен с ее целями и знал, что ее убедительный, пусть и довольно необычный стиль находит понимание и приносит полезные результаты. Возможно, этого не сделал бы мужчина, но Гертруда считала, что заработала право говорить, и она была весьма уважаема в общественных кругах задолго до того, как начала работать на правительство. Ее амбиции простирались намного дальше всяких официальных продвижений, которые она могла бы получить: на самом деле, не существовало такого поста, на который ее могли бы назначить, хотя ей было приятно, когда коллеги проголосовали за нее как за вторую после Кокса кандидатуру на должность верховного комиссара. После этого в письмах к Флоренс она стала подписываться «Верховный

комиссар».

К Флоренс в начале 1920-го:

«Я только что написала длинное письмо лорду Роберту [Сесилу], дав исчерпывающую критику действий [Парижской мирной] конференции по отношению к Западной Азии… Потому что они с самого начала до самого конца радикально плохи, и при подобных мероприятиях никакой стабильности быть не может. Я написала Эдвину Монтегю огромное письмо о том, какого типа правительство мы должны там установить, и даже послала ему примерный набросок конституции… В любом случае я сделала все возможное, и чтобы выяснить, что следует сделать, и чтобы представить это ему. Иногда я чувствую, что единственная вещь, которая мне небезразлична, – увидеть, как в этой стране все наладится…»

Сложно было выбрать более престижного корреспондента. Монтегю являлся государственным секретарем по делам Индии и нес окончательную ответственность за Месопотамию. Спросил ли он у А. Т., одобрено ли письмо им лично как исполняющим обязанности гражданского комиссара, или предположил, что Гертруда позволила себе лишнее? В любом случае на письмо последовал хлесткий выговор в виде длинной телеграммы:

«От мистера Монтегю мисс Белл. Конфиденциально и лично.

Надеюсь, Вы поймете из моих слов, что в настоящем критическом состоянии дел в Месопотамии, где будущее страны висит на волоске, мы должны быть едины. Если у Вас есть точка зрения, которую Вы хотите представить на рассмотрение нам, я буду рад, если Вы либо попросите гражданского комиссара сообщить нам ее, либо возьмете отпуск, приедете и представите ее лично. Вы всегда можете быть уверены в том, что Вашу точку зрения учтут, но политические агенты должны соблюдать сугубую осторожность в своей переписке с теми, кто в данный момент не управляет соответствующими делами. Не затрагивая никаких вопросов об обычной практике и условностях, отмечу, что нарушение этого правила может увеличить трудности, а не уменьшить их, и я знаю, что такой результат был бы для Вас прискорбен».

Если Монтегю думал, что его телеграмма ее сокрушит, то ошибся. Гертруда не собиралась так просто сдаваться. В конце концов, она добивалась шагов к самоопределению, которое было санкционировано, в то время как А. Т. по мере возможности их игнорировал. В апреле, в зубах националистического восстания, он сделал поворот кругом и попытался рассеять напряжение, создавая проект временной конституции для Ирака, где предусматривался государственный совет, состоящий из

британцев и арабов с арабским президентом, назначаемым верховным комиссаром, и законодательным собранием, избираемым народом. Этого было слишком мало и слишком поздно.

Гертруда энергично отпарировала выговор Монтегю (копию она не сняла, но послала отцу дубликат по памяти):

«…Полковник Уилсон предоставляет мне все возможности излагать ему любые соображения, которые приходят мне в голову. Я также полностью согласна с политикой, которая проводится с апреля. Вы в достаточной степени осведомлены о моем общем отношении к арабскому вопросу, чтобы знать о моем сожалении, что такой курс не был взят раньше. Выражать подобные взгляды публично было бы сейчас бесполезно и даже вредно. Что до корреспонденции, то, если не считать частных писем к моему отцу, не могу вспомнить писем на политические темы, направленные неофициальным лицам, которые не были бы сперва представлены полковнику Уилсону. Тем не менее Ваше замечание послужит мне полезным предупреждением».

А. Т. сопроводил телеграмму Монтегю, копия которой была ему направлена, следующей служебной запиской:

«Мисс Белл! Сэр Перси Кокс, проезжая, спросил меня – кстати, о более ранних событиях этого года, – улучшились ли мои отношения с Вами. Я ответил, что не могу этого сказать: Ваше расхождение со мной во мнениях было отмечено и стало общеизвестно, а также сделалось предметом обсуждения… Я сказал, что такое положение было бы непригодным, если бы не факт, что я надеюсь на скорое освобождение. Вы всегда осуществляли свое право как личности писать что хотите и кому хотите… Но мне не нравится, что эти письма вообще были написаны, и тот факт, что я о них осведомлен, не должен восприниматься как одобрение. Других комментариев у меня нет».

Это была критическая точка. На следующий день во время их разговора Гертруда напомнила, что скрыть их расхождения во мнениях от широкой публики стало невозможно, поскольку она всегда это говорила, и самому А. Т. в первую очередь. Он ответил, что возражал против любого частного общения с министерством по делам Индии, а она сказала, что считает это нелепым, но подчинится его желанию. «На этом мы тепло пожали друг другу руки – при температуре 115°[36] трудно пожать руки иным образом».

А. Т., несмотря ни на что, был хорошим организатором, и административная рутина продолжала строиться на успешных моментах, детализованных в Белой книге Гертруды. Страна стала

процветающей, что показал рост налогов. Доход администрации вырос на 300 процентов за три года до 1920-го. Тот факт, что поступление налогов было сбалансировано с расходами, стал решающим. Административная задача Черчилля как государственного секретаря по делам колоний состояла в уменьшении наполовину 37 миллионов фунтов стерлингов, расходуемых на управление Палестиной, Ираком и Аравией, и в построении финансово приемлемой системы управления для Ближнего Востока. В Ираке он попытался уменьшить ежегодные военные расходы с 20 до 7 миллионов фунтов стерлингов. Вскоре он доложил Ллойд-Джорджу о необходимости «успокоить» настроения арабов, «иначе расходы на гарнизоны определенно вынудят нас возвратить территории, которые каждая страна получила в результате войны». Теперь любой ближневосточный проект составлялся на тему уменьшения военных расходов.

В вечер перед своим отъездом в конце сентября А. Т. пришел в кабинет Гертруды попрощаться. Это был эмоциональный момент, и каждый из них проявил благородство. Она встала и двинулась ему навстречу со словами, что удручена сильнее, чем может это выразить, и остро сожалеет, что они не смогли установить лучшие отношения. Когда Уилсон ответил, что пришел извиняться, Гертруда перебила его – она виновата не меньше, чем он. А потом она сделала ему величайший комплимент, пригласив в Лондоне зайти к ее родителям, и Уилсон так и поступил.

Официальная карьера А. Т. вскоре закончилась. Он женился на молодой вдове и принял пост менеджера по операциям на Ближнем Востоке англо-персидской нефтяной компании. Частное письмо, написанное другу из Мухаммара на Персидском заливе через пару лет, показывает, что он злился не только на Гертруду, но и на Кокса. Своего прежнего начальника Уилсон обвинял в нечестности и некомпетентности, в том, что тот «обещал все и не делал ничего», а Месопотамию 1922 года называл жалкой: «нет руководства – нет решения». Он дал собственное освещение событий: «Каждый день радуюсь, что спрыгнул оттуда и ушел под развевающимся флагом, из моей старой банды многие ушли со мной – все, кто мог себе позволить… Сейчас вообще никто не верит Коксу, и его репутация просто рухнула».

11 октября 1920 года сэр Перси вернулся в Багдад. Украшенный флагами и устланный ковровой дорожкой вокзал был набит первыми лицами города, арабскими и британскими. Гремел пушечный салют, вдоль дороги выстроились приветствующие, а сэр Перси в белом с золотом мундире стоял, отдавая честь, пока оркестр играл «Боже, храни короля».

После приветственных речей Кокс ответил речью по-арабски. Он здесь по приказу правительства его величества, объявил он, чтобы войти в совет с народом Ирака и совместно установить арабское правление под надзором Британии. Сэр Перси попросил людей помочь ему установить принятые условия, чтобы он сразу мог приступить к своей задаче. Это было новое начало, и Гертруда, приседая перед ним, старалась не выдать своих эмоций. В письме домой, написанном через несколько дней, она сообщала:

«Совершенно невозможно передать вам, какое облегчение и радость служить под началом человека, суждению которого полностью доверяешь. К необычайно трудной задаче, которая перед ним стоит, он подходит с искренним желанием действовать в интересах народа этой страны…

Ох, если бы мы смогли это вытянуть: связать одной веревкой молодые горячие головы, шиитских обскурантов, энтузиастов, лощеных старых политиков и ученых – если бы мы могли сделать так, чтобы они стали работать совместно и сами искать выход, как это было бы прекрасно! Я вижу видения и предаюсь мечтам…»

Глава 14
Фейсал

В мае 1885-го, когда Гертруде было шестнадцать лет, в замке своего отца, Таифе, в пустынях Хиджаза родился мальчик и был назван в честь сверкающего падения сабли – Фейсалом. Каковы были шансы, что школьница из Йоркшира и сын хашимитского шерифа Мекки вообще встретятся или что судьбы их переплетутся?

Фейсал был третьим сыном шерифа Хусейна ибн Али, продолжающим прямую линию от пророка Мухаммеда через его дочь Фатиму, которая вышла за Али из рода хашимитов, и ее старшего сына Хасана. Род пророка держал временное правление в Мекке последние девятьсот лет. Фейсал был аристократом дважды: его мать, первая жена Хусейна Абдия-ханум, была также двоюродной сестрой его отца, и, таким образом, в ее жилах тоже текла кровь пророка. Согласно священной традиции, его на седьмой день забрали у матери и отнесли в пустыню, чтобы его там воспитывали бедуины до семи лет. Больше он своей матери не видел – она умерла, когда ему было три года. Гертруда лишилась матери в том же возрасте.

Фейсал, как и его старшие братья Али и Абдулла, жил в черном шатре как сын племени и учился драться в жестоких играх, от которых у него остался шрам на голове и заживший перелом руки.

К султану-психопату Османской империи Абдул-Хамиду хашимиты относились подозрительно, но с уважением. Чтобы шерифы не забрали себе слишком много силы, он периодически приказывал доставлять самых сильных из них в Константинополь, где они были обязаны жить «почетными пленниками» на скромные доходы под пристальным надзором зловещей фаланги султанских шпионов, стражников и черных евнухов. Такова была судьба шерифа Хусейна, который оставался с семьей в Константинополе долгих восемнадцать лет.

В девяносто первом году в возрасте шести лет Фейсал был отнят у приемной бедуинской семьи на год раньше положенного срока и вместе с братьями доставлен к отцу в дом на Золотом Роге в Константинополе. В доме отца жили тридцать две женщины его гарема со своей свитой и невольницами.

Хусейн был домашним деспотом и твердо решил, что его сыновья не должны знать комфорта или роскоши. Он занимал несколько традиционных постов в Османской империи, но доход

его оставался скромным. В доме, как ни был он велик, мясо позволяли себе лишь раз в неделю. Дисциплина была суровой: прежде всего сыновья должны были научиться собой владеть. В ходу все еще была фалака – веревка, которой ребенку связывали ноги вместе, а потом били тростью по подошвам. С другой стороны, Хусейн следил, чтобы его сыновья получили правильное образование: он нанял учителей, сначала четверых, потом, по мере того как дети росли, их число увеличилось. Политическая атмосфера была очень напряженной, жизнь полна опасностей. Город кишел заговорами тайных обществ, и султан, на чьей совести за всю жизнь накопилось, может быть, полмиллиона трупов, имел неприятную привычку удостоверяться в смерти своих жертв, для чего ему присылали их головы в ящиках.

В 1903 году, в возрасте восемнадцати лет, Фейсал стал изучать стратегию и тактику турецкой армии, которую обучали по немецкому образцу и комплектовали турками и арабами. Когда Гертруда доехала до Японии в своем кругосветном путешествии с Хьюго, Фейсал был послан в пустыню патрулировать пески с турецкими верблюжьими войсками. Через несколько лет его и Абдуллу отозвали обратно в Константинополь. Хусейн получил от турок инструкции подавить восстание арабских племен в южном регионе Асира. Абдулла командовал турецкими войсками, Фейсал вел арабскую верблюжью кавалерию. Они ввязались в безнадежный бой возле Куз-Абу-аль-Ира и отступили, сохранив всего семьдесят человек из трех тысяч. Через две недели они снова атаковали мятежников, и на этот раз битва длилась два дня и ночь. Мятежники не устояли, но это была бесплодная победа. Армия шерифа уменьшилась от семи тысяч до тысячи семисот человек. Фейсал и Абдулла не смогли помешать турецким войскам жечь деревни и убивать мирных жителей. Не могли они также забыть, как увечили трупы арабских повстанцев. Жалобы турецкому начальству были встречены презрением. Именно тогда шериф Хусейн решил, что поднимет восстание против турок. Оно станет известно как Арабское восстание.

У братьев были свои места в турецком парламенте: эмир Абдулла представлял избирательный округ Мекку, эмир Фейсал – Джидду. Судьба семьи снова сменилась из-за революции младотурок и их Комитета единства и прогресса, чьей целью стала беспощадная модернизация страны. В 1909 году Абдул-Хамид был низложен, на его трон взошел новый султан и халиф[37], а Хусейн получил важный титул эмира Мекки, князя святого города ислама. Его главной обязанностью было хранить святые места Хиджаза и надзирать за хаджем, ежегодным

паломничеством. Он вернулся в свои дворцы в Мекке и Таифе, приказав сыновьям сохранять посты в Константинополе и информировать его обо всех изменениях политической обстановки.

Предположение, что арабы и британцы могут стать союзниками, было сделано еще до войны, когда лорд Китченер написал Хусейну. Абдулла как посланец отца ездил из Мекки в Константинополь и обратно и остановился в Каире поговорить с лордом Китченером и его восточным секретарем Рональдом Сторрсом. Вопрос стал актуальным с началом войны, когда турки потребовали, чтобы Хусейн, эмир Мекки, объявил джихад мусульман против христиан. Хусейн, благочестивый, храбрый и самовластный, отказался, использовав как предлог тот факт, что турки сами в союзе с христианской страной – Германией. Фейсал теперь принял на себя весьма опасную роль. Как шпион своего отца, он был тайно послан в Дамаск предложить вооруженное восстание против турок в Сирии. Тем временем старший брат Али собирал в Хиджазе войска в ответ на турецкие требования, под тем предлогом, что они будут помогать туркам. Фейсал и его отец держали связь по закрытым каналам – надежные гонцы перевозили послания в рукоятках сабель, в пирогах, в подошвах сандалий или на оберточной бумаге подарков, написанные невидимыми чернилами. Друзья Фейсала из тайных обществ – арабские националистические политические клубы – могли в любой момент его предать, и он казался особенно беззащитным, поскольку обязан был в Дамаске жить в качестве гостя у некоего генерала Мехмеда Джемаль-паши. Этот турок рассчитывал, что Фейсал как турецкий офицер поведет армию, собираемую его братом Али в Хиджазе. Но Джемаль-паша относился к Фейсалу с подозрением, поскольку его отец отказался объявить джихад против врагов Турции, и постоянно его проверял. Он мог послать за Фейсалом и заставить его смотреть, как вешают десятки его сирийских друзей. Эти храбрые люди шли на смерть, никак не обращаясь к Фейсалу, которому требовалось все его тренированное самообладание, чтобы не выдать отвращения и гнева. Как писал Лоуренс в «Семи столпах мудрости»: «Только однажды он взорвался и выпалил, что эти казни будут стоить Джемалю всего того, чего он хочет избежать, и спасло его только вмешательство константинопольских друзей, главных сановников Турции». Тем временем турецкий премьер-министр, отвечая на условия Хусейна по поводу сотрудничества арабов, заявил, что если тот хочет снова увидеть Фейсала, то пусть велит своему сыну возглавить войска в Хиджазе.

Жизненные пути Гертруды и Фейсала сближались. Пока он

рисковал собой на тайной миссии в Дамаске, она посещала Чарльза Хардинга в Индии с секретным заданием: убедить его не возражать против предлагаемого Арабского восстания. В январе 1916 года, когда выносился приговор очередной группе арабских националистов, Джемаль-паша отмечал, что Фейсал «сотрясал небо и землю», чтобы их спасти, и укорял тех, кто не выступил в их защиту. Это был единственный раз, когда Фейсал проявил свои чувства. Он знал: один неверный шаг загубит все его усилия ради арабской независимости. Хусейн уже сообщил ему, что все готово к восстанию, однако Фейсал считал, что время еще не пришло. Отец же, как всегда своевольный и властный, велел ему немедленно ехать в Медину и присоединиться к собирающемуся там войску.

Фейсал неохотно, но повиновался. Он попросил разрешения у своего турецкого начальства проинспектировать войска в Медине – под предлогом их скорой отправки на турецкий фронт. К его отчаянию, Джемаль-паша объявил, что они с Энвер-пашой – исполняющим обязанности главнокомандующего у младотурок – будут его в этой инспекции сопровождать.

Возникла головоломная задача. Фейсал, связанный неотменимыми законами арабского гостеприимства, должен был не допустить, чтобы его войска застрелили этих двух турок на месте, и одновременно уверять своих гостей, что войска – это добровольцы, собравшиеся на священную войну с неверными. Джемаль потом напишет в мемуарах, что знай он тогда все факты, то на месте арестовал бы Фейсала, велел бы схватить шерифа Хусейна и остальных его сыновей и выкорчевал бы бунт в зародыше.

2 июня 1916 года шериф Хусейн вышел на балкон своего дворца в Мекке, приложил приклад к плечу и сделал выстрел, начавший Арабское восстание. Пока Абдулла и Заид, младший брат, поехали выбивать турок из Таифа, Джидды и Мекки, Фейсалу и Али было поручено несравнимо более трудное дело: со своими несколькими тысячами плохо экипированного войска напасть на двадцатидвухтысячный гарнизон Медины. Почувствовав силу гарнизона с его тяжелой артиллерией, войска отошли в пустыню и стали набирать войско побольше из бедуинов.

Медину так и не взяли, приняв потом стратегическое решение изолировать ее от остальной турецкой армии. Но эмир Фейсал сумел в этом эпизоде завоевать любовь своих людей, которые называли его «сайдна Фейсал» (наш господин Фейсал) и восхищались его храбростью. Когда его воины из племен, непривычные к артобстрелу, не захотели идти за ним через

открытый участок, где их косило огнем со стен Медины, Фейсал стал над ними смеяться, а потом поехал шагом через эту долину смерти, ни разу не убыстрив хода. И уже проехав ее, поманил за собой своих людей. Они с воплями, потрясая оружием, перемахнули долину галопом.

Месть турок была быстрой и опустошительной. Они окружили жителей близлежащего арабского города Авали и, как сообщал Лоуренс, перебили «в стенах города все живое. Сотни жителей изнасилованы и изрублены в куски, дома сожжены, живых и мертвых бросали в огонь, не разбирая». Ударная волна отдалась по всей Аравии, раздула ненависть племен к туркам и укрепила решимость. «Первое правило арабской войны – что женщины неприкосновенны, – писал Лоуренс. – Второе – что жизнь и честь детей слишком юных, чтобы сражаться рядом с мужчинами, следует щадить, и третье – то имущество, что невозможно унести с собой, остается невредимым». Турки перерезали пленникам горло, Фейсал платил фунт за голову врага, доставленного живым.

Осенью 1916 года, когда Гертруда принимала в Басре Ибн Сауда, Лоуренс с Рональдом Сторрсом поехали из Суэца в Джидду, где Сторрс как восточный секретарь каирского правительства должен был встретиться с Абдуллой и обсудить ранние неудачи восстания. Вопрос заключался в том, должна ли британская армия вторгаться в Рабег на побережье, чтобы защитить от турок соседнюю Мекку. Пустив в ход свой дар убеждения, Сторрс добился от Хусейна разрешения для Лоуренса ехать в пустыню на встречу с Фейсалом.

Лоуренс описывает Фейсала как человека безмолвного и внимательного, которому опущенные веки придавали замкнутый вид. Высокий и худой, в белом шелковом халате, с коричневой куфией, перевязанной блестящей красно-золотой тесьмой, на голове, тонкими руками, скрещенными на рукоятке ятагана. Множество шейхов молча сидели за его спиной в затененной комнате, на ковре, и молчание их было недружелюбным. Потом Фейсал очень тихо, не поднимая глаз, спросил, как Лоуренсу понравилась дорога и «как вам у нас в Вади-Сафра?» Лоуренс ответил: «Место хорошее, но очень далеко от Дамаска». По комнате прошло движение, и Фейсал впервые поднял глаза на своего гостя. Глядя прямо на Лоуренса, он улыбнулся своей медленной любезной улыбкой: «Восславим Господа, что есть турки и поближе к нам».

В знаменитом пассаже из «Семи столпов мудрости» Лоуренс писал:

«Я считал, что неудачи восстания следует отнести… к

недостаче лидеров, и арабских, и английских. Потому я поехал в Аравию посмотреть и рассмотреть ее великих людей. Первый, шериф Мекки, был обременен годами, как мы знали. Абдулла оказался слишком разумен, Али слишком чист, Заид слишком хладнокровен. Тогда я поехал в глубь страны к Фейсалу и в нем увидел вождя с нужным огнем… С первого взгляда я почувствовал, что вот этого человека приехал я искать в Аравию: лидера, который приведет Арабское восстание к полной победе».

И Фейсал действительно был прирожденным лидером. Хотя час триумфа был еще очень далек, его терпеливое руководство и обаяние покоряли племена бедуинов, стекавшихся под его знамя. Из своего шатра он постоянно действовал, соединяя воедино враждующие племена, билли и джухейну, атейбу и агайл. Он убеждал их отложить кровную месть и мостил путь, по которому его армия могла пройти нетронутой через пустыню, где нормой были межплеменные грабежи, набеги и убийства. Его отец Хусейн посылал ему приказы, но очень мало денег или провизии, а британская помощь обернулась горькой шуткой: несколько человек из Судана и четыре крупповские пушки, практически уже негодные к работе. Фейсалу приходилось разъезжать с сундуком, набитым камнями, чтобы убедить своих людей, будто у него есть золото им заплатить.

Лоуренс уехал, пообещав помощь и снабжение, офицеров-волонтеров и столько горных пушек и легких пулеметов, сколько сможет собрать. Британцы высадятся в Йенбо, ближайшем к Медине порту на Красном море, и следующей базой Фейсала станет Йенбо. Лоуренса подбросил из Джидды в Порт-Судан адмирал Вемисс, твердый сторонник арабского дела, и дальше он поехал устанавливать контакт с сэром Реджинальдом Уингейтом, сирдаром египетской армии, командующим военной стороной арабской авантюры. Он тоже был сторонником восстания, как и генерал Клейтон, ныне гражданский глава арабского бюро – третий пункт остановки Лоуренса.

Битва против турок вошла в патовую ситуацию, и в любой момент турецкий гарнизон в Медине мог двинуться на юг против Мекки, одержав решительную победу и вызвав резонанс во всех исламских странах. Британцам недоставало уверенности в своем плане высадить сухопутную армию в Ребеге и держать линию между Меккой и Мединой. У Лоуренса имелось решение: партизанская война, ведомая малыми группами арабских бойцов, поддержанных британским опытом и снабжением. Этот план, хотя и походил на авантюру и был предложен археологом без военного образования и опыта, оказался благословенным облегчением после месяцев нерешительности. Стоило попытаться.

В поисках своей персональной Одиссеи и находясь под очарованием Фейсала, неистовый Лоуренс выполнил свое обещание – привести в движение колеса с британской стороны. Своим чередом прибыли в Йенбо английские технические советники с деньгами и оружием – Лоуренс подчеркнул, что воины племен предпочитают пушки и ружья, которые дают большой грохот. Он воспротивился вмешательству полковника Бремона, главы французской военной миссии в Джидде, а потом снова был откомандирован к Фейсалу Клейтоном. Лоуренс всегда твердил, что в Йенбо и к эмиру ехал неохотно, что сам хотел только одного: вернуться в Каир и чертить карты. «Неохотно» – слево, которое трудно соотнести с его последующей героической ролью. При всем желании восхищения и славы еще больше он желал произвести впечатление на человека, который именно их и чуждался – как его герой Чарльз Даути, автор «Аравийской пустыни», чье сердце и душа были отданы иному миру.

Лоуренс нашел Фейсала в долине за Йенбо, уже ночью, и долина была наполнена неразберихой арабов и верблюдов. Лоуренс описывает эмира, безмятежно сидевшего на разложенном на камнях ковре и диктовавшего письма коленопреклоненному секретарю, который писал при свете лампы, поднятой вверх невольником. Племя харб было разгромлено турками, вынудившими Заида, их предводителя и брата Фейсала, к быстрому отступлению. Фейсал двинулся отрезать туркам дорогу из Йенбо, где некто капитан Бойль защищал гавань от приближения турок пушками своих кораблей. Фейсал закончил диктовать письма, адресованные видным шейхам с территорий племен, в которых договаривался о защите для своей армии во время прохода и просил помочь войсками. Потом он терпеливо сидел в ночном холоде, разбирая личные прошения своих солдат до четырех утра. Говорят, что решения Фейсала никогда ни одного араба не ущемили и не оставили неудовлетворенным. Потом эмир съел полдюжины фиников и лег на промокший от росы ковер поспать. Пока он спал, замечает наблюдательный Лоуренс, подползли его охранники и укрыли его своими плащами. Через час он проснулся от призыва к молитве.

В своей постоянной ежедневной работе по улаживанию кровных споров и других вопросов племен, замечает Лоуренс, «Фейсал на самом деле постоянно соединял и располагал в нужном порядке неисчислимые кусочки, составляющие арабское общество, и объединял их против турок… Для западной Аравии он был апелляционным судом, окончательным и непререкаемым. Он сделал арабское движение [за независимость] национальным и живым силой своей личности. Когда к нему приходили шейхи

выразить свою верность, он их заставлял клясться на Коране «ждать, когда он ждет, идти, когда он идет, не повиноваться ни одному турку, делать добро всем, кто говорит по-арабски, и ставить независимость выше жизни, семьи и земных благ».

Лоуренс тоже принимал серьезное участие в агитации племен объединяться против турок, и вел его совет Гертруды и ее знание связей жителей пустыни. Он признавал, что многим обязан ей за ту информацию, которая помогла ему соединить племена пустыни в критический момент Арабского восстания.

Гертруда в последний раз видела Лоуренса в апреле 1916 года, во время его провальной миссии в осажденный Эль-Кут, когда они пространно обсуждали «всемирное правительство». Сейчас, в Басре, она по мере возможности следила за событиями и рвалась в дело. Лоуренс, писавший письма только родным, в остальном ограничивал свою корреспонденцию детальными докладами и просьбами о технике. Он жил у Фейсала в его шатре в Йенбо – обычный шатер колоколом, пара дорожек и красивый молитвенный коврик. Именно здесь Фейсал впервые предложил Лоуренсу одеться в арабскую одежду, чтобы никто из восьми тысяч арабов из племен не принял его в мундире по ошибке за турка. Лоуренс не замедлил согласиться.

Тем временем в Йенбо приходила британская помощь: четыре самолета и двадцать три устаревших и очень громких пушки. Лоуренс расчистил посадочную полосу, и легкие передовые отряды уже обучались искусству подрывника, имея целью построенную Мейсснером Хиджазскую железную дорогу. Технический специалист, некто Гарланд, был физиком, разработавшим собственные устройства для резки металла и валки телеграфных столбов. Лоуренс жадно впитывал знания и вскоре разработал собственный метод прямого подрыва с помощью электричества.

План состоял в том, чтобы двинуться по берегу и захватить турецкий гарнизон в Аль-Вадже, важном городе на Красном море между Йенбо и Акабой. В то же время Али, Абдулла и Заид двинутся в глубь материка, сосредоточив свои силы на железной дороге к Медине, и взорвут ее в нескольких местах. Тогда турки будут изолированы и с суши, и с моря и лишены снабжения, необходимого для атаки на Мекку.

18 января 1917 года Фейсал выступил во главе десятитысячного войска в трехнедельный поход к Аль-Ваджу, который оказался решающим для Арабского восстания. Операции уже не ограничивались южным Хиджазом: против общего врага впервые объединились все племена западной Аравии. Начался марш, которому предстояло привести эмира в Дамаск, а Фейсала

и Лоуренса сделать международными фигурами. Успех Фейсала также навлечет на него вечную ревность отца, сравниться с которой сможет только ревность его брата Абдуллы.

Фейсал, одетый в белое, ехал перед армией, радостно приветствуя каждого шейха, а они, стоя в шеренге рядом с поставленными на колени верблюдами, низко кланялись и подносили руку к губам, что являлось официальным приветствием. Когда Фейсал проходил дальше, они пристраивались за ним в ряды, племя за племенем, пока наконец колонна не протянулась на четверть мили. Били барабаны, поэты читали сложенные экспромтом стихи, перекрикивая рев десяти тысяч голосов, поющих военную песню. За Фейсалом реяло лиловое знамя на золотых копьях и двигалась «дикая шумная масса» его двенадцати сотен телохранителей верхом на верблюдах, убранных в багрянец и золото.

За ними шла пятитысячная верблюжья кавалерия и 5300 человек пехоты, тащили крупповские горные пушки и пулеметы, а за ними еще 380 верблюдов везли шатры и прочие необходимые вещи.

Прибыв на место, Фейсал и его армия увидели, что Аль-Вадж уже взят королевским флотом. Но взрывами мостов, разрушением поездов и рельсового пути арабы связали турок, несмотря на их подавляющее численное превосходство, и привлекли к себе внимание мира.

Лоуренс ушел из Аль-Ваджа в компании Шарифа Насира из Медины и Ауды Абу-Тайи из восточной ветви племени ховейтат в эпический обходной марш по пустыне к Акабе. Фейсал утвердил это предприятие: Лоуренс получил 22 тысячи фунтов из личного кошелька эмира – его седельной сумки. Абу-Тайи предоставил верблюжий корпус, и отряд достиг Акабы в июле и захватил город. По улицам провели шестьсот турецких пленных. На стороне арабов было преимущество внезапности: никто не ожидал атаки на Акабу со стороны пустыни. Массивные пушки города смотрели в другую сторону, готовые отбить атаку с моря. Эта победа раз и навсегда показала, насколько важен для Британии союз с арабами: с помощью Лоуренса направление главного удара удалось перенести на юг и взять Красное море, что позволило египетской армии направиться к Дамаску. Генерал Алленби, вступивший в командование британской армией, назначил Фейсала главнокомандующим всеми арабскими операциями к северу от Маана и утвердил обеспечение арабов, идущих на Дамаск, деньгами, боеприпасами и транспортом.

Задержки и промахи со стороны британцев и арабов возместились успехом партизанской войны против турецких

гарнизонов вдоль железной дороги, против поездов с боеприпасами и деньгами. Сирийский сторонник Фейсала Джафар-паша эль-Аскери впоследствии описывал, как из взорванного турецкого поезда разлетались сотни тысяч турецких банкнот, и ни один араб не потрудился их поднять – все рвались к Дамаску.

В то время как Алленби наступал на Иерусалим – взятый потом в декабре 1917 года, – Фейсал стоял лагерем в Акабе, готовя армию к маршу на Дамаск. И тут в лагере разорвалась бомба в виде экземпляра секретного соглашения Сайкса – Пико. Его любезно передали большевики через старого врага Фейсала Джемаль-пашу, дабы показать арабам, что для них припасено у союзников в случае военной победы. Фейсал знал, что есть какое-то соглашения, но это и все.

Соглашение, заключенное сэром Марком Сайксом и мсье Жоржем Пико, делило «Аравию» в случае победы на протектораты, распределенные между британцами, французами и русскими. Оно видимым образом игнорировало обещание, данное ранее сэром Генри Макмагоном: дать арабам независимость в области, включающей четыре священных города мусульман. Соглашение – или несогласие, как его уже стали называть в Лондоне, – Сайкса – Пико заложило основу заключенного впоследствии пакта Сан-Ремо, который отдавал Аравию под британский и французский мандат.

На самом деле отсутствие у Фейсала этой важной информации было решением его властного отца. Хусейн не показывал ему многолетнюю переписку с Генри Макмагоном, накопившуюся в Мекке, и не считал необходимым объяснять свои отцовские приказы. Сайкс и Пико приезжали в Джидду в мае, тремя месяцами раньше, с заявленной целью объяснить перемены условий, вынужденно сделанные со стороны Британии из-за требований Франции, и условия соглашения: Франция распространяет свое влияние на Сирию и Ливан, а Британия – на Ирак, Трансиорданию и северную Палестину. Твердый в своих мнениях из-за возраста и собственного характера, Хусейн их едва слушал.

Разочарование Фейсала было нечем смягчить, и именно этого боялся Лоуренс. Несколько дней казалось, что Арабское восстание закончилось, и Лоуренса раздирали противоречивые чувства. Фейсал немедленно дал телеграмму в Мекку отцу, говоря, что он со своей армией отказывается продолжать войну с турками, потому что его идеал – независимость и единство арабской нации. Замену турок другими иностранцами они не потерпят. Хусейн телеграфировал в Лондон и получил в ответ

бойкие заверения, что эти вести основаны на чистой интриге и у британского правительства нет иной цели, кроме освобождения арабов. Это вполне устроило шерифа, который тут же отдал приказ сыну продолжать войну – «или я буду считать тебя изменником». Хусейну, уже называвшему себя «королем арабов», успех Фейсала кружил голову.

Лоуренс в мучительном раздвоении все же заверил Фейсала, что британцы сдержат свои обещания, как по духу, так и по букве. Отныне, пишет он, не имея уже возможности гордиться тем, чего они достигли совместно, он чувствовал «постоянный и горький стыд». Итак, арабская армия продолжала марш, племена сменялись племенами на ее пути, их число увеличивалось по мере того, как армия шла на Дамаск. Взяли город Дераа, потом подошли к деревне Тафас, чей правитель Таллал числился среди самых верных воинов Фейсала. Здесь отступающие от Дераа турки страшно отомстили жителям: женщин и детей зверски пытали и увечили, дома сожгли. Такую провокацию нельзя было снести. Таллал, взбешенный этим ужасом, натянул куфию на лицо и понесся галопом под огонь отступающей армии. Последовавшая бойня была неописуема. Лоуренс не мог забыть этого всю оставшуюся жизнь.

Дамаск, «жемчужина, оправленная в изумруды», был осажден арабской армией. Вскоре турки его покинули, британские дивизии взяли семьдесят тысяч пленных. Иррегулярные хиджазские войска Фейсала прошли через город 30 сентября 1918 года и подняли флаг шерифа над Сераем – административными зданиями турок. Женщины отводили паранджу и бросали цветы и ароматы солдатам под ноги, мужчины вскидывали фески в воздух, и праздник продолжался ночью и днем. Когда 3 октября эмир Фейсал приблизился к центру города, его встречал восхищенный шепот. Толпа раздалась, послышался топот копыт, и появился он – один, на полном галопе, рука вскинута в салюте. Тысячи радостных криков слились в один общий рев триумфа, прогремевшего эхом по всей Аравии.

Фейсал – вероятно, будущий правитель страны – развернул флаг Хиджаза и впервые встретился с генералом Алленби. Восхищение было взаимным. В 1933 году Алленби скажет о Фейсале: «В нем сочетались качества солдата и государственного деятеля: живость видения, быстрота действия, открытость и прямота… Живописный в буквальном смысле этого слова, и в переносном тоже! Высокий, изящный, красивый – даже едва ли не слишком, – выразительные глаза освещают лицо, полное спокойного достоинства. Вид очень царственный». В первом обращении Фейсала к народу подчеркивалось арабское единство

и независимость, главенство закона и причина для союза арабов с Великобританией, Францией, Италией и Америкой – положить конец турецким зверствам.

Новая администрация, подчиненная Фейсалу, от Акабы до Дамаска поначалу функционировала спокойно и хорошо. Но едва стихли приветственные клики, как Сирию снова раскололи политические разногласия, обостренные франко-британской декларацией от 7 ноября 1918 года, объявленной почти одновременно с перемирием, концом войны с Германией. Обращенная к народу Сирии и Ирака, декларация с виду обещала «установление национальных правительств и органов управления, власть которых будет вытекать из инициативы и свободного выбора местного населения», но она также определяла, что в то время как восточная Сирия будет управляться лордом Алленби, так называемая Оккупированная вражеская территория – Запад, сирийское побережье и Ливан – переходит под французский контроль. Вроде бы параграф о самоопределении включал в себя торжественное обещание союзников, и Фейсалу было сказано, что такое разделение – чисто временный организационный ход. Он направился на Парижскую мирную конференцию в полной уверенности, что обещание будет выполнено. Среди сотен делегатов и тысяч советников, клерков и машинисток, толпившихся в Париже между январем и июлем 1919 года, были Гертруда, Лоуренс и Фейсал. Премьер-министры, министры иностранных дел, президенты, принцы и короли приезжали с каждым пароходом и с каждым поездом, а с ними просители от народов, желающих стать нациями, стран, желающих знать свои границы, свиты из администраторов и военных представителей, мировая пресса, лоббисты тысячи и одного дела. Как писала Маргарет Макмиллан в своей книге «Миротворцы»: «В течение шести месяцев… Париж был для мира одновременно правительством, апелляционным судом, парламентом и средоточием страхов и надежд». Под председательством Вудро Вильсона, Ллойд-Джорджа и Клемансо происходила ликвидация обанкротившихся империй и решение более ключевых вопросов, в частности: должна ли Германия и ее союзники понести наказание и платить, или их следует перестроить? Гертруда замечала:

«В нашей стране [Великобритании] наблюдалось растущее безразличие великой демократии к проблемам слишком далеким, чтобы их легко было понять, в сочетании с благородным демократическим порывом дать всем расам равные возможности и угрызениями совести за то, что Запад не может не считать себя виновным в эксплуатации Востока. Война… вызвала к жизни блестящее сотрудничество в Индии, доблестные действия арабов

плечом к плечу с армиями лорда Алленби, и принципы мира, провозглашенные президентом Вильсоном, воспринимались лишь как признание заслуг в общем деле.

В наш трудный час силы Азии были призваны для борьбы, в сущности, за европейские свободы, Восток позвали на советы войны, а арабское королевство числили среди союзников».

Мир истощил свои силы и страдал от пандемии гриппа, которая, начавшись в Европе, убила в конечном счете 27 миллионов ослабленных и увечных – вдвое больше, чем сама война. Одной из первых ее жертв был сэр Марк Сайкс, умерший на конференции. Интересно, кстати, задуматься, не разнесли ли с собой вирус возвращающиеся по домам делегации.

Гертруда, уже на треть прошедшая свой последний тяжелый год с А. Т., остановилась в отеле «Мажестик», самом большом из пяти, занятых делегацией Британской империи возле Триумфальной арки, социальном центре конференции. Золоченый отель, облюбованный до войны богатыми южноамериканками, покупающими в Париже моды нового сезона, «Мажестик» обычно славился превосходной кухней и сервисом. Сейчас же здесь подавали плохой кофе и пережаренную еду британских привокзальных гостиниц: персонал отеля был заменен британскими служащими из отелей центральных графств Англии – предположительно, мера против проникновения шпионов. А Гертруда так мечтала о восхитительной бараньей ноге… И не только еда напоминала делегатам о школе: каждому прибывшему гостю выдавали книжку правил гостиницы. Еда подавалась в определенные часы, за напитки требовалось платить отдельно, в номерах не готовить и мебель не портить.

Разумеется, с момента прибытия Гертруда оказалась в своей стихии. Планы уехать, как только появится А. Т., были отставлены. Намеченный тур на автомобиле с отцом пришлось отложить, но он приехал в Париж с ней повидаться. 7 мая Гертруда написала:

«Я попала в мир такой изумительный, что до сих пор ничего не сделала, только глазею на него, неспособная ни слова нанести на бумагу. Наши восточные дела сложны так, что никакими словами не передать, и пока я сюда не приехала, никто не мог изложить месопотамскую сторону вопроса из первых рук. Магнаты были крайне добры… они все меня уговаривали остаться, и думаю, что в данный момент это и есть мое дело».

Ее друг и корреспондент Чирол тоже приехал на конференцию и сразу нашел Гертруду. У них тут же завязался разговор, который тянулся неделями.

У Лоуренса и Фейсала появление на конференции прошло

далеко не так гладко. По прибытии в Марсель Фейсал был уведомлен французскими властями, что никакого официального статуса на конференции у него нет и ему напрасно посоветовали вообще сюда ехать. Потребовалось вмешательство британцев, чтобы его включили в список официальных делегаций, и то просто как представителя от Хиджаза. В Париже он снял впечатляющий особняк в стиле Людовика XVI (А. Т. Уилсон назвал его «кричащим»), где кипятился, когда французские спецслужбы доставляли его письма вскрытыми и задерживали его телеграммы на Ближний Восток.

Лоуренс, прибывший в Марсель в полном арабском одеянии, был встречен недоверчивыми оскорбительными взглядами и проинформирован, что принимают его здесь только как британского офицера. Он уехал из Франции в ярости: впоследствии ходили слухи, что полученную от французов награду «Военный крест» он прицепил собаке на ошейник. Появившись в Париже к началу конференции, он был одет в куфию и мундир. Ему не дали занять место среди знакомых и друзей в «Мажестике» и поместили в не столь блестящий «Континенталь».

Учитывая неизбежный конфликт личностей, не удивительно, что А. Т. был разозлен арабским головным убором Лоуренса не меньше, чем его решительно проарабскими взглядами. «Полковник Т. Э. Лоуренс… причинил, по-видимому, огромный вред, и наши трудности с французами в Сирии мне кажутся вызванными главным образом его действиями и советами». К Фейсалу Уилсон относился столь же пренебрежительно, называя его «самозваным защитником Сирии».

Когда Хусейн инструктировал сына, посылая его своим представителем на конференцию, Фейсал попросил разрешения увидеть документы, имеющиеся у отца, по поводу тех обещаний, которые сделали британцы. Хусейн отказал.

Теперь Ллойд-Джордж представил Фейсалу соглашение Сайкса – Пико, впервые открыв, как много уже обещала Британия Франции. Фейсал потом сказал:

«Первый обман произошел, когда фельдмаршал лорд Алленби объявил, что Сирия делится на три зоны – под предлогом, что такое положение чисто временное и административное. Вторым ударом по интересам арабов было подтверждение секретного договора Сайкса – Пико, денонсированного в 1917 году… Таким образом, нам пришлось взглянуть в глаза горькой правде».

Если Фейсала предали все, то меньше всего его предали британцы. Секретные протоколы верховного совета Парижской

конференции, опубликованные позже, показывают, что предпринимались усилия выполнить данные арабам обещания, несовместимые, быть может, с соглашением Сайкса – Пико. Ллойд-Джордж неистово доказывал, что соглашение между Хусейном и Британией следует уважать. Мсье Пико, выступая от Франции, заявил, что британские предварительные договоренности с арабами к Франции никак не относятся. И без зазрения совести добавил, что если Франция получит мандат на Сирию, эти договоренности будут игнорироваться. Ллойд-Джордж резко возразил, что он будет рассматривать оккупацию Дамаска французскими войсками как нарушение британского договора с Хусейном. Французы сделали вид, что считают связь между британцами и хашимитами заговором, посредством которого Британия намеревается сохранить за собой монополию на влияние в этом регионе. Упрямство французов и непонятная позиция британцев, которые не предлагали оставить за собой Сирию, но давали противоречащие друг другу обещания и Франции, и арабам, интересам хашимитов ничего хорошего не сулили.

6 февраля Фейсалу представилась возможность обратиться к верховному совету конференции. Он говорил беглыми и звонкими периодами на родном арабском, а Лоуренс, стоящий рядом с ним, переводил. Фейсал говорил, что арабский мир должен получить независимость. Он хотел, чтобы все арабоязычные регионы получили свою независимость под властью арабского сюзерена, и все вместе – под один мандат до тех пор, пока арабский мир не сможет существовать самостоятельно. Арабское единство, продолжал он, не будет реализовано в предложенных «сферах влияния». Он напомнил британцам об авансах по поводу арабской независимости, сделанных в переписке Хусейна с Макмагоном, а французам – о духе самоопределения, пропагандируемом президентом Вильсоном и изложенном в пунктах о «свободном выборе» франко-британской декларации. После чего он предложил задавать вопросы, слушая и отвечая на свободном беглом французском.

Французский министр иностранных дел Стефан Пишон, желая спровоцировать Фейсала на опрометчивость, спросил, что сделала Франция, чтобы ему помочь. Фейсал ловко обошел западню, отдав должное французам за помощь, в то же самое время ясно дав понять аудитории, насколько она была ограничена. Поняли все.

Ллойд-Джордж задавал тщательно продуманные вопросы, показывающие, какой большой вклад внесли арабы в победу союзников, но президент Вильсон спросил только, предпочли бы

арабы быть под одним мандатом или несколькими. Фейсал проявил огромную сдержанность и дипломатичность. Ллойд-Джордж ему ранее посоветовал в Лондоне, что, если его спросят, чей мандат он бы предпочел, лучше «прицепить свою колесницу к звезде президента Вильсона»: Америка – единственная страна, способная не дать Сирии уйти под французский мандат. Фейсал выполнил этот совет буквально, но снова был разочарован, когда они с Лоуренсом впоследствии побывали у Вильсона. Американский президент отвечал уклончиво, а вскоре вообще вывел Америку из этих переговоров. Когда американская общественность потеряла интерес к Ближнему Востоку – а это вскоре произошло, – дело арабов было проиграно.

Если Гертруда становилась все резче и нетерпимее к дуракам, то совершенно то же можно было отнести и к Лоуренсу. Оба они бывали очаровательны с теми, кто им интересен: с пустынным кочевником или западным государственным мужем, – но могли быть и до неприличия грубы. Недавно Гертруда лишила дара речи всех собравшихся за званым обедом в Багдаде, заметив перед своим коллегой и его юной английской невестой: «Почему это многообещающие молодые англичане женятся на таких дурах?» Когда соседка Лоуренса за столом во время Парижской конференции нервно сказала: «Кажется, мои слова вас мало интересуют», Лоуренс ей заметил, что она сильно ошибается: «Они меня не интересуют совсем».

Неспешный темп конференции раздражал и Гертруду, и Лоуренса, и они решили заняться собственными делами. Чирол помог им организовать ужин в доме парижского издателя «Таймс» Уикэма Стида. В гости позвали достаточно много влиятельных французских журналистов. Все говорили по-французски, в том числе и Лоуренс, в юности долгое время проведший в Бретани. В письме от 26 марта 1919 года Гертруда писала:

«После ужина Т. Э. Л. точно объяснил ситуацию между Фейсалом и его сирийцами с одной стороны и Францией – с другой и очертил программу возможного соглашения без проволочек – главного дефекта предложения направить туда комиссию. Сделал он это восхитительно. Его обаяние, простота и искренность произвели глубокое впечатление и убедили его слушателей. Вопрос теперь состоял в том, поздно или нет убеждать Кэ д'Орсэ и Клемансо, и вот это мы сейчас обсуждаем».

Своему прежнему коллеге по арабскому бюро Обри Герберту Гертруда писала из Парижа:

«Боже мой, они превращают Ближний Восток в такую жуткую трясину! Я не сомневаюсь, что получится куда хуже, чем было до войны, – кроме Месопотамии, которую, может, мы сможем

уберечь от общего хаоса. Это как в кошмаре, когда ты предвидишь все ужасы, которые сейчас произойдут, и не можешь руку поднять, чтобы их остановить».

Конечно, Гертруде было очень интересно увидеться с Фейсалом, героем восстания, человеком, который так или иначе будет одним из ведущих игроков на Ближнем Востоке. Она слишком поздно приехала и его речи не слышала, но Лоуренс представил их друг другу, и ее симпатия к этому человеку возросла. В своей обычной белой одежде, расшитой золотом, с церемониальным кинжалом, с видом величественным и таинственным, Фейстал принадлежал к тому типу пустынных арабов, который всегда ее привлекал. Но в нем было еще многое: теплота и юмор, контрастирующие с задумчивым взглядом раскосых карих глаз, для нее оказались неожиданны. «Простите, – сказал Фейсал с улыбкой, когда была использована аллюзия о войне за Святую землю, – а кто из нас победил в войнах крестоносцев?» Ветеран тридцати трех лет, знающий войну и предательство и оттого задумчивый, никогда не бывший совсем здоровым, он выглядел суровым и изможденным от постоянной работы на пределе своих сил и за ним. Брови и усы у него были густые и черные, но в коротко стриженной бороде уже проглядывала седина. Лоуренс рассказал Гертруде о страсти Фейсала к арабской поэзии и о том, как они часами вместе слушали декламацию од. И еще о том, как блестяще Фейсал играет в шахматы, и о его загадочной слабости, из-за которой он иногда, возглавляя войска в бою, падал без сознания и его приходилось выносить с поля.

Глубоко впечатленная и надеющаяся, что французы не помешают Фейсалу стать королем Сирии, Гертруда попросила о беседе с ним. Пару часов они разговаривали, пока он позировал Огастесу Джону, снявшему в Париже студию, чтобы написать портреты наиболее интересных ему делегатов. Среди бумаг Гертруды есть запись без даты и названия двух ранних бесед с Фейсалом, одна из которых состоялась в Париже:

«В студии Джона я высказала ему свое мнение, что никакая сила на земле не заставит Францию отказаться от сирийского мандата. Он это мнение воспринял с удивлением и беспокойством. После этой беседы я пошла прямо на обед с мистером Бальфуром, а потом, когда другие гости ушли, передала наш разговор с Фейсалом и повторила свое убеждение относительно позиции Франции. Мистер Бальфур… меня заверил, чисто неофициально, что он со мной согласен. Тогда я попросила его избавить Фейсала от иллюзий… чтобы он мог выбрать соответственный образ действий. Мистер Бальфур после этого

пригласил Иэна Малькольма и сказал: “Иэн, запишите, будьте добры, ее слова, чтобы я не забыл информировать Ллойд-Джорджа”. Иэн достал из безупречного кармана изысканный блокнот, сделал нужную запись – и я, чувствуя, что блокнот Иэна – идеальное воплощение долгого ящика, через пару дней уехала из Парижа».

Лорд Артур Джеймс Бальфур, блеклый министр иностранных дел у Ллойд-Джорджа, в ноябре 1917 года издал декларацию, в которой британское правительство одобряло «Учреждение в Палестине национального очага еврейского народа». Гертруда, думая о соглашении Сайкса – Пико и всех сложностях, которые оно вызвало, написала сэру Гилберту Клейтону, бывшему главе арабского бюро в Каире: «К сионистскому заявлению мистера Бальфура я отношусь с глубочайшим недоверием. Если они там дома не делали бы заявлений, насколько легче было бы работникам на местах!»

Какой бы остротой ни отличалась сама декларация, ее формулировка была несколько разбавлена по сравнению с исходным тезисом «Палестина должна быть перестроена в национальный очаг еврейского народа». Когда кабинету представили первый проект декларации, сэр Эдвин Монтегю, государственный секретарь по делам Индии – тот, кто отчитал Гертруду за изложение ему своей точки зрения через голову А. Т. Уилсона, – решительно ей воспротивился, несмотря на то что сам был евреем. Он сказал, что сионизм – «вредная политическая религия, совершенно непригодная для патриотически настроенного гражданина Соединенного Королевства». Должен ли он сам, спрашивал Монтегю, быть лоялен Палестине? И как это скажется на правах евреев, живущих в других странах? Многие еврейские лидеры на Западе считают, что предложить евреям Палестину – очень плохая услуга еврейству. Более того, евреи, уже живущие в Палестине, с ужасом предвидят беды, которые может причинить сионизм. В поддержку своей точки зрения Монтегю прочел кабинету хорошо обоснованное письмо от Гертруды, чьи убедительные слова привели к переформулировке документа. Ее злила манера сионистов и государственных деятелей на конференции говорить о Палестине так, будто бы там вообще нет людей, и она ясно видела, что арабы и евреи не могут мирно жить бок о бок. Еще в 1918 году она писала Клейтону:

«Палестина для евреев всегда казалась нам невозможным предложением. Я не верю, что это можно осуществить, и лично я не хочу, чтобы это осуществилось, как я говорю при каждом удобном случае… Чтобы удовлетворить чувства евреев, придется

отбросить все разумные политические соображения, в том числе желание огромного большинства населения».

Это был не первый раз, когда мечта сионистов о родине исключала из рассмотрения вопрос о людях, которые там уже живут. Первый сионистский конгресс в 1897 году выработал план покупки Уганды в качестве новой родины для евреев. Через тридцать лет – как быть с правами уже существующей в Палестине общины? Там жило пятьсот тысяч арабов, четыре пятых населения. Как осуществить защиту, обещанную декларацией, если Палестина станет домом еврейского народа?

Половина всего еврейского народа жила в тот момент в так называемой черте оседлости – нынешняя Беларусь, Украина и восточная Польша. Эта земля задыхалась летом, мерзла зимой и была бедной круглый год. Русское правительство почти не защищало семь миллионов своих евреев, которые постоянно страдали от погромов и антиеврейских беспорядков. Некоторые из них уходили в революцию, как Троцкий, а сотни тысяч уезжали начинать новую жизнь в Америку и Западную Европу. К началу войны в Америке жили три миллиона евреев, а в Британии триста тысяч, многие из которых были беженцами.

Националистические идеи, набиравшие популярность во время войны, во Франции, Германии и Австрии привели к общим подозрениям в адрес меньшинств, особенно еврейских. В то же время усилилось желание евреев иметь свое государство. В Британии ведущим сионистом был Хаим Вейцман, лектор-биохимик Манчестерского университета и человек редкого личного обаяния. Для него Палестина, последнее еврейское царство, разрушенное римлянами, являлась единственным местом для страны евреев. Он хотел такой страны, где еврей сможет быть «стопроцентным», а не ассимилированным, обязанным объявлять себя принадлежащим к иной национальности. Подобных евреев он презирал – а среди них были такие выдающиеся личности, как лорд Ротшильд и Эдвин Монтегю. Перед войной Вейцман говорил примерно с двумя тысячами человек в попытке привлечь их на свою сторону. Среди обращенных им был лорд Роберт Сесил, который помог убедить Бальфура. Сионистская мечта задела в министре иностранных дел романтическую струну – он поверил, что должен быть национальный очаг «для самой одаренной расы, которую знало человечество после греков пятого века». Вейцман также обратил Марка Сайкса, Ллойд-Джорджа и Черчилля – симпатии Черчилля уже были завоеваны поддержкой, которую он получил на первых выборах от влиятельной еврейской общины Манчестера.

В начале войны, когда Бальфур был первым лордом

Адмиралтейства, а Ллойд-Джордж – министром вооружений, возникла ситуация, когда они оказались у Вейцмана в почти неоплатном долгу. В момент, когда в Британии отчаянно не хватало взрывчатых веществ, Вейцман изобрел процесс изготовления ацетона, необходимого при их выработке. Он представил его правительству и за всю войну не взял за него ни единого пенни. Единственное, о чем он просил, – это британской поддержки для дела сионизма, а такие обещания не забываются.

Еврейский легион, добровольцы в полку королевских фузилеров, храбро воевал под началом Алленби в его наступлении на Дамаск. Когда он установил там свою администрацию, то стал публиковать свои заявления как на иврите, так и на арабском. Через несколько месяцев сионисты купили имение в Иерусалиме, и Вейцман заложил там первый камень еврейского университета. Прибыв на Парижскую мирную конференцию, он произносил страстные речи и поддерживал британские претензии на мандат на Палестину. Неудивительно, что когда его познакомили с Фейсалом, они нашли точку соприкосновения: ни один из них не хотел французского мандата. Фейсал, несколько презрительно относившийся к палестинцам, которых считал арабами не совсем первого сорта, и занятый собственными проблемами, неопределенно согласился с Вейцманом, что «земли столько, что хватит на всех». Фейсал посчитал партнерство с еврейскими иммигрантами, которые принесут на пустынную землю западное образование и западную энергичность, для палестинских арабов выгодным. 3 января 1919 года они подписали соглашение о поощрении иммиграции в обмен на поддержку сионистами независимого арабского государства.

После конференции Америка послала комиссию, выдающуюся по своей незначительности, исследовать будущее Палестины и выяснять общественное мнение в Сирии. Два эксперта, составлявшие эту комиссию, обнаружили, как им и говорила заранее Гертруда, что палестинские арабы горячо возражают против программы сионистов: они советовали вообще забыть понятие еврейского национального очага. Гертруда хорошо понимала, что в это время арабы Палестины не рассматривали себя как нацию. «В одном отношении у Палестины есть причина быть благодарной декларации Бальфура: страна нашла себя в противостоянии ей. Национальное самосознание выросло лавинообразно… Жадность к образованию, проявляющаяся всюду, была вызвана ревнивым желанием не отставать от евреев».

Однако на выводы членов комиссии никто не обратил

внимания. Не прочитали также и их доклад, поскольку он не был опубликован.

Неудачно вышло, что, когда Вейцман действовал на конференции своим обаянием, палестинцы вообще не были там представлены. Вместо этого, и впервые, они устроили в Иерусалиме беспорядки, протестуя против предложения еврейских поселений в Палестине. Бальфура засыпали потоком писем и петиций, но все они уничтожались его личным секретарем, до него даже не доходя. По правде говоря, никто и не хотел размышлять над этой проблемой. Среди тех, кто хоть немного подумал о палестинском вопросе, бытовало мнение, что, говоря словами лорда Керзона, эта область «станет гниющей занозой в мясе того, кто получит на нее мандат». Данным человеком оказался верховный комиссар правительства его величества в Палестине сэр Герберт Сэмюэл. При его инаугурации Гертруда ровным почерком писала о трениях между евреями и арабами: о сионистской бестактности в свободном выражении своих надежд о будущем Палестины, об арабском резком неприятии экономических и финансовых сил, предоставленных новообразованному сионистскому комитету. Этот комитет под руководством Вейцмана был направлен в Иерусалим англичанами и должен был представлять местным британским чиновникам проблемы еврейской общины. «Рычание ответственных членов комитета, например, декларация, что Палестина должна быть еврейской, как Америка – американской, будет и дальше звучать эхом за голубиными нотами верховного комиссара, которые его эффективно заглушают», – прокомментировала Гертруда.

Фейсал уехал из Франции в апреле 1919 года разочарованный, посетил папу в Риме и вернулся в Сирию, чтобы подавить партизанскую войну вдоль побережья. В сентябре Ллойд-Джордж и Клемансо достигли предварительной договоренности. Английские войска в Сирии заменят французскими гарнизонами, арабские войска будут держаться в восточном регионе под наблюдением французов. После этого Британское правительство пригласило Фейсала в Лондон, чтобы обсудить ситуацию. Фейсал снова поехал, вновь подвергся невежливому обращению в Марселе и вынужден был объехать Париж. В Булони и Дувре его уважительно встречал британский адмирал с почетным караулом, а на вокзале в Лондоне – представители министерства иностранных дел. Ему сообщили о недавнем соглашении премьер-министров, но заверили, что оно всего лишь временное.

Фейсал вернулся в Сирию и обнаружил, что отец

отказывается признать результаты его договоренностей. Хусейн также отказался ратифицировать или признать условия мира, включенные в Версальский договор. По прибытии в Дамаск Фейсала встретили десять тысяч арабов, идущих маршем протеста против грядущего мандата Франции. Арабский конгресс встретил следующий марш требованием полной арабской независимости в Сирии. Тем временем в Месопотамии, по берегам Евфрата, арабские племена воевали с единственным союзником Фейсала – британцами. Гертруда так описывает его примерно в это время:

«Фейсал с его высокими идеями и справедливой концепцией арабского дела, которую он один представлял и защищал, остро чувствует симпатию или политический антагонизм, стараясь удержаться своими силами против открытой враждебности французов и горячечного безумия собственных приверженцев. Притесняемый своими родными, покинутый британским правительством… без единого человека рядом, от которого можно было бы ждать привязанности и бесстрастного руководства…»

Оказавшись между приоритетами Запада и экстремистами в Сирии, Фейсал противостоял арабским националистам, требующим от него принять корону Сирии. Фейсал дал ответ не сразу. Он телеграфировал лорду Алленби в Каир, прося его совета. Он указал, что если согласится, то, возможно, удастся предотвратить восстание, но если откажется, то может его вызвать. Ответ тоже пришел не сразу, а когда пришел, оказался настолько уклончив и туманно сформулирован, что Фейсал разрешил себе стать избранным королем. Коронации не признала ни Франция, ни Британия: Британия не могла, а Франция не хотела. Те, кто воспринимал Фейсала как самозванца, могли обвинить его в переходе на сторону экстремистов. В апреле 1920 года на конференции в Сан-Ремо Сирию официально отдали под французский мандат. Фейсал был приглашен присутствовать, но ему надоело мотаться через полмира по призывам Запада лишь для того, чтобы с ним обошлись нелюбезно и отпустили. Постепенно и неотвратимо Сирия оказалась в точке, где конфликт стал неизбежен.

Как только конференция согласилась на французский мандат, Дамаск взорвался. Фейсал оказался в невозможном положении. Сирийцы обзывали его профранцузским, французы – пробританским, а британцы обвиняли в поддержке арабского экстремизма. Он мог подчиниться французам или встать за арабов. Последний выбор был бы для него естественным, но от него уже ничего не зависело. В Дамаск прибыл первый

французский верховный комиссар генерал Гуро – по иронии судьбы, тот самый, кто награждал Фейсала орденом Почетного легиона.

Воздух, казалось, пропитан бунтом. В Сирии имелось девяносто тысяч французских войск, и все ключевые посты были в руках французов. Когда Фейсал выразил официальный протест против оккупации и обратился к верховному совету конференции с просьбой отозвать мандат, Гуро сделал ответный ход: потребовал от Фейсала безусловного признания мандата, принятия французского языка в качестве государственного, немедленного сокращения сирийской армии, отмены призыва, свободы передвижения войск по железной дороге, французской оккупации Алеппо и наказания всех арабов, что восстали против мандата. Фейсал попросил сорок восемь часов на обдумывание, но до истечения этого времени французы разразились еще одним залпом ультиматумов. Тогда 22 июля арабские племена взяли закон в свои руки и атаковали французский аванпост. На следующий день французы их разогнали и пошли занимать Дамаск. «Арабское сопротивление… не возглавлялось Фейсалом, – замечала Гертруда, – и было фактически ослушанием его приказов. Генерал Гуро тут же издал прокламацию, начинающуюся словами: “Эмир Фейсал, поставивший страну на грань катастрофы, отстраняется от правления”». Гуро послал Фейсалу приказ покинуть Дамаск в течение двадцати четырех часов. Так французским сапогом был растоптан первый опыт арабского самоопределения. Фейсал и его младший брат Заид тихо покинули Дамаск, а все правление Фейсала продолжалось менее пяти месяцев. Из Дераа, места величайшего триумфа Арабского восстания, он поехал под покровительством британцев в Хайфу, потом в Египет и Европу. Рональд Сторрс встречал его на платформе в Эль-Кантаре, где увидел, как экс-король Сирии сидит на чемодане и ждет поезда. Сторрс заметил, что «в глазах у него стояли слезы, и он был уязвлен до глубины души».

Реакцией Гертруды стало страдание и гнев. «Я думаю, вряд ли есть слова достаточно сильные, чтобы выразить мое чувство нашей ответственности за сирийскую катастрофу. Невозможно увидеть, да и вряд ли сами французы видят, куда ведет их такая политика…» Позже, в беседе Фейсал сказал ей, что рассчитывал на твердый союз между британским правительством и Хиджазом:

«Вы бросили меня в Сирии – поэтому на меня легла задача выработать новый план. Вы должны помнить, что я стоял и стою в полном одиночестве. Никогда меня не поддерживали ни отец, ни мой брат Абдулла. Они оба черной завистью завидовали

положению, которое дал мне в Сирии успешный исход арабской кампании… На своих родных я никогда не полагался».

Фейсал и Гертруда стали теперь близкими друзьями, и он говорил ей с примечательной откровенностью:

«Когда я был в Париже в 1919 году, отец постоянно побуждал меня заставить союзников выполнить обещания, данные арабам. Я даже не знал, в чем эти обещания состояли, – не видел переписку с Макмагоном. Но в любом случае вопрос насчет “заставить союзников” просто не стоял. Какая у меня власть? Какое богатство? Я мог только убеждать и вести переговоры, что и делал. И продолжал это делать, когда меня оставили с французами один на один».

Его заставили действовать его же последователи, добавлял Фейсал. В то самое время, как его провозгласили королем Сирии, Абдуллу провозгласили королем Ирака.

«Я понимал, что все это просто смехотворно, но дал им свое согласие, чтобы умиротворить брата. Он, как вы знаете, старше меня – и я хотел дать ему положение в арабском мире, чтобы обезоружить его враждебность».

Гертруда теперь понимала, к чему ведет французская политика в Сирии:

«…Растущая ненависть к французскому правлению, которая стала постоянной чертой в сирийской истории после нашей эвакуации в ноябре 1919 года, последними событиями настолько резко обострена, что никакие паллиативы, предпринимаемые французским правительством, помочь не могут.

[Помимо сирийских мусульман и христиан] на поле появился еще один элемент – друзы. Беззаветно храбрые, неумолимо мстительные, беспощадно жестокие, они не испугаются численного превосходства сил Французской Республики и никогда не простят нанесенных ран….

Это лишь французская политика объединила друзов с сирийскими арабами. Их дело стало общим… рано или поздно французам придется уйти».

В попытках подчинить арабов военному правлению Франция впоследствии еще сильнее раздробила Сирию. Летом 1925 года друзы подняли националистический мятеж. Снова Дамаск запылал войной, и французы, не разбирая правых и виноватых, разбомбили город в развалины. На годы Сирия погрузилась в состояние неуправляемого хаоса.

Познакомиться с Фейсалом, узнать его, с ужасом смотреть, как разворачиваются события в Дамаске, беспокоиться о насилии в Палестине, ужасаться масштабу восстания, разразившегося вдоль берегов Евфрата, когда А. Т. досиживал последние месяцы в

своей должности, – неудивительно, что Гертруде разваливающийся Ближний Восток напоминал крушение Римской империи.

Британский мандат на Ирак стал официальным; А. Т. готовился к отъезду. Началась также подготовка к созыву арабского Учредительного собрания в Багдаде, но ждали возвращения из Лондона сэра Перси Кокса, которого все уважали. Гертруда, радуясь скорому появлению человека, которому доверяла и с которым могла работать, сейчас обдумывала какую-нибудь работоспособную схему внедрения некоторые демократических процедур: «Я счастлива, заинтересована в своей работе и очень довольна тем, что могу не сомневаться в начальнике. Когда вспоминаю, что было год назад…»

В самый неподходящий момент она снова свалилась с бронхитом, из-за чего не приходила в офис почти неделю. Однако совсем исчезнуть ей не разрешили: в ее летнем доме в саду постоянно толпились посетители. Они приходили якобы справиться о ее здоровье, а на самом деле изливали свои страхи и надежды. Гертруда оставила все надежды спокойно поболеть. Она натянула вечернее платье и в этом неподходящем одеянии приняла делегацию достойнейших мусульман Багдада, в том числе мэра и сына престарелого накиба, одного из самых важных религиозных деятелей Ирака. И Кокс тоже не мог без нее обойтись. Он собрал специальное совещание – обсудить назначение арабских министров и британских советников. И назначил его в гостиной у Гертруды.

После возвращения в офис ее посетил старый друг Фахад-Бег, которому было уже почти восемьдесят. Он ей сообщил, что завел еще двух жен. Гертруда устроила ему прием в саду, и шейх в какой-то момент распахнул одежду и показал дырку в груди, полученную в молодости в газзу, от сквозного удара копья. Наградой ему были ахи и вскрики впечатленных дам.

Тем временем Кокс составил список надежных и представительных арабских кандидатов. Первым кандидатом кабинета стал, без сомнения, накиб Багдада, его преподобие Саид Абдул Рахман Эфенди. Пожилой и почтенный, он был также главой общины суннитов. Он, как и Фейсал, вел свою родословную от Пророка и являлся хранителем священной гробницы Абдула Кадира Гилани. Они с Гертрудой были добрыми друзьями: он любил с ней разговаривать, а она часто навещала его жену и сестер. «Дружба Абдул-Рахмана-Эфенди имеет ощутимое приятное выражение! – писала она. – Он еженедельно посылает большую корзину фруктов из своего сада – и в этом сезоне он полон белого винограда». Однако накиб жил в

достойном религиозном уединении, и Гертруда считала маловероятным, что он примет предложение. Кокс навестил его, и после некоторого размышления предложение, ко всеобщему удовольствию, было принято. Накиб взялся за формирование временного правительства.

Практически без промедления он пригласил восемнадцать человек для образования Государственного совета и устроил его в Сераи – старых турецких официальных зданиях. Одной из наиболее заметных фигур был командир в армии Фейсала времен восстания и его сторонник в Сирии Джафар-паша эль-Аскери. Вскоре после него прибыл его зять, Нури-паша Саид, несколько более внушительный индивид, вызвавший у Гертруды восхищение. Это были первые из борцов за независимость, репатриированных в Багдад за казенный счет после падения арабского режима в Дамаске.

Джафар-паша, багдадский араб, знающий восемь языков, был приглашен накибом на пост министра обороны; главной его задачей стало формирование местной армии для разгружения британцев. Связать свою судьбу с арабскими силами он решил тогда, когда узнал, что Джемаль-паша в Дамаске повесил его друзей, сирийских националистов. Гертруда замечает: «Хотелось бы иметь побольше людей с его прямотой и его умеренностью». Он признался, что после пережитого с Фейсалом в Сирии у него плохие предчувствия по поводу его участия в кабинете. Гертруда ему пообещала, что в конечном счете британское правительство хочет дать Ираку именно полную независимость. «“Благородная дама, – ответил он (мы говорили по-арабски), – полную независимость никто никогда не дает, ее всегда берут”». Глубокое замечание».

Случались, конечно же, и неизбежные трения с шиитами – не только потому, что они считали кабинет британским порождением, но и потому, что в нем шиитов было меньше, чем суннитов. Всем протестующим Гертруда указывала, что почти все шииты – подданные Персии и потому постов в правительстве Месопотамии занимать не могут. Вскоре один шиит из Кербелы принял пост министра образования, который накибу посоветовали ему предложить.

Временный кабинет должен был править страной до тех пор, пока не подготовят первые всеобщие выборы. Одной из задач Гертруды было предложить вид системы голосования, чтобы представить его Комитету о выборах. Системе следовало быть в разумной степени справедливой и репрезентативной. Гертруда замечает: «Кокс послал совету восхитительное письмо, где говорилось, что в избранном собрании, которому предстоит

решить будущую судьбу Ирака, должны быть представлены все секторы общества, а он, Кокс, должен иметь возможность заверить свое правительство, что так оно и есть».

Гертруде требовалось решить проблему, состоящую в том, что крупные землевладельцы в совете сделают все, дабы исключить племена из процесса голосования. Поговорить на эту тему к ней пришли Сассун-эфенди, глава еврейской общины, и Дауд Юсафани из Мосула. «Мы все согласились в том, – пишет она, – что катастрофой было бы, если бы люди из племен численностью подавили горожан, но я настойчиво напоминала, что… никакое арабское национальное правительство не может надеяться на успех, если не добьется в конечном счете участия племен в своих начинаниях». Сначала она хотела включить в избирательную ассамблею тридцать членов племен: одного от каждого из двадцати крупнейших племен и десять представителей от всех остальных. Джафар-паша и Сассун-эфенди явились с другим вариантом: они предлагали по два представителя племен от каждого района Ирака, но любой член племени, желающий зарегистрироваться, может голосовать обычным образом. Гертруда пришла в восторг: не только потому, что кабинет создал лучший план, чем она, но и потому, что таким образом гарантировалось наличие в ассамблее не менее десяти членов племен. Первое заседание Государственного совета первого со времен Аббасидов арабского правительства Месопотамии сильно ее взволновало.

Главной задачей совета было умиротворить страну. Насилие продолжалось вдоль Евфрата и на севере, где самолеты королевских ВВС бомбили племена, нападающие на отдаленные британские гарнизоны. Кокс решительно намеревался добиться мира перед тем, как сделать следующий шаг, и для этой цели подавить беспорядки всей силой, которую мог собрать, – данную задачу облегчали находящиеся сейчас в его распоряжении дополнительные войска из Индии. Предводителям этого последнего бунта была обещана всеобщая амнистия, но Кокс не хотел ее осуществлять до тех пор, пока племена не покорятся. Гертруда уговаривала его объявить немедленно: она хотела, чтобы британцам досталось уважение как сделавшим это по собственной воле, а не под давлением арабов. Чиролу она писала: «Мнение суннитов [в Ираке] склоняется… в пользу турецкого принца. Мне это не нравится, но я готова с этим мириться. Я готова мириться с чем угодно, что обещает немедленную стабильность…»

Мир и стабильность для Ирака – такова была ее последовательная цель, чтобы жизнь обычных людей наладилось.

Войны племен с британцами оказались горькой пилюлей, которую пришлось проглотить. Вина в этом лежала как на дискредитированной администрации А. Т., так и на западных державах и их непрерывных проволочках в предоставлении обещанного самоопределения. Гертруду злило и то, и это, и вот теперь ей приходилось страдать от последствий. Бомбежки и пожары были ей ненавистны. В то же время она была согласна с Коксом, что новое арабское правительство не может справиться с бушующим восстанием, и неохотно поддерживала его в принятии крутых мер, чтобы добиться мира. Ее очевидную готовность принять турецкого принца, если этого пожелает будущий демократический Ирак, легче понять в свете юмористического замечания, сделанного ею однажды в письме к Хардингу в момент раздражения: «Иногда я думаю, не лучше ли нам было бы оставить арабские провинции под номинальным суверенитетом Турции. Рождение новых государств – это столько родовых мук!»

Как бы там ни было, но демократия означает в том числе и готовность принять к исполнению выраженную волю народа. В письме к Хью от 18 декабря 1920 года Гертруда сообщала: «Я сказала, что это дело полностью в их руках. Нам безразлично, кого они поставят эмиром или какой способ правления себе выберут, если мы будем уверены, что выбор был сделан свободно и честно без давления и запугивания».

В этом она была не совсем честна. Гертруда совершенно точно знала, какого короля хочет для Месопотамии. И только через неделю она написала отцу: «Я совершенно определенно и ясно чувствую, что есть лишь одно возможное решение – сын шерифа, а из них – Фейсал: очень, очень определенный первый выбор».

Глава 15
Коронация

В этом предпочтении у нее были важные союзники. Черчилль, новый государственный секретарь по делам колоний, выбрал Лоуренса своим советником по арабским делам. Лоуренс, как и Гертруда, был потрясен предательством французов по отношению к Фейсалу и хотел уменьшить собственное чувство вины и ответственности за то, что случилось в Сирии. Как и Гертруда, он считал, что Фейсал – лучший кандидат на корону Ирака. Но прежде должны были высказаться французы. В результате, как вскоре информировал Лоуренс Черчилля, занимавшегося в отпуске живописью на юге Франции, они выдвинули условие: Фейсал должен отказаться от всех претензий на Сирию и прекратить всякую поддержку сирийских националистов. Фейсал согласился на это и был готов отказаться и от претензий своего отца на Палестину взамен иракского престола для себя, а престола созданной недавно Трансиордании – для своего брата Абдуллы.

Но у Черчилля была в этот момент более важная административная задача – существенно уменьшить счет налогоплательщиков в 37 миллионов фунтов за военный контроль над Ближним Востоком и огромные расходы на управление Ираком. С этой целью он пригласил британских чиновников Ирака встретиться с ним на совещании в Каире.

Десятидневное совещание началось 12 марта 1921 года, и целью его стало рассмотрение всех аспектов политики на Ближнем Востоке. В Ираке Кокс практически подавил восстания предыдущих месяцев и был не менее Черчилля уверен, что следующий шаг к независимому арабскому правительству нельзя откладывать. На совещании присутствовали маршал авиации Хью Тренчард из Королевских ВВС, Кинахан Корнуоллис, специалист-разведчик, который в последнее время заведовал арабским бюро и теперь был прикомандирован к министерству финансов в Египте, и генерал-майор сэр Эдмунд Айронсайд, командующий войсками в Персии. Свита сэра Перси состояла из шести человек, включая Гертруду, Джафар-пашу и Сассун-эфенди Эскелла, еврейского бизнесмена, ныне министра финансов. Также присутствовал А. Т. Уилсон, сейчас работающий в нефтяном бизнесе – что не помешало ему занять передовую позицию на групповой фотографии, оттеснив Гертруду на задний план.

Лоуренс встретил иракскую делегацию на станции в Каире. С

их с Гертрудой последней встречи, на мирной конференции, он успел получить всемирную известность трудами журналиста Лоуэлла Томаса, написавшего его биографию и разъезжающего теперь по миру с лекцией и пресс-конференциями о своем герое. Лоуренсу публичность льстила и мешала: он раздраженно ругался, когда его заметили в заднем ряду кинотеатра, куда он тихо пробрался посмотреть фильм о себе самом. Впервые он стал более широко известен, чем Гертруда, – хотя ей было решительно на это наплевать. Она незаметно увела его в свой номер отеля «Семирамида», чтобы устроить выволочку за некоторые его комментарии для прессы, некоторые похвалы, некоторую критику работы гражданской администрации в Багдаде. Пока Кокс вон из кожи лез, чтобы подавить восстания, Лоуренс написал в статье в «Санди таймс»: «Народ Англии завели в Месопотамии в ловушку, из которой нелегко будет выйти с честью и достоинством. Дела обстоят куда хуже, чем нам говорили, а наша администрация оказалась более кровавой и неумелой, чем известно публике». Гертруда возразила ему на это и на его обвинения, что в Ираке силой вводится английский язык. Это ложь, сказала она Лоуренсу, и он сам это знает. «Вздор!»

Но они остались большими друзьями – теми же старыми добрыми «Пронырами». Оба теперь были среди движущих пружин Ближнего Востока и оба хотели увидеть Фейсала королем Ирака. Когда Лоуренс ушел, Гертруда навестила с кратким визитом Черчилля и его жену Клементину в их апартаментах, и на следующий день началась работа.

Кокс сказал Черчиллю, что временный Государственный совет, подчиненный британцам, вскоре будет заменен новым органом власти, предпочтительно арабским правителем. Как сообщила Гертруда, имелось несколько кандидатов: лидер суннитов, накиб Саид Абдул Рахман (он стар и наверняка откажется), турецкий принц, шейх Мухаммары. И были два серьезных конкурента: Фейсал и менее полезный Саид Талиб.

Талиб, сын накиба Басры, был примечательной фигурой, пользующийся популярностью на месте, политически хитроумный и однажды охарактеризованный Гертрудой как «неуправляемый». В настоящий момент министр внутренних дел, он злился за то, что его не включили в делегацию в Каир. Он был известный убийца – по крайней мере известно, что за ним числились убийства, – и во время войны пытался продать свои услуги по бешеной цене либо туркам, либо британцам. В Индии его арестовали, но впоследствии освободили благодаря вмешательству А. Т. Уилсона и британской администрации в Багдаде: как-никак он принадлежал к важной иракской семье, его

отец был главой мощной суннитской фракции в южном Ираке. Недавно Талиб помогал британцам гасить бунт в Багдаде и Басре и пытался втереться в доверие к Гертруде в вечер накануне отъезда в Каир, как она впоследствии вспоминала:

«Между стаканчиками виски он шептал мне на ухо все более задушевным тоном, что всегда относился ко мне как к сестре, следовал моим советам и сейчас только во мне видит единственную свою надежду и опору. А я, чувствуя, что его амбиции никогда не будут удовлетворены и удовлетворять их ни в коем случае не следует, могла только бормотать в ответ бесцветные выражения дружбы».

Кокс, Гертруда и Лоуренс изложили на этой конференции свои доводы в пользу Фейсала. Он был героем войны и храбрым союзником британцев во время восстания. Он отличался благородством, умел воодушевлять – и был под рукой. Черчиллю также импонировал тот факт, что Фейсал даст британцам некоторое преимущество перед своим отцом шерифом Хусейном и своим братом Абдуллой. И он согласился. Голосование прошло в пользу Фейсала. Черчилль телеграфировал на родину, подчеркивая то, что было для него главным пунктом: «Сын шерифа Фейсал дает надежду на лучшее и наиболее дешевое решение». «Мы за две недели провернули больше работы, чем раньше нам удавалось за год, – писала Гертруда Фрэнку Бальфуру. – Мистер Черчилль восхитителен, всегда готов идти навстречу и одинаково искусен в руководстве большим политическим собранием и в проведении малых политических комитетов, на которые мы распались».

Ирак Гертруды начинал приобретать форму. Небольшой комитет, в который вошли она, Кокс, Лоуренс и иракские министры, взялся за работу, не считаясь со временем и географией. Для суннитского лидера в стране с шиитским большинством происхождение по прямой линии от Пророка должно было оказаться козырной картой. Эмира следовало немедленно пригласить в Багдад, до начала выборов правителя. До того он должен посетить Мекку, чтобы его кандидатура была объявлена оттуда. Чем дальше он двигался на восток, тем сильнее росла его поддержка. Черчилль телеграфировал домой: «И Кокс, и мисс Белл согласны, что, если следовать выбранной процедуре, появление Фейсала в Месопотамии приведет к его общему признанию».

Вторым большим вопросом для обсуждения – в том, что касалось Гертруды, – была Палестина. Черчиллю приходилось иметь дело со множеством конфликтующих вопросов: ему требовалось определить с французами удовлетворительную

границу между Палестиной и Сирией, еще одну на юге между Палестиной и Египтом. Он должен был сдержать обещание национального очага для евреев, одновременно не нарушив обещание полумиллиону живущих в Палестине арабов, что они получат самоопределение. И более того: какое бы правительство ни установил он в Палестине, оно не должно стоить Британии больше, чем нынешние шесть миллионов в год. По мере хода конференции ему казалось, что решение найдено. К востоку от реки Иордан будет создано новое арабское государство. В конце концов названное Трансиорданией, оно получит арабское правительство, и возглавить его пригласят Абдуллу. К западу от Иордана евреям будет позволено селиться среди арабов, но Британия продолжит контролировать эту территорию согласно мандату. Кроме того, вероятно, это Лоуренс повлиял на его решение расширить границы мандата на юг к Акабе и вставить клин между все более угрожающим Ибн Саудом и британцами в Египте.

Черчилль проинструктировал Герберта Сэмюэла, верховного комиссара Палестины, ограничить свою ответственность землями к западу от Иордана, где будут селиться евреи, и дал ему еврейские войска для защиты данной территории. Гертруда считала, что это прямой путь к катастрофе. Она соглашалась с комментариями сэра Уиндэма Дидса, идеалистического сиониста, который не мог скрыть своей тревоги по поводу принятых решений о Палестине. В частном разговоре Дидс как-то выпалил: «Есть у нас политика? Наше правительство знает, что делает? Если спросить мистера Черчилля, как он себе представляет положение в этих арабских странах через двадцать лет, может он вам дать хоть самый туманный ответ? Он не знает, и он не думает. В том, что мы делаем, нет никакой координированности».

Гертруда была откровенна в своей оппозиции сионизму с начала и до конца. Она писала Домнулу: «Французы в Сирии и сионизм в Палестине создают неодолимый барьер для того, чтобы действовать с арабами честно. Честная политика, возможно, только у нас в Месопотамии… Тупик в Палестине очень заметно отличается от того, в который уперлись в Сирии: выход совершенно очевиден, а именно – бросить сионистскую политику».

В своих предсказаниях она оказалась права. Уже в июле 1922 года арабы откажутся признавать декларацию Бальфура, отвергнут палестинский мандат, выданный Британии Лигой Наций, и начнется истребление евреев в поселениях арабскими толпами.

Когда конференция закончилась, к Гертруде на несколько

дней приехал ее отец. Как и Черчилль, он хотел поговорить о финансах. Империя ее деда была на грани краха. Стоимость акций компании «Дорман Лонг», в которой сэр Хью и сэр Артур Дорман владели большей частью капитала, начала падать. Чтобы поднять цену акций, они стали их скупать, но спад в компании от этого только ускорился. Гертруда впервые в жизни почувствовала, что также должна обратить мысли к теме денег. Ее собственные финансы, как всегда, находились на периферии ее интересов: жизнью ее была работа, а предметы роскоши не интересовали. И все же она почувствовала, что тоже должна чем-то пожертвовать. По возвращении в Багдад она вскоре так погрузилась в работу, что не смогла придумать ничего лучше экономии на перьях. Она написала Флоренс с просьбой прислать синего трикотина в достаточном количестве, чтобы Мари сшила ей платье для офиса, и еще попросила выслать для шляпника отрез на шляпку к платью, «украшенную красновато-коричневыми перьями, фазаньи подойдут… страусовы не надо, слишком дорого».

Перед тем как начать какие-то публичные действия для продвижения Фейсала, нужно было подождать, пока Черчилль проконсультируется с кабинетом и получит согласие правительства его величества на участие Фейсала в выборах. Период ожидания оказался короткими каникулами для багдадских британцев, находящихся в радостном настроении. Очень давно уже не слышали в офисе шуток, но сейчас снова зазвучал смех. Гертруда добавила замечание о шейхе, в числе других приглашенном на концерт, где музыкант – некто капитан Томас – исполнял «Патетическую сонату». «После концерта спросили, как ему понравилось. “Валахи! – ответил он. – Кош Дакка! (Видит Бог, отлично стучит!)”».

В этом антракте Гертруда была занята текущими дебатами о том, что надо будет сделать с Ктесифоном, наиболее известным местом раскопок в Ираке, чтобы спасти большую фасадную стену, которая начала заметно клониться наружу. Еще Гертруда виделась со своим другом Хаджи Наджи, огородником и садоводом из Аль-Каррады неподалеку от Багдада, ради чьего приятного общества она много раз ездила в деревню. «Хаджи Наджи… соль земли… необычная замена подруги, но лучшая, которую я могла найти». Они гуляли и сидели под абрикосами и шелковицами, которые как раз созревали, ели свежий салат. Иногда он приезжал к ней домой поговорить о политике или доставить корзину фруктов и овощей, накрытую букетом цветов. Этот садовод был твердым сторонником Британии и поддерживал правление эмира из шерифов. Его дружба с Гертрудой была ему одновременно и в помощь, и в тягость. Живя с семьей одиноко в

селе, он до некоторой степени являлся привлекательной целью для национал-экстремистов и иногда должен был выставлять вокруг дома по ночам охрану. Гертруда неофициально использовала его как свои глаза и уши вне города. Позже, когда эмир прибыл в Басру, она представила старика Кинахану Корнуоллису, который был назначен помощником Фейсала, и Хаджи Наджи со своей партией устроили Фейсалу встречу.

Через три месяца после каирской конференции каникулы закончились, и события понеслись быстрее. Фейсал двинулся из Мекки в Ирак и должен был прибыть в Багдад к концу июня. У Гертруды попросили консультацию по поводу временного флага Ирака, убранства улиц в честь прибытия Фейсала, и она стала проявлять необычную для себя нервозность.

«Я думаю, что Фейсал в достаточной степени политик, чтобы понять: он должен привлекать на свою сторону старшее, более осторожное поколение, в то же самое время не охлаждая особенно энтузиазм своих более горячих сторонников».

В Каире Черчилль спрашивал, может ли администрация организовать выборы в пользу Фейсала: «Вы уверены, что на месте выберут его?» Западные политические методы, добавил он, «не обязательно применимы на Востоке, и избирательную базу следует организовать». Это была не столько рекомендация, сколько приказ. Отвергнутый Фейсал стал бы катастрофой, и весь арабский вопрос открылся бы заново. Кокс выполнил эту директиву буквально. Не могло быть сомнений, что Фейсал представляет собой наилучшую надежду на стабильность Ирака. Коксу и Гертруде предстояло наблюдать, как он придет к власти по собственному выбору страны, но надо было видеть всем: он выбран независимо от желания британцев. «Я ни секунды не сомневалась в правильности нашей политики, – замечала Гертруда. – Мы не можем продолжать прямое британское правление… Но это довольно смешное положение, когда надо снова и снова повторять людям, что им нужно правительство арабское, а не британское, хотят они того или нет».

В силу воспитания, образования и аравийского опыта у нее был прагматический взгляд на демократию. В «Обзоре гражданской администрации Месопотамии» она писала:

«Рядовых членов племен – пастухов, жителей болот, земледельцев, выращивающих рис, ячмень и финики по берегам Евфрата и Тигра, чей государственный опыт ограничивается пересудами о жизни соседей, вряд ли стоит спрашивать, кто должен быть следующим правителем страны и по какой конституции. В любом случае они разве что протранслируют в порядке подчинения формулы, выданные их непосредственными

вождями, и куда экономнее – не говоря уже о том, что намного быстрее, – будет задавать эти вопросы только их вождям».

Современные критики процедур, которыми британцы должны были обеспечить поддержку выборам Фейсала в короли, могут задуматься о хваленой сегодняшней демократии. В каждой европейской стране свой вид демократии. В момент, когда пишется эта книга, «свободная и честная» избирательная система породила в Британии правительство, которого хотели всего тридцать шесть процентов голосующих. В Соединенных Штатах не массы решают выборы, а голоса избирателей-маргиналов.

Гертруда стремилась сделать так, чтобы никто не пострадал как представитель меньшинства в стране, расколотой расово, религиозно и экономически. Эти люди были в надежных руках. Все, что писала Гертруда, показывает, что главным для нее всегда оставалась защита людей, в частности меньшинства, от дискриминации и преследований. Очень многие из ее писем выражают беспокойство по поводу несправедливостей, в частности, массовых убийств армян, курдов и других меньшинств Османской империи. Она видела больных и голодных, уцелевших в этой бойне, бредущих в Багдад («О, Домнул, это был прилив человеческого страдания»). Год работы в департаменте раненых и пропавших без вести дал ей ежедневный опыт столкновения с варварством в беспрецедентных масштабах. На службе в Басре и Багдаде ей по необходимости приходилось воспринимать доклады о таких зверствах. Ее усилия определить границы и разработать структуры для новых правительств были посвящены предотвращению несовместимых соединений рас и вер. В Ираке большая часть населения принадлежала к меньшинствам, религиозным или расовым. Любая система голосования простым большинством оставила бы без представительства огромные куски страны. Если бы в Ираке применили британскую избирательную систему того времени, то голосование оказалось бы привилегией только людей, имеющих собственность, и власть попала бы к богатому суннитскому меньшинству, как было при турках.

Вернувшись из Каира, Кокс и Гертруда обнаружили, что Саид Талиб усердно ведет предвыборную кампанию. За обедом, который он дал в честь корреспондента «Дейли телеграф», он заявил, что среди британского персонала есть лица, известные своей небеспристрастностью, оказывающие неположенное влияние на выборы. Талиб спросил журналиста, не надо ли ему апеллировать к королю Георгу с просьбой удалить этих официальных лиц, и при этом высказал весьма недвусмысленную угрозу: если будет сделана какая-то попытка повлиять на выборы,

то «есть эмир Эль-Рабия и тридцать тысяч винтовок, которым это не понравится, есть и шейх Шабаиш со всеми своими людьми». Гертруда, которая присутствовала на обеде, заметила: «Это было подстрекательство к бунту в той же степени, что и любое сказанное теми людьми, кто взбунтовал страну в прошлом году, и не очень далеко от объявления джихада. Не исключено, что Талиб поведет избирательную кампанию так горячо, что сам окажется в тюрьме».

Гертруда слышала, что Талиб собирает вокруг себя наемных убийц, которых, как говорил, использовал в Басре при турках. Она немедленно информировала Кокса о его словах и поделилась с ним своим кошмаром: Фейсал убит наемными головорезами Талиба. Кокса это побудило к решительным действиям, о которых он сперва сообщил Гертруде. И сразу после званого чая у леди Кокс, где Талиб был гостем, его арестовали. Кокс докладывал Черчиллю: «Он был арестован сегодня, на людной улице, и отправлен вниз по реке в Фао. Не предвижу неприятностей, поскольку считаю, что большинство людей вздохнуло с облегчением. Надеюсь, что Вы сможете поддержать меня в этих действиях и дать мне полномочия выслать его на Цейлон». Черчилль ответил, что речь Талиба была подстрекательской, и изгнание утвердил. Большую часть своих оставшихся дней Талиб провел в Европе, живя на британскую субсидию, которая, стоило ему появиться в Ираке, была бы тут же отменена.

Хотя не проконсультироваться по этому поводу с Гертрудой было жестом высокомерным и нехарактерным для Кокса, хотя устранение претендента накануне выборов противоречило всем демократическим принципам, Гертруда испытала огромное облегчение, еще усилившееся, когда после ухода Талиба открылся масштаб его деятельности по сбору средств, большая часть которой состояла в вымогательстве. Она утверждала, что угрозы сами по себе сделали Талиба несовместимым с демократическим процессом. По поводу депортации Талиба британцам поступила только одна жалоба: от Гарри Сент-Джона Бриджера Филби, политического агента у Кокса, который работал британским советником у Талиба в бытность того министром внутренних дел. «Джек» Филби, ранее служивший в Индийской гражданской службе, опытный путешественник по Востоку, был человеком твердых мнений и всегда озадачивал Гертруду и Кокса степенью своего восхищения Талибом. Неудивительно, что он возмутился и пришел в офис ради эпической схватки с Коксом: с Гертрудой он отказывался разговаривать и при всех следующих встречах ее просто не замечал.

Гертруда вернулась к организации встречи Фейсала. Ей было

приятно, что накиб, а не британцы взял на себя труд проследить, чтобы эмира как следует приняли и соответственно устроили. К несчастью, комитет, выбранный для организации приема, так раздирали противоречия, что его члены чуть не подрались. Присутствовавшая на первом заседании Гертруда, вздохнув, оставила их спорить и пошла организовывать прием сама. Она заглянула к железнодорожным служащим и распорядилась должным образом декорировать поезд, который будет забирать Фейсала из Басры[38]. Единственными подходящими апартаментами для эмира и его свиты было старое правительственное здание, Сераи, требующее ремонта. Гертруда обратилась к департаменту общественных работ и представила график. Она взяла с багдадской знати взносы, предназначенные для покупки хороших ковров, мебели и декорирования стен. Купцов попросили доставить мебель, посуду и столовые приборы. Нашли умелых слуг, шестидесяти видным гражданам Багдада поручили приветствовать Фейсала по прибытии и стали муштровать почетный караул. Гертруда писала домой: «Вчера до нас дошли известия о прибытии Фейсала в Басру [23 июня 1921 г.] и превосходной встрече, слава небесам… Фейсал сейчас двинулся в Дженеф и Кербелу и будет там в среду 29-го».

Удачно вышло, что Фейсал был прирожденным оратором. Он уже завоевал сердца и умы на большом приеме, организованном в его честь в Басре. Проведя ночь в поезде, он должен был прибыть в Багдад утром двадцать девятого. Город был убран триумфальными арками и арабскими флагами и набит людьми. На вокзале собралась огромная толпа, приготовили почетный караул и оркестр. Потом объявили о задержке в пути и что эмир приедет на автомобиле. Все стали вянуть на дневной жаре, и Кокс взял на себя командование. Он распустил людей по домам, велев вернуться к станции в шесть вечера.

Фейсалу он послал сообщение ожидать в поезде, пока не решится проблема на линии, а потом ехать дальше, рассчитав время так, чтобы прибыть к вечерней прохладе. Публика сперва рассосалась, потом собралась вновь. Наконец приехал Фейсал.

Прием разворачивался по плану. Фейсал через всю комнату подошел к Гертруде пожать ей руку. Но когда передовая группа вышла, она, стоя рядом с личным советником эмира Кинаханом Корнуоллисом, услышала, что визит в Басру прошел не так гладко, как она надеялась. Политические агенты, встречавшие его там, держались до неприличия надменно. Наиболее оскорбительно вел себя Филби. Для Кокса послать Филби эскортировать Фейсала в Багдад было на первый взгляд странным решением. Таким образом он надеялся показать, что британцы

беспристрастны и пока не рассматривают Фейсала как кандидата. Может быть, он давал Филби второй шанс. Определенно он думал, что несколько часов под обаянием Фейсала убедят Филби в его превосходных качествах. Этого, к сожалению, не случилось. В поезде Филби разозлил эмира, отстаивая заслуги его хашимитского противника Ибн Сауда – после гибели капитана Шекспира контактным лицом британцев с Ибн Саудом стал Филби – и уверяя, что Ирак должен быть республикой. В Багдад Фейсал прибыл в раздражении и недоумении. С ним верховный комиссар Ирака или нет, и если да, то почему у его подчиненных иная позиция?

Для Кокса это стало последней каплей. С поезда Филби сошел рано, видимо, от нездоровья, и не появлялся несколько дней. Когда же появился, то был приглашен в кабинет Кокса и отстранен от работы. Говоря дипломатичными словами Кокса: «Мне пришлось расстаться с мистером Филби, поскольку на той стадии процесса, которой мы достигли, его концепция политики его величества начала слишком сильно расходиться с моей».

Гертруда сожалела об этом, но понимала, что Кокс прав. Она знала Филби еще по Басре, однажды на Рождество была с ним среди болотных арабов на торжественном спуске корабля на воду и написала много материалов в его арабскую газету. Он часто служил доверенным посредником и в переговорах с накибом, но стало ясно, что больше ему доверять нельзя. Гертруда посетила Филби и его жену, чтобы выразить сочувствие, и «…беседа получилась очень тяжелая. Миссис Филби расплакалась, сказала, что это из-за меня уволили ее мужа, и вышла из комнаты. Я ему напомнила о нашей долгой дружбе и заверила, что сделала все возможное… Как он мог поверить в дело этого негодяя Талиба – не могу понять, но он решительно связал себя с ним».

При первой возможности Гертруда оставила у Фейсала в Сераи свою карточку. За ней тут же послали адъютанта, который сообщил, что эмир хотел бы ее видеть. «Фейсал сразу же послал за мной, – писала она. – Меня провели в большую комнату, он быстро подошел в своих длинных белых одеждах, взял меня за обе руки и сказал: “Я никогда бы не поверил, что вы можете мне помочь так сильно, как помогли”… и мы сели на диван». Дальше был пышный банкет в садах Мода. В честь известной любви Фейсала к поэзии встал поэт Джамиль Захави и прочитал огромную оду, полную аллюзий на Фейсала, короля Ирака.

«И тогда выступил вперед на траву между столами шиит в белой мантии и черном плаще, в большой черной чалме и продекламировал стихотворение, в котором я ни слова не поняла. Оно было очень длинным и, как я уже сказала, совершенно

неразборчивым, но тем не менее чудесным. Высокая фигура в мантии, декламирующая нараспев и отмечающая ритм поднятой рукой, темнота в листьях пальм за пределами освещенного круга – это гипнотизирует…»

Однако не сказать, чтобы все шло как по маслу. Племена из низовьев Евфрата готовили петиции в пользу республики, многие шиитские муджтахиды восставали против Фейсала. Гертруда почувствовала, что с растущим напряжением трудно справляться, и до предела мобилизовала все свои силы – разговаривала, убеждала, писала, продолжала спорить даже во сне. Багдад завоеван, думала она, и остается только надеяться, что вся страна последует его примеру.

Приемы и обеды продолжались, самые великолепные – в доме накиба. Когда приближался Фейсал, старик, ковыляя, выходил на площадку лестницы, там они официально обнимались и шли рука об руку к стоящим гостям. Гертруда сидела справа от Фейсала. «Чудесное было зрелище, этот торжественный обед в открытой галерее, – писала она, – халаты и мундиры, толпы слуг, все выросшие в доме накиба, порядок и достоинство, настоящее величие, напряжение духа, которое чувствуешь, как ощущаешь обжигающий жар вечернего воздуха».

11 июля Государственный совет по предложению накиба единогласно объявил Фейсала королем. Кокс, хотя испытал большое облегчение, знал, что необходимо провести референдум, подтвердить, что Фейсал – это выбор народа. Они с Гертрудой уже сформулировали вопрос: «Согласны ли Вы, чтобы Фейсал был королем и правителем Ирака?» – и напечатали бюллетени для раздачи большому количеству представителей племен, в том числе тремстам нотаблям.

Гертруда стала в апартаментах Фейсала частым гостем. Ее всегда пропускали прямо к нему через набитую приемную распоряжением его британского советника, высокого и красивого Кинахана Корнуоллиса, которого она начинала считать «башней силы». Фейсал проводил свои дни за встречами с людьми со всех концов страны, а вечера – на званых ужинах, принимая по пятьдесят гостей за раз. Имеющая немалый вес еврейская община устроила эмиру большой прием в официальном доме главного раввина. У многих были предубеждения против арабского короля, но они развеялись в этот вечер, когда Фейсал встал и экспромтом произнес блестящую речь, в которой с большой теплотой напомнил, что евреи – одной расы с арабами. Он поблагодарил за поднесенные дары – красиво переплетенный Талмуд и золотое факсимиле Скрижалей Закона. Гертруда отметила: «Я безумно счастлива тем, как все идет. Такое чувство, что мне это снится…

под наши гарантии весь народ идет к Фейсалу, и чувствуется, что мы сделали правильный выбор, рекомендуя его. Если мы сможем создать из хаоса какой-то порядок, то это будет то, что очень стоит сделать!»

Потом пришел черед празднеств в Рамади. Если произошедшая через несколько недель коронация Фейсала была европейским событием, то в Рамади состоялся ее бедуинский эквивалент, собрание племен в его честь, и кульминация побед арабской битвы за независимость. Для Гертруды это тоже стало кульминацией ее долгой битвы за арабов, ощущаемой вершиной радости и триумфа племен и событием, в котором она, хотя и не единственная присутствовала из британцев, занимала из них первое место и стояла на помосте с Фейсалом, Али Сулейманом – могущественным пробритански настроенным шейхом дулаима – и своим большим другом Фахад-Бегом из аназеха.

Три недели температура держалась выше 115°[39]. До Рамади на Евфрате было семьдесят миль. Гертруда со своим шофером выехала в четыре утра. На полпути до Фаллуджи она увидела поднимающееся облако пыли, сигнализирующее, что впереди кавалькада Фейсала. Поравнявшись с его машиной, Гертруда попросила разрешения ехать вперед, чтобы сфотографировать его прибытие. За несколько миль до Фаллуджи их встретили шатры племени дулаим, и далее вдоль дороги стояли племена, приветствующие процессию криками и потрясанием винтовок над головой. Поднятая пыль стояла по обеим сторонам дороги, как плавающие обрывы. Когда Фейсал проезжал мимо, племена разворачивались и неслись галопом вдоль дороги, образуя дикую кавалькаду вровень с машиной. Так Фейсала сопроводили в Фаллуджу, где дома были в убранстве, а люди высыпали на улицы и крыши.

Здесь они ненадолго остановились: Фейсал принимал приветствия и ел, а процессия автомобилей переехала через Евфрат по импровизированному мосту из составленных барж. Фейсал и его небольшая свита, включая Гертруду, взошли после этого на празднично убранное судно и пересекли реку. Другой берег был крут, и там, где начиналась Сирийская пустыня, стояли бойцы аназеха, племени Фахад-Бега, на конях и верблюдах. Фейсал остановил машину, чтобы отсалютовать большому флагу племени. По пути на северо-запад их сопровождали племена, а вождь Али Сулейман вышел на окраины Рамади приветствовать Фейсала. На берегах их ждало необычайное зрелище: перед сплошными рядами коней и верблюдов стоял огромный снежно-белый верблюд, и на нем сидел черный знаменосец, возносящий знамя племени дулаим.

Фейсал вошел в тень черного шатра, поставленного возле Евфрата: квадрат со стороной двести футов и стены из свежесрезанных ветвей. Внутри, от самого входа и до помоста в другом конце стояли плечом к плечу люди племен. Фейсал сел на высокую тахту, а по правую руку от него устроился Фахад-Бег. «Великий человек среди людей прославленных племен и величайший суннит среди суннитов… я никогда не видала Фейсала в таком блестящем виде. Он был в обычных своих белых одеждах, в тонкой черной аббе (туника) поверх, развевающейся белой головной повязке и отороченном серебром акале (веревочная лента)». Потом он заговорил, подался вперед, подзывая ближе тех, кто стоял в задних рядах. По людям прошла волна – человек пятьсот приблизились и сели перед ним на землю. Он заговорил с ними своим сильным музыкальным голосом, как вождь племен.

И говорил великим языком пустыни, звучным и торжественным – другого такого нет.

«Четыре года, – сказал он, – не был я в таком месте или в таком обществе». Он рассказывал им, как поднимется Ирак их усилиями и под его главенством. Он спросил их: «Арабы, в мире ли вы друг с другом?» Они крикнули в ответ: «Да, в мире!» – «С этого дня – какое сегодня число? И который час?» Ему ответили. «С этого дня, – названа дата магометанского календаря, – и с этого часа любой араб, поднявший руку на араба, ответит передо мной. Я буду судить вас, созывая на совет ваших шейхов. У меня права над вами как у вашего господина… и у вас права моих подданных, охранять которые – моя обязанность». Его речь прерывалась криками племен: «Да, во имя Аллаха!» и «Правда, видит Аллах, правда!»

Это был высший момент в карьере Гертруды, кульминация ее работы. Фахад-Бег и Али Сулейман встали по обе стороны от Фейсала принести ему клятву верности. Но слова они сказали такие: «Мы клянемся тебе в верности, ибо ты принят британским правительством». Гертруда писала:

«Фейсал был несколько удивлен. Он быстро оглянулся на меня – я улыбалась – и потом сказал: “Никто не усомнится в том, каково мое отношение к британцам, но свои дела мы должны решать сами”. Он снова посмотрел на меня, и я показала ему руки, сцепленные в замок, как символ единства арабского и британского правительств. Это был потрясающий момент».

Тогда Али Сулейман вывел вперед сорок или пятьдесят своих шейхов, одного за другим – вложить руки в руки Фейсала и принести клятву. Фейсал вышел из тени на солнце, сопровождаемый Сулейманом и Фахад-Бегом. Вокруг них

кружили люди племен – тысячи, скача на конях с дикими криками, сопровождали их в дворцовый сад, где ожидал пир. Потом Фейсал поднялся на высокий помост у стены, увешанной коврами. Вожди и Гертруда сели за ним, и один за другим главы городов и деревень, кази и другие нотабли всех городов Ирака, от Фаллуджи до Каима, поднимались по очереди со стульев между деревьями и подходили вложить свои руки в руки Фейсала. Гертруда любовалась красотой оформления, разнообразием одежд и цветов, суровыми лицами деревенских стариков, в белых чалмах или красных куфиях, и достоинством, с которым Фейсал принимал знаки почтения. Только шесть недель прошло с его прибытия, а референдум показал почти единодушную его поддержку. Через две недели ему предстояла коронация в Багдаде, и он просил накиба помочь сформировать его первый кабинет. Гертруда хотела показать Фейсалу большую арку Ктесифона, которой он никогда не видел. Вскоре после рассвета она со своими слугами поехала подготовить завтрак, который будет съеден еще в утренней прохладе. Там они расположились на тонких коврах, пили кофе, ели яйца, язык, сардины и дыни. Она писала домой шестого августа:

«Было на удивление интересно показывать Фейсалу это прекрасное место. С таким туристом приятно работать. Когда мы восстановили дворец и увидели сидящего в нем Хосрова, я подвела Фейсала к высоким окнам на юг, откуда виден был Тигр, и рассказала ему историю арабского завоевания, как она записана у Табари… Можете себе представить, каково было излагать ее ему. Не знаю, кто из нас был увлечен сильнее…

Фейсал обещал мне полк арабской армии – “личный для Хатун”. Я вскоре попрошу вас вышить их цвета… Отец, правда же, это чудесно? Иногда мне кажется, что все это может быть только во сне».

Полк не появился. Этот очаровательный комплимент был очень приятен Гертруде, но было бы трудно получить утверждение от Кокса.

Вернувшись в свой кабинет после выезда в Ктесифон, Гертруда четыре часа работала, потом посетила накиба. Затем, в роли президента Багдадской публичной библиотеки, присутствовала на заседании комитета. Она решила, что в библиотеке появятся книги на трех европейских языках, а также на арабском и еще пяти восточных языках, будет издаваться книжное обозрение в виде журнала и каталог всех имеющихся в библиотеке рукописей. Гертруда нанесла визит вежливости свояченице Сассун-эфенди Эскелла и вернулась домой давать обед для Хамид-хана, двоюродного брата Ага-хана. Даже для нее

день выдался очень напряженный. Было невыносимо жарко, но, несмотря на сильные течения и случайных акул – одна укусила на этой неделе мальчика, – Гертруда поплавала в Тигре и написала домой забавную новость о последнем приобретении в зверинце Кокса – самом большом орле, которого ей доводилось видеть. «Он живет на насесте на теневой стороне дома и ест летучих мышей. Они попадаются в сеть в сумерках… Орел любит есть их по утрам, так что многострадальная леди Кокс хранит их в жестянке на леднике».

Никогда Гертруда не была так занята и так счастлива. Как бонус ее на визиты часто сопровождал советник короля. Высокий, чисто выбритый, «Кен» Корнуоллис был загорелым красавцем с выступающим носом и пронзительными синими глазами. Человек агрессивной честности, с юмором, он уже пять лет работал советником Фейсала, и эмир пригласил его с собой в Багдад.

И был сам Фейсал, с обаянием и юмором, с благодарностью и с интересом к Гертруде. Они чувствовали взаимную привязанность: он называл ее сестрой.

В один жаркий вечер Гертруда ехала верхом вдоль Евфрата, наслаждаясь прохладным речным воздухом, и миновала новый дома Фейсала, все еще в процессе восстановления. Увидев у дверей его машину, она оставила пони с его невольником, взошла на крышу в бриджах и блузке. Там он сидел с адъютантами, глядя на отражение заходящего солнца в воде, а дальше у горизонта пустыня сливалась с краснотой неба. Фейсал улыбнулся Гертруде, пригласил ее жестом присоединиться к пикнику, встал и взял ее за руку. Идя с ней рядом, он заговорил по-арабски, назвав ее по-дружески на «ты». «“Енти иракийя, енти бадасияк”, – сказал он мне. – “ Ты месопотамка, ты бедуин”».

В последнюю минуту перед коронацией произошла накладка: министерство по делам колоний прислало телеграмму, требующую, чтобы Фейсал объявил в своей речи высшей властью в стране верховного комиссара. Фейсал ответил, что с самого начала ясно дал понять: он – суверенный правитель, имеющий договор с Британией. Объявить Кокса высшей властью значило бы снова разжечь оппозицию экстремистов. Гертруда согласилась с ним. Усиливать свою независимость – вот то, что его изначально просили делать.

23 августа 1921 года Фейсал был коронован в убранном коврами дворе здания Сераи в Багдаде, где сейчас занимал комнаты для приемов. Полторы тысячи гостей сидели блоками: британцы, арабские официальные лица, горожане, священнослужители, прочие депутаты. Церемония началась прохладным ранним утром, в шесть часов. Фейсал в мундире, сэр

Перси в парадной белой форме со всеми лентами и звездами и генерал сэр Эйлмер Холдейн, командующий армией, в сопровождении нескольких адъютантов, прошли сквозь строй почетного караула – Дорсетского полка – к помосту. «Фейсал выглядел достойно, но очень взвинченно, – замечала Гертруда. – …Он осмотрел передний ряд, перехватил мой взгляд, и я отсалютовала ему незаметным движением руки».

Саид Хусейн, представляющий старого накиба, вслух прочел объявление Кокса, где указывалось, что Фейсала избрали королем 96 процентов населения Месопотамии. Прогремел клич: «Да здравствует король!», публика встала, подняли флаг, и оркестр – за неимением пока национального гимна – заиграл «Боже, храни короля». Прозвучал салют из двадцати одного орудия. И сотнями пошли к Фейсалу приветственные делегации:

«Басра и Амара в пятницу, Хилла и Мосул в субботу… сперва городские магнаты Мосула, мои гости и их коллеги. Потом христианские архиепископы и епископы и великий раввин иудеев… Третья группа оказалась интереснее прочих: это были курдские вожди с границы, решившие поселиться в независимом Ираке и посмотреть, возникнет ли независимый Курдистан, который будет на их вкус лучше…»

Кульминацией недели стало приглашение Гертруде от Фейсала на чай, чтобы обсудить проект нового национального флага и личного штандарта короля, на котором должна быть золотая корона в красном треугольнике Хиджаза. Первый кабинет был сформирован: у Гертруды имелись тайные сомнения насчет трех из девяти его членов, и она радовалась, что не ей теперь решать.

Фейсал пригласил ее на свой первый торжественный обед в доме на реке. Изысканно одетая, она плыла вверх по Тигру на его барке. Жители пригорода Каррада узнавали ее и приветствовали, улыбаясь. Ее спутник Нури-паша Саид сказал ей, что как Фейсала запомнят в Лондоне по его арабской одежде, так и ее всегда будут помнить: «Хатун только одна такая… Так что еще сто лет будут говорить о проезжавшей здесь Хатун».

«Рассказывала ли я вам, как выглядит река в жаркий летний вечер? В сумерках над водой длинными белыми лентами повисает туман, закат гаснет, на обоих берегах сияют огни города, река темная, гладкая, полна таинственных отражений, как триумфальная дорога сквозь туман. Тихо спускается по течению лодка с подмигивающим фонарем, потом стая кафф, каждая с маленькой лампочкой, до краев нагруженная арбузами из Самарры… А мы сбавляем ход, чтобы их не качнуло, и волны от нашего прохода даже не гасят плавающие молитвенные свечки,

каждая в своей крохотной лодочке, сделанной из оболочки финикового соплодия, – озабоченные руки пустили их по воде выше города, и если они доплывут до города, не погаснув, больной поправится, ребенок удачно родится в этот мир жаркой тьмы и мерцающих огоньков… Теперь я отведу вас туда, где стоят на страже пальмы вдоль берегов, и вода так неподвижна, что в ней виден Скорпион, звезда за звездой…

…И вот мы на крыльце Фейсала…»

Глава 16
Жизнь и уход

Гертруда в свои пятьдесят три заметила, что ее все больше и больше привлекает общество короля. Фейсал в свои тридцать шесть был обаятельнейшим собеседником, любящим и нежным с теми, кому доверял, покоряющим своим влиянием всех вокруг. Оба – Гертруда и король – обладали умением замечать забавные нелепости и смеяться над ними наедине друг с другом, поэтому слуги, занятые где-то в доме, иногда, наверное, интересовались, что за хохот слышится из-за закрытых дверей.

Король со своей стороны видел в Гертруде необычайную личность, замечательного союзника, всегда прекрасно информированного и с такой личной историей приключений, которой он, арабский мужчина, едва мог поверить. Женщина быстрых движений и быстрого ума, она горячо и живо вела политические споры. Она всегда внимательно смотрела в глаза собеседнику, а прорывающийся иногда резкий тон раздражения уравновешивался частым подмигиванием. Вопреки климату и вреду для своего здоровья, она все еще любила скакать по берегам Тигра в ранних утренних туманах, одевшись в бриджи с кожаными сапогами до колена и твидовую куртку, ходить иногда с Фейсалом на целый день стрелять куропаток и плавать в реке по вечерам.

Американская журналистка Маргерит Харрисон, интервьюировавшая Гертруду в Багдаде для «Нью-Йорк таймс» в 1923 году, имела редкую возможность видеть Гертруду в ее кабинете:

«Меня провели в небольшую комнату с высоким потолком и длинной стеклянной дверью, выходящей на реку. Такой неприбранной комнаты я в жизни не видела: столы, стулья, диваны завалены документами, картами, брошюрами и документами на английском, французском и арабском. За столом со штабелями документов, сползающих на ковер, сидела худощавая женщина в элегантном спортивном платье из вязаного шелка, светло-коричневом. Когда она встала, я заметила, что фигура у нее все еще изящная и грациозная. Тонкий овал лица с резко очерченным ртом и подбородком, с серо-синими глазами, в ореоле мягких седых волос – это было лицо гранд-дамы. В этой внешности, в этом поведении никак нельзя было угадать обветренного путешественника. “Парижское платье, мейфэрские манеры”. И это женщина, которая заставляет дрожать шейхов!»

Даже сейчас Гертруда оставалась бесстрашной. Как-то утром, когда они завтракали с Хаджи Наджи в его летнем доме, вошел дервиш с железным посохом и грубо потребовал, чтобы его приняли как гостя. Хаджи Наджи велел ему уйти. Тот угрожающе посмотрел на Гертруду и сказал, что у него столько же прав быть здесь, сколько у нее. После этого сел на проходе, заявил: «На Бога уповаю» – и стал читать вслух стихи из Корана. Ни Хаджи Наджи, ни его сын, ни слуги не могли его сдвинуть, и тогда Гертруда сказала дервишу: «Бог отсюда очень далеко, а полиция очень близко», выхватила у него железный посох и им же его ударила. Он ушел.

Фейсал и Гертруда вместе стремились к процветанию вновь созданной страны и в конечном счете к более широкой арабской независимости. Сэру Перси Коксу вскоре предстояло уйти на покой и быть замененным бывшим начальником департамента доходов сэром Генри Доббсом. Гертруда осталась в Багдаде, всегда готовая подать официальную и неофициальную помощь и совет. Этот период и для Фейсала, и для Гертруды был полон удовлетворенности и интереса, они стали близкими людьми, доверяющими друг другу как истинные друзья. Она была счастлива возможности работать с полной отдачей:

«Я остро осознаю, как много все-таки дала мне жизнь. Я теперь вернулась после многих лет к старому ощущению радости существования, и я счастлива чувством, что мне принадлежит любовь и доверие целого народа. Может быть, это не то личное счастье, которое мне не досталось, но это чудесное и поглощающее явление – возможно, даже слишком поглощающее».

Насколько близко, насколько доверительно, открылось только после смерти Гертруды, да и то лишь в скромном британском журнале «Эвриходиз уикли», решившем получить о ней интервью у короля. Редактор озаглавил материал: «Тайна великой белой женщины из пустыни, которая не раскрыта в ее книге». Как бы возмутилась сама Гертруда! Но как бы ни был сенсационен и сверхромантичен язык – явный пересказ ответов Фейсала, подредактированный под стиль журнала для домохозяек и напечатанный с орфографическими ошибками, – но в материале, которому король дал свое имя, содержатся некоторые необычайные утверждения. Фейсал начал так:

«Имя Гертруды Белл навечно вписано в арабскую историю – имя, которое произносится с почтением, – как имена Наполеона, Нельсона или Муссолини… Можно сказать, она была величайшей женщиной своего времени. Без сомнения, ее право на величие таково же, как у Жанны д’Арк, Флоренс Найтингейл, Эдит Кэвелл, мадам Кюри и других».

Говоря о ее страсти к приключениям и неизменной верности всему хорошему и справедливому, он сказал, что не только полковнику Лоуренсу принадлежит заслуга поднятия арабских племен против турок. Подобно Лоуренсу, «[Гертруда] могла в деле выполнять мужскую работу. Она в одиночку инкогнито пробиралась в отдаленные районы отнести весть о восстании, и когда вождям не хватало храбрости послушаться призыва, она вдохновляла их собственным изумительным мужеством… Не думаю, что она знала, что такое страх. Смерть ее не страшила нисколько. Никакие опасности и трудности не казались ей чрезмерными. О своей личной безопасности она заботилась меньше всего».

Фейсал описывает ее умение маскироваться, искусство выдать себя за араба любого племени, и так мастерски, что невозможно было обнаружить подделку.

«Однажды мои люди привели мне живописного арабского погонщика верблюдов, который на все мои вопросы отвечал на народном диалекте, будто всю жизнь провел за своим скромным занятием. А когда я его допросил и получил всю информацию, которой искал… погонщик оказался мисс Белл».

Фейсал продолжал:

«Я думаю, можно обнародовать факт, что в один из критических моментов нашей истории, когда некоторые из наших людей дрогнули, эта великая белая женщина сама повела их в атаку на турок. По крайней мере один раз в своей карьере она попала в руки своих врагов и перед ней была перспектива неминуемой ужасной смерти.

Ее выдал туркам один предатель-араб, когда она возвращалась из своих опасных поездок в пустыню, и ее, переодетую арабом из племени, схватил турецкий патруль… Ей угрожали зверскими пытками, если она не выдаст тайны тех людей, что в этот момент готовили свержение турецкого ярма. Гертруда оставалась глуха ко всем угрозам, и ни одной тайны не узнали от нее угнетатели. Если бы она дрогнула, некоторые наши лучшие вожди могли бы поплатиться жизнью, но она предпочла пытку – предательству. К счастью, ей удалось сбежать до того, как врагам представилась возможность осуществить свои угрозы…»

Фейсал рассказал историю ее побега, которую, по его словам, она поведала только ему. Она тайно выбралась глухой ночью из турецкого лагеря и три дня и три ночи скиталась без проводника, пищи и воды, прячась от встреч с бандами мародеров. Наконец Гертруда выбралась в безопасное место, находясь на грани жизни и смерти. «Через несколько дней она уже была среди нас, по-прежнему активная, занятая великой задачей – поднимать наших

людей против угнетателей».

Гертруда была военным гением, добавил Фейсал, и при случае подавала арабам очень ценные тактические советы. В начале войны турки назначили цену за ее голову:

«Награда была такой, что могла бы искусить людскую жадность, но эту женщину так высоко ставили в нашем народе, что не нашлось никого, кто выдал бы ее врагам».

Гертруда не оставила записей об этих приключениях, и если никогда не говорила о них сэру Перси или леди Кокс, то это, пожалуй, неудивительно. Это ведь осторожный Кокс за несколько лет до того отговаривал ее от путешествия в Хаиль. И представить своего восточного секретаря, устраивающего розыгрыш для короля, переодевшись погонщиком верблюдов, ему было бы совсем не забавно. Как Гертруда опускала или смягчала некоторые события в письмах домой, чтобы не волновать родных, точно так же она не стала бы их тревожить рассказами о едва не ставших роковыми случаях. Может, одной из причин ее устойчивой нелюбви к прессе был страх, что газетные ищейки откопают эти сенсационные случаи и затруднят ее работу серьезного администратора и уж точно – работу разведчика.

Есть одно особенно интригующее предложение, заключающееся в том, что она стала соучастницей попытки Т. Э. Лоуренса в 1916 году подкупить турок для снятия осады с Эль-Кута. В то самое время она находилась в Басре, досадовала на недостаток дела и размышляла, оставаться ей или уезжать. Ее отчаянно заботило состояние голодающей армии. Через неделю после проезда Лоуренса через Басру по пути в Эль-Кут, 16 апреля, Гертруда написала отцу: «Я предложила, что поднимусь по Шатт-эль-Араб с местным проводником проверять карты, и, кажется, этот план понравился». Потом между ее письмами случился весьма необычный перерыв – до двадцать седьмого, когда она написала: «Дорогая мама, я пропустила почту на прошлой неделе, поскольку выезжала в небольшое местечко на краю пустыни, называется Зубаир, и когда вернулась, оказалось, что почта уже ушла, на день раньше обычного… Ничего не происходит и ничего, кажется, не произойдет возле Эль-Кута – дело безнадежное».

Зная, что Эль-Кут занимал первое место в мыслях Лоуренса и Гертруды, можно предположить, что «обширные планы», которые они обсуждали, касались осады и возможности выручить оттуда солдат. Что не является невозможным, учитывая, какими они были людьми. Они обдумывали идею отвлекающего маневра, с одной стороны, и попытки прорыва – с другой. В своих «Семи столпах мудрости» Лоуренс пишет уклончиво о своих действиях в Эль-Куте: «Наше правительство… послало меня в Месопотамию

посмотреть, что может быть сделано косвенными средствами для выручки осажденного гарнизона… На самом деле уже поздно было действовать, Эль-Кут просто погибал, и в результате я ничего не сделал из того, что было в моих мыслях и в моих силах».

Есть еще один намек о подобном участии Гертруды, хотя без даты и без контекста. Ее старый друг Лео Эмери, государственный секретарь по делам колоний с 1924 года, писал в мемуарах «Моя жизнь в политике»: «В организации арабских сил против турок ее поле деятельности до некоторой степени пересекалось с полем Лоуренса, и на ее счету знаменательная победа в пустыне, в которой ее протеже победил протеже Лоуренса и захватил все пулеметы противника». После смерти Гертруды Лоуренс писал Эльзе: «Она выделяется тем, что, ясно мысля, видела истинную конечную цель в нашей работе с арабами и, ничего не страшась, работала для этой цели, не щадя себя».

После коронации король перестроил свою жизнь. Он переехал из апартаментов в Сераи во дворец на окраине Багдада – большое, но простое здание с просторными комнатами. Из приемной гостей препровождали в главную гостиную с бархатными шторами на окнах, коврами на полу, тахтой вдоль стены и – в зимние дни – горящими поленьями в камине. Вход охраняли двое часовых, и, кроме тех вечеров, когда гостей принимал сам Фейсал, открывавший дверь слуга приносил кофе на подносе. Здесь находился также кабинет короля, и здесь он проводил беседы и совещания с министрами. Кроме того, был еще его любимый дворец, вилла в Харисии, с лестницей к реке, розарием и тенистой террасой. Этот дом он купил с небольшой фермой, где любил распоряжаться сам. Дальше у него была большая ферма под Ханикином, близ персидской границы, где он вел хозяйство согласно последним веяниям агрономии. Когда через некоторое время он научился водить самолет, то сам туда летал.

Гертруда сражалась за независимость арабской нации столько же времени, сколько и Фейсал. Эта цель вдохновляла ее в Каире, Басре и Багдаде. Она была одиноким голосом в те времена, когда работала у А. Т. Уилсона, она занимала твердую позицию, когда Британия неоднократно угрожала уйти из Ирака, она почти отчаялась в период восстаний, она видела, как идут годы, Запад медлит, а турки изо всех сил сопротивляются определению северной границы Ирака. И она все еще мечтала о свободном арабском правительстве.

В 1921 году очень многое стало налаживаться. Вернулся Кокс, мудрый и тонкий переговорщик, на троне сидел арабский король,

а почтенный старейшина Багдада, накиб, стал премьер-министром. Страна была в руках кабинета, выбранного из рядов представительных иракцев. В перспективе самоопределения, пока еще неполного, национальное самосознание еще только ожидалось, но агитация за него уже шла. Гертруда поддерживала националистов по сути и принимала их у себя дома, в то время как Лондон настаивал на официальном признании мандата, без чего британцы должны из Ирака уйти. А тогда, как Гертруда неоднократно предупреждала Фейсала, он не сможет удержать верность своих людей против турок и Ибн Сауда. Фейсал балансировал на лезвии ножа. Сирию из его рук вырвал мандат, закрепленный за Францией. Король знал, что весь кредит доверия ему как арабскому лидеру зависит от того, сможет ли он отвергнуть британский мандат, настойчивое требование подчинения британскому контролю. И поэтому отказывался признавать существование мандата и вопреки всем мольбам Гертруды был готов слушать любого приходящего к нему оппортуниста или экстремиста. Она писала 25 сентября:

«Обедала с королем… после обеда мы сидели на балконе, выходящем на реку, и Фейсал облегчал душу. Это было связано с моей просьбой вывести на свет его жену и детей. Он ответил, что слишком не уверен в будущем… Неизвестно, не выдвинет ли британское правительство такие условия договора, которые он не сможет принять».

Это была идея Кокса – предложить Лондону принять договор вместо мандата. Лига Наций будет довольна тем, что Британия все еще выполняет свои обязательства по отношению к оперяющейся нации; Ираку придется удовлетвориться тем, что отношения с Британией будут равноправны и к самоуправлению он пойдет без английского правления и с собственной армией.

Началась работа над мучительными переговорами. Для выработки деталей из министерства колоний прислали сотрудника по имени Хьюберт Янг. Он возглавил команду, куда вошли Корнуоллис, действующий от имени Фейсала, юридический советник иракского кабинета Эдуард Дроуэр и Найджел Дэвидсон, юридический секретарь верховного комиссара. Был принят «акт об альянсе», где говорилось, как именно две страны будут совместно работать над созданием Основного закона, или конституции. За этим последовал закон о выборах.

Лондон настаивал на соблюдении мандата как условии договора. Фейсал заявил, что договор должен существовать автономно, а иракский премьер-министр говорил, что в противном случае откажется его признавать. Но у Фейсала были

более широкие планы. Он надеялся, что его отказ признавать британский мандат побудит сирийцев отказаться от французского, а его миссия останется прежней: показать миру жизнеспособность суверенного исламского государства.

Каждый день бывая во дворце, Гертруда чувствовала, что с Фейсалом все труднее и труднее иметь дело. Несгибаемый, склонный к манипулированию, даже неискренний, он попустительствовал антимандатной пропаганде в районе Хиллы чуть ли не до бунта. Когда британцы разыскивали с целью ареста некоторых шейхов, убивших британского офицера, король обвинил их во враждебных к нему действиях. Прессе он сказал, что нельзя просить знатного араба выполнять приказы иностранца. Каждый раз, когда его министры согласовывали формулировки договора, он находил какие-то новые недостатки. Каждый раз, когда Кокс посылал новую версию на утверждение в Уайтхолл, против нее всплывали возражения.

Гертруда уже приходила от этого в недоумение, Кокс и Корнуоллис, пожалуй, тоже. Фейсал рисковал лояльностью умеренных шейхов и министров, которые его поддерживали, провоцировал уход британских гражданских чиновников и советников, которые поддерживали правительство в рабочем состоянии, и вынуждал Уайтхолл вообще бросить Ирак. Надеясь на известную ей привязанность короля, Гертруда решила воззвать к нему лично. Как писала позже, она воспользовалась «… эмоциональной атмосферой, которую он, будучи остро чувствительным, осознавал полностью. Потому что я разыгрывала свою последнюю карту, и так ему и сказала. Я начала с вопроса, верит ли он в мою личную искренность и преданность ему. Фейсал ответил, что даже не сомневается… Я сказала, что в таком случае буду говорить совершенно свободно и что я очень разочарована. У меня был красивый изящный образ того, чему я отдаю свою верность, и этот образ тает на глазах. И до того, как будет стерта последняя благородная черта, я предпочитаю уйти: как бы ни любила я арабскую нацию, какую бы ни чувствовала ответственность за будущее, вряд ли я смогу смотреть, как испаряется моя мечта… Я всегда верила, что им движут лишь самые высокие принципы, а сейчас вижу его жертвой любого злобного слуха… и не буду ждать, пока негодяи, которых он теперь дарит своим доверием, неизбежно очернят меня в его глазах.

На сей предмет у нас вышел страшный спор, в течение которого он мне то и дело целовал руки, что очень выбивает из колеи!.. Я все еще sous le coup[40] от этой беседы. Фейсал – один из самых милых людей на земле, но ему поразительно не хватает

силы характера… Сегодня я оставила его в убеждении, что мое единственное желание – ему служить; завтра он будет весь в сомнениях».

Через несколько дней она узнала, что король уже изменил мнение по одному из вопросов, которые они обсуждали. Гертруда с грустью смирилась с тем, что сочла колебанием лояльности Фейсала. Случатся еще более серьезные разногласия, но она, как и Корнуоллис, была очарована Фейсалом и не могла уйти. Король околдовал их обоих. Он постоянно требовал ее общества, спокойно слушал ее выговоры, целовал ей руку – и оставался непреклонен. Гертруда писала:

«Сафват-паша [старый учитель короля] просил меня приходить во дворец, когда захочу, поскольку ясно, что я – единственный человек, который по-настоящему любит короля, и единственный, кого по-настоящему любит король. Это было несправедливо по отношению к мистеру Корнуоллису, который пожертвовал для него всей своей карьерой… Но Сафват на это возразил, что есть разница, и, наверное, меня король чаще держит за руку, хотя мистера Корнуоллиса чаще обнимает – мы поделились наблюдениями. От Фейсала ничего не добьешься, если он не уверен, что ему принадлежит твоя преданная привязанность. Наша – принадлежит».

Раз в жизни Гертруда встретила равного себе.

Британцы делали уступки по поводу условий договора, но одно держалось неизменно – мандат. Гертруда резюмировала так: «Договор находится в statu quo ante. Сэр Перси послал замечательную телеграмму домой, настоятельно советуя мистеру Черчиллю уступить».

Но Черчилль отказывался идти на компромисс. Он требовал, чтобы Кокс и Фейсал приехали в Лондон, и они понимали, что там он предъявит им ультиматум. «Сердце умерло во мне», – писала Гертруда. Все висело на волоске. Фейсал откажется подписывать, и Ирак, как она знала, перестанет существовать. Кокс, черпая силы в том факте, что ему уже недолго было до отставки, пустил в ход персональный авторитет. Он считает, ответил он Черчиллю, что от их прибытия в Лондон никакого не будет улучшения. Он предложил опубликовать договор с Ираком в том виде, в котором он согласован с королем, добавив оговорку, что мандат является единственным пунктом расхождения. Тогда король сможет сказать своему народу, что добился наилучших из возможных условий. «Но примет ли наше правительство это предложение? – спрашивала Гертруда. – Вот что мы хотим знать, потому что, если все уедут стрелять куропаток, телеграммы могут остаться без ответа».

Был август 1922 года и годовщина коронации, для Гертруды предваренная неделей вечеринок и празднований. Был день, проведенный на королевской хлопковой плантации в скачках по полям с Фейсалом и его свитой, за которыми ехали верховые адъютанты и кавалькада телохранителей, потом вечером играли в бридж. В свою очередь Гертруда организовала прием для короля – пикник на тенистом берегу Тигра: «Жарили больших рыб на костре из пальмовых крон – самая вкусная еда в мире. Я накупила ковров и подушек и повесила в кустах тамариска старые багдадские фонари… в розовом штиле заката. “Это так мирно”, – сказал король». Потом был прием в багдадском дворце Фейсала, из британского представительства приехали на двух машинах. Гертруда надела кремовые кружева, заколотые миниатюрными орденами, надетые впервые, и бриллианты – в волосах фамильная тиара Беллов, а вокруг шеи тиара вместо колье. Это последнее украшение прислала ей Флоренс: «Я открыла пакет в офисе… и оттуда вывалилась здоровенная тиара. Я чуть не рассмеялась – настолько это был неожиданный среди канцелярских папок предмет. С твоей стороны очень великодушно отослать ее мне – я забыла, какая она красивая. Боюсь, что если я ее надену, меня примут за коронованную королеву Месопотамии».

У дворца они влились в процессию трехсот-четырехсот человек, идущих по ступеням ко входу. Подойдя к лестнице, они услышали неразличимые крики и бурю аплодисментов. Сперва Гертруда подумала, что так встречают Кокса, но все были озадачены. «Когда мы вернулись в офис, верховный комиссар велел мне тут же это выяснить. Через час я уже знала. Это была демонстрация со стороны двух экстремистских политических партий».

Диссиденты собирали силу, и так как Фейсал отказывался разрешить какие бы то ни было действия против них, если мандат не будет аннулирован, весь кабинет подал в отставку. Накиб остался управлять в одиночестве и не справлялся, а восстание против мандата ширилось. Но тут в дело вступила судьба и дала Коксу возможность вырваться из тупика. У короля случился аппендицит.

Соглашаясь на операцию, Фейсал также, что несколько странно, дал знать всем, что он не возражает против присутствия на операции любого количества наблюдателей. Предложение приняли многие шейхи и нотабли, и комната наблюдателей была битком набита. Тем временем Кокс – без короля и кабинета – взял на себя краткий, но всеобъемлющий контроль за страной и хорошо им воспользовался. Семерых лидеров багдадского восстания он арестовал – остальные скрылись, переодевшись

женщинами, – выловил агитаторов из регионов и закрыл две диссидентские газеты и обе экстремистские политические партии. Двадцать седьмого числа Гертруда писала:

«Раз в жизни Провидение повело себя как джентльмен… болезнь короля была как нельзя более кстати. Сэр Перси спас положение и дал королю путь для выхода – чтобы он им воспользовался, когда начнет ходить. К тому времени – если надо, выздоровление можно продлить, – мы будем иметь четкую линию из дома… умеренные поднимают голову к небесам… а в провинции экстремистам придется строить ковчег, если хотят уйти от политического потопа».

Множество свидетелей могли подтвердить, что Фейсал был без сознания, когда Кокс стал осуществлять свои инициативы. Довольно много дней после операции к нему никого не пускали. Первым о случившемся его информировал Корнуоллис. Когда его посетили Кокс и Гертруда, облегчение его было явным, и он оценил действия Кокса в преувеличенных выражениях. «Вы меня избавили от ответственности». После этого верховный комиссар привез договор домой к накибу, дал ему в руки перо и попросил подписать. Встревоженный накиб потребовал, чтобы части английской версии были прочитаны ему по-арабски, убедился, что версии совпадают, и подписал. Это было 10 октября 1922 года.

Через три дня Фейсал провозгласил заключение договора в звонкой речи, где провидел «продолжение дружбы с нашим блестящим союзником, Великобританией, и проведение наших выборов для созыва Учредительного собрания, чтобы создать Основной закон». Еще нужна была ратификация, но игра была окончена. Это был, кроме того, еще второй шаг к членству в Лиге Наций на правах независимого государства.

Фейсал говорил Гертруде, что после разгрома в Дамаске в 1920 году он опасается привозить жену и детей в Ирак. Сейчас, в 1924-м, расположившись в своих двух дворцах и притом, что Хиджаз все сильнее страдал от растущей агрессии Ибн Сауда, он начал перевозить семью в Багдад, первым выбрав своего любимого и самого младшего брата Заида. Тот воевал бок о бок с Фейсалом во время восстания, ему предстояло приобрести большой вес в Курдистане. Вскоре после приезда он уехал учиться на год в Баллиол-колледж в Оксфорде. После Заида приехал единственный сын Фейсала, двенадцатилетний эмир Гази, небольшой для своего возраста, в сопровождении рабов, с застенчивым достоинством, и запал Гертруде в сердце. Она почувствовала, что он был заброшен среди невольников и неграмотных женщин. Он едва умел читать и писать по-арабски,

ему нужны были хорошие учителя и мужское общество. Но до того как заняться его окружением, ей следовало подобрать ему одежду. Король теперь почти все время был в европейском костюме и хотел, чтобы сын следовал его примеру. Гертруда писала родителям:

«Меня позвали во дворец помочь выбрать одежду для Гази. Я там застала английского портного из Бомбея с выкройками. Так что мы выбрали маленькие рубашки и костюмы, а портной вел себя как портной у Теккерея. Он прыгал вокруг, показывал носком ноги, подавал мне выкройки, держа руку на сердце. С Гази пришлось снять мерку; он наполовину стеснялся, наполовину был доволен».

Вслед за юным эмиром прибыла его мать, королева, с тремя сестрами Гази – жить на вилле в Харисии. Согласно семейной традиции, Фейсал женился на своей двоюродной сестре, Амире Хусейне, которая с тех пор жила в изоляции с тремя дочерьми: младшая была инвалидом от рождения, и ее никто никогда не видел. Раньше, когда Гертруда заговаривала с Фейсалом о его жене, он уходил от темы. «Я спросила его о жене… и сказала, что ее, по моему мнению, тоже следует поощрить занять при дворе какое-то положение. Фейсал говорил о ней довольно сдержанно – они всегда стесняются своих женщин, считая, что те слишком невежественны, чтобы их представлять, но согласился, что надо положить начало».

Тот факт, что королева живет в затворничестве, делал понятие двора в западном стиле невозможным. На обедах и приемах гостей мужского пола принимал Фейсал в одиночестве, в багдадском дворце, после чего ехал в Харисию провести время с семьей. Гертруда была одной из первых, кого приняла королева, говорившая только по-арабски, хотя слегка понимала английский и французский.

«Очень рада, что могу сказать: она очаровательна. У нее тонкое умное хашимитское лицо и те же подкупающие манеры, что у него. На ней была очень милая коричневая длинная туника… длинная-длинная нитка жемчуга и великолепная аквамариновая подвеска. Видела я двух старших девочек, таких же, как она, – очень застенчивых, но жаждущих выйти на волю».

Как только семья Фейсала переехала в Багдад, Гертруда с невероятным удовольствием занялась созданием двора. Прежде всего нужно было сшить одежду, блузки и платья, подходящие для ее приемов и чайных вечеров – только для женщин. На улице женщины королевской семьи и их свита надевали традиционные черные шелковые вуали, но когда посещали дома своих подруг или родственниц, вуаль можно было оставить у горничной при

дверях. Гертруда рекомендовала портних-монахинь, которые шили ее одежду до того, как это стала делать Мари, и привезла сестер во дворец, чтобы их представить. Впоследствии Эльза и Молли были посланы в лондонские магазины купить подходящую одежду западного стиля (носиться будет только в узком кругу) для женщин королевской семьи. «Король послал за мной в понедельник, – писала домой Гертруда, – обсудить, как должен быть устроен домашний обиход королевы. Я была очень рада, что он меня проконсультировал, потому что меня ждали страшные волчьи ямы… Так что теперь я занята!»

Нужна была хозяйка церемоний, чтобы помочь королеве организовать прием гостей и научить ее порядку представления и другим дипломатическим протоколам. Гертруда предложила, чтобы Фейсал назначил на эту роль жену Джаудат-бея, своего главного адъютанта. Мадам Джаудат-бей происходила из достойного черкесского рода и подходила по всем параметрам: отлично образована, весьма уважаема и давно живет в Багдаде. Король был рад согласиться, и Гертруда поздравила себя с тем, что переиграла жену управляющего королевским двором – вульгарную и не пользующуюся популярностью сирийку, которая постоянно высовывала вперед свою дочь, пытаясь убедить короля на ней жениться – взять в новые жены, точнее, ведь король уже был женат.

Приехав однажды утром в Харисию помочь мадам Джаудат-бей организовать первый прием у королевы, Гертруда представила новую гувернантку для детей – назначение, на которое она смотрела одобрительно, но не без скрытых опасений – из-за классовых различий. «Это милая хорошая девочка, и мне очень приятно, что она нашла постоянное место во дворце… она должна будет учить девочек английскому и теннису и европейскому поведению. Мне придется отучать их называть салфетку – serviette, чему они под ее руководством, несомненно, научатся».

Она спросила королеву, можно ли ей пригласить Гази к чаю. Через некоторое время юный эмир стал навещать ее регулярно, сперва в сопровождении своих рабов Хамида и Фариза, впоследствии – учителя и гувернантки. Гертруда дарила ему прекрасные современные игрушки, заказанные в Лондоне. «Поезд и солдаты, которые я заказала ему у Харрода, прибыли с последней почтой, были преподнесены и имели огромный успех. Особенно поезд. Мальчик любит любые машины и на самом деле куда лучше разбирается в паровозах, чем кто-либо из нас… Мы все сидели на полу, смотрели, как паровоз едет по рельсам, и сопровождали его радостными выкриками». Потом мальчика

увозили домой, откуда он писал Гертруде благодарственное письмо по-английски, после чего шел рука об руку с отцом на вечерние молитвы. Прогрессивный, современный король, Фейсал никогда не пропускал традиционный призыв к молитве. Гази, наученный поступать так же, наверное, держался этой привычки даже потом, во время обучения в Хэрроу. Разлуку с сыном, отправленным в английскую школу, королеве трудно было простить Гертруде, посоветовавшей это сделать.

Вскоре после приезда королевы в Багдад стало вероятным, что Фейсалу придется принимать еще одного члена семьи, на этот раз не столь желанного. Его отец Хусейн, старик за семьдесят, был выдавлен из Мекки силами своего наследственного врага Ибн Сауда, и поскольку Хиджаз поглотила Саудовская Аравия, ему пришлось отречься. Гертруда с ужасом думала о грядущем вмешательстве и зависти. «Я искренне молюсь, чтобы Хусейн не здесь нашел себе убежище. Он станет центром всех возможных интриг: антифейсальских, антибританских…»

Она предвидела беду еще с той поры, как Хусейн принял титул Халифа мусульманского мира – назначение, которое было отменено Мустафой Кемалем – Ататюрком, модернизатором послевоенной Турции. Это провокационное действие Хусейна дало Ибн Сауду повод сместить шерифа с поста главы партии арабских националистов. Ибн Сауд взял Хаиль, в котором держали когда-то в плену Гертруду, в 1921-м – году коронации Фейсала, и давняя вражда обострилась: непобедимые саудовские силы стали атаковать Хиджаз, Трансиорданию, где сейчас правил Абдулла, и даже границы Ирака. В атаке ахванов[41] было убито двести воинов племен, и пришлось посылать на выручку BBC. Гертруда в начале 1922 года писала своему старому другу Чарльзу Хардингу:

«Взятие Хаиля Ибн Саудом изменило весь политический баланс… Цель Ибн Сауда – стать Владыкой пустыни, всей пустыни, в том числе болот, из которых в незапамятные времена вышли иракские пастухи на свои весенние пастбища…

На следующий день после обстрела наших самолетов мы разбомбили их лагерь. Они убежали на юг… и на следующее утро наши самолеты снова их преследовали и бомбили. Они совершили абсолютно неспровоцированное нападение, ограбили и убили наших мирных пастухов и угнали стада… Ахваны со своим фанатичным стремлением к средневековой вере пробуждают во мне черную ненависть. Они – худший пример этой мерзости: власти всемогущей религии».

В ахванской секте ислама простые удовольствия запрещены, а

строгое соблюдение религиозных обрядов – обязательно, но разрушение и насилие на войне терпимы. Таиф, летняя резиденция шерифа, где родился Фейсал, подвергся нападению, жители были вырезаны. Хусейн телеграфировал в Лондон, требуя самолетов и войск, но он давно отвратил от себя Лондон бескомпромиссностью в вопросах арабского самоопределения, и Британия сохранила нейтралитет. Когда Хусейн отрекся по требованию собственного народа, его старший сын Али ненадолго занял место короля Хиджаза. Однако потом ему тоже пришлось вслед за остальными родственниками переехать в Ирак к младшему брату.

В сущности, Фейсал был человеком действия, застрявшим во дворце и в офисе, и со своим живым характером больше привык командовать, чем проявлять сдержанность. В окружении постоянных проблем, не всегда зная, кому можно доверять, он тяготился необходимостью терпеть. Он сопротивлялся непрестанным попыткам вынудить его к компромиссу с британцами, со своими министрами, с курдами, еще с кем-то, но при этом раздражался все сильнее. И даже сейчас, став королем, не мог положить конец вмешательству отца. Фейсал летал в Трансиорданию в попытке спасти состояние семьи, а по возвращении сказал Гертруде, что если британцы ничего не предпримут в Хиджазе, ему придется оставить Ирак и вернуться умирать, защищая своих родных. Она посоветовала действовать осторожно, но король больше не следовал ее советам и не всем теперь с ней делился. Гертруда в ответ на его вспышки пожимала плечами и с юмором писала о нем, как о капризной диве. Но медовый месяц остался в прошлом. Своим родителям она сообщала, что «король сильно поглощен мыслью о ваххабитах… Однако самое худшее, что можно сделать, – это то, что, как нам кажется, делает его величество: подстрекать наши племена начать игру, напав на ваххабитов. Это приведет к немедленным репрессиям, и пустыня превратится в поле боя…

В понедельник король устроил бурную истерику; во вторник он формально отрекся в пользу эмира Гази… я помню, как в 1922 году у Кена Корнуоллиса месяц лежало в столе отречение Фейсала».

«Бурная истерика» состояла в том, что Фейсал сорвался на свой кабинет из-за его бездействия относительно приграничных вторжений саудовцев. Он тут же велел пяти своим министрам подать в отставку. Кокс мастерски его успокоил: тут же написал Ибн Сауду, прося объяснений, и вскоре мог показать от него телеграмму, утверждающую, что тот совершенно не в курсе относительно нападения своих людей на племена Фейсала.

Гертруда собиралась вернуться в Англию в отпуск, встретившись с отцом на полпути в Иерусалиме. Но сейчас с сожалением решила, что в такой очень неустойчивой ситуации не может выделить на это время. Поэтому она полетит в Зизу, там встретится с Хью, и несколько дней они проведут вместе.

Оглохнув от шума, с головокружением после тряского полета над пустыней, Гертруда вышла из правительственного самолета в ожидающие объятия отца. Когда к ней вернулся слух, Хью рассказал ей, что они были приглашены на обед к эмиру Абдулле, стоящему сейчас лагерем неподалеку возле Аммана, но он отказался от приглашения, решив, что дочь слишком устанет. Гертруда заявила, что свежа как ромашка, распаковала свои вечерние платья, и первый свой вечер они провели в гостях у брата Фейсала.

Во время обеда она внимательно и пристально за ним наблюдала и быстро решила, что особого уважения к нему не испытывает. Позже в письмах она называла его «бесполезным» и «дорогостоящим наростом».

«Не кажется Абдулла и хорошим союзником, если дело дойдет до драки. Его главный актив – личное обаяние, подпорченное не столько недостатком живости, сколько его необычайно высоким мнением о собственных силах… Он сочетает с праздностью узкий и почти фанатичный кругозор… он не может в разговоре утаить ревности к своему брату Фейсалу. Любая тема… сводится к его досаде, что он эмир в Аммане, а Фейсал – король в Багдаде».

Вернувшись в Багдад, Гертруда пошла к королю на чай и подумала, что ей в конечном счете повезло:

«Я вернулась обратно с убеждением, что мы – единственная арабская провинция, ставшая на правильный путь, и что если мы здесь провалимся, это будет конец арабским надеждам. [Король] был в высшей степени любезен и очарователен. Как хорошо, что это он, а не Абдулла! Бывают трудности в работе с существом столь чувствительным и напряженным, но его тонкость, жизненная сила и удивительная широта взглядов компенсируют все».

В конечном счете Хусейн свалился потом на Абдуллу и Трансиорданию, а не на Фейсала и Ирак. Оказавшись там, он тут же начал кампанию против почтительного отношения Абдуллы к британцам и к возглавляемому сионистами правительству Иерусалима. Абдулла, получающий от Лондона субсидию в размере 150 тысяч фунтов в год, нуждался в британской поддержке, в том числе и для того, чтобы отбиваться от Ибн Сауда. Между отцом и сыном произошел спор. Изгнанный снова,

шериф Хусейн поселился на своей яхте, сперва в Красном море, где стоял возле Акабы, пока его оттуда не попросили, потом в Средиземном. Несчастья этого хашимита начинали напоминать лихо закрученный сюжет оперетты. «Родственники короля, по всей видимости, плавают по Красному морю как целая стая “летучих голландцев”», – едко написала Гертруда.

Сэр Рональд Сторрс со своим невероятным даром появляться там, где нужен, спас положение, найдя для Хусейна дворец на острове Кипр, где был в то время губернатором. Там Хусейн и прожил в изгнании остаток своих дней. А Ибн Сауд тем временем принял трон Хиджаза с благочестивой неохотой, уступив лишь «настояниям народа».

Цель Лозаннского мирного договора 1923 года заключалась в том, чтобы окончательно установить условия мира между союзниками и Турцией. Почти сразу же он был нарушен, и Кокс два месяца потерял в Константинополе, пытаясь достичь соглашения. Пока Лига Наций не спеша занималась созданием пограничной комиссии для урегулирования разногласий между Турцией и Ираком, турки нарушили традиционную границу и разорили земли ассирийцев. «Мы в неудобной позиции, – писала Гертруда в сентябре 1924 года, – не знаем даже, воюем мы или нет. В пределах наших административных границ находится триста тысяч турецких регулярных войск, которые убивают наших ассирийцев, те снова бегут, спасаясь… А тем временем правительство его величества молчит про это, и в Женеве идут переговоры как ни в чем не бывало».

Пройдет семь лет после конца войны, и только тогда Лига Наций придет к решению, что Мосульский вилайет Турции возвращен не будет. А пока иракскому правительству безнадежно не хватало войск, и британские политические агенты стояли почти в одиночку против восстаний племен и турецкой агрессии. Черчилль сомневался по поводу судьбы севера. В 1921 году он отдал приказ об оставлении Мосула, а потом на каирской конференции сообщал, что курдам нужно дать возможность самим определять свое будущее. Кокс выполнил приказ и послал предсказуемый ответ, который ответом не был: Сулеймания во всем этом деле принимать участие отказывается, Киркук хочет курдской независимости, но не может определить, что она будет значить, кроме того, что не иметь ничего общего с Сулеймание. Гертруда комментировала так:

«Эрбиль и курдские районы вокруг Мосула присоединяются, понимая, что их политическое и экономическое благополучие связано с Мосулом. Они… получат определенные привилегии… Некоторые просят, чтобы все школьное обучение велось на

курдском языке – разумное условие, если бы не то, что никаких курдских учителей нет, а обучить их можно только на арабском, поскольку курдских книг не существует».

Мало было курдов, хоть как-то склонных к национальному лидерству. Выдвинула себя только одна семья – шейха Мухаммада. Ему дважды разрешали формировать правительства в Сулеймании, и дважды он воспользовался турецкой поддержкой, чтобы затеять бунт против Ирака. В наказание ВВС разбомбили его базу, и он был изгнан в 1924 году. Гертруда заметила, что его поздравительные открытки, подписанные «Король Курдистана», вряд ли работали на пользу его делу.

Фейсал инициировал сдерживающую операцию, послав в Мосул Заида в сопровождении опытного капитана Клейтона, создав там северный шерифский двор и пообещав, пока турки собирались у границы, что, как только границы будут установлены, он гарантирует курдам региональное самоуправление в пределах Ирака. Он также пообещал землю и самоуправление тем ассирийцам, которые лишились своих домов. «Возможно, турецкая угроза окажет сильное влияние на формирование нас как нации», – писала Гертруда.

В своей ежедневной работе, а также из-за случающихся разногласий с королем Гертруда стала ближе к его советнику, Кинахану Корнуоллису. Хусейну и его сыновьям Корнуоллис был знаком с начала Арабского восстания. Фейсал, будучи в Сирии, специально просил назначить его своим личным советником. Корнуоллис всю свою дальнейшую карьеру посвятил королю. По мнению Лоуренса, он мог «месяцами быть горячее, чем другие, в раскаленном добела состоянии, и при этом выглядеть холодным и жестким». С первой встречи Гертруда его оценила как «надежнейшего помощника». По совпадению, жену его тоже звали Гертрудой, и она была с ним в Ираке, но их редко видели вместе. Корнуоллис со своей стороны быстро определил выдающиеся способности восточного секретаря и почти сразу предложил ей работу в новой иракской администрации как начальника секретной службы министерства внутренних дел. Гертруда улыбнулась и ответила, что вряд ли может оставить сэра Перси. Возможно, она добавила, что как правительственный служащий Ирака была бы вынуждена отказаться от своего специального статуса связующего звена с королем.

Более тесная дружба Гертруды и Корнуоллиса началась перед Рождеством 1922 года, когда она, вернувшись из офиса, застала повара и своего слугу по имени Зайа в кухне, посреди моря битой посуды, занятых смертельной схваткой за нож для мяса. «Я сделала им строгий выговор за празднование Рождества в столь

неподходящей манере. Мари не было дома, и я ужинала одна, занятая грустной думой о том, как мне реорганизовать свое хозяйство».

К концу месяца конфликт между Зайей и поваром разъяснился.

«Прошлую неделю я провела в остром дискомфорте по случаю того, что Зайа помирился с поваром настолько, что женится на его дочери. Это меньшее неудобство, чем когда они лупят друг друга по голове, но когда Зайа жених, а повар готовит свадебную трапезу, здесь некому ни готовить, ни подавать. Я себе выписала ордер на постой к мистеру Корнуоллису и сэру Эйлмеру…»

Дружба Гертруды и Корнуоллиса строилась на их похожести и общей лояльности, заинтересованности, даже любви к королю. Они подробно обсуждали его характер в обеденный перерыв и, бывая на многих общественных мероприятиях, устраиваемых королем, часто проводили вместе вечера на уик-эндах, на званых ужинах, бывали на охоте, на карточных играх – король любил бридж и девятку – и на обычных купальных пикниках у реки.

Гертруде все больше и больше нравились прохлада и жизнерадостность плавания, и пикники бывали для нее самыми счастливыми моментами. Она поддразнивала короля за его не очень хорошее умение плавать. Гертруда переодевалась под фиговыми деревьями, угощаясь спелыми фруктами, пока вытирала волосы, потом выходила есть жаренную на костре рыбу под тамарисками. Она говорила, что это бывала единственная по-настоящему приятная трапеза на неделе.

Возможно, из-за разницы в возрасте – ей пятьдесят три, Корнуоллису тридцать восемь – он однажды смог рассказать ей что-то о своем несчастливом браке и одиночестве. В ее описании таких вечеров проскальзывает туманная, романтическая нотка.

«Я поднялась вдоль реки в последних лучах удивительного заката туда, где мистер Корнуоллис, капитан Клейтон, полковник Макнис и Дэвидсоны только начинали ужин на краю фиговых садов. Там мы лежали в темноте до десяти вечера, разговаривая… и звезды зажигались одна за другой. И мы не думали о них как о составных частях бесконечной тверди – для нас они были украшением небес Ирака…»

Вскоре у этой группы выработалась привычка совместно проводить воскресенья. Впервые Гертруда не была тут единственной женщиной. Ей нравилась и казалась умной Айрис Дэвидсон: она «на удивление быстро» овладела арабским, в отличие от многих британских жен в Багдаде.

«Дэвидсонов и мистера Корнуоллиса я добавила в свой

постоянный список друзей», – писала Гертруда.

В 1923 году неупоминаемая миссис Корнуоллис оставила мужа и уплыла домой, а в письмах Гертруды часто упоминаемый «мистер Корнуоллис» стал просто «Кеном».

Рождество всегда было для Гертруды надиром года – в опустевшем Багдаде она еще сильнее скучала по своим родным. Но в этом году вышло по-другому. Они с Корнуоллисом, братом Фейсала Заидом и Найджелом Дэвидсоном поехали на шестидневную охоту в Вавилон. Пакуя Гертруде чемодан, Мари не забыла уложить самые красивые ночные рубашки, шелковые с кружевами. Гертруда спросила, зачем, и напомнила, что они едут охотиться. Домоправительница-француженка на миг замялась, потом ответила, что их может увидеть суданец Нур-аль-Дин, слуга Кена. Вряд ли Кен или его слуга оказывались настолько близко к Гертруде ночью, чтобы любоваться ночными рубашками, но вернулась она из поездки необычайно довольная: «Вообще я думаю, что не было ни разу в Ираке более восхитительной экспедиции».

Как ни грустно, но после рождественской кульминации произошел какой-то слом. В то лето Корнуоллис должен был уехать в Англию разбираться с затеянным женой бракоразводным процессом. К концу января Гертруда написала Флоренс, что глубоко несчастна, и примерно недель десять после этого вообще не упоминала в письмах Кена. Впоследствии в письмах к сестре Молли она кратко описала свои попытки убедить его, что она могла бы сделать его счастливым, и описывает свою любовь к нему как материнскую и сестринскую в сочетании с «той, другой любовью». Испытывающий острое неудобство Корнуоллис сделал в ответ на эти представления каменное лицо и стал избегать Гертруды. Он считал ее бесподобной женщиной, драгоценным конфидентом, близким человеком по числу общих интересов, но он был на пятнадцать лет моложе и не искал себе ни матери, ни сестры. Гертруда, никогда не отличавшаяся мелочностью или невеликодушием по отношению к тем, кого любила, продолжала считать его одним из прекраснейших мужчин, с которыми была знакома. Когда Корнуоллис уехал в Англию, она попросила Молли пригласить его на ленч. Трещина между ними постепенно затягивалась, общение возобновилось, когда он подарил ей одного из щенков своей собаки-спаниеля. Он снова стал получать ее почту, когда болезнь укладывала ее в постель, и придерживал все, что могло, по его мнению, потребовать от нее расхода душевных сил. Но такие эмоциональные бури оставляют шрамы: храбрая, как всегда, Гертруда чувствовала себя менее стойкой, более одинокой и – поскольку полагалась на Корнуоллиса по

части внутренних новостей из дворца и кабинета, – возможно, чуть менее информированной.

Когда был провозглашен договор, а вопрос о мандате отложен, король приказал готовиться к выборам Учредительного собрания. Ему предстояло ратифицировать договор, утвердить основной закон для будущего правительства Ирака и создать избирательный закон для выборов первого парламента. В этот момент ушел в отставку накиб, и его пост премьер-министра занял более молодой Абдул Махсин-бей. Одновременно сменилось правительство в Лондоне, где к власти пришли консерваторы под руководством премьер-министра Бонара Лоу. И опять возникло предложение о ранней эвакуации британского персонала из Ирака. Снова Кокс был вызван в Лондон для пересмотра роли Британии в Ираке. Вернулся он с очередным добавлением к договору – протоколом, ограничивавшим британское участие еще четырьмя годами. И тем не менее Фейсал получил больше, чем просил. Теперь оставался вопрос: сможет ли Ирак управлять собой и защищать себя всего через четыре года?

В конце апреля 1923-го Кокс окончательно уехал из Ирака. В качестве последнего жеста доброй воли по отношению к Гертруде он санкционировал дополнительную гостиную к ее летнему дому, в знак признания всех приемов, что она там проводила во благо секретариата. Когда он раздавал свой зверинец и устраивал последний прием в своем саду, это не только казалось концом эпохи, но и действительно было им. И никто не ощущал этой потери острее, чем Гертруда. Она писала родителям:

«Все это время очень сильно дергает струны сердца, сами понимаете – прощаться с сэром Перси было сильным переживанием. Какое положение он тут завоевал! Не думаю, чтобы какой-либо англичанин сделал больше, чтобы внушить Востоку уверенность в себе. Самому ему очень трудно уезжать – сорок лет службы не такая вещь, чтобы легко бросить… Я должна вам сказать одну очень трогательную вещь: сэр Перси прислал мне свою фотографию в серебряной рамке и надписал в углу: “Лучшему из товарищей”. Можно ли написать что-то более приятное?»

Новый верховный комиссар, сэр Генри Доббс, прибыл в декабре ознакомиться с работой. Он был среди первой горстки офицеров, приехавших к Коксу в Басру, и был на удивление успешным налоговым инспектором. Сама Гертруда писала о его достижениях в Белой книге по гражданской администрации региона. Доббс жестко взялся выполнять обязанности британцев по управлению безопасностью и иностранными делами. Теперь можно было проводить выборы. Фейсал ездил по стране,

призывая население голосовать.

Доббс не отставал от него, и все видели их общее стремление создать демократический Ирак. «Будто по волшебству прояснялась политическая атмосфера, и даже самые далекие племена на Евфрате и курдских холмах с готовностью регистрировались как избиратели», – вспоминал впоследствии Доббс.

За шесть лет работы верховным комиссаром Кокс привык несколько раз в неделю обсуждать положение дел с Гертрудой. Доббс эту практику прервал – как признавала сама Гертруда, не было причин, по которым он стал бы ее продолжать. Но ей нравился новый начальник, а леди Доббс она сочла доброй и внимательной женщиной, способной устраивать в резиденции весьма занимательные беседы и восхитительнейшие завтраки.

Гертруда готовилась к свиданию с сестрой Эльзой и ее мужем, теперь вице-адмиралом сэром Гербертом Ричмондом, которые должны были зайти в Багдад с официальным визитом на флагманском корабле «Четем» в октябре 1924 года. Одновременно с этим ожидался и старший сын Молли Джордж Тревельян, и дальше он собрался плыть с Ричмондами к месту их назначения – на Цейлон. Гертруда уже планировала для них всяческие развлечения и была глубоко разочарована, когда свалилась с серьезным бронхитом как раз перед их прибытием. Личный врач короля, «Синдбад» – сэр Генри Синдерсон, – заходивший к ней дважды в день, не принимая в уплату ни пенни, решил, что она недостаточно здорова, чтобы принимать у себя Джорджа. Молодой человек остался в резиденции, а леди Доббс выдала в распоряжение Гертруды свой автомобиль, когда той стало лучше до такой степени, что она могла возить Ричмондов и показывать им Багдад. Тем не менее кто-то из родственников не видел Гертруду, когда она была серьезно больна, и передал в Англию сильную озабоченность ее здоровьем. Она в письмах Хью и Флоренс писала о своей болезни в шутливых тонах, но бронхит осложнился тепловым ударом и резким упадком сил. Помимо этого, Эльза привезла из дома плохие новости. Депрессия в сочетании с забастовками тяжело ударила по состоянию Беллов. Элизабет Бергойн во втором томе своей книги о Гертруде, написанной на основании ее личных бумаг, сообщает: «Черная депрессия спустилась на нее подобно облаку, она даже просила молиться о себе. По мнению ее друга Найджела Дэвидсона, личные огорчения, а также одиночество и ощущение неудовлетворенности никогда уже не позволяли ей снова быть по-настоящему счастливой».

Еще грустнее ей стало в феврале 1925 года, когда ее

любимый пес и собака Кена, жившая с ней в то время, погибли от чумки за сутки.

«Не знаю, кого из них я любила больше, потому что Салли оставалась все лето со мной, пока Кена не было. Наверное, больше всего мне будет недоставать Питера – он всегда был с нами, и в офисе и везде… мы даже не догадались, что это чумка, худший ее вид, который заканчивается пневмонией. Питер заразился ею и умер в мучениях с тяжелым дыханием в четыре утра сегодня… и Салли в тех же мучениях в пять вечера. Так что сами понимаете, я в сильном потрясении».

На этот раз Хью и Флоренс не захотели слушать никаких отговорок. Она по состоянию здоровья совершенно не может провести в Багдаде еще одно лето. Гертруда была вынуждена согласиться, но не согласился король. «Фейсал, когда я сказала, что собираюсь на следующее лето домой, ответил довольно резко: “Не говорите о поездке домой – ваш дом здесь. Можете сказать, что едете повидать отца”».

В сопровождении Мари Гертруда прибыла в Лондон 17 июля. Как писала Флоренс, ее падчерица была «в состоянии сильного нервного переутомления… истощена умственно и физически». Врачи, которых к ней пригласили, сэр Томас Паркинсон и доктор Томас Боди, пришли к тому же выводу: ей нужна интенсивная забота и нельзя возвращаться в иракский климат. Старая подруга по Оксфорду Джанет Кортни пришла в ужас, увидев, как исхудала и поседела Гертруда по сравнению с портретом, сделанным Джоном Сингером Сарджентом в ее приезд два года назад.

Как только Гертруда поправилась настолько, что стала снова активной, ее очень заинтересовали младшие члены семьи, в особенности девятнадцатилетняя Полин, дочь Молли. Полин Тревельян через много лет вспоминала, что Гертруда всегда мерзла и носила весь день манто из чернобурки, даже в помещении летом, и на Слоун-стрит, и в Раунтоне: «Она стояла спиной к огню, курила турецкую сигарету в длинном мундштуке и говорила… о людях прошлого и настоящего, об истории, письмах, архитектуре, своих путешествиях, археологии, нашей семье – и как она предана всему, что есть дома, а больше всего – своему отцу».

Хрупкая, но горящая своим неиссякаемым энтузиазмом, Гертруда увлекла Полин в Британский музей объяснять историю ассирийской экспозиции, потом в музей Виктории и Альберта смотреть работы Констебла, зажигала племянницу собственной страстностью. Она заехала к Стэнли и пригласила недавно овдовевшую кузину Сильвию Хенли поехать с ней обратно в Ирак, потом навестила Черчиллей в Чартвелле. Когда Джанет Кортни

приехала как-то на Слоун-стрит пообедать с Беллами, Гертруда спросила, чем ей заниматься, если она останется в Англии. Джанет через несколько дней написала письмо, что ее подруга могла бы баллотироваться в парламент. Гертруда ответила:

Дорогая моя и любимая Дженни!

Нет, боюсь, никогда ты не увидишь меня в палате. У меня непобедимое отвращение к политике такого рода… Я не могу заниматься достаточно широкой областью, и мое природное желание – возвратиться на комфортабельное для меня поприще археологии и истории… Я думаю, что наверняка должна вернуться обратно на эту зиму, хотя про себя очень сомневаюсь, не станет ли она последней.

До свидания, дорогая моя…»

Имела ли она в виду последнюю зиму в Ираке – или вообще?

Примерно в это время Хью и Флоренс сказали ей то, что Гертруда боялась услышать: по финансовым причинам приходится закрыть Раунтон и переехать в маленький, хотя и красивый, домик в имении Беллов. В аббатстве Маунт-Грейс отреставрированный домик аббата стоял среди развалин старого аббатства и монастыря, глядя элегантным фасадом на невзрачный йоркширский пейзаж, но комнат в нем было не много. Понимание, что особняк Филиппа Уэбба, символ великой империи Беллов, скоро уйдет, а с ним и все вообще, наполняло эти дни ощущением безжалостности судьбы.

Незадолго до окончания ее визита Хью предложил дать в автомобильном клубе обед в честь Фейсала, который оказался в это время в Лондоне для лечения. В список приглашенных включили и Корнуоллиса, который был особенно внимателен. Он побывал в номере 95 на Слоун-стрит и проводил ее в Йоркшир с вокзала Кинг-Кросс на следующий день после этого обеда.

Гертруда уехала из Лондона в компании Сильвии и Мари, провожали ее преданные друзья, в том числе сэр Перси, Домнул и Фейсал. Обоим родителям она при отъезде направила нежные письма. Флоренс заметила: «После этого последнего визита Гертруды в Англию у нас у всех было чувство, что никогда она не радовалась так сильно нашему обществу, никогда не была так тронута и восхищена всем своим йоркширским окружением».

Глубокая любовь к отцу, которую Флоренс называла основой существования Гертруды, всегда ставила этих двоих чуть поодаль от Флоренс, хотя та запретила себе ревновать или становиться между ними любым образом. На этот раз Гертруда нашла Хью в страданиях и тревоге по поводу неудач семейного дела. Если

доктора и сказали ей конфиденциально, что интенсивное курение наконец сделало свое дело и ей остаются считаные месяцы, она могла и не поделиться этим знанием с отцом.

С другой стороны, между Гертрудой и ее мачехой в эти последние недели в Раунтоне определенно произошло что-то значительное, и связь между ними стала теснее, чем когда бы то ни было раньше. Может, Гертруда, обнаружив, что теперь ей нужны те самые поддержка и привязанность, которые она раньше, пожимая плечами, отвергала, смогла сказать Флоренс то, что не сообщила отцу. Флоренс, с тем стойким восприятием истин жизни и смерти, что свойственно опытной матери и бабушке, приняла бы откровение Гертруды спокойно и мужественно и, вероятно, поддержала бы заговор молчания – держать Хью в неведении. Они много раз разговаривали, и это изменившаяся Гертруда, снова собирающаяся в Ирак, писала Флоренс про «последнее лето» – возможно, не в одном смысле.

«Дорогая мама!

Мне так приятно думать, что тебе нравилось, когда я приходила по утрам в библиотеку [в Раунтоне], хотя я тебе ужасно мешала. Ты знаешь, такое чувство, будто я тебя раньше по-настоящему и не узнала за все эти годы. Наверное, из-за этого общего кризиса, через который мы проходим, и из-за моего огромного восхищения твоей храбростью и мудростью. Как бы там ни было, но я уверена, что никогда тебя еще так не любила, хотя любила очень сильно, и я благодарна тебе за то, что мы были вместе с тобой в это последнее лето и что для нас обеих оно было незабываемым».

В феврале 1926 года, заразившись тифом по дороге домой из Южной Африки, умер брат Гертруды Хьюго – сокрушительный удар для семьи, от которого, в частности, Флоренс вряд ли полностью оправилась. В трогательном письме Гертруды чувствуется не дающая ей покоя собственная грустная мысль. Во времена великих несчастий или опасностей она почти невольно взывала к Богу; во всех остальных случаях ее прагматический интеллект оставлял ее лицом к лицу с неуступчивым мирозданием. Флоренс, быть может, больше времени думала над этим письмом, чем Хью.

«Дорогие мои папа и мама!

Пишу вам с очень тяжелым сердцем. Так ужасно думать обо всем, через что вы прошли… у меня все мысли о Хьюго, но главное среди них то, что у него была полная жизнь. Идеальный брак, радующие дети и потом, наконец, его последняя встреча с

вами… Не знаю, были бы мы счастливее тоже, если бы думали, что нам суждено еще снова встретиться. Никогда не могла себя в этом уговорить, даже когда теряла самых дорогих мне людей. Дух без тела был бы так же странен, как тело без духа. Ощущается за ним прекрасный разум, но не тот образ человека, который мы знаем, – какие-то мелочи, жесты, улыбка, выражение этого разума. Но что толку гадать или думать, когда просто не можешь поверить в невероятное. Просто не можешь».

В Багдаде она пошла прямо на работу в офис, и тут же к ней повидаться хлынула череда людей. Два дня она совсем не могла работать. Некоторые целовали ей руки и называли «свет наших очей». Гертруда призналась родителям, будто это несколько кружит голову – она чуть не начала о себе думать, что она Личность. Но едва все успокоилось, как она снова заболела. Сильвия, к ее разочарованию, не смогла выдержать даже зимний климат Ирака и была вынуждена вернуться в Англию. Вскоре после этого Гертруда, закутанная с головы до ног и с горячей бутылкой на коленях, поехала в ледяную погоду на королевскую ферму в Ханикине на рождественскую охоту, в которой участвовал и Кен Корнуоллис. С ними отправилась и кое-какая новая мебель, которую она заказала для короля из Лондона, и весь вечер Гертруда вместе с ним переставляла эту мебель по комнате. Устав, она пошла и легла, и весь следующий день оставалась в постели. Фейсал и Корнуоллис навестили ее вечером и играли с ней в бридж на покрывале. Зайдя к ней на следующее утро, Кен немедленно вызвал телеграммой из Багдада врача. «К этому времени я мало что замечала, было только общее ощущение, что я проваливаюсь в глубокие трещины», – писала позже Гертруда. Прибыл врач с ночной сиделкой, и через двадцать четыре часа Гертруду с ее плевритом перевезли в Багдад, в больницу. Она еще болела, когда писала письмо с соболезнованием по поводу Хьюго.

Поскольку ее служебные обязанности за последние годы сократились, у нее появился новый источник работы. Это была идея короля. Еще в 1922 году до отъезда Кокса они обсуждали необходимость Закона о раскопках. «Фейсал собирается сделать меня директором древностей – потому что больше никого нет», – писала тогда Гертруда.

Первой ее работой было написать Закон о древностях, придающий нужный вес правам страны и правам раскопщика. Гертруда составила его после тщательных консультаций с властями, потому что массовый грабеж, длившийся сотни лет, очень обеднил несметное археологическое богатство Ирака.

Теперь научные экспедиции многих стран пытались реконструировать историю региона.

Начав думать о создании Иракского музея, Гертруда стала ревнива в отношении прав страны на собственное прошлое. Очень скоро она собрала богатейшую в мире коллекцию предметов, представляющих раннюю историю Ирака. Она пошла против старого друга, сэра Леонарда Вулли, бывшего шефа разведки в Порт-Саиде, который когда-то работал на раскопках в Каркемише с Лоуренсом. Сейчас он возглавлял совместную экспедицию Британского музея и Университета Пенсильвании, созданную для раскопок Ура Халдейского с его царскими гробницами, храмом и зиккуратом шумерской династии. По своей официальной должности Гертруда чувствовала себя обязанной заявить права Ирака на некую конкретную находку – знаменитую табличку со сценой доения, обнаруженную в храме. Она «разбила его сердце». «Вулли оценил ее не меньше чем в десять тысяч фунтов. Я не собираюсь сообщать это иракскому правительству, разве что оно захочет ее продать, замарав себя и меня. Золотой скарабей стоит тысячу фунтов, но Провидение (бросок монеты) отдало его мне!»

Гертруда стала организовывать небольшие археологические экспедиции с Дж. М. Уилсоном, советником по архитектуре министерства общественных работ. Эти экспедиции сперва были просто офисными экскурсиями, бледной тенью ее былых приключений. Она оживлялась, когда автомобиль застревал в канаве или когда багаж за ней не привозили, и часто не могла удержаться от того, чтобы одолжить лошадь у какого-нибудь старика в деревне и проехаться одной по окрестностям день-другой, пока Уилсон возвращался в Багдад.

В поездке в Киш – одной из многих экспедиций Оксфордского университета – Гертруда писала: «Мое единственное имущество на эту ночь состояло из куска мыла, расчески, взятой у профессора [Лэнгдона], и пижамной пары неизвестного благодетеля. Время до ужина мы провели, разглядывая их удивительные находки, а после ужина обсуждали места раскопок вавилонских древностей». Здесь она выговорила себе разрешение послать несколько красивых раскрашенных горшков в Оксфорд для исследования экспертами. Еще она получила семитскую статуэтку 2800 года до н. э. своим любимым способом – бросанием монеты.

В 1926 году Гертруда все свое внимание отдавала археологии. Проблема границы была наконец решена, договор ратифицирован иракским парламентом, и она сосредоточилась на своем следующем проекте: разместить музей в соответствующем помещении, а не в министерстве публичных работ, где он был

основан. Вавилонский Каменный зал музея был открыт королем в июне. Как всегда, взявшись за проект, Гертруда не бегала от самой черной работы. Одна или с клерком, иногда с одним офицером ВВС, оказавшимся страстным любителем археологии, она трудолюбиво каталогизировала находки из Ура и Киша. Иногда она вставала в пять утра, чтобы сделать дневную работу до полудня – жара в музее без вентиляторов бывала неодолимой.

Гертруда все еще выполняла политическую работу, все еще была неравнодушна к происходящим вокруг метаморфозам. Когда в 1925 году прибыла пограничная комиссия Лиги Наций, чтобы наконец разграничить территории Ирака и Турции, именно Гертруда принимала и вводила в курс дела ее членов. В комиссию входили выдающиеся люди из Швеции, Бельгии и Венгрии – в сопровождении, однако, турецкого чиновника и трех турецких «экспертов», – она поделилась с Доббсом своими опасениями, что это эксперты по интригам и запугиваниям. Доклад комиссии был должным образом опубликован. В нем рекомендовалось, чтобы весь Мосульский вилайет полностью отошел к Ираку при условии, что новый договор продлит партнерство Британии с Ираком еще на двадцать пять лет. Обе стороны согласились на это, надеясь, что Ирак станет полноправным членом Лиги Наций задолго до истечения данного срока. Тем временем турки возобновили свои зверства против ассирийцев и напали на тысячи курдских сторонников независимости.

Было демократически выбрано Учредительное собрание, сформулирован и принят Основной закон, или Конституция. Создан был избирательный закон, и легитимные политические партии могли принять участие в выборе первого парламента. Фейсала заверили насчет британской финансовой помощи, достаточной для создания эффективных сил обороны, началось голосование, и результаты ожидались в июне. 16 июля Фейсал должен был провести инаугурацию первого по-настоящему демократического правительства Ирака. И в качестве достойного заключения для этой главы британский посол в Константинополе, работая в контакте с турками, сумел заключить трехсторонний договор между Британией, Турцией и Ираком, дающий определенную надежду на постоянный мир на границах.

Настало время праздновать. 25 июня 1926 года король дал государственный банкет, отмечающий подписание договора, и на этом банкете выразил свою глубокую благодарность британскому правительству и его представителям за все, что они сделали для Ирака. Генри Доббс потом писал: «Среди гостей на этом банкете выделялась мисс Гертруда Белл, заметно разделяющая общую радость поздравлений, отмечавших первый этап существования

Ирака. Это было последнее официальное мероприятие, на котором она присутствовала».

Хотя письма к родителям показывают ее более глубокие и менее позитивные чувства в этот период, Гертруда оставалась все той же воодушевленной и энергичной женщиной, какой была всегда. Ранней весной на уик-энд приехала Вита Сэквилл-Уэст. В написанной после этого книге «Пассажир в Тегеран» она оставила энергичное описание Гертруды и ее домашнего уклада.

Чтобы посетить дом Гертруды, Вита пробралась через «нагромождение пыльного хлама» жалких строений и какое-то болото…

Потом: «Дверь в пустой стене… скрип петель, широко улыбающийся слуга, собачья суета, вид садовой дорожки, обсаженной гвоздиками в вазах, в конце тропы маленькая веранда и низкий приземистый дом, и английский голос – Гертруда Белл… Здесь она на своем месте, в своем доме, с офисом в городе, и в углу сада ее белый пони, и слуги-арабы, и английские книжки, и вавилонские безделушки на каминной полке, и длинный тонкий нос, и неотразимая живость. В минуту испарились мое одиночество и отчаяние… Неожиданно для себя я впервые за десять дней засмеялась. Сад был маленький, но прохладный и дружелюбный, спаниель вилял не только хвостом, но и всем телом, пони смотрел поверх открытой двери стойла и тихо ржал, ручная куропатка прыгала по веранде, какие-то местные дети играли в углу, время от времени пристально глядя на нас и улыбаясь… Мне завтрак сперва или ванну? И не хочу ли я посмотреть ее музей? Знаю ли я, что она – директор древностей в Ираке? И не хочу ли я пойти на чай к королю?.. И ей пора в офис, но к ленчу она вернется. Да, и будут еще люди, и вот так, за разговорами и смехом она приколола шляпку, не глядя в зеркало, и отбыла».

У Гертруды, писала она, имелся дар вдруг пробудить в человеке интерес к жизни, заставить почувствовать, что жизнь полна, богата и разнообразна, и ясно, что, каково бы ни было состояние ее здоровья, что бы ни было у нее на уме, она решительно отказывалась ныть и жаловаться. Она говорила так, будто они вдвоем осенью могли бы посетить Ктесифон.

Работая в музее, Гертруда обдумывала свое существование, недостаточность своего дохода в случае отставки, потерю всех тех друзей, что уже уехали из Ирака. Она писала Хью:

«Думаю, крайне маловероятно, что я смогу позволить себе вернуться этим летом – это очень дорогое удовольствие. Как-то не очень понятно мне мое место в мире. Совершенно не вижу, что я буду делать, но, конечно же, я не могу оставаться здесь вечно. На

службе здесь во мне нет никакой необходимости…

Но мое существование тут слишком одиноко, а невозможно всегда быть одинокой. По крайней мере у меня такое чувство, что для меня невозможно.

По вечерам, после чая, время тянется тяжело».

В воскресенье, 11 июля, после обычного полуденного плавания, она вернулась домой изможденная жарой и легла, попросив разбудить ее в шесть утра или, возможно, не беспокоить до этого времени. Может, она что-то необычное сказала Мари, или у нее снова был больной вид. Как бы там ни было, Мари забеспокоилась и заглянула к ней ночью. Гертруда спала, рядом с ней стоял флакон таблеток. Были ли явные признаки самоубийства, был ли флакон пуст, обратилась ли Мари сразу в больницу – неизвестно. Но известно, что за день до того Гертруда написала записку Кену Корнуоллису, прося приглядеть за ее собакой Тундрой, «если с ней что-нибудь случится».

За несколько лет до того Гертруда говорила Домнулу, что смерть перестала быть для нее пугающей, лишилась своего жала. «Я думаю… на что это будет похоже потом, если вообще есть какое-то “потом”», – сказала она. Теперь она снова отбыла в неизвестное, и на сей раз не вернулась.

В свидетельстве о смерти, выписанном директором королевской больницы в Багдаде, неким доктором Данлопом, сказано, что Гертруда умерла от «отравления диалом». «Диал» – название препарата диаллибарбитуровой кислоты, или аллобарбитала, в то время используемого как седативное средство и впоследствии выведенного из употребления из-за частого использования в попытках самоубийства. Данлоп пишет, что смерть наступила в ранние часы 12 июля. За пару дней до ее пятьдесят восьмого дня рождения.

Корнуоллис не взял на себя заботу о Тундре. Но, видимо, Флоренс и Хью попросили Мари организовать пересылку собаки. Она прибыла в Маунт-Грейс, а вскоре Беллы получили покаянное письмо от Корнуоллиса с объяснением, что он был нездоров в момент смерти Гертруды и лишь потом понял значение записки, которую она ему послала.

В своих «Письмах» Флоренс писала, что смерть Гертруды вызвала «огромный поток скорби и сочувствия со всех концов света, и мы снова поняли, что ее имя знают на всех континентах, что история ее жизни перелетела через все моря». Вместо той Гертруды, которую знала ее семья, возникала личность из легенд. Одно из первых писем пришло из Ирака от ее друга Хаджи Наджи, который писал: «Для меня заповедью было посылать мисс Белл первые фрукты и овощи из моего сада, и я не знаю, кому я

буду посылать их теперь».

Георг Пятый написал так:

«Мы с королевой с горечью узнали о смерти вашей достойной и талантливой дочери, которую высоко ценили. Страна вместе с нами будет оплакивать потерю той, кто благодаря незаурядному уму, силе характера и личной храбрости стала играть важную роль в мировых событиях на благо своей страны и тех регионов, где она работала с такой преданностью и таким самопожертвованием…»

Секретарь по делам колоний Лео Эмери отдал ей редкую дань выступлением в палате общин. Сэр Валентайн Чирол воспроизвел ее трогательный портрет для «Таймс». Лоуренс написал блестящее, хотя и характерно своенравное письмо Хью из Индии. В поисках анонимности и уединения он записался в ВВС как рядовой авиации Шоу и получил назначение далеко в поле, возле Карачи. Он не знал о смерти Гертруды, пока жена Бернарда Шоу не прислала ему компиляцию, составленную Флоренс из ее писем. Он написал:

«Я думаю, она была очень счастлива в смерти, потому что ее политическая работа – одна из величайших вещей, которые приходилось когда-либо делать женщине – была закончена вовремя. Государство Ирак – прекрасный памятник, даже если он продержится еще несколько лет, как я часто опасаюсь и иногда надеюсь. Мне кажется, что слишком сомнительно это благо – правительство – чтобы давать его людям, которые издавна обходились без него. Конечно, это для вас теперь несчастье – что у вас больше нет Гертруды, но опять же – она не принадлежала вам на самом деле, хотя давала вам так много.

Ее письма – это в точности она сама: энергичная, заинтересованная, почти восторженная, всегда об окружающих людях и событиях. Она сохраняла вечную свежесть – или по крайней мере, как бы ни была велика ее усталость, всегда могла найти достаточно интереса для всех, кто к ней приходил. Вряд ли когда-нибудь я знал человека настолько полностью цивилизованного – в смысле широты интеллектуального восприятия. И она сама вызывала интерес, потому что никогда нельзя было знать, насколько далеко и в каком направлении она прыгнет под влиянием какого-нибудь сильного специалиста, который обратит ее взгляд в этом направлении. Мы с ней часто над этим вместе смеялись – потому что я сохранил два ее письма, в одном из которых был описан ангелом, а во втором обвинялся в том, что одержим дьяволом, – и я показывал ей сперва одно, а потом другое, уговаривая ее проявить милость к теперешним предметам ее неприязни…

…Ее утрата должна быть почти невыносимой, но я очень благодарен вам за то, что вы дали миру такого человека…»

Свои соболезнования выразили Дэвид Хогарт, Саломон Рейнах, издатель «Ревью Археолоджик», Леонард Вулли из Британского музея и сотни шейхов, британских офицеров и иракских министров. В Багдаде король Фейсал и его кабинет выделили в музее «Зал Гертруды Белл», а Генри Доббс написал от имени ее друзей, что они заказали мемориальную доску для установки в Иракском музее:

ГЕРТРУДА БЕЛЛ,
чью память арабы всегда будут хранить
с почтением и нежностью,
создала этот музей в 1923 году,
будучи почетным директором древностей Ирака.
С удивительными знаниями и преданностью делу
она собрала самые драгоценные предметы в стране
и в самую жару лета
работала над ними до дня своей смерти
12 июля 1926 года.
Король Фейсал и правительство Ирака
в благодарность за ее великие дела для страны
решили, что главное крыло будет носить ее имя,
и с их разрешения
ее друзья установили эту доску.

В момент смерти Гертруды Фейсала в Ираке не было, обязанности регента исполнял эмир Али. Он немедленно распорядился организовать ей военные похороны. В тот же день ее погребли на кладбище рядом с Багдадом. Ее тело было отвезено в «Автомобиле службы здоровья» на Британское кладбище из протестантской церкви, гроб ее был покрыт британским флагом и флагом Ирака и убран венками от семьи Фейсала, от британского верховного комиссара и многих других. Кортеж медленно ехал по улицам, где выстроились солдаты иракской армии, и за ним пешком шли регент, премьер-министр, верховный комиссар и другие официальные лица, гражданские и военные. Огромные толпы собрались со всей страны посмотреть, как проезжает ее гроб, и отдать ей молчаливую дань почтения – исламские лидеры рядом с еврейскими купцами, эфенди рядом с оборванными бедняками. В газетах сообщалось, что «в похоронной процессии участвовало все население столицы». В воротах кладбища молодые люди из верховного комиссариата, не скрывая горя, на плечах отнесли гроб к месту последнего покоя. Капеллан английской армии отслужил заупокойную службу, и старшие британские чиновники бросили по горсти земли. В

окружении «большого скопления иракцев и англичан» – в том числе сэра Генри Доббса и всего британского персонала, иракского кабинета и шейхов многих племен – гроб опустили в простую каменную гробницу. С обычной загадочной быстротой весть разлетелась по пустыне, и племена шли в Багдад весь день: сначала ховейтат и дулаим, потом шейхи из ближних и дальних племен.

– Она последние десять лет своей жизни, – сказал Доббс, – посвятила всю неукротимую горячность своего духа и все удивительные способности ума служению арабскому делу, особенно Ираку. И в конце концов ее тело, такое хрупкое, было сокрушено энергией ее души.

Ее кости лежат там, где она и хотела, – в земле Ирака. Ее друзья осиротели.

В передовице «Таймс» говорилось о ее работоспособности:

«Какая-то сила связывала ее любовь к Востоку с практической целью, которая стала доминантной ее задачей… Она выдерживала рутину, никогда не отчаивалась из-за постоянных разочарований и никогда не позволяла собственному идеализму перейти в брюзжание, демонстрировала силу характера поистине редкую среди тех англичан, для которых Восток стал страстью. Она была единственной выделяющейся женщиной среди них, и ее достоинства – свойства чистейшего английского характера».

Во многих некрологах отдавалось должное тому факту, что Ирак благодаря Гертруде управлялся сейчас лучше, чем последние пятьсот лет: стал спокойнее, зажиточнее и куда довольнее, что британцы и арабы работали вместе в дружеском сотрудничестве. Некролог в «Таймс оф Индия» содержал мастерски составленное резюме ее характера и работы. Британцы ценили ее как писателя, путешественника и археолога, говорилось в этом некрологе, но до конца не замечали «удивительное положение, которое она создала себе в Ираке, положение, которое возложило на нее ответственность более, чем на кого бы то ни было, за то, каким будет Ирак, который мы видим сегодня». Признавая, что некоторые охотно критиковали ее саму, ее цели и методы, автор пишет:

«Такая яркая личность вряд ли могла не иметь врагов… Под стать почти страстному увлечению, которое она возбуждала в своем ближнем кругу, была та враждебность со стороны тех, от кого она сильно отличалась. С чужим человеком – в особенности, может, с посторонним журналистом – она была небрежна и даже груба.

Ее великим достижением стало создание свободного, процветающего и культурного Ирака как главного направления

воссоздания арабской культуры и цивилизации… Это Гертруда изо дня в день отстаивала предоставление Ираку той меры локальной автономии, которая была совместима с британским контролем над страной – не… ради целесообразности, но ради естественного права арабской расы на свое “место под солнцем”.

Она убедила британское правительство пойти на финансовые риски в Ираке и уверила местных иракских лидеров, что это им на пользу и что к прежним колониальным методам возврата не будет».

В «Таймс» Чирол писал в некрологе: «Со всеми теми качествами, которые обычно описываются как мужские, она сочетала обаяние утонченной женственности и – хотя это видели лишь немногие близкие – глубины нежной и даже страстной привязанности». Для тех, кто больше других любил Гертруду, незабываемыми оставались куда более ранние слова Флоренс: «На самом деле истинной основой натуры Гертруды была ее способность к глубоким эмоциям. Великие радости случались в ее жизни и великие скорби тоже. Как могло быть иначе при таком темпераменте, таком жадном к жизни? Ее яркая магнетическая личность втягивала в свою жизнь тех, мимо которых она проходила».

Хью и Флоренс, склоняясь под ударами судьбы, переехали к Морису в Маунт-Грейс, а Раунтон остался стоять пустым под ветрами с пустошей.

В свое время придет неумолимое разрушение этого живописного дома, ставшего слишком большим и величественным для Беллов. И очень скоро хруст железа по кафелю и камню навеки заглушит колокольчики Раунтона, что отбивали четверти часа на конюшне, и превратится в щебень арочная галерея, где решались иностранные дела и гости ели в полночь яичницу с ветчиной. Дохлые мухи будут валяться в пустом кабинете, где когда-то Гертруда и профессор Рамсей работали над «Тысячью и одной церковью». За разбитыми окнами зарастет снова лесом созданный Гертрудой сад камней; пруд, где катались на коньках дети, покроется тиной и заболотится; не станет видно за сорняками теннисного корта.

Загуляют по столовой вихри сквозняка, колебля гобелен Морриса и Берн-Джонса «Роман о розе» – аллегория о любящем рыцаре, преодолевающем все опасности, все препятствия и сомнения, чтобы наконец соединиться с недостижимой до того розой. А наверху отсыревшие обои отстанут от стен комнаты, где когда-то лежали Гертруда и Дик Даути-Уайли, держась за руки в темноте.

Благодарности

Когда только зарождалась идея этой книги, Валери Пэйкенхэм, бывшая коллега и давний мой друг, сказала мне: «Ты должна ее написать». Саймон Тревин из «Питерс Фрейзер энд Данлоп» тоже настойчиво меня к этому побуждал. Нам необыкновенно повезло, что Джорджина Морла организовала поддержку Макмиллана в Лондоне и курировала нас с неослабевающим энтузиазмом. Она приспособилась к этому несколько необычному стилю биографии и вместе с Сарой Кричтон из «Фаррар Страус и Джиру» в Нью-Йорке мастерски ее отредактировала. Когда я в первый раз писала о Гертруде Белл для «Санди таймс», мне помогла Лесли Гордон, архивистка библиотеки Робинсона в Университете Ньюкасла-на-Тайне и хранительница архива Гертруды Белл. Судя по всему, она посвятила жизнь ее памяти, написав справочник и доставив материалы для выставки Британского совета, посвященного Гертруде, в 1994 году. Писатели и историки должны быть вечно ей благодарны за ее «проект Гертруда Белл», в рамках которого Лесли собрала средства для выкладывания в Интернет дневников Гертруды, ее писем и семи тысяч фотографий.

Когда мы написали ей о книге, выяснилось, к несчастью, что Лесли умерла. Тем не менее мы воспользовались ее помощью даже с того света: ее выставочная брошюра «Гертруда Белл. 1868–1926» – лучший краткий справочник, который только можно найти.

Возможность поиска оригинальных документов была нам предоставлена терпеливыми архивистами и библиотекарями Библиотеки Робинсона: Хелен Аркрайт, Мелани Вуд, Элен Арчболд, Фрэнком Эддисоном и Аланом Каллендером. Эрудит Джим Кроу с исторического факультета Университета Ньюкасла – тоже поклонник Гертруды – помог нам выбрать самое существенное из вклада Гертруды в археологию и фотографию. В совсем другой области нам помогли Ивонн Сибборлд из Альпийского клуба и скалолаз Майкл Уэстмекотт, любезно просмотревшие главу о восхождениях Гертруды – тот аспект книги, где важны детали вроде полок, каминов, карнизов и гребней, упоминаемых Гертрудой. Мы в долгу у Тимоти Донта, нашего гида по галлиполийской кампании, и у Патрисии Донт, прошедшей по следам Гертруды в тех местах Анатолии, которые она изучала и любила.

Гвен Хауэлл прочла все главы в их первоначальном виде, очень точно их прокомментировала и нашла тексты,

ускользнувшие от внимания профессиональных исследователей. Том Бюлер поделился с нами тонкостями процесса создания книги и оказал большое влияние на характер повествования. Шарлотта Стаффорд с ее ясным пониманием образа книги тоже вела нас с самого начала. Дэниел Бэйли внес свой вклад в наши исходные разговоры насчет написания книги о Гертруде и два года оказывал поддержку, ободряя и одобряя нас, и вдобавок отвечал на все вопросы о военных чинах и военной практике. Элис Уиттли также проявляла живейший интерес и все время предлагала свои идеи.

Критики Гертруды скоры на сомнения в ее демократических успехах. Мы надеемся, что опровергли их мнения, но ее приверженность кампании против права голоса у женщин трудно постичь сто лет спустя. По обеим этим темам нам дала отлично подобранные тексты Джоанна Морритт.

Пол Майлс поместил планировку сада Гертруды в Йоркшире в контекст поствикторианского дизайна и объяснил мифы и легенды, связанные с мандрагорой.

Бродя по заросшим развалинам дома Беллов Раунтон-Грейндж, мы случайно встретили внучатого племянника Гертруды Боба Ричмонда и его отца Майлса. Их помощь, в тот момент и впоследствии, стала весьма существенной. Сусанна Ричмонд, дочь Эльзы – сводной сестры Гертруды, одно время жила с родителями Гертруды Хью и Флоренс. Своими воспоминаниями и критическими вопросами она дала нам много пищи для размышлений. Сусанна все еще читает лекции о своей тетке и помнит волшебный момент эмоционального единства с ней во время ее последнего приезда в Англию. Мы получили огромное удовольствие от посещения Патрисии Дженнигс, племянницы Гертруды, вспоминающей ее с почтением. У себя дома в имении Тревельян в графстве Дерхем она показывала мне семейные альбомы и ливанский кедр, который Гертруда привезла в виде семечка и посадила на лужайке перед домом.

Сэр Джон и леди Вениция Белл, вместе возделывающие йоркширскую землю, приобретенную прадедом Гертруды, крайне любезно показали нам фотографии и памятные сувениры. Мы особенно благодарны Вениции за комментарии, фотографии и разрешение на публикацию. Доктор Уильям Плоуден любезно сообщил нам множество случаев из жизни леди Флоренс Белл и предоставил ее ценную неопубликованную биографию. Мы также благодарны за контакты, которыми снабдил нас Ник Вестер.

Еще мы хотели бы отдельно поблагодарить следующих лиц: Джейн Малвэг и Энтони Бурна – за чудесное гостеприимство и рекомендации, Анн-Франсуаз Норман – за историческую картину

Ирака, Мартина Брауна, секретаря приходского совета Раунтона, – за фотографии, Терри Хака, показавшего нам фестивальные выставки Раунтона. Малькольм Хэмлин из фирмы «Эдмунд Карр» заслужил нашу благодарность профессиональными консультациями в течение всей работы над проектом. Когда мы жили в доме детства Гертруды «Ред-Барнс», где теперь отель, его владелец Мартин Купер разрешил нам полазить по погребам и чердакам, где когда-то играла Гертруда. Когда мы исследовали литейное производство Беллов в Кларенсе в Миддлсборо, Грэхем Беннет из «Бридж Мюзеум» показал нам оригинальную киносъемку сэра Хью и леди Флоренс на открытии моста Транспортер-Бридж.

Мы благодарны миссис Джейн Хоган из библиотеки Даремского университета, которая предоставила нам важные письма от Гертруды к Валентайну Чиролу. Джиллиан Робинсон из Имперского музея войны помог нам найти последнее письмо подполковника Даути-Уайли, где он писал о своей жене.

Миссис Абу Хусейни из Национального архива, Джуди Хантон из публичной библиотеки Редкара, Брэнна Митчел с «Тайн Тиис телевижн», Дайана Райт из литературного и философского общества в Ньюкасле, Дэвид Спунер из секретариата кабинета министров, Джулия Каррингтон из Королевского географического общества и Хелен Паг из Красного Креста – все они заслужили нашу большую благодарность за помощь. Джессика Стюарт из Беркли, Калифорния, оказала нам огромную услугу, предоставив свою расшифровку многих едва различимых рукописных текстов Гертруды из архива «Белл. Разное» библиотеки Робинсон. Исследователь Анита Бердетт, специалист по Ближнему Востоку, разыскивала записи в Национальном архиве, Женской библиотеке, в архивах Красного Креста и Имперском музее войны.

За помощь и предложения мы благодарим редактора Джорджину Диффорд и Кейт Харви из «Макмиллана», Зою Пагнамента из «ПдФ», нашего агента в Нью-Йорке, и Клер Джилл и Эмили Скляр из «ПдФ» в Лондоне. Спасибо Эмме Грей за дизайн обложки.

Среди многих друзей в мире книг, что вдохновляли нас идеями и критикой, мы особенно благодарим Виргинию Айронсайд, Джонатана Мантла, Жана Мура и Никки Хессенберга. Фиона Маккарти пояснила нам ссылку Гертруды на байроновского гуся. Рефлексии в характере Гертруды дали нам неистощимую тему для дискуссий с Бетти Во-долл. Питер и Антея Пембертон подогревали наше трудолюбие своим постоянным интересом, а иногда и критикой за то, что книгу мы пишем не на

спине верблюда.

notes

Примечания

1

А – А вот, собравшись на Рождество,
Б – Боимся мы как огня
В – Властного сурового Патера.

2

Тот самый Томас Кьюбитт, который перестроил для королевы Виктории и принца Альберта замок Осборн на острове Уайт.

3

Répondez s’il vous plaît – ответьте, пожалуйста (фр.).

4

Учился я круглые сутки,
На тройку старался я жутко.
А эта вот рыжая,
Такая бесстыжая,
Пятерки брала ради шутки.

5

Мне кажется, мсье, вы недопонимаете дух немецкого народа (фр.).

6

Я не оставлю поисков, пока не осуществится мое желание,
Пока душа моя либо достигнет возлюбленной, либо расстанется с телом.
Я не могу вечно брать новых друзей, как делают вероломные,
Я у ее порога, пока душа не расстанется с телом.

7

Я не оставлю желания, пока оно не исполнится.
Пусть или мои уста коснутся алых уст моей любимой,
Или пусть душа моя испарится вздохом из этих губ,
Что тщетно искали ее губы.
Пусть другие находят новую любовь и считают себя верными —
Я сложил голову на ее пороге.

8

Но когда встретятся грустные любовники и скажут свои печали,
Имя Хафиза произнесут не без восхваления,
Не без слезы в тех бледных собраниях,
Где забыта радость и исчезла надежда.

9

Добрым казался мир мне, не могущему остаться,
Ветер смерти, который смел мои надежды…
Свет очей моих и жатва моего сердца,
Мой хотя бы в неизменной памяти!
Ах, когда ему так легко оказалось уйти,
Он оставил мне дорогу потруднее!
О Погонщик верблюдов,
Во имя Бога помоги мне поднять упавшую ношу,
И да будет моим спутником Жалость!

10

Резиденция архиепископа Кентерберийского, главы англиканской церкви.

11

Самое лучшее место на земле – на спине быстрого коня,
А самый лучший из хороших товарищей – книга.

12

Cheval Rouge – Красная Лошадь (фр.).

13

Идите, мадемуазель (фр.).

14

Меж пройден (фр.)

15

В России принято название «Ближний Восток».

16

Гравер Генрих Киперт из Веймара был весьма известен в середине XIX века своими точными картами.

17

Тераи – фетровая шляпа с широкими полями, часто с двойной тульей, ее носили белые в субтропиках (Тераи – название пояса болотистых джунглей между подножием Гималаев и равнинами).

18

Турецкое почтительное обращение к правительственным чиновникам и людям ученых профессий, обязательно – мужчинам.

19

В одном из своих путешествий лорд Байрон купил для пропитания двух гусей. Но так и не смог отдать приказа их убить, так что привез их домой, где они провели остаток жизни.

20

Герой известного британского комедийного сериала «Дживс и Вустер», находчивый и эрудированный камердинер. – Примеч. пер.

21

Наугад выбранный пример ее записи после посещения в 1909 году Константинополя: «К падению Кямиля. Это было совершенно неконституционно: Кямиль померился силами с Комитетом и потерпел поражение. Насколько знает сэр А., 13 ап. произошло прежде всего из-за либералов – большая вина лежит на Исмаиле Кемале, он не оправдал ожиданий. Не так уж невероятно, что они сами основали или помогли основать мухаммадийский комитет». – Примеч. авт.

22

Майлз Ричмонд, последний из живущих там членов семьи, ничего ни о каких призраках в доме не знает.

23

Развалины на равнине Белка, вблизи города Ас-Сальт.

Ах, когда ему так легко оказалось уйти,
Он оставил мне дорогу потруднее!
О Погонщик Верблюдов,
Во имя Бога помоги мне поднять упавшую ношу,
И да будет моим спутником Жалость!

Сын Сауда (араб.). – Примеч. пер.

Он здесь будет называться «другой дневник».

По Фаренгейту (примерно 60° по Цельсию).

28

Перевод Виктора Лунина. «Иностранная литература». 2001, № 6.

29

Турецкое название административной единицы.

30

По Фаренгейту, примерно 38° по Цельсию.

31

По Фаренгейту, примерно 42° по Цельсию.

32

С лишним (фр).

33

По Фаренгейту, примерно 49° по Цельсию.

По Фаренгейту, примерно 49° по Цельсию.

35

Не без труда (фр.).

36

По Фаренгейту, примерно 46° по Цельсию.

37

Султаны Константинополя в XVIII веке присвоили себе роль халифов.

38

Согласно Рональду Бодли, двоюродному брату Гертруды, который в сороковых годах XX века написал ее биографию.

39

По Фаренгейту, примерно 46° по Цельсию.

40

Под впечатлением (фр.).

41

Название, под которым была известна тогда секта Ибн Сауда – ваххабиты.